

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сборник научных работ
по материалам международной
научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора юридических наук,
профессора Н.А. Барина

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*Сборник научных работ по материалам
международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора юридических наук, профессора
Н.А. Барина*

(г. Саратов, 25 февраля 2022 г.)

Саратов
2022

УДК 347
ББК 67
П71

Редакционная коллегия:
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ,
член-корреспондент Российской академии наук,
заведующий сектором гражданского и предпринимательского
права Института государства и права РАН
А.В. Габов (отв. ред.);
д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданского права СГЮА
С.Ж. Соловых;
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права СГЮА
О.Н. Ермолова

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова
А.Е. Шерстобитов;
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского, трудового
и корпоративного права РАНХиГС при Президенте РФ
Ю.Г. Лескова

П71 Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации : сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Н.А. Баринова (г. Саратов, 25 февраля 2022 г.) / [отв. ред. А.В. Габов]; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. – 412 с.

ISBN 978-5-7924-1890-5

В сборник вошли материалы докладов участников международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации», посвященной 100-летию со дня рождения видного представителя Саратовской школы цивилистики доктора юридических наук, профессора Н.А. Баринова (г. Саратов, 25 февраля 2022 г.).

Для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов, научных и практических работников, а также всех интересующихся проблемами частного права, гражданского и арбитражного процесса.

УДК 347
ББК 67

ISBN 978-5-7924-1890-5

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Соловых С.Ж. Н.А. Баринов – видный представитель саратовской школы права.	11
Барков А.В., Гришина Я.С. Научная школа Н.А. Баринова «Обеспечение и защита имущественных интересов (потребностей) и прав граждан и их объединений» как методологическая база перспективных исследований: к 100-летию Учителя.	14
Исаенкова О.В. Аргументы Н.А. Баринова в пользу принятия Единого гражданского процессуального кодекса и современное понимание «комфортной» юрисдикции	23
Лебедев К.К. Николай Алексеевич Баринов как личность и как ученый. Значение трудов профессора Н.А. Баринова для понимания соотношения гражданского и предпринимательского (коммерческого) права (краткий очерк).	29
Ларина Л.К. Преданный выпускник любимой Лукновской школы.	32
Раздел 1 ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	
Долинская В.В. Правовая и социальная проблематика потребностей в современном обществе	34
Амельченя Ю.А. Подходы к определению контракта жизненного цикла.	42
Бакиновская О.А. Перспективы развития общих положений о заключении договора в свете корректировки Гражданского кодекса Республики Беларусь	48
Быкова Т.А. Тенденция развития и защиты прав потребителей в сфере туристских услуг.	56

ВАСЬКЕВИЧ В.П. Нематериальные права профессиональных спортсменов, связанные с личной жизнью и предопределенные возникновением результатов интеллектуальной собственности	63
Гирвиц А.В. К вопросу о способах компенсации морального вреда, причиненного деловой репутации	70
Данилова Л.Я. Защита прав пациентов при оказании медицинской помощи с применением интернет-ресурсов	74
Кавелина Н.Ю. Гарантийный срок в строительном подряде	80
Максимов В.А. «Противоправность» и «вина» как основания и условия компенсации морального вреда	84
Поваров Ю.С. Вопросы логичности и актуальности концепта относительной недействительности сделки	87
Савенко Н.Е. Договорное регулирование отношений между самозанятыми физическими лицами и гражданами-потребителями в целях удовлетворения имущественных потребностей	94
Стёпин А.Б. Презупция виновности в условиях защиты гражданских прав в административном порядке: вопросы теории и практики	102
Строкова О.Г. Понятие и особенности договора строительного подряда	108
Халбаева Т.Н. Практические проблемы автомобильной перевозки грузов с участием экспедитора	114
Беркасова Ю.А. Понятие «недобросовестное заимствование» в контексте применения систем оценки уникальности авторского текста	119

Былинкина Ю.С.	
Обязательное и добровольное страхование в российском праве	125
Кузина С.В.	
Признание памятника культурного наследия аварийным объектом	130
Щепанский Р.А.	
Отдельные проблемы качества оказания медицинских услуг	135
Раздел 2 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ	
Демиева А.Г.	
Проблема оценки экономики «отдельного человека» для применения специального регулирования активной экономической деятельности	141
Камышанский В.П.	
Майнинг и криптовалюта в российском праве: запретить или ограничить?	146
Рыженков А.Я., Федорова П.А.	
О месте корпоративных отношений в предмете гражданского права	150
Агibalова Е.Н.	
К вопросу о наследовании бизнеса	160
Бакунин С.Н., Тарарышкина И.С.	
Имущественный интерес в механизме реализации цифровых прав	168
Гатаулина Л.Ф.	
Торги в эпоху цифровизации	174
Ермолова О.Н.	
О понимании предпринимательского права	178
Зайцева Ю.А.	
Формирование конкурсной массы должника гражданина в эпоху цифровизации	185

Инжиева Б.Б.

О противоречивости правового режима цифровых объектов
в гражданском обороте. 190

Козлова М.Ю.

Цифровизация в юридической профессии. 194

Колодуб Г.В., Мальбин Д.А.

Условие отказа в возврате доли участия в корпорации
как дефект элемента системы гражданско-правового
регулирования корпоративных отношений 199

Лосев С.С.

Влияние цифровых технологий на развитие институтов
права интеллектуальной собственности Беларуси 204

Мичурина Е.А.

К вопросу о разграничении форм кредитования. 212

Муравьева Е.В.

Проблемы защиты прав и интересов
умерших владельцев цифровых активов 219

Новиков М.В.

Злоупотребление цифровыми правами 223

Васильчук Т.И.

Заключение и исполнение договоров
между предпринимателями в эпоху цифровизации 229

Толочкова И.А.

Правовое регулирование предпринимательской
деятельности в сфере образования при использовании
сети Интернет 234

Аитова Ю.Ф.

Правовой статус единоличного исполнительного органа
хозяйственного общества 237

Раздел 3

**ЗАЩИТА ПРАВ В СЕМЕЙНЫХ И ЖИЛИЩНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Ситкова О.Ю.

Осуществление защиты семейных ценностей
в качестве нематериального блага,
составляющего содержание семейного интереса. 243

Богданов О.В. Компенсация добросовестному приобретателю за утрату им жилого помещения	250
Ладочкина Л.В., Хмелева Т.И. Некоторые вопросы предоставления жилья детям-сиротам и приравненным к ним лицам	253
Перепелкина Н.В. Брачный договор: место в классификации сделок	260
Саенко Л.В. Теория институционализации семейного права в преломлении методической составляющей доктрины имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения Н.А. Барина	264
Кондрашова М.А. Правовые аспекты исследования категории «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей»	268
Манько О.В. Некоторые вопросы судебной практики по разрешению споров, связанных с наймом государственного и муниципального жилья	274
Раздел 4 ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ	
Соловых С.Ж. Механизм прекращения прав ликвидированных юридических лиц: процессуально-правовой аспект	278
Артебякина Н.А. Отдельные проблемы применения онлайн-технологий в арбитражном судопроизводстве (на примере Арбитражного суда Ульяновской области)	289
Бахарева О.А. Правовые основы использования электронных документов в гражданском судопроизводстве	295
Волчихина Л.А. Некоторые особенности содержания искового заявления в гражданском судопроизводстве	300

Золотухин А.Д. Некоторые особенности современной процессуальной формы судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве	305
Кайль Я.Я. Использование в гражданском процессе доказательств, содержащихся на цифровых носителях	313
Кухарева О.А., Юсупова А.Н. Преимущества процедуры медиации при урегулировании споров между субъектами предпринимательской деятельности	319
Магомедова К.К. Использование системы видео-конференц-связи при осуществлении правосудия по гражданским делам	324
Ткачева Н.Н. Некоторые вопросы доступности судебной защиты в условиях пандемии	328
Филимонова М.В. Ознакомление с протоколом судебного заседания посредством электронного документооборота в гражданском судопроизводстве.	332
Яковлева А.П. Реализация права на обращение в суд в условиях цифровизации судопроизводства.	335
Чумикова Т.В. Процессуальные нормы в эпоху цифровизации	340
 Раздел 5 Трибуна Молодого Ученого	
Камин А.В. Отдельные принципы осуществления корпоративных прав	345
Михайлова Д.В. Укрепление интеллектуальных прав посредством системы государственной регистрации	353
Очкина А.А. Отдельные нарушения прав отцовства в РФ	358

Энговатова К.О.	
Понятие контролирующего лица хозяйственного общества	364
Андрианова М.В.	
Особенности исследования доказательств в судебном заседании по гражданскому делу с использованием системы веб-конференции	370
Балахтина С.В.	
Некоторые проблемы правовой определенности гражданско-процессуальных отношений на уровне законодательного регулирования	375
Беспалова В.Р.	
Участие в судебном заседании по гражданскому делу путем использования системы веб-конференции: проблемы и противоречия.	379
Гулиев Г.И.	
Проблемные аспекты рассмотрения спортивных споров с участием переводчика	383
Куликова А.Ю.	
Влияние цифровизации российского судопроизводства на доступность правосудия и качество его осуществления ...	386
Тузко Н.Н.	
Влияние цифровизации на судебную защиту от диффамации	392
Ширяева К.А.	
Влияние цифровизации на добросовестность сторон в гражданском процессе.	397
Раздел 6 ИЗ ФОТОАРХИВОВ СГЮА И УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ.	403

Я – солдат Отечественной войны, ветеран борьбы за законность, педагог по сути и призванию и слуга юридической науки.

Н.А. Баринов

С.Ж. Соловых,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

Н.А. БАРИНОВ – ВИДНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

Николай Алексеевич Баринов – один из наиболее ярких представителей саратовской правовой школы, известный ученый в области гражданского и предпринимательского права, а также гражданского процесса, основоположник цивилистического учения об имущественных потребностях.

Сегодня, когда с момента опубликования первых работ Н.А. Баринова прошло более полувека, все более ясным становится тот неопределимый вклад, который он внес в развитие науки гражданского и предпринимательского права в целом и в развитие саратовской правовой школы в частности.

Сложно переоценить плодотворность общественной, научной и педагогической деятельности профессора Н.А. Баринова. Им опубликовано более 100 научных работ, статей, рецензий по основным проблемам гражданского и предпринимательского права. Его работа «Цивилистическое учение о потребностях: вопросы теории и практики» и иные его научные труды заложили основы для последующих исследований в области права.

Николай Алексеевич Баринов родился 25 февраля 1922 г. в с. Шаховском Лысогорского района Саратовской области (прежде Аткарского уезда Саратовской губернии) в крестьянской семье.

С ноября 1941 по 1947 г. служил в Вооруженных Силах СССР, участвовал в Великой Отечественной войне. В начале войны Николай Алексеевич обучался в Ленинградском военно-политическом училище. Затем был направлен на Сталинградский фронт, где принимал участие в ожесточенных боях.

В ноябре – декабре 1943 г. в составе советского воинского контингента в качестве командира отделения связи обеспечивал безопасность проведения Тегеранской конференции лидеров стран – участниц антигитлеровской коалиции. Дважды ранен. Награжден боевыми орденами и медалями – Орденом Отечественной

войны I степени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За оборону Кавказа», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации в 1947 г. служил старшиной команды 6-й военизированной пожарной части Управления пожарной охраны УВД Саратовской области.

В 1949 г. поступил в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского. После его окончания работал следователем районной, затем городской прокуратуры г. Кулебаки Арзамасской (позднее – Горьковской) области, помощником прокурора Екатериновского района Саратовской области, возглавлял с января 1959 по июнь 1961 г. отдел по надзору за местами лишения свободы прокуратуры Саратовской области, затем до апреля 1963 г. работал прокурором следственного отдела прокуратуры Саратовской области.

После окончания службы в органах прокуратуры Николай Алексеевич связал свою жизнь с научной и преподавательской деятельностью в стенах Саратовской государственной юридической академии, защитив под руководством доктора юридических наук, профессора Виктора Алексеевича Тархова в 1970 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Ответственность сторон по договору бытового заказа», а затем в 1988 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова на тему «Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан».

Сочетание плодотворной научной деятельности профессора Н.А. Барина с постоянной педагогической практикой внесло заметный вклад в создание и укрепление саратовской правовой школы. Под его руководством подготовлено 11 кандидатов юридических наук, 4 из которых впоследствии защитили докторские диссертации.

В 2011 г. Николай Алексеевич стал лауреатом Высшей юридической премии «Юрист года» в номинации «Правовое просвещение».

Оглядываясь на жизненный путь Николая Алексеевича Барина, невольно поражаешься удивительной цельности его личности, которую не смогли разрушить личные жизненные испытания и то непростое время, в которое ему довелось жить и работать. Нравственное достоинство, принципиальность, готовность отстаивать свои убеждения, огромная работоспособность – это качества

Н.А. Баринова как человека и ученого. Баринову Николаю Алексеевичу удалось найти свой путь ученого, мыслителя и человека.

О себе он очень точно сказал в своих воспоминаниях: «Я – солдат Отечественной войны, ветеран борьбы за правопорядок, педагог по своей сути и слуга юридической науки, в итоге вся моя жизнь – это борьба: борьба с трудностями, борьба с врагом, борьба со стихией, борьба с преступностью и борьба за место в жизни. Было много и хорошего, что способствовало преодолению трудностей и делало жизнь прекрасной и благодарной судьбе».

А.В. БАРКОВ,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии;
профессор департамента правового регулирования экономической
деятельности Финансового университета при Правительстве РФ*

Я.С. ГРИШИНА

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права Российского
государственного университета правосудия;
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

**НАУЧНАЯ ШКОЛА Н.А. БАРИНОВА
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ИНТЕРЕСОВ (ПОТРЕБНОСТЕЙ) И ПРАВ
ГРАЖДАН И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ»
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА
ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
К 100-ЛЕТИЮ УЧИТЕЛЯ**

Мой девиз: служить Отечеству
и интересам Общества.

Н.А. Баринов

Вспоминая в день 100-летнего юбилея Николая Алексеевича Баринова о нашем незабвенном Учителе, мы, его ученики, не можем поверить в то, что его уже нет среди нас. Кажется, что вот он войдет бодрой походкой и осветит все своей отеческой мудрой и доброй улыбкой, даст совет или поделится своими научными идеями, которых у Николая Алексеевича было неиссякаемое множество. Вот уже семь лет как мы лишены очного общения с ним, но созданное им учение, которому Николай Алексеевич еще при жизни присвоил название «Обеспечение и защита имущественных интересов (потребностей) и прав граждан и их объединений», как

и прежде является методологической базой как трудов его учеников, составляющих научную школу Н.А. Баринаова, так и многих других перспективных исследований.

Не умаляя роль таких ярких представителей научного сообщества, как Виктор Алексеевич Тархов, Юрий Хамзатович Калмыков, Александр Арсеньевич Серветник, и многих других, олицетворяющих славу саратовской школы цивилистики, полагаем, что в этом ряду выдающихся ученых особое место занимает Николай Алексеевич Баринов, научная школа которого имеет самостоятельное значение.

Самостоятельность научной школы Н.А. Баринаова имеет следующие признаки:

- во-первых, на примере жизненного и творческого пути этого человека-легенды воспитывалось не одно поколение юристов, продолжающих научные традиции созданной Н.А. Бариновым школы;
- во-вторых, разработанная им новаторская доктрина имущественных потребностей и гражданско-правовых средств их обеспечения имеет важнейшее научно-теоретическое и научно-практическое значение и мощнейший методологический потенциал;
- в-третьих, Н.А. Баринов по-прежнему остается бесспорным лидером, вдохновителем удачных научно-исследовательских проектов (актуальных и перспективных научно-исследовательских направлений), фундаментом которых является его учение;
- в-четвертых, научная школа Николая Алексеевича имеет широкое признание и большое количество последователей в России и за рубежом.

Последующие приведенные аргументы подтверждают обоснованность данных тезисов.

Тезис первый. Н.А. Баринов – человек-легенда. В своих воспоминаниях Николай Алексеевич объявил девиз свой жизни: «Служить Отечеству и интересам Общества», взятый эпитафией к настоящей статье. И этому девизу он остался верен до последнего вздоха!

Н.А. Баринов родился 25 февраля 1922 г. в селе Шаховском Лысогорского района Саратовской области. В 1932 г. в связи с голодом в Поволжье семья переехала в рабочий поселок Лукново Вязниковского района Владимирской области, где он в 1941 г. окончил 10 классов и ушел на фронт. Вскоре был призван и направлен в Ленинградское военно-политическое училище, дислоцировавшееся в г. Шуя.

Попал на Крымский фронт в состав 83-й ордена Суворова, дважды Краснознаменной Новороссийско-Дунайской бригады морской пехоты, где осуществлялась Керченско-Феодосийская военно-морская десантная операция 1941–1942 гг. Участвовал в боях в качестве пулеметчика в составе 4-го отдельного батальона морской пехоты. Был дважды ранен. В связи со вторым ранением 9 мая 1942 г. перенес сложную операцию по извлечению осколка мины.

По окончании лечения был направлен на Закавказский фронт в составе 89-й отдельной стрелковой бригады, которая с 1943 г. дислоцировалась в Северном Иране, где немцы готовились открыть второй фронт против СССР.

Был включен в группу военных, обеспечивающих безопасность во время проведения Тегеранской конференции лидеров стран-участниц антигитлеровской коалиции. В 1944 г. принимал участие в обеспечении безопасности шаха Ирана при его встрече и переговорах с командованием бригады.

В 1945 г. участвовал в ликвидации остатков бежавших в 1935 г. из Средней Азии басмачей. В марте 1947 г. после демобилизации из армии Н.А. Баринов прибыл в г. Саратов, куда к тому времени переехали его родители. В последние годы жизни мы ежегодно ездили с Николаем Алексеевичем в Лукново, откуда он ушел добровольцем на фронт. В этом поселке он проводил со школьниками военно-патриотическую работу, рассказывал о войне. Без пафоса и прикрас. Как вы знаете, из призывников 22 года рождения по статистике в живых осталось 2 %, то есть двое из 100. А Николай Алексеевич от войны не прятался, прошел ее от начала до конца, дважды был тяжело ранен и демобилизовался только в 1947 г.

В 1949 г. Н.А. Баринов поступил в Саратовский юридический институт, который закончил экстерном в 1952 г. С апреля 1954 г. он опять оказался на передовой, но уже в борьбе с преступностью, как работник органов прокуратуры. До мая 1957 г. он служил следователем районной, а затем городской прокуратуры г. Кулебаки Нижегородской области.

В мае 1957 г. был переведен на работу в прокуратуру Саратовской области. С января 1959 по июнь 1961 г. служил прокурором отдела по надзору за местами лишения свободы прокуратуры Саратовской области, затем до апреля 1963 г. – прокурором следственного отдела. В апреле 1963 г. был назначен на должность старшего помощника прокурора Саратовской области по кадрам.

Примечательно то, что все дела, расследованные Н.А. Бариновым и направленные в суд, завершились осуждением преступников. Брака в работе Николая Алексеевича никогда не было. 44 года он был связан с СЮИ (СГАП), занимая должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора кафедры гражданского права. С 1997 по 2008 г. он – профессор кафедры международного частного права, а с сентября 2008 г. – вновь профессор кафедры гражданского права.

Боевой путь Н.А. Баринова отмечен выдающимися государственными наградами: Орденом Отечественной войны 1-й степени; двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Жукова и другими; орденом «За вклад в победу» 1939–1945 гг.; орденом «За мужество и гуманизм» II степени.

Тезис второй. Н.А. Баринов – автор доктрины имущественных потребностей как методологической базы научной школы.

К сожалению, в рамках этой статьи нет возможности подробно остановиться на элементах учения Николая Алексеевича Баринова. Еще при его жизни была опубликована статья «О доктрине имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения»¹. Ценность статьи в том, что Николай Алексеевич ее одобрил и сделал несколько ценных замечаний.

Поводом к написанию статьи явилось то обстоятельство, что в сентябре 2013 г. исполнялось 25 лет со дня защиты Николаем Алексеевичем Бариновым докторской диссертации на тему «Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан», в которой обосновано создание доктрины (теории) имущественных потребностей. Защита блестяще состоялась в Спецсовете при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В статье говорится о возникновении доктрины, ее становлении, тенденции развития, внедрении ее положений в цивилистическую науку, законодательство и судебную практику, а также оценка юридической общественности России и зарубежья.

Кратко об основных элементах доктрины. Основы учения были заложены в монографии «Имущественные потребности и граждан-

---

¹ См.: Барков А.В. О доктрине имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2013. № 36. С. 5–20.

ское право» (1987 г.)¹. В дальнейшем многие положения доктрины получили развитие в 15 опубликованных монографиях, в научных докладах и сообщениях на более чем 70 международных, всероссийских, региональных и других научно-практических конференциях и форумах, а также в других научных изданиях.

Николаем Алексеевичем Бариновым обоснована правовая природа категории «потребитель». Разработана научно-правовая категория «имущественные потребности», дано определение, выявлены их общие черты. Оригинальность доктрины состоит в том, что в новом для науки гражданского права аспекте дано системное исследование гражданско-правовых средств обеспечения удовлетворения имущественных потребностей граждан и их объединений.

Николаем Алексеевичем Бариновым создана и обоснована концепция гражданско-правовых средств обеспечения имущественных потребностей. Представлена классификация правовых средств. Внесен вклад в развитие теории услуг: дано их понятие, разработана классификация, выявлена роль в удовлетворении потребностей. По итогам исследования норм об оказании услуг обоснован термин «договор на оказание услуг».

Если кратко выразить суть учения, имеющего высочайшую актуальность и сегодня, то оно состоит в обеспечении достойной жизни человека, его жизненного уровня в самых насущных, первичных, естественных, физиологических потребностях в продовольственных и промышленных товарах, жилище, медицинском уходе, социальном обслуживании, бытовых и других услугах, необходимых для поддержания здоровья и благополучия его самого и его семьи, что соответствует требованиям ст. 7 Конституции РФ и ст. 25 Всеобщей декларации прав человека.

Тезис третий. Учение Н.А. Баринова – генератор успешных научных проектов.

Учение получило развитие и распространение на другие сферы в работах различных авторов, в том числе в докторских и кандидатских диссертациях, в частности в следующих.

Так, Елена Геннадьевна Шаблова, исходя из общих положений об услугах как способах удовлетворения потребностей, разработанных Н.А. Бариновым, в докторской диссертации на тему «Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания

---

¹ См.: *Баринов Н.А.* Имущественные потребности и гражданское право / под ред. Ю.Х. Калмыкова. Саратов, 1987.

услуг» исследует роль услуг в удовлетворении имущественных потребностей в связи с включением главы 39 «Возмездное оказание услуг» в Гражданский кодекс РФ. При этом предлагается определение услуги: «Услуга – способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который связан с нематериальным результатом деятельности исполнителя, допускаемой действующим правопорядком, на возмездных началах»¹. Е.Г. Шаблова творчески развила научные положения Н.А. Баринова о классификации услуг, дополнив их деление на основные и дополнительные по характеру взаимосвязи услуг с удовлетворяемыми потребностями. Кроме того, ею предложена классификация услуг производственной инфраструктуры, подчеркнута юридическая значимость обособления услуг личного характера, предложенная Н.А. Бариновым².

В монографии «Проблемы гражданско-правового регулирования отношений возмездного оказания услуг» Е.Г. Шаблова пишет: «Значительный вклад в разработку научной проблематики – имущественные потребности и гражданское право – внес Н.А. Баринов. Он отмечал, что «...экономике, потребностям и интересам принадлежит большая роль в формировании права. Они воздействуют на сознание и волю людей, обуславливают законодательную деятельность. Сами по себе потребности и интересы не приводят к возникновению права. Потребность здесь выступает как основа, исходное начало законодательной деятельности»³. И далее: «Представляется ценным и очень актуальным утверждение Н.А. Баринова, что услуга служит «удовлетворению конкретных разумных потребностей человека...» Категория «имущественные потребности граждан» была предложена Н.А. Бариновым в качестве классификационного основания гражданско-правовых обязательств, направленных на удовлетворение потребностей граждан, что позволило автору выделить восемь групп обязательств»⁴.

Методологический потенциал доктрины имущественных потребностей, разработанной Н.А. Бариновым, настолько высок,

---

¹ Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 7.

² См.: Там же. С. 7, 15.

³ Шаблова Е.Г. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург, 2004. С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

что реализация заложенных в ней идей позволила автору настоящей статьи успешно защитить в Московской академии экономики и права докторскую диссертацию, связанную с обеспечением имущественных потребностей в социальных услугах. Очевидно, что защита докторской диссертации «Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования»¹ не состоялась бы, если бы в ней не удалось творчески развить идеи Н.А. Баринова, содержащиеся в доктрине имущественных потребностей, которые были положены в основу инновационно-правовой концепции рынка социальных услуг.

На с. 29 монографии Н.А. Баринова «Имущественные потребности и гражданское право» содержится положение о том, что любые общественные отношения, в том числе и имущественные, характеризуются как определенной степенью организованности, так и прохождением через стадию становления, прежде чем они сформируются окончательно. Более того, имущественные отношения, воздействуя на другие, например, организационные отношения, придают им определенный имущественный характер, т.е. имущественное направление. Изложенные положения и их реализация позволили С.Ю. Морозову успешно защитить в Московской академии экономики и права докторскую диссертацию в сфере удовлетворения организационных потребностей. В частности, С.Ю. Морозов пишет, что гражданское право применяет различные средства воздействия на рыночную экономику, обеспечивая одновременно имущественные и организационные потребности граждан. Одной из задач его исследования является формирование основных положений теории гражданско-правовых организационных отношений. Решение поставленной задачи базируется на научных знаниях, полученных в области юриспруденции и других наук. В основу теории, по мнению С.Ю. Морозова, следует положить теорию удовлетворения частных потребностей Н.А. Баринова, концепцию О.А. Красавчикова в сочетании с положениями и законами таких наук, как теория государства и права, тектология, синергетика, теория организации систем².

---

¹ См.: Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

² См.: Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров: дис... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 61; *Его же*. Система транспортных организационных договоров: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 20.

Ю.С. Харитоновна в диссертации на тему: «Отражение функции управления в институтах гражданского права», также защищенной в диссертационном совете при Московской академии экономики и права, исходя из разработанных Н.А. Бариновым положений об особенностях имущественных отношений и их влияния на другие отношения, разработала, в отличие от административно-правового управления, концепцию управленческих отношений и соответствующих им организационных форм в сфере гражданского права России¹.

Всего при научном консультировании Н.А. Баринова было защищено 4 докторских диссертации, а под его научным руководством – 21 кандидатская диссертация.

До последней защиты докторской диссертации на тему «Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства» его ученицы Яны Сергеевны Гришиной Николай Алексеевич не дождался. Но доктрина его получила новый импульс. Концептуальная модель правового обеспечения социального предпринимательства формировалась на основе творческого развития теории имущественных потребностей и гражданско-правовых средств их удовлетворения, разработанной Н.А. Бариновым.

Я.С. Гришиной на базе имеющегося эмпирического материала были дополнены положения теории своего учителя, а также впервые сформулированы и обоснованы основные закономерности и принципы оригинальной авторской концепции инновационно-правового обеспечения социально-имущественных потребностей, ее категориальный аппарат².

Наконец, четвертый, заключительный тезис о самостоятельности школы Н.А. Баринова. Это – научное признание школы в России и за рубежом.

С высокой оценкой и одобрением основных положений диссертации до ее защиты и после защиты выступили основные научные центры России и ближнего зарубежья: Институт государства и права РАН, Московский государственный юридический университет (МГЮА), юридические факультеты Белорусского, Казахского, Тар-

---

¹ См.: Харитоновна Ю.С. Отражение функции управления в институтах гражданского права: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 4, 10, 11.

² См.: Гришина Я.С. Концептуальная модель правового обеспечения российского социального предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

туского, Казанского, Самарского, Воронежского, Волгоградского, Южно-Уральского государственных университетов, Кубанский государственный аграрный университет.

Наиболее ярко выразила оценку научной школы профессора Баринова академик Национальной академии правовых наук Украины Наталья Семеновна Кузнецова: «Николай Алексеевич принадлежит к когорте цивилистов, которой может гордиться не только Россия, но и в целом правовая наука СНГ. Поэтому мы воспринимаем его научные труды как наше общее достояние – культурное и правовое. Научные труды, написанные им и его учениками, – это наше общее дело»¹.

В качестве итоговых оценок и выводов особое значение имеют заключения высших научных центров Российской академии наук (РАН) и Национальной академии правовых наук Украины (НАПрН), которые считают, что за внесенный вклад в развитие юридической науки: создание доктрины (теории) имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения; публикацию более 200 научных работ, в том числе 15 монографий, 5 учебников, 19 учебно-методических пособий; создание своей научной школы и подготовку специалистов высшей квалификации – 4 д.ю.н. и 21 к.ю.н.; разработку ряда других приоритетных новых инновационных направлений юридической науки – Н.А. Баринов заслуживает присвоения почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Заслуги Николая Алексеевича Баринова высоко оценены научным сообществом. Он являлся заслуженным юристом РФ, заслуженным работником высшей школы РФ, ветераном труда, ветераном прокуратуры России и лауреатом Высшей юридической премии «Юрист года – 2011».

Вся жизнь Николая Алексеевича, прошедшая под девизом «Служить Отечеству и интересам Общества», – пример беззаветной преданности Науке и своей Родине, чистоты, нравственности и справедливости. Мы всегда будем помнить своего учителя и укреплять традиции его научной школы.

---

¹ Кузнецова Н.С. Вступительная статья // Баринов Н.А. Избранное. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 3.

О.В. Исаенкова,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

**АРГУМЕНТЫ Н.А. БАРИНОВА
В ПОЛЬЗУ ПРИНЯТИЯ ЕДИНОГО
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА И СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ
«КОМФОРТНОЙ» ЮРИСДИКЦИИ**

В этом году глубокоуважаемому и нами любимому профессору Николаю Алексеевичу Баринову исполнилось бы 100 лет. Казалось, совсем недавно мы вместе отмечали его юбилей, и была надежда, что такому Ученому и Человеку судьба подарит возможность лично принять поздравления со 100-летием. К сожалению, его сегодня с нами нет. Но живы его ученики и ученики его учеников, его идеи.

Николай Алексеевич всегда умело сочетал опыт и прогресс, основополагающие теоретические положения и возможные перспективы, инновации. Именно он обосновал дифференциацию имущественных отношений в качестве «назревшей инновационной проблемы в гражданском праве»¹. При этом Н.А. Баринов был межотраслевым специалистом, всесторонне знающим собственный предмет и смежные дисциплины, а потому любое общение с ним превращалось в получение новых знаний без безусловного отказа от имеющихся убеждений.

Его оппонирование по диссертациям было ярким и безупречным, и я бесконечно благодарна своему непосредственному Учителю, научному руководителю по кандидатской диссертации и научному консультанту по докторской диссертации профессору Маргарите Андреевне Вкут, что с ее «легкой руки» Н.А. Баринов согласился выступить оппонентом и по моему докторскому исследованию. Именно его меткое замечание о «громоздкости» некоторых положений заставляет до настоящего времени перепроверять

---

¹ См., например: *Баринов Н.А. О тенденциях инноваций в гражданском праве // Власть закона. 2012. № 1. С. 29–42.*

оформление своих научных исследований и выводов из них на данный критерий.

Николай Алексеевич всегда писал и говорил просто и понятно для обычного восприятия, даже если речь шла о сложных категориях. Никогда не смущало его и отступление от признанных формальных канонов, если это было обусловлено логикой и методологией научного исследования. Как раз на последнем (к огромному сожалению) юбилее Николай Алексеевич, вспоминая как в 2002 г. я представила ему свою диссертационную работу на соискание ученой степени доктора юридических наук, был удивлен наличием в ней всего двух глав, но, изучив, понял, что для создания концепции российского исполнительного права на тот момент этого было вполне достаточно. При этом именно его четвертое замечание об усилении аргументации специфики ответственности и ее определения в исполнительном праве дало мне направление для дальнейшего исследования этого института уже после защиты. Хотя, действительно, почти на каждой защите от соискателя ученой степени мы слышим слова-обещания дальнейшего исследования тех моментов, на возможность развития (или недостаточное рассмотрение) которых указывал оппонент, но мало кто из новоиспеченных кандидатов или докторов наук вспоминает о таких обещаниях уже на следующее утро после защиты. А вот обещание, данное Николаю Алексеевичу, не запомнить и не выполнить было для меня непростительно, и исследование предложенного им предмета заняло несколько следующих лет¹.

Через четыре года Н.А. Баринов оппонировал уже моей ученице М.А. Филимоновой по диссертации на тему «Процессуальные аспек-

---

¹ См.: *Исаенкова О.В.* Ответственность в проекте Исполнительного кодекса Российской Федерации // Материалы международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (21–24 апреля 2004 г.) // Правоотношения и юридическая ответственность. Ч. 1. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2004. С. 223–229; *Исаенкова О.В., Демичев А.А.* Юридическая ответственность в механизме регулирования исполнительных правоотношений // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридического образования: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. (Москва, 13 октября 2005 г.) / отв. ред. И.Э. Звечаровский. М.: РПА МЮ РФ, 2005. Т. 2. С. 31–40; *Исаенкова О.В.* Юридическая обязанность и ответственность в гражданском судопроизводстве // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 10. В 3 т. / отв. ред. В.В. Гриб. М.: Юрист, 2010. Т. 2. С. 1147–1151 и др.

ты взаимодействия судебного пристава – исполнителя и суда в исполнительном производстве», подтвердив в своем отзыве важность изучения и выработки научно обоснованных форм оптимального взаимодействия судебного пристава-исполнителя и суда в исполнительном производстве как наиболее эффективного способа достижения целей исполнения судебных актов и актов иных органов.

При этом к терминологии Н.А. Баринова (как и большинство ученых его уровня) относился весьма трепетно, никогда не допуская смешения отношений и правоотношений, материального и процессуального, частного и публичного и т.п. Замечания его были корректны, делал он их исключительно в виде пожеланий, а не критических замечаний.

Не могу не вспомнить последний диссертационный совет с его участием – это была заключительная защита в декабрьский день, на улице темнело, все члены диссертационного совета бесконечно устали на предыдущих защитах и на мой вопрос председателя «Кто желает выступить в дискуссии?» только один Николай Алексеевич поднялся и в микрофон, под протокол выразил поддержку молодому соискателю, его научному руководителю. Тронув замечания оппонентов на предмет их важности не как критики, а как направлений дальнейшего исследования, профессор Н.А. Баринов высказал свое так необходимое для соблюдения порядка защиты мнение о том, что диссертация является научной квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для правовой науки и отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук.

Что касается современного состояния цивилистической науки, то к высказанным в работах Н.А. Баринова идеям мы сегодня возвращаемся не раз, зачастую восхищаясь их удивительной прозорливостью, используя возможность почерпнуть из них направления возможных правовых изысканий.

Так, более года назад, в сентябре 2020 г. на базе Юридического факультета Казанского федерального университета состоялся Седьмой ежегодный Симпозиум журнала «Вестник гражданского процесса», тема которого звучала так: «2020 – «Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции».

При подготовке доклада четким предвидением вспомнилась позиция Н.А. Барина, приведенная им в совместном труде с М.Н. Барининой 20-летней давности: «на современном этапе в качестве аргумента в пользу принятия Единого гражданского процессуального кодекса, регулирующего порядок судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными судами, называют существование единого Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹. Действительно, на тот момент, когда до реформирования судебной системы, исключения из нее Высшего арбитражного Суда РФ оставалось еще 14 лет, приведенная позиция была передовой и смелой. При этом Н.А. Барининой, анализируя процессуальные нормы в международном частном праве, подчеркивал окончание любого гражданского процесса вынесением судебного акта².

Вместе с тем вместо ясного и прямого пути формирования новой, измененной системы рассмотрения и разрешения споров путем принятия обобщенного (Единого – по Н.А. Барининой) Гражданского процессуального кодекса посредством унификации законодательства в области гражданского и арбитражного процессов современный законодатель выбрал другое направление. Конечно, проект такого процессуального кодифицированного акта (подготовленного под руководством П.В. Крашенинникова) имеется, но в правовой реальности он несколько позабыт, его заменило внесение многочисленных поправок в основные нормативно-правовые акты, регулирующие судопроизводство по гражданским делам. Это никоим образом не способствует приближению времени «комфортной юрисдикции», о необходимости формирования которой нам недавно так правильно напомнили казанские коллеги. Возможно, это тоже было не случайно, так как один из последних докладов Н.А. Барина (за год до его кончины) был именно на казанской международной конференции «Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права».

Говоря о «комфортности» судебной юрисдикции, сложно не вспомнить известный (в т.ч. по многочисленным критическим замечаниям и обсуждениям) всем интересующимся российским гражданским судопроизводством законопроект № 383208-7, в по-

---

¹ См.: *Барининой Н.А., Барининой М.Н.* Процессуальные нормы в российских и международно-правовых актах. Саратов: Стило, 2000. С. 37.

² См.: *Барининой Н.А.* Процессуальные нормы в международном частном праве. Саратов: Надежда, 2001. С. 15.

яснительной записке к которому в качестве целей было указано «обеспечение единства подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц; исключение возможности отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела; установление общих правил организации судопроизводства; достижение единообразия в судебной практике», далее говорилось о направленности «на дальнейшее сближение процессов». Вместе с тем, чтобы решить поставленные задачи, цель должна быть более широкой – обеспечение эффективного судопроизводства, т.е. своевременное вынесение судами законных и обоснованных решений, которыми полно и реально защищаются права, свободы и охраняемые законом интересы всех субъектов, как граждан, так и юридических лиц, а также государства в целом. Именно эффективность и действенность (реальность) судебной защиты прав, свобод и законных интересов остается одной из актуальных проблем современной юриспруденции, на что совершенно справедливо указывают молодые, но уже известные в научном мире представители процессуальной цивилистической науки, выбирая эффективность гражданского судопроизводства как отдельный предмет исследования¹. Вместе с тем даже лучшими монографиями, изучив способы, средства, предложив их корреляцию современным достижениям правовой науки, эту самую эффективность очень сложно повысить.

Конечно, достижение единообразия в судопроизводстве по гражданским делам важно, тем более что АПК РФ и ГПК РФ на всем пути своего развития то несколько приближаются, то опять отдаляются друг от друга, но следует понимать, что только принятие обобщающего кодифицированного акта поможет избежать все известные противоречия наших параллельных отраслей, включая использование информационных технологий в судопроизводстве (так называемого «электронного правосудия» в широком смысле этого слова, вплоть до страшного слова «роботизации») – и здесь мы видим целый комплекс различных мероприятий, грантовой протекции, конференций по информатизации всех сфер деятельности, включая правосудие по гражданским делам. Хотя помимо общих страхов, здесь присутствует боязнь так называемой «теоретизации института», как это произошло с медиацией, в отноше-

---

¹ См.: Курочкин С.А. Эффективность гражданского судопроизводства. М.: Статут, 2020. С. 2.

нии которой создается впечатление, что статей о ней больше чем самих дел с участием медиатора, а количество страниц написанных диссертаций превышает количество страниц заключенных посредством медиации соглашений.

К сожалению, на сегодня нет ясного понимания того, станут ли недавние изменения окончанием реформирования гражданского процесса или это скорее переходный этап правового регулирования, который должен в конечном итоге привести к Единому гражданскому процессуальному кодексу, на принятие которого надежд остается все меньше.

Прошедшие процессуальные реформы несколько упростили судебную деятельность, но, к сожалению, это произошло в том числе за счет отступления от привычных процессуальных гарантий для остальных субъектов гражданских процессуальных отношений. Так, постепенное освобождение судей (при известных условиях) от обязанности изготавливать мотивировочную часть решения умаляет особый юридический статус судебного решения как акта правосудия, выносимого Именем Российской Федерации, и по вступлении в законную силу наделяемого особыми, присущими только ему свойствами (вне зависимости от того, какой судья его выносит), в том числе преюдициальностью установленных фактов (включая факты мотивировочной части), исключительностью (запрет предъявления тождественных требований) и т.п. В.М. Шерстюк справедливо отмечает, что дорога по такому пути «шаг за шагом освобождает суд от выполнения задач гражданского судопроизводства, ...приводит к выхолащиванию сущности правосудия»¹. Такое «выхолащивание» может отодвинуть достижение установленных в ст. 2 ГПК РФ целей – способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Современное понимание «комфортной» юрисдикции должно исходить из того, что именно доступность и эффективность правосудия являются критериями, по которым соответствие реального положения законодательного регулирования гражданского судопроизводства и действительности следует оценить прежде всего.

---

¹ Шерстюк В.М. Проект закона о внесении изменений и дополнений в гражданское процессуальное законодательство, внесенный постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 нуждается в доработке // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 223.

К.К. ЛЕБЕДЕВ,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета,
заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации*

**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БАРИНОВ
КАК ЛИЧНОСТЬ И КАК УЧЕНЫЙ. ЗНАЧЕНИЕ
ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Н.А. БАРИНОВА
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СООТНОШЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
(КОММЕРЧЕСКОГО) ПРАВА (КРАТКИЙ ОЧЕРК)**

Николай Алексеевич Баринов – это человек с большой буквы. Мы с ним были друзьями. Для меня Николай Алексеевич был старшим другом и товарищем. Мы с ним находились в постоянном контакте, перезванивались, встречались. Бывая в Ленинграде/Санкт-Петербурге, Николай Алексеевич непременно посещал меня дома и я, в свою очередь, бывая в Саратове по делам в арбитражном суде, бывал у Николая Алексеевича в гостях. Так же неоднократно встречались в Москве, когда Николай Алексеевич проходил стажировку на юридическом факультете Московского государственного университета и проживал в общежитии гостиничного типа в высотном здании Университета; встречались в Москве на различных конференциях и, как правило, после окончания конференции проводили время вместе; обычно Николай Алексеевич провожал меня до Ленинградского вокзала до самого отхода поезда; так же бывало и в Петербурге, ходили вместе в театр. В какой-то степени Николай Алексеевич относился ко мне по-отечески, и это было для меня очень важно, так как я своего родного отца не видел, мой отец погиб в бою за месяц с небольшим до моего рождения. Я уважал Николая Алексеевича, преклонялся перед ним как Ветераном, участником Великой Отечественной войны, воевавшему на фронтах, награжденным за свои подвиги многими орденами и медалями.

В беседах с Николаем Алексеевичем, слушая его рассказы о войне, я не сводил с него взгляда, с его лица, с его глаз, ловил каждое его слово и, глядя на него, представлял Николая Алексеевича

молодым, представлял, как он участвовал в боевых действиях, как шел вперед, не боясь врага. Таким же, как Николай Алексеевич, как мне казалось, мог быть и мой отец.

По характеру Николай Алексеевич был доброжелательным отзывчивым человеком, всегда готовым пойти навстречу, оказать помощь, дать совет. Приведу пример: по моей инициативе Диссертационный совет нашего факультета по специальности 12.00.03 пригласил Николая Алексеевича выступить в качестве официального оппонента по кандидатской диссертации моей аспирантки Молчановой И.С., посвященной проблемам имущественного страхования. Несмотря на огромную занятость и специфику темы, Николай Алексеевич любезно согласился, приехал в Петербург и выступил на защите; защита Молчановой И.С. прошла успешно.

В современной отечественной юриспруденции Николай Алексеевич Баринов получил широкую известность как ведущий в стране специалист в области правовых аспектов удовлетворения потребностей граждан и защиты их законных прав и интересов как потребителей. Обеспечение удовлетворения потребностей граждан – одна из основных, если не главнейшая, задача гражданско-правового регулирования, гражданского права в целом, в то время как задачей предпринимательского (коммерческого) права является обеспечение предпринимательской деятельности, регулирование предпринимательских отношений. Законодатель отнес горизонтальные отношения с участием предпринимателей к предмету гражданского права. Но тем не менее, как можно судить по действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ), отдельные институты и субинституты гражданского права дифференцированы в зависимости от субъектного состава и характера/природы деятельности субъектов. Достаточно сравнить договор розничной купли-продажи (§ 2 главы 30, статьи 492–505) и договор поставки (§ 3 главы 30, статьи 506–524) и целый ряд других договорных обязательств и не только договорных, чтобы убедиться в специализации правовых норм по предметно-субъектному признаку. Договоры, опосредующие основные потребности граждан, сконструированы законодателем как публичные договоры, в то время как аналогичные предпринимательские договоры (поставка, строительный подряд, аренда предприятия, доверительное управление имуществом и др.), как правило, не являются публичными, хотя, абстрактно говоря, могут быть и публичными, как, например,

договор банковского счета, заключаемый на объявленных банком условиях (п. 2 ст. 846 ГК РФ).

Профессор Николай Алексеевич Баринов не делал акцент на значении удовлетворения потребностей граждан как системообразующего критерия применительно к отраслям системы права, но в своих работах Николай Алексеевич отразил методологию системного подхода в общетеоретическом формате, указав, что правовые отрасли, независимо от признания или непризнания их самостоятельными, надо рассматривать под углом зрения четырех основополагающих понятий: 1) отрасли права, 2) отрасли законодательства, 3) отрасли юридической науки и 4) учебной дисциплины. Это утверждение аксиоматично, оно носит непреложный характер, дает возможность выходить за рамки зашторенных взглядов и концепций на систематику права, законодательства и юриспруденции.

Николай Алексеевич подарил мне издание своих избранных трудов, которое вызвало в научной литературе большой интерес. Ознакомившись с избранными трудами Николая Алексеевича, я подготовил по ним большой аналитический обзор с кратким очерком о жизнедеятельности Николая Алексеевича; этот обзор был опубликован в журнале «Правоведение» № 1 за 2014 г. объемом почти один авторский лист (с. 239–351), под заголовком «Обеспечение и защита имущественных потребностей граждан – одно из основных направлений государственной политики и правового регулирования на современном этапе. К выходу в свет Избранных произведений профессора Николая Алексеевича Баринова». Было бы целесообразным подготовить новое издание избранных трудов профессора Николая Алексеевича Баринова.

Нельзя не подчеркнуть, что в последние годы Президент нашего государства В.В. Путин актуализирует задачу улучшения благосостояния граждан, повышения жизненного уровня населения, внимательного отношения к удовлетворению потребностей граждан. Правовое обоснование решения этой глобальной социально-экономической и, без преувеличения сказать, политической, задачи содержится, в частности, в работах профессора Николая Алексеевича Баринова. В этом его заслуга, о которой нельзя забывать, его вклад в науку и в то, чтобы Российская Федерация являлась в полном смысле этого слова правовым демократическим социальным государством. Работы Николая Алексеевича Баринова не будут забыты!

Л.К. ЛАРИНА,

*директор Лукновской средней общеобразовательной школы
Вязниковского района Владимирской области*

ПРЕДАННЫЙ ВЫПУСКНИК ЛЮБИМОЙ ЛУКНОВСКОЙ ШКОЛЫ

Этого удивительного, необыкновенного человека до недавнего времени знал каждый ученик нашей школы, потому что ежегодно Николай Алексеевич приезжал в свою родную, как он говорил, «незабвенную» школу, на встречу с учащимися.

Обычно он делился своими впечатлениями о школе, говорил много добрых и хороших слов в адрес учителей, о том, что именно школа явилась базой для дальнейшей учебы в вузе, а затем «прекрасные знания» школьных предметов помогли «защитить кандидатскую и докторскую диссертации с последующим присвоением званий профессора, академика и Почетных званий».

В книге выдачи аттестатов Лукновской средней школы под номером 2 имя Баринова Николая Алексеевича. Он окончил нашу школу 21 июня 1941 г. В этот день состоялся выпускной бал, посвященный первому выпускному 10-му классу Лукновской средней школы (до этого школа была семилетней). Юноши и девушки мечтали, планировали будущее. Н.А. вспоминал: «Поскольку у меня были хорошие знания математики и физики, то я хотел поступить в Ивановский энергетический институт. На выпускном вечере веселились, а затем гуляли по поселку до рассвета 22 июня. Домой возвращались утром, а в это время уже началась война, о которой мы узнали несколько часов спустя и которая изменила не только наши планы, но и саму жизнь».

Не только за полученные хорошие знания Николай Алексеевич благодарен Лукновской школе. Он говорил, что школа дала и многое другое. Учителя воспитывали нас в духе патриотизма, должного отношения к труду, любви к Родине, честного ей служения.

Была хорошая, дружная школьная семья.

В настоящее время коллектив школы бережно хранит многолетние традиции обучения и воспитания подрастающего поколения. Ведь большая половина коллектива школы – это, как и Николай Алексеевич, ее выпускники. Для всех нас Николай Алексеевич

– пример искренней любви и преданности своим корням, своей Родине, своему делу; пример оптимизма и жизнелюбия, силы и полноты жизни, энергии и жизнеутверждения.

Раздел 1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В.В. Долинская,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права*

*Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ

ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОТРЕБНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Николай Алексеевич Баринов (25 февраля 1922 г. – 30 декабря 2014 г.), доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, ветеран труда, ветеран прокуратуры России, лауреат Высшей юридической премии «Юрист года – 2011», был основоположником учения об имущественных потребностях граждан¹. Оно базируется на понятиях интересов, потребностей и имущества, имущественных отношений, использует методы типологизации и индивидуализации. Актуальны его подходы к решению проблем в новых реалиях меняющихся социально-экономических отношений.

---

¹ См., например: *Баринов Н.А.* Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988; *Его же.* Цивилистическое учение о потребностях: вопросы теории и практики: монография. М., 2012.

В качестве примеров рассмотрим буквально три вопроса.

Во-первых, в современном мире меняется подход к определению потребителя.

В Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р¹, указано, что эффективная защита потребителей *«приобретает решающее значение для формирования справедливого, прозрачного и конкурентного, основанного в том числе на применении современных цифровых технологий, рынка Российской Федерации»*.

Изначально правовое регулирование в сфере защиты прав потребителя было ориентировано на смягчение фактического неравенства между потребителями и профессиональными участниками гражданского оборота. Сейчас в различных правовых системах представлены 4 основных подхода к определению потребителя:

- это *гражданин* (Преамбула Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей»², ст. 1 Закона Республики Армения от 26 июня 2001 г. «О защите прав потребителей»³);

- это *физическое лицо* (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей»⁴, ст. 1 Закона Республики Казахстан от 4 мая 2010 г. № 274-IV «О защите прав потребителей»⁵, п. 3 ст. 1 Закона Латвии от 18 марта 1999 г. «О защите прав потребителей»⁶, ст. 1 Закона Республики Молдова от 13 марта 2003 г. № 105-XV «О защите прав потребителей»⁷, ст. 1 Закона Украины от 12 мая 1991 г. «О защите прав потребителей»⁸, ст. 2(1) Закона Эстонской Республики от 9 декабря 2015 г. «О защите прав потребителей»⁹, наиболее распространенный вариант);

¹ URL: <https://www.pravo.gov.ru> 05.09.2017; СЗ РФ. 2017. № 37, ст. 5543.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 766; СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140 (с изм.).

³ URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/zpp/sng/normativ/>

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10200090>

⁵ URL: https://old.autopiter.ru/DetalPhoto/docs/kz/Закон_о_защите_прав_потребителей_PK_140619.pdf

⁶ URL: <https://likumi.lv/ta/id/23309-pateretaju-tiesibu-aizsardzibas-likums>

⁷ URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/zpp/sng/normativ/;<www.for.md/.../z-a-k-o-n-o-zashhite-prav-potrebitelej-moldova>>

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10200090>

⁹ URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/131122016013?leiaKehtiv>

▪ это *лицо*, т.е. вообще участник оборота, в т.ч. юридическое лицо (раздел 2 Закона Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 26 марта 2015 г. «О правах потребителей»¹);

▪ это «*физическое или юридическое лицо*» (нов. ред. ст. 1 Закона Республики Таджикистан от 9 декабря 2004 г. № 72 «О защите прав потребителей»², самая прогрессивная, на наш взгляд, формулировка).

Первый вариант неоправданно узок и не соответствует ст. 19, 62 Конституции РФ, п. 1 ст. 17, ст. 22, 1196 ГК и ст. 2, 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»³ в части признания правоспособности за всеми физическими лицами в равной мере.

Что касается четвертого варианта, то в России расширительное толкование понятия «потребитель» присутствует, например, в ст. 426, 539 ГК, п. 1 ст. 69.2 БК, ст. 215.1 УК, Федеральных законах от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»⁴ (подп. 8 ст. 3) и от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»⁵. В Европе это чаще встречается в судебных решениях, например, в решении Кассационного Суда Франции по гражданским делам от 28 апреля 1987 г.⁶, где было указано, что для применения положений потребительского законодательства к отношениям с участием организаций значимо то, что товар не имел никакого отношения к профессиональной деятельности покупателя, а знания его не охватывают сферу товара. Однозначному признанию юридических лиц потребителями препятствует отсутствие четких критериев, когда оно выступает «слабой стороной» в сделке (вид и цель деятельности, отсутствие специальных знаний у его сотрудников и т.д.).

Сравнительный анализ источников права и доктрины позволяет выделить такие характеристики правового статуса потребителя, как: специальный статус; межотраслевой комплексный характер; лицо вступает (в т.ч. опосредованно) в отношения с профессиональным участником гражданского оборота, как правило, предпринимателем, обладающим специальными знаниями и бизнес-заинте-

---

¹ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15/contents>

² URL: <http://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-защите-прав-потребителей>

³ URL: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3032 (с изм.).

⁴ URL: СЗ РФ. 2006. № 12, ст. 1232 (с изм.).

⁵ URL: СЗ РФ. 2003. № 13, ст. 1177 (с изм.).

⁶ Cass. Civ. of 28 April 1987 (JCP 1987. II. 20893 Juris-classeur periodique).

ресованностью в результатах своей деятельности; лицо не имеет в отношении (или имеет незначительный) бизнес-интерес; лицо является конечным приобретателем/пользователем товаров, работ и услуг¹.

Во-вторых, отношения потребителя с контрагентами осложняются в эпоху общества потребления.

Речь идет в данном случае не о соотношении производства и потребления, не о медицинской характеристике шоппоголиков, а о так называемой шеринговой экономике (*sharing economy*), понятие которой введено для социально-экономических практик и отношений, связанных с кратковременным доступом к частным ресурсам и обеспечиваемых в последние годы информационными, цифровыми платформами². Некоторые авторы прямо говорят о взаимодействии потребителей по открытию друг другу временного доступа к недоиспользуемым физическим активам, в т.ч. на возмездной основе³.

В настоящее время зафиксировано около 70 определений шеринговой экономики⁴ и множество альтернативных названий (долевая экономика, совместная экономика (*joint economy*), совместное потребление (*collaborative consumption*), трастовая экономика, экономика (совместного) участия, экономика горизонтальных связей (*peer-to-peer economy*), экономика сотрудничества (*collaborative economy*) и др.)⁵. На самом деле это не столько объединение лиц (как кооперация, известная и в СССР), сколько разделение (распределение) вещей.

Еще в 1960-е гг. в нашей стране выдвигались тезисы о приоритетном развитии общественного транспорта и коллективном использовании автомобилей в системе их проката (прообраз нынешнего каршеринга). В начале 1970-х гг. просоциальная традиция

---

¹ См. подробнее: Долинская В.В. Определение и правовой статус потребителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3.

² См.: Pedroni M. Sharing Economy as an Anti-concept // First Monday. 2019. Vol. 24. № 2.

³ См.: Frenken K., Schor J. Putting the Sharing Economy into Perspective // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2017. Vol. 23. P. 3–10.

⁴ См.: Ranjbari M., Morales-Alonso G., Carrasco-Gallego R. Conceptualizing the Sharing Economy through // Presenting a Comprehensive Framework. Sustainability. 2018. Vol. 10. № 7. P. 2336.

⁵ См.: Ревенко Н.С. Новые контуры цифровизации за рубежом и в России: экономика совместного потребления // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 103–110.

помощи автомобилистов путешественникам дала жизнь райдшерингу (в США – карпулингу), вначале выстраивавшемуся на началах самоорганизации. На смену ему пришла краткосрочная аренда с рыночными расценками и предпринимательской структурой в роли координирующего центра. Первый коммерческий шеринговый сервис проката автомобилей возник в 2000 г. в США (Zipcar).

Преследуется цель снижения экономических издержек индивидуального, частного потребления за счет совместного доступа к частным ресурсам или разделения потребления с третьими лицами. Формируются краткосрочные социальные связи с элементами самоорганизации или с передачей элементов организации координирующему центру.

В результате исторического развития отношений сейчас в рамках их квалификации ведутся дискуссии по поводу: 1) объектов (только вещи или и услуги), 2) возмездности (коммерческий характер отношений с извлечением прибыли, частичная компенсация расходов, безвозмездный характер).

Среди практик постиндустриального совместного потребления выделяют модели: B2C (business-to-consumer; бизнес потребителю), P2P (peer-to-peer; равный равному), C2C (consumer-to-consumer; потребитель потребителю).

Так называемый коммерческий шеринг (например, деятельность компании Airbnb) как режим потребления на основе доступа обладает такими чертами, как: временный доступ, пользователей с сохранением права собственности на объект у прежнего потребителя; монетизация принадлежащих поставщикам недоиспользуемых ресурсов; рыночные безличностные связи; самообслуживание потребителей через передачу им части операционной деятельности; признание участниками полномочий агрегатора, шеринговой цифровой платформы регулировать их поведение и извлекать коммерческую выгоду из частных взаимодействий.

Для некоммерческого шеринга (например, райдшеринговый сервис попутчиков BlaBlaCar, служба обмена местами проживания между путешественниками CouchSurfing – каучсерфинг) характерны: временный доступ, пользователей с сохранением права собственности на объект у прежнего потребителя; натуральный обмен и альтруизм, в исключительных случаях символическая плата, участие в компенсации издержек; социальное взаимодействие лиц-пользователей благами; самообслуживание потребителей в услови-

ях децентрализованного, как правило, сообщества; отсутствие цели извлечения прибыли.

В обоих случаях потребителей (а в ряде случаев и предпринимателей) подстерегают определенные проблемы. Для защиты прав потребителей необходима фигура контрагента-предпринимателя, профессионального участника рынка, гражданского оборота, которого затруднительно найти в коммерческом шеринге¹. В некоммерческом шеринге предъявлять требования о защите прав потребителей вообще неправомерно и незаконно.

В-третьих, метод индивидуализации при правовом регулировании удовлетворения потребностей все больше применяется в отношении лиц с особым правовым статусом, в частности, лиц с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов.

Направление «права инвалидов», в рамках которого стали обращать внимание на их потребности и обязанности общества, государств по обеспечению таким лицам равных с другими возможностей, постепенно оформилось после Второй мировой войны в русле общей гуманизации и повышения внимания к правам человека (например, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.²) и развивалось от изоляции инвалидов через внедрение приспособлений к возможностям инвалидов до создания безбарьерной среды; от учета отдельных потребностей инвалидов, прежде всего с нарушениями опорно-двигательного аппарата, до охвата всех категорий инвалидов, их интеграции в общество, гражданский оборот³. Современный этап начался с принятия Конвенции ООН от 13 декабря 2006 г. «О правах инвалидов»⁴.

¹ См.: Judgment in Case C-434/15 Asociación Profesional Elite Taxi v Uber Systems Spain SL. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-12/cp170136en.pdf>; URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a046b06e5274a0ee5a1f171/Uber_B.V._and_Others_v_Mr_Y_Aslam_and_Others_UKEAT_0056_17_DA.pdf; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

² Рос. газ. 1995. № 67.

³ См., например: Долинская В.В., Долинская Л.М. Требования безбарьерной среды в строительстве в источниках права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.

⁴ См.: СЗ РФ. 2013. № 6, ст. 468. Россия подписала ее в 2008 г. и ратифицировала в 2012 г.

Одним из наиболее «свежих» документов в этой сфере является Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям от 27 июня 2013 г.¹ (далее – Марракешский договор).

Нормы об интеллектуальных правах связаны на современном этапе с такими правами и свободами человека, как право на информацию, право на образование и свободу преподавания, право на доступ к культурным ценностям и др. В исключение из общего правила о неприкосновенности произведения – от искажений, без согласия автора (ст. 6bis(1) Бернской конвенции, ст. 1266 ГК) Марракешский договор разрешает вносить в произведение изменения, необходимые для того, чтобы оно было доступным в альтернативном формате для слепых; лиц, имеющих нарушение зрения либо ограниченную способность восприятия или чтения, которые невозможно исправить так, чтобы зрительная функция была в значительной мере эквивалентна зрительной функции лица, которое не имеет такого нарушения или такой ограниченной способности и которое в силу этого в значительной мере не в состоянии читать печатные произведения в той же степени, что и лицо без нарушения или ограниченной способности; лиц, не способных по другим причинам в силу физического недостатка держать книгу или обращаться с ней либо фокусировать взгляд или двигать глазами в той степени, в какой обычно это было бы приемлемо для чтения (ст. 3).

Марракешский договор, таким образом, направлен на решение проблемы поиска баланса между правами автора на неприкосновенность произведения и интересами широкой публики, пользователей, а также проблемы удовлетворения потребностей таких участников гражданского оборота со специальным правовым статусом как лица с ограниченными возможностями здоровья².

---

¹ URL: <http://www.pravo.gov.ru> 05.04.2019; СЗ РФ. 2019. № 24, ст. 3051. Российская Федерация участвует в нем с 8 мая 2020 г. Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 369-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому договору об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям». URL: <http://www.pravo.gov.ru> 05.12.2017; СЗ РФ. 2017. № 50, ч. 3, ст. 7540.

² См.: *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Специфика правового статуса лиц с ограниченными возможностями здоровья // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2019. № 6.

Нормы Марракешского договора согласуются с провозглашенной на уровне Конституции РФ свободой искать, получать и распространять информацию любым законным способом, правом на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 4 ст. 29, ч. 2 ст. 44); со ст. 1272–1276 ГК, в т.ч. с п.п. 2 и 3 ст. 1274 ГК о создании экземпляров правомерно обнародованных произведений в форматах, предназначенных исключительно для использования слепыми и слабовидящими (рельефно-точечный шрифт, другие специальные форматы), их воспроизведении и распространении, предоставлении библиотеками доступа к ним (включая временное безвозмездное пользование). Перечень специальных форматов, перечень специализированных библиотек (в России их менее 70), порядок такого доступа определяются Правительством РФ. Его положения учтены в Стратегии развития библиотечного дела в РФ на период до 2030 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 608-р¹.

Даже этот краткий обзор свидетельствует о необходимости развития учения об имущественных потребностях участников гражданского оборота, совершенствования правового регулирования отношений в данной сфере.

---

¹ См.: СЗ РФ. 2021. № 12, ст. 2072.

Ю.А. Амельчenea,

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНТРАКТА ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Одним из инструментов построения самого процесса государственных закупок и последующих договорных обязательств в соответствии с концепцией устойчивости является контракт жизненного цикла. В то же время необходимо отметить неоднозначность подходов к определению его правовой природы и сферы применения.

Категория «контракт жизненного цикла» в доктрине позиционируется по-разному – как инвестиционная модель¹ или контрактная форма государственно-частного партнерства², как механизм государственных закупок, где контракт жизненного цикла рассматривается как гражданско-правовой договор, поименованный и регламентированный для сферы государственных закупок³ или как «разновидность закупок для государственных и муниципальных нужд»⁴, как «нечто среднее между концессией и государственными закупками»⁵.

---

¹ См.: *Темницкая О.А.* Развитие законодательства о государственно-частном партнерстве в странах Евразийского экономического союза // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь». Минск: Юрспектр, 2022.

² См.: *Ильин И.Е.* Контракты жизненного цикла // *Аудитор*. 2011. № 3. С. 4; *Кандыбко Н.В.* Контракт жизненного цикла на вооружение и военную технику как инструмент реализации государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе // *Военная мысль*. 2018. № 5. С. 62.

³ См.: *Колтунов С.В.* Контракт жизненного цикла: понятие и проблемы применения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 11. С. 47; *Димитриев Р.С.* Об определении понятия «контракт жизненного цикла» в российском законодательстве // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 1. С. 160.

⁴ *Зверев А.И.* Контракты жизненного цикла позволяют строить дороги в условиях дефицита бюджета // *Практика муниципального управления*. 2017. № 1. С. 29.

⁵ *Хуыз З.М.* Контракт жизненного цикла как форма государственно-частного партнерства // *Вестник Академии знаний*. 2017. № 4. С. 197.

Похожим образом выстраивается правовое регулирование в государствах. В Сравнительном анализе государственно-частного партнерства и закупок Всемирного банка приводятся подходы ряда стран к регламентации соответствующих отношений и, в частности, отмечаются следующие: совместное регулирование государственно-частного партнерства и концессий, установление правил только для государственно-частного партнерства, применение законодательства о государственных закупках к отношениям государственно-частного партнерства, регулирование правом концессии или отдельными актами¹.

Однако различия в подходах к контракту жизненного цикла позволяют заметить тенденцию, когда изначально появление института контракта жизненного цикла связывается с инвестиционными отношениями, но затем наличие бюджетного финансирования со стороны государства как контрагента по контракту жизненного цикла помещает последний в плоскость государственных закупок, и таким образом происходит трансформация отношений и обрастание инвестиционного по своей сути механизма признаками, присущими государственным закупкам.

Юридическое содержание обязательств контракта жизненного цикла предполагает распределение обязанностей сторон таким образом, что одна сторона осуществляет возведение объекта, эксплуатирует его в течение периода эксплуатации, осуществляет ремонт, техническое обслуживание, а вторая сторона – государство «оплачивает за счет бюджета ... услуги по предоставлению объекта в пользование ... либо публичные услуги, оказываемые с помощью такого объекта»². Отношения сторон продолжительны во времени, как правило, ограничены жизненным циклом товаров (результатов работ), включающим стадии существования объекта (определение исходных требований, разработка (проектирование), производство (строительство), эксплуатация, обслуживание (содержание), ремонт (модернизация, утилизация)³, предусматривают вложения

¹ Benchmarking Public-Private Partnerships Procurement. Benchmarking PPP Procurement: Assessing Government Capability to Prepare, Procure and Manage PPPs 2017. URL: <https://library.pppknowledgelab.org/d/3751/download> (pppknowledgelab.org). P. 23.

² Фрейдин И.В. Контракты жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства // Российское предпринимательство. 2011. № 10. С. 35–36.

³ См.: Димитриев Р.С. Об определении понятия «контракт жизненно-

со стороны поставщика (подрядчика), их последующую оплату со стороны государства, сопровождаемые рисками¹, причем существует фактическая гарантия платежей на весь период контракта, а также «выделение зон ответственности партнеров и закрепление за государственным партнером возможности выбора частного партнера на конкурсной основе»².

Экономическое содержание контракта жизненного цикла не зависит от правовой формы и включает в себя отношения, связанные с перераспределением ресурсов, сохранением спроса на работы, услуги, выполняемые, оказываемые в рамках его заключения, поддержанием качества предложения (выполняемых работ, оказываемых услуг), снижением транзакционных издержек и издержек управления (для государства)³. В то же время необходимо признать, что в рамках контракта жизненного цикла «будущие поколения, которые пользуются объектом, осуществляют и его финансирование за счет налоговых платежей в бюджеты в будущем», что расходится с тезисом теоремы Рикардо о том, что «текущие государственные расходы не создают бремени для будущих поколений»⁴.

Доводы относительно инвестиционной природы отношений на основании контракта жизненного цикла выстраиваются на том, что правовая природа обязательств, основанием возникновения которых является контракт жизненного цикла, базируется на преимуществах от вложения инвестиций, которые получают и инвестор, и государство. Для последнего контракт жизненного цикла позволяет снизить нагрузку на бюджет в силу так называемой «многолетней рассрочки», «повысить эффективность расходования бюджетных средств путем оплаты товаров, работ, услуг при до-

---

го цикла» в российском законодательстве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 167.

¹ См.: Ракута Н.В. Использование контрактов жизненного цикла при госзакупках. Опыт развитых стран // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 59–61.

² Хуыз З.М. Контракт жизненного цикла как форма государственно-частного партнерства // Вестник Академии знаний. 2017. № 4. С. 197.

³ См.: Чеботаев А.А., Ивахненко А.М., Фаддеева Е.Ю. и др. Особенности использования контрактов жизненного цикла при эксплуатации наземного городского пассажирского транспорта // Транспорт: наука, техника, управление. 2018. № 11. С. 39.

⁴ Ракута Н.В. Использование контрактов жизненного цикла при госзакупках. Опыт развитых стран // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 60.

стижении ... заданных параметров функциональности; ... гарантировать подрядчику стабильность финансирования за пределами традиционных краткосрочных лимитов бюджетных обязательств и вне привязки к оплате публичных услуг конечным потребителем; ...упростить конкурсные процедуры путем установления возможности выбора единого заказчика и объединения в одном лоте разнородных объектов закупок»¹. Иными словами, при заключении контракта жизненного цикла «государственная сторона нуждается в определенной общественно-полезной услуге, которую предполагается оказывать с использованием объекта контракта жизненного цикла»², а «публичный партнер осуществляет периодические платежи за доступность объекта – т.н. availability payments»³.

Доводы в пользу применения для контракта жизненного цикла законодательства о государственных закупках состоят в том, что в модели контракта жизненного цикла имеются обязательства государства по оплате товаров, работ с использованием бюджетных средств, что и позволяет отнести его к сфере государственных закупок.

При таком подходе контракт жизненного цикла – это контракт, гражданско-правовой договор⁴, основу которого составляет поставка или выполнение работ и которому «присуща последующая деятельность по обеспечению (поддержанию) функциональности (работоспособности) предмета поставки или объекта подряда»⁵.

Высказываются также мнения относительно двойственности контракта жизненного цикла – с одной стороны, он рассматривается как инструмент государственно-частного партнерства, с другой

---

¹ *Димитриев Р.С.* Об определении понятия «контракт жизненного цикла» в российском законодательстве // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

² *Гринев В.П.* Контракты жизненного цикла, концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве: общее и особенное // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

³ *Белов С.А., Гриценко Е.В., Жмулина Д.А. и др.* Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / под ред. В.Ф. Попондопуло, Н.А. Шевелевой // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

⁴ См.: *Димитриев Р.С.* Об определении понятия «контракт жизненного цикла» в российском законодательстве // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

⁵ Там же.

стороны, как договор, заключаемый по результатам процедур государственных закупок¹.

При рассмотрении контракта жизненного цикла как договора, заключаемого по результатам процедур государственных закупок, полагаем, его правовая природа будет гражданско-правовой с распространением на него «правового режима государственных закупок», включающего «особый порядок заключения договора (в случаях проведения конкурентных процедур государственных закупок), его содержание, стабильность и неизменность определенных условий договора, санкции за неисполнение договорных обязательств в виде включения недобросовестного контрагента в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок, ответственность, обусловленные действием законодательства о государственных закупках»². Нахождение контракта жизненного цикла в правовом режиме государственных закупок позволит определить его правовую природу как возмездного, двустороннего, консенсуального договора, заключенного в пользу сторон договора, направленно на передачу товаров или выполнение работ³.

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, контракт жизненного цикла в силу своего юридического и экономического содержания может относиться к договорным конструкциям, используемым в инвестиционных отношениях, с присущими ему признаками, в том числе долгосрочный характер реализации проекта, участие государства в качестве стороны такого договора и оплата со стороны государства выполняемых в его интересах работ, оказываемых услуг, охват проектом всего цикла товаров (работ, услуг), включая проектирование, производство (строительство), эксплуатацию, обслуживание (содержание), ремонт, модернизацию, утилизацию.

С другой стороны, контракт жизненного цикла может выступать договорной формой для удовлетворения потребностей государства в товарах (работах, услугах), применяемой в сфере государственных закупок.

---

¹ См.: *Гринев В.П.* Контракты жизненного цикла, концессионные соглашения и соглашения о государственно-частном партнерстве: общее и особенное // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

² *Амельченя Ю.А.* Система договоров в сфере государственных закупок. Минск: Колорград, 2021. С. 294–295.

³ См.: *Димитриев Р.С.* Место контракта жизненного цикла в системе гражданско-правовых договоров // Законодательство. 2021. № 9. С. 12–13.

Выбор того или иного подхода в регулировании отношений, возникающих на основании контракта жизненного цикла, осуществляется конкретным государством с учетом особенностей конкретной правовой системы.

Полагаем, наиболее приемлемым для контракта жизненного цикла является законодательство о государственных закупках, поскольку это позволяет распространить на него правовой режим государственных закупок и возникающие в связи с этим особенности как для самих процедур государственных закупок, так и для исполнения договорных обязательств.

О.А. Бакиновская,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА В СВЕТЕ КОРРЕКТИРОВКИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Развитие общественных отношений, формирование новых подходов в осуществлении гражданского оборота, построение экономики нового типа, основанной на цифровых технологиях, различного рода экосистемах, трансформирование бизнес-моделей требует адекватного правового сопровождения. Первостепенная роль гражданско-правового договора, опосредующего значительное количество бизнес-операций, сохраняет свои позиции и в условиях цифровизации гражданского оборота. Гражданское законодательство Республики Беларусь нуждается в комплексной корректировке, в том числе, во внедрении современных подходов правового регулирования процесса заключения гражданско-правового договора. По справедливому замечанию профессора В.Н. Годунова, на необходимость существенного обновления (реновации) Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) повлияли и изменения в социально-экономической жизни страны, произошедшие после принятия ГК Республики Беларусь и связанные с переходом к экономике инноваций, развитием предпринимательства, цифровизацией экономики и т.д.¹

В настоящее время разработан и принят в первом чтении² проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» (далее –

---

¹ См.: Годунов В.Н. Гражданское законодательство Республики Беларусь: развитие и направления совершенствования // Проблемы гражданского права и процесса. 2021. С. 72.

² См.: Постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 22 декабря 2021 г. № 347-П7/VI // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

проект Закона), направленный на системное реформирование норм ГК Республики Беларусь, в том числе на унификацию гражданского законодательства государств-членов Евразийского экономического союза. По многим положениям проект Закона унифицирует гражданское законодательство Республики Беларусь и гражданское законодательство РФ, что позволит осуществить сопоставимое правовое регулирование отношений в сфере заключения гражданско-правовых договоров.

О.Ю. Скворцов отмечает, что «исходя из сути договора как процесса согласования воли двух или более участвующих в нем лиц, заключение договора предполагает такую процедуру выражения воли заинтересованных лиц, которая завершается ее окончательным совпадением¹.

Принцип свободы договора выступает одним из основных начал гражданского законодательства, и в ст. 2 ГК Республики Беларусь мы видим упоминание о свободе юридических и физических лиц в заключении договора с одновременным запретом понуждения к заключению договора. Исключение составляет ситуация, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством. В проекте Закона ст. 391 ГК Республики Беларусь дополняется возможностью заключения «непоименованного» («безымянного») договора, что проистекает из абз. 2 ч. 2 п. 1 ст. 7, определяющего в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей договоры и сделки, хотя и не предусмотренные законодательством, но не противоречащие ему. Возможность заключения непоименованного договора признавалась доктриной и судебной практикой, вместе с тем широкое распространение различного рода непоименованных договорных конструкций в повседневной деятельности субъектов хозяйствования создавало некоторые опасения в случае оспаривания условий такого договора со стороны контрагента. Целью заключения таких договоров «является поиск сторонами оптимальных решений в тех сферах деятельности, где традиционное законодательство либо не успевает за происходящими изменениями, либо создает для сторон неоправданные, по их мнению, препятствия»².

---

¹ См.: Скворцов О.Ю. Заключение договора // Гражданское право: учебник. В 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2008. Т. 1. С. 862–863.

² Овсейко С.В. Непоименованные и смешанные договоры // СПС «КонсультантПлюс. Беларусь». Минск: ЮрСпектр, 2022.

В юридической литературе не исключается возможность вмешательства государства в договорные отношения¹. Гражданское законодательство Республики Беларусь закрепляет приоритет законодательства над договором, по общему правилу, согласно ч. 2 ст. 392 ГК Республики Беларусь стороны должны привести условия заключенного между ними договора в соответствие с законодательством в ситуации, когда после заключения договора и до прекращения его действия принят акт законодательства, устанавливающий иные обязательные правила, чем те, которые действовали при заключении договора. В проекте Закона предполагается скорректировать указанную норму, закрепив правило о сохранении условий договора в силе в случае изменения законодательства в период его действия. Исключения будут составлять случаи, когда в акте законодательства прямо будет установлено, что договор подлежит приведению в соответствие с этим актом законодательства.

Нормы ст. 396 корректируются в части возможности заключения публичного договора не только коммерческой организацией, но и любым юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, что в принципе отвечает сущности публичного договора как такового, поскольку, например, весьма распространенной является ситуация, когда услуга оказывается некоммерческой организацией (например, заключается договор возмездного оказания услуг) и возникает вопрос об обязанности данной организации оказать услугу любому, кто к ней обратится. В данном случае корректировка соответствующего положения ст. 396 ГК Республики Беларусь отвечает интересам контрагентов.

На корректировку общих положений о договоре в проекте Закона направлена ст. 401-1 о недействительности договора. Вводится норма, существенно ограничивающая возможность оспаривания договора в ситуации, когда имело место принятие исполнения договора одной из сторон. Так, если хотя одна из сторон договора, который связан с осуществлением ими предпринимательской де-

---

¹ См.: *Годунов В.Н.* О принципах гражданско-правового регулирования договорных отношений // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования : матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая 2019 г. / редкол.: С. А. Балашенко. Минск: БГУ, 2019. С. 174.

тельности, приняла от другой стороны исполнение его условий, но при этом в свою очередь не исполнила полностью или частично какое-то свое обязательство, то такая сторона не вправе требовать ни одного из нижеследующего:

1) установления факта ничтожности договора, не соответствующего законодательству, и применения последствий его недействительности;

2) признания договора недействительным.

Вместе с тем из данного общего правила предполагается установить ряд исключений. Так, право требовать установления факта ничтожности договора или признания его недействительным будет сохранено, если имеет место признание договора недействительным по основаниям, обозначенным в ст. 174, 179 и 180 ГК Республики Беларусь, либо если предоставленное другой стороной исполнение связано с заведомо недобросовестными ее действиями. Данный подход в целом отвечает требованиям гражданского оборота в части обеспечения максимальной стабильности договорных отношений. Однако, по справедливому замечанию В.К. Андреева, «подобное регулирование договоров предполагает, что участник гражданского оборота вынужден определять, является ли договорное обязательство связанным с предпринимательской деятельностью, осуществляется ли она одной или обеими сторонами, имеющими статус предпринимателя»¹.

Договоры, связанные с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, также будут ограничены в возможности требовать признания их незаключенными. При наличии факта принятия одной из сторон такого договора полного или частичного исполнения либо при ином подтверждении действия такого договора, данная сторона не вправе будет требовать признания такого договора незаключенным. Вместе с тем такого рода заявление должно соответствовать принципу добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, что тем самым расширяет сферу влияния данного принципа в обязательственных правоотношениях и усиливает его значение для сферы гражданского оборота.

Завершая рассмотрение оснований прекращения договорных отношений, полагаем необходимым остановиться на таком явле-

---

¹ Андреев В.К. Вопросы теории правового регулирования предпринимательства в условиях цифровизации // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

нии, как односторонний отказ. Выполняя функцию оперативного воздействия на недобросовестного контрагента, в том числе с целью освобождения добросовестной стороны от договорных обязательств, односторонний отказ получил достаточно широкое распространение в практике, поскольку механизм его применения является простым и удобным, не связанным с необходимостью обращения в суд. Тем самым значительно снижаются транзакционные издержки добросовестной стороны при наличии возможности в максимально короткий срок прекратить действие договора полностью либо частично.

К дополнению в ГК Республики Беларусь предлагается ст. 420-1 «Односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору», устанавливающая общие правила одностороннего отказа. Односторонний отказ предполагает, что управомоченная сторона уведомляет другую сторону об отказе от договора или от исполнения договора, что является равнозначным по последствиям, поскольку действующее законодательство с точки зрения понятийно-категориального аппарата применяет вышеуказанные два подхода – односторонний отказ от договора, односторонний отказ от исполнения договора. Право стороны на односторонний отказ ограничивается действием принципа добросовестности и разумности, при этом при определении пределов действия обозначенного права также следует учитывать нормы ГК Республики Беларусь, иных актов законодательства и самого договора. Если стороны своим соглашением не избрали иную форму либо она прямо не предусмотрена законодательством, то действует общее правило о следовании формы уведомления об одностороннем отказе форме самого договора. Договорные отношения будут признаваться прекращенными с момента получения такого уведомления другой стороной, если иной момент не установлен ГК Республики Беларусь, иными актами законодательства или договором.

Закрепляя правила реализации права на односторонний отказ, одновременно проект Закона предусматривает соответствующие ограничения, позволяющие достичь определенного баланса во взаимоотношениях сторон и ограничить возможное злоупотребление правом на односторонний отказ. Так, если будут иметься основания для одностороннего отказа от договора или его исполнения, но стороной, имеющей право на односторонний отказ, будет подтверждено действие договора (например, путем принятия от другой сто-

роны исполнения обязательства), то последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Определенная специфика будет введена в отношении одностороннего отказа от осуществления прав по договору в отношении договора, сторона которого осуществляет предпринимательскую деятельность. В данном случае такая сторона при наступлении обстоятельств, предусмотренных как самим ГК Республики Беларусь, так и иными актами законодательства или договором и служащих основанием для осуществления определенного права по договору, если заявит отказ от осуществления этого права, то в последующем осуществление этого права по тем же основаниям не будет допускаться. Исключение составят случаи наступления аналогичных обстоятельств вновь.

Общие положения о договоре планируется дополнить нормами, касающимися переговоров о заключении договора. Предлагаемая редакция ст. 404-1 ГК Республики Беларусь предполагает закрепление свободы граждан и юридических лиц в проведении переговоров, самостоятельное несение соответствующих расходов и необязательности достижения соглашения в результате таких переговоров, что в целом отражает широкий подход к сущности принципа свободы договора. Вместе с тем такого рода свобода в проекте Закона уравнивается требованиями действовать добросовестно на всех стадиях, т.е. при вступлении в переговоры, при их непосредственном проведении, а также при их завершении. Под запретом предполагается оставить вступление в переговоры либо их продолжение при заведомом отсутствии достичь какого-либо соглашения с другой стороной. Отдельно выделены действия сторон при проведении переговоров, которые будут считаться недобросовестными. К таковым планируется отнести:

1) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны;

2) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать.

Отдельно следует остановиться на корректировке норм о торгах. При этом под торгами в проекте Закона предполагается понимать конкурентный отбор по заранее объявленным условиям.

Мы разделяем мнение профессора О.А. Беляевой, что «необходимыми предпосылками для использования именно механизма торгов являются три составляющие: достаточный уровень конкуренции между потенциальными контрагентами заказчика торгов; относительно крупная сумма договора, разыгрываемого на торгах; достаточные сроки для проведения самой процедуры торгов. Отталкиваясь от противного, отметим нецелесообразность проведения торгов в отношении мелких по сумме договоров, в случае срочной необходимости заключения договора, при низком уровне конкуренции, а равно и в отсутствие таковой»¹. Торги довольно прочно вошли в практику построения экономических связей между субъектами хозяйствования и показали свою эффективность, в частности, это касается сферы осуществления государственных и иных видов закупок. В частности, проектом Закона допускается помимо традиционных конкурса или аукциона проведение торгов в иных формах, предусмотренных законодательством, и закреплены критерии определения победителя данных торгов. Вместе с тем каких-либо специфичных правил заключения договора по результатам электронных торгов проектом Закона не предусматривается, несмотря, например, на перевод заключения договора в определенных сферах исключительно в форму электронного документа (в частности, заключение договора государственной закупки по результатам открытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений).

Однако стремительное развитие процессов цифровизации и, как следствие, повсеместное расширение сферы электронного взаимодействия субъектов хозяйствования ставят вопрос о дополнительной оценке действующих норм ГК Республики Беларусь и проекта Закона на предмет их достаточности для эффективного функционирования цифрового гражданского оборота, что требует отдельного научно-практического анализа.

Таким образом, проектом Закона предполагается существенное реформирование общих положений о договоре, которые, на взгляд автора, окажут положительное влияние на гражданский оборот и в целом будут способствовать построению эффективных договорных конструкций как между субъектами хозяйствования, так и между гражданами. Значительное усиление влияния принципа

---

¹ Беляева О.А. Предназначение торгов // СПС «КонсультантПлюс. Россия». М., 2022.

разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений, а также принципа свободы договора позволит соответствующим образом скоординировать правоприменительную практику, в том числе повысить роль договора. Значительное количество положений ГК Республики Беларусь предлагается унифицировать по аналогии с Российской Федерацией.

Т.А. БЫКОВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права*

Саратовской государственной юридической академии

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ

Несмотря на непростую ситуацию, связанную с распространением по всему миру пандемии COVID-19 и ограничениями в связи с этим свободы перемещения граждан, туристская деятельность, с одной стороны, испытывает определенные трудности по продвижению своего продукта на мировом рынке, а с другой – данная ситуация дала новый импульс развитию внутригосударственного туризма. В настоящее время есть все предпосылки к восстановлению темпов ее роста, существовавшего в допандемический период. Однако соответствующие услуги остаются востребованными и пользуются спросом, как у граждан – потребителей, так и у юридических лиц для организации поездок сотрудников фирм в профессиональных и иных целях.

Развитие туризма невозможно без качественного его осуществления, оптимального баланса интересов всех участников, надлежащей защиты прав и законных интересов всех субъектов. Законодательство, регулирующее договорные отношения в сфере туризма, с учетом современных требований, предъявляемых к качеству оказываемых услуг, требует дальнейшего совершенствования его регулятивных и охранительных функций. Вопросы, связанные с разграничением обязанностей между турагентом и туроператором, их ответственности, четкого регулирования оснований и последствий расторжения договора об оказании туристских услуг, создают сложности в правоприменительной практике в процессе защиты потребителями своих прав и законных интересов. Основная часть судебных споров, связанных с оказанием туристских услуг, относится к категории гражданских дел по защите прав потребителей. Количество таких споров за последние десять лет выросло более, чем вдвое (с 142 236 до 299 400 дел в год), что подтверждает важность и актуальность совершенствования законодательства в сфере ока-

зания туристских услуг, создания действенного механизма и единообразного толкования и применения соответствующих норм права.

Оказание туристских услуг наряду с общими нормами главы 39 ГК РФ регулируется также специальным законодательством: федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее – закон о туристской деятельности)¹; Постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1852 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» (далее – Правила оказания туристских услуг)².

Объектом правоотношения (предмет договора здесь совпадает с объектом правоотношения) по оказанию туристских услуг является действие по реализации туристского продукта. Под туристским продуктом понимается комплекс услуг по перевозке и размещению туристов, оказываемых за общую цену самого продукта, независимо от включения или нет в ее стоимость экскурсионного обслуживания, а также других, сопутствующих данной деятельности услуг.

Субъекты, оказывающие туристские услуги, имеют особую, присущую данной сфере деятельности сложную структуру взаимоотношений. Условно, лиц, задействованных в процессе реализации турпродукта, можно разделить на основных и так называемых вспомогательных. К основным участникам данных правоотношений относятся сами турфирмы, перевозчики, работники гостиниц, экскурсоводы, страховщики, которые непосредственно занимаются осуществлением услуг в сфере туризма. К вспомогательным – лица, участвующие в продвижении турпродукта, в частности, рекламные агентства, организаторы специализированных выставок, ярмарок, организации туристических информационных центров и др. Взаимодействие всех участников по продвижению турпродукта невозможно без слаженного между ними взаимодействия. Для потребителя туруслуг имеет значение весь механизм, задействованный в реализации его субъективного права на оказание качественных туристских услуг.

---

¹ См.: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.).

² См.: Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1852 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта».

Однако приоритет в данной «иерархии» участников занимает турагентство (туроператор) как сторона договора на оказание тур-услуг (ст. 1 Закона о туристской деятельности). Поэтому глава 39 ГК РФ охватывает только туроператорскую и турагентскую деятельность по «реализации туристского продукта».

Действующее законодательство закрепило ряд требований, предъявляемых к данным субъектам. Во-первых, туроператором вправе выступать только юридическое лицо, обладающее специальной правоспособностью, турагентом – как юридическое лицо, так и индивидуальный предприниматель. Во-вторых, туроператор обязан страховать свою гражданскую ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств по договору о «реализации туристского продукта» либо иметь ее «финансовое обеспечение» в виде банковской гарантии (ст. 4.1 Закона о туристской деятельности). В-третьих, для легализации туристской деятельности туроператор обязан внести сведения о своей деятельности в единый федеральный реестр туроператоров (ст. 4.1 и 4.2 Закона о туристской деятельности).

В соответствии со ст. 9 Закона «формирование туристского продукта» предоставляет возможность туроператору привлекать третьих лиц, турагентов, к исполнению своих обязательств. Пункты 6 и 7 ст. 9 Закона о туристской деятельности предусматривают в этом случае оформление договорных отношений на основе агентского договора. Однако нести ответственность перед потребителем за неоказание или ненадлежащее оказание услуг, входящих в «туристский продукт», независимо от того, кем они должны были оказываться или фактически оказывались, будет туроператор. Таким образом, закон предусматривает повышенную ответственность туроператора, т.е. за чужую вину перед туристом или иным заказчиком.

По общему правилу, туроператор отвечает за действия (бездействие) третьих лиц, оказывающих туристские услуги. Вместе с тем ст. 313 ГК РФ и п. 26 Правил оказания туристских услуг предусматривают возможность в случаях, предусмотренных законом или иными правовыми актами, возложения ответственности перед туристом или иным заказчиком на туроператора. Например, по спорам, возникающим при осуществлении чартерных воздушных перевозок пассажиров, в рамках исполнения договора о «реализации туристского продукта», надлежащим ответчиком будет туроператор,

который зафрахтовал воздушное средство без согласия арендодателя от своего имени с третьим лицом (п. 2 ст. 638 ГК РФ).

Договор об оказании туристско-экскурсионных услуг должен быть заключен в письменной форме и соответствовать законодательству о защите прав потребителей (ст. 10 Закона об основах туристской деятельности). Допускается использование типовых форм договора.

Договор в форме электронного документа считается заключенным с момента оплаты туристского продукта, т. е. становится реальным, при этом формируется электронная путевка.

К существенным условиям договора относятся: а) предмет – это турпродукт, включающий в себя информацию по программе пребывания, маршруте следования, месте проживания, питанию; б) сведения о туристе; в) финансовое обеспечение; г) общая цена турпродукта. Кроме того, обязательным является указание реестрового номера туроператора.

По правовой природе договорным отношениям, связанным с предоставлением туристских услуг, присущ двойственный характер. С одной стороны, возможность их осуществления зависит от так называемых организационных договоров со смежными партнерами – юридическими лицами, призванными содействовать развитию туристской индустрии (это организации, например, гостиничного, транспортного, страхового, информационного, рекламного назначения), а с другой – непосредственно договоры с потребителями туристских услуг. По существу, возникают договорные обязательства с признаком множественности лиц на стороне должника по отношению к заказчику как кредитору. При этом обязательства перед туристом иным заказчиком возникают не только у турагента, но и у туроператора, и перевозчика, и гостиницы и др. участников (у каждого в своей части), что обусловлено особым характером самой туристской деятельности, правовым статусом туроператора, а также сложной структурой договорных отношений в сфере туристского обслуживания. Все эти факторы не могут не оказывать влияние на процесс исполнения договора об оказании туристских услуг, в ходе которого возможны различного рода нарушения, нередки и ситуации, связанные с требованиями потребителей, заказчиков об изменении и расторжении договора. Пункты 6 и 7 ст. 10 Закона об основах туристской деятельности предусматривает такую возможность, когда каждая из сторон договора о реализации

туристского продукта вправе потребовать его изменения или расторжения в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых они исходили при его заключении. К таковым относятся: а) ухудшение условий путешествия по сравнению с теми, которые указаны в договоре; б) изменение сроков; в) непредвиденный рост транспортных тарифов; г) невозможность совершения туристом поездки по независящим от него обстоятельствам (болезнь, отказ в выдаче визы и др.).

Согласно п. 20 Правил оказания туристских услуг, каждая из сторон договора о реализации также вправе потребовать его изменения или расторжения в случае возникновения обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране (месте) временного пребывания угрозы безопасности жизни и здоровью туриста, а равно опасности причинения вреда его имуществу. Данное положение правил транспонируется со ст. 451 ГК РФ. Каждая из сторон договора о реализации туристского продукта вправе потребовать его изменения или расторжения в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых они исходили при его заключении. Ограничения, связанные с пандемией COVID-19, подпадают под действие ст. 451 ГК РФ и п. 20 Правил оказания туристских услуг. В связи с этим следует отметить, что применение названных нормативных актов в данной ситуации должно иметь место при наличии в совокупности двух обстоятельств. Во-первых, когда ограничения были приняты страной – пребывания туриста после приобретения им туристического продукта и, во-вторых, решение принимает турист по своим субъективным мотивам.

Так, Советский райсуд г. Липецка 30 июля 2020 г. рассмотрел дело по иску Сулина к ООО «ПЕГАС ТУРИСТИК», ООО «ПЕГАС ФЛАЙ», ИП Суржик Дарье Николаевне о взыскании денежных средств, компенсации морального вреда. В обоснование требований истец указал, что 29 февраля 2020 г. он заключил с турфирмой договор оказания услуг по подбору, бронированию и реализации туристского продукта для поездки в Доминиканскую Республику.

За оказание услуг по договору были уплачены денежные средства в сумме 159 780 руб. Однако воспользоваться данным туром истец не смог в связи с угрозой безопасности жизни и здоровью туристов, обусловленной распространением в мире новой корона вирусной инфекции (COVID-19), приостановкой пассажирских авиарейсов.

Истец уведомил ответчика об аннуляции предстоящего тура и заявил о возврате уплаченной денежной суммы.

Туроператор ООО «ПЕГАС ФЛАЙ» денежные средства не возвратил, а направил 9 апреля 2020 г. в адрес ИП Суржик Д.Н. гарантийное письмо о том, что денежные средства депонируются на срок до 31 декабря 2021 г.; в срок до 31 декабря 2021 г. туристы имеют право воспользоваться уплаченными денежными средствами для бронирования нового тура у данного туроператора.

Истец отклонил данное предложение, потребовал расторжения договора и возврата уплаченных денежных средств. В адрес ответчиков была направлена соответствующая письменная претензия, а позже, по электронной почте истец получил ответ об отказе в удовлетворении заявленных им требований.

Суд, рассмотрев дело, удовлетворил требования истца в полном объеме¹. Принимая обоснованное решение, суд исходил из того, что истец не воспользовался услугами по организации тура, а ответчики не имели права удерживать уплаченные туристом денежные средства, заявленные истцом требования о расторжении договора и возврате денежных средств было им заявлено турагенту и туроператору заблаговременно до начала запланированной турпоездки. Кроме того, соглашение о предоставлении равнозначного туристского продукта в рамках договора оказания услуг по подбору, бронированию и реализации туристского продукта достигнуто не было.

Более того, истец настаивал на расторжении договора и возврате денежных средств. Однако туроператор не согласился с предъявленными истцом требованиями. Суд, рассмотрев дело, удовлетворил требования истца в полном объеме.

Ответственность исполнителя туристских услуг перед потребителем установлена ГК РФ, Законом о защите прав потребителей и изданными в связи с ними правовыми актами. Претензии к качеству туристского продукта предъявляются туристом или иным заказчиком туроператору в письменной форме в течение 20 дней со дня окончания действия договора и подлежат рассмотрению в течение 10 дней со дня их получения (п. 8 ст. 10 Закона). Однако предъявление претензии считается правом, а не обязанностью потребителя,

---

¹ См.: Архив Советского районного суда г. Липецка от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2412/2020 по иску Сулина к ООО «ПЕГАС ТУРИСТИК», ООО «ПЕГАС ФЛАЙ» о взыскании денежных средств, компенсации морального вреда.

поэтому претензионный порядок здесь не является обязательным. Вместе с тем защита прав туриста, как потребителя туристического продукта, требует дальнейшего правового регулирования с учетом всего комплекса проблем, проявившихся в ходе реализации процесса оказания туристских услуг. Так, следует согласиться с теми авторами, которые придерживаются предложений относительно разграничения ответственности туроператора и перевозчика¹. В случае одностороннего расторжения договора по инициативе туриста (чаще всего это имеет место по уважительным причинам) следует исходить из баланса интересов обеих сторон. Здесь определяющим фактором является разработка критериев определения фактических расходов, понесенных сторонами договора, и их минимизация. Например, наличие денежных обязательств туроператора перед вспомогательными участниками договорных отношений, вовлеченными в оказание туристических услуг или закрепления в договоре обстоятельств, при наличии которых у заказчика (туриста) возникают наиболее благоприятные последствия по минимизации.

---

¹ См.: *Баумгартен Л.В.* Управление качеством в туризме: учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2010; *Веселова Н.Ю.* Организация туристической деятельности: учеб. пособие. М.: Дашков и К°, 2015.

В.П. Васькевич,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИЧНОЙ ЖИЗНЬЮ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕННЫЕ ВОЗНИКНОВЕНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Как показывает практика, в тексте договоров со спортсменами встречаются условия, согласно которым спортсмен «передает» («предоставляет») спортивной организации эксклюзивные права на использование своего образа, в том числе фото-, видео-изображений. При этом соглашения об использовании изображения, имени и фактов личной жизни не такая уж редкость, но они не вполне разработаны с теоретических позиций. Так, отмечается, что законодательство нацелено на регулирование самих неимущественных прав, а не договорных форм их использования.

Отсутствие внимания законодателя к таким соглашениям отчасти объясняется новизной самой проблемы и развитием технологий, в которых осуществляется реализация таких договоров. Обычно речь идет о простом изображении спортсмена, например, на фотографии. Это означает, что речь идет о той группе нематериальных прав, которые в принципе не передаются и не способны к обороту (ст. 150 ГК РФ). Однако лицо, изображенное на фотографии (видео-изображении), может дать согласие на обнародование или иное использование своего образа; использование изображения без согласия допускается также в некоторых иных случаях (ст. 151.1. ГК РФ).

Клуб вправе использовать изображение спортсмена в своей рекламной, маркетинговой и иной подобной деятельности и лишь в пределах разрешенного. Обратим внимание на то, что у клуба не может возникнуть «права на образ», у него может быть лишь право использовать конкретное изображение. Поэтому сама запись в трудовом договоре о том, что клуб имеет «тотальное» («всегда

и на все времена») право на любые изображения спортсмена некорректно, не соответствует закону.

Включение таких условий в текст трудового договора возможно, но нецелесообразно, потому что направленность данного договора иная, не предполагает регламентации личных неимущественных отношений¹. Разумеется, спортсмен вправе давать отдельное согласие на использование своего изображения, в том числе за плату, но он не вправе давать согласие (как «разрешение») на использование своего образа «всегда». Подобное положение вступает в конфликт с законодательными установками уже потому, что телеологическое толкование значения отдельных действий не может заменить (подменить) саму норму.

Коммерциализация спорта, охватывая и случаи использования облика спортсмена, не способна в принципе разрешить вопрос о включении в оборот тех прав, которые «неотторжимы и неотчуждаемы».

Нередко используются более широкие формулировки, включающие в единое текстуальное пространство такие слова, как «имя», «имидж» и «данные» о спортсмене. Фактически речь идет о возможности использования сведений о личной жизни спортсмена, что недопустимо как с точки зрения норм ГК РФ, так и отдельных федеральных законов². Статья 152.2. ГК РФ, посвященная охране частной жизни, охватывает более значительный по объему состав личных неимущественных прав, нежели «право на изображение»³. В актах Минспорта также используется выражение «имиджевые права».

---

¹ Следует признать, что выражение согласия в данном случае является сделкой. Ответственная судебная практика исходит из этого же постулата (Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 13 марта 2008 г. № Ф08-1048/08, см. также п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // СПС «КонсультантПлюс»).

² См., например: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

³ См., например: *Вострикова Е.А., Полухина Р.Э.* Имиджевые права спортсменов в России как институт частного права // *Современное право.* 2013. № 12. С. 87–95. Надо согласиться с мнением авторов статьи о том, что «спортивная деятельность любого российского спортсмена, так же как и творчество артиста, является самовыражением личности в рамках трудовой функции, но не услугой.

Например, в Методических рекомендациях¹ указано, что «Имиджевые права – это права, приобретенные в результате профессиональной деятельности человека, направленные на защиту его имени, деловой репутации, неприкосновенности частной жизни, иных нематериальных благ и результатов интеллектуальной деятельности». С данным высказыванием трудно согласиться, в том числе потому, что это не «права» и они приобретаются «не в результате профессиональной деятельности», а сопровождают всякого человека, наличествуют в его исходном статусе.

В указанных выше Методических рекомендациях (п. 5) высказана мысль о том, что «спортивное выступление» может рассматриваться как «объект интеллектуальной собственности»². Остается не совсем понятным, почему не используется нормативно предусмотренная терминология и какой именно объект имеется в виду. Вряд ли это может быть авторское произведение, хотя закрытого перечня их нет (см. гл. 70 ГК РФ). Возможно отдельные элементы спортивного мероприятия (и выступления) могут рассматриваться как авторское произведение, но это может касаться лишь тех его частей, которые обладают признаками авторского произведения³. Однако здесь (в этом случае) не достаточно, как указано в Методических рекомендациях, «заранее продумать» выступление. Практически претендовать на защиту как авторские произведения могут лишь те части выступления, которые имеют форму, достаточную для признания их произведением⁴. Действительно, в ряде стран предусмотрена правовая охрана прав организаторов соревнования

---

¹ См.: п. 4 Письма Минспорта России от 27 июля 2017 г. № ПН-05-10/5493 «Методические рекомендации о направлениях совершенствования правового регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности (включая авторские и смежные права) и средств индивидуализации в области физической культуры и спорта» // СПС «Консультант-Плюс».

² Сходное предложение высказано и в литературе (См.: *Понкин И.В., Редькина А.И.* Право интеллектуальной собственности в сфере футбола // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 5. С. 7–14; № 6. С. 7–14).

³ См. об этом: *Гаврилов Э.П.* Нюансы в авторском праве // Патенты и лицензии. 2019. № 4. С. 2–9; *Витко В.С.* О признаках произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 12. С. 12–25.

⁴ По этим причинам специалисты не видят перспективы в том, чтобы спортивное соревнование было признано произведением (См.: *Витко В.С.* О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. М.: Статут, 2017).

(например, во Франции, Греции)¹, но, насколько известно, она осуществляется как защита именно смежных прав, а не прав на авторское произведение. При этом сценарии и музыкальные произведения итак находятся под защитой авторского права, но и они, как это вполне понятно, не являются формой соревнования.

Пунктом 4 статьи 20 ФЗ о физической культуре и спорте предусмотрено право организаторов «на освещение» соревнований посредством трансляции изображения и (или) звука мероприятий любыми способами и (или) с помощью любых технологий, а также посредством осуществления записи указанной трансляции и (или) фотосъемки мероприятий. Несомненно, это лишь особая разновидность прав на «вещание» (гл. 71 ГК РФ), но не авторское право. Такое право может быть ограничено правами МОК или соответствующей международной федерации, которые, как правило, сохраняют за собой все права на запись и вещание.

Нередко такие положения оцениваются критически, но их ошибочность вытекает вовсе не из того, что «условия трудового договора должны быть связаны с трудовой функцией спортсмена»². При оценке подобных условий важно разграничивать конкретные объекты и права, которые могут возникнуть. Если имеется в виду изображение спортсмена, то в силу прямого указания закона никто помимо самих спортсменов такими правами обладать не может. Если имеется в виду «запись» в значении ст. 1304 ГК РФ, и она сделана самим организатором соревнований, то, как и всякая иная видеозапись или фонограмма, она, действительно, является объектом смежных прав организатора. Что же касается, например, интервью спортсмена, то здесь по общему правилу авторское право принадлежит интервьюеру и спортсмену (при условии творческого вклада каждого в текст)³. Но у организатора таких прав не возникает, если только лицо, берущее интервью, не действует в рамках трудовых обязанностей (правовой режим «служебного произведения», ст. 1295 ГК РФ).

---

¹ См.: Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 2. С. 281–309.

² Алексеев С.В. Спортивное право: учебник // Закон и право, 2016. С. 563

³ См.: Невская М.А., Сухарев Е.Е., Тарасова Е.Н. Авторское право в издательском бизнесе и СМИ: практическое пособие. М.: Дашков и К°, 2008.

Следует также учитывать, что собственно авторские права в принципе возникают лишь у физических лиц (п. 1 ст. 1228 ГК РФ), у организатора (клуба) они возникнуть не могут. Постановка (режиссура) таких мероприятий (выступлений), их исполнение¹, в том числе спортсменами, могут породить лишь смежные права (ст. 1304 ГК РФ)². Для их появления не требуется какой-либо регистрации или иной легитимации. Проблема, скорее, в другом: как именно обособлять смежные права отдельных спортсменов (например, на запись изящно забитого гола или удачного дриблинга) от других действий в матче, как в дальнейшем реализовать их с коммерческим назначением, в том числе в отрыве от тех или иных записей соревнования³. Правда, заметим, что исключительное право на отдельные смежные права и в Российской Федерации может передаваться другим лицам (см. ст. 1308.1 ГК РФ).

Если же имя спортсмена, с его согласия, включается в состав товарного знака клуба, то речь идет вовсе не об имени, а об элементе особого средства индивидуализации; при этом правообладателем его может быть и сам спортсмен⁴ (если он зарегистрирован как индивидуальный предприниматель).

В доктрине встречается понятие «имиджевые права» спортсменов и отмечается, что они «не затронуты гармонизацией»⁵. К элементам «имиджевых прав» спортсменов указанные авторы отно-

---

¹ См.: *Иванов Н.* Правовая охрана театральные постановок: современное состояние и предстоящие изменения // *ИС. Авторское право и смежные права.* 2017. № 10. С. 7–16.

² В литературе в таких случаях обычно следует ссылка на ряд судебных дел за рубежом, но и отечественное законодательство дает совершенно однозначный ответ – смежные права фактически возникают у спортсменов (См.: *Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019.*)

³ Хотя в некоторых странах подобная практика уже имеется (См.: *Sousa e Silva N. Direitos conexos (ao direito de autor). O regime em Portugal e em Espanha e no direito Comunitário // Revista da Ordem dos advogados. Lisboa, 2016. Ano 76. Vol. I. P. 355–445.*)

⁴ См., например: *Шевченко О.А.* Природа и особенности спортивно-трудоого договора в профессиональном спорте // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2014. № 3. С. 61–71.

⁵ *Понкин И.В., Редькина А.И.* Право интеллектуальной собственности в сфере футбола // *ИС. Авторское право и смежные права.* 2017. № 5. С. 7–14; № 6. С. 7–14.

сят имя и фамилию спортсмена, псевдоним (прозвище), авторские жесты, авторский слоган, автограф (либо те или иные сочетания данных элементов). Надо заметить, что под имиджем традиционно понимается «индивидуальный облик», перечень возможных компонентов которого необычайно велик и не исчерпывается отмеченными элементами (в частности, можно выделить манеры, рост, особенности речи, стрижку и пр.), но в любом случае это средства индивидуализации прототипа¹.

Закон не выделяет никаких «имиджевых прав» как самостоятельных прав, не возникает в отношении элементов имиджа и интеллектуальных прав (они не номинированы в качестве таковых в нормах части четвертой ГК РФ). Поэтому больший интерес представляет защита вполне конкретных личных прав спортсменов в условиях, имея в виду, что никто без их согласия не вправе пользоваться их изображением, подглядывать за фактами личной жизни и пр. А там и тогда, когда спортсмен решит придать им коммерческий характер, он, пусть и ограниченно, и сегодня обладает определенным инструментарием для организации и контроля процесса коммерциализации. При этом следует учитывать специфику правовой регламентации отношений в части персональных данных в ЕС, где с мая 2018 г. действует европейский Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR)². Он представляет собой совокупность различных актов ЕС относительно сведений о физических лицах, дает им больше инструментов по реализации своих неимущественных прав и их защите.

К примеру, известный спортсмен Ф. обратился в суд к ООО «В» с иском о взыскании задолженности по уплате платежей по договору о передаче неисключительных прав на использование имиджа спортсмена при рекламе определенного товара³. Ответчик заявил встречный иск, ссылаясь на то, что Ф. нарушил условие договора о том, чтобы в течение срока действия договора «не принимать никаких предложений о персональном участии в рекламе любых компаний», осуществляющих деятельность на аналогичных рынках.

---

¹ См.: Белов В.А. Гражданское право. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: учебник. М.: Юрайт, 2012. С. 833–844.

² См.: URL: <https://ogdpr.eu/ru> (дата обращения: 11.01.2022).

³ См.: Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 июля 2017 г. № 33-13238/2017 по делу № 2-596/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Районный суд иски о взыскании убытков удовлетворил в полном объеме, апелляционный суд поддержал решение в части требований спортсмена, а в удовлетворении встречных требований отказал. Ключевым оказался вопрос о том, является ли нарушением условий договора регистрация спортсмена в качестве индивидуального предпринимателя и учреждение им в России ООО, намеревающегося выпускать продукцию, относящуюся к тому же виду, что и продукция ответчика. Суд эти действия не расценил как нарушающие договор по той причине, что истец должен был совершать действия в сфере рекламы, тогда как указанная деятельность истца должна рассматриваться как производственная.

Таким образом, спортсмен может просто дать согласие на использование своего изображения (например, на фотографии), но может и заключить полноценный договор. Важно указывать сферу использования образа спортсмена, в том числе для того, чтобы это не порочило его имя, и имелась возможность контроля за использованием, а также для того, чтобы сохранить возможность использовать свой имидж по иному назначению.

А.В. Гирвиц,

*кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского права и гражданского
процесса Санкт-Петербургского университета МВД России*

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

В качестве способа компенсации морального вреда в ч. 1 ст. 1101 ГК РФ названа компенсация в денежной форме. Здесь мы имеем дело с определенной фикцией, поскольку моральный вред как неимущественную категорию в буквальном смысле, безусловно, деньгами возместить нельзя, а лишь можно вести речь о компенсировании. Вряд ли можно утверждать, что деньги могли бы успокоить душевные страдания, за исключением, конечно, патологических случаев, когда нравственный уровень человека позволяет ему утешиться деньгами, забыв о причине страданий. По общепринятым канонам это невозможно. Однако возможно иное, что способны сделать деньги. Это – обеспечить устранение тех причин, которые послужили основаниями причинения морального вреда, и их последствий. Так, если были распространены порочащие лицо сведения, то с помощью денег возможно, например, провести кампанию по воссозданию имиджа, повышения рейтинга лица с помощью различных мероприятий.

При этом возникает вопрос о том, подлежит ли оценке сам моральный вред, либо такие категории, как деловая репутация, честь, достоинство, или все же следует вести речь только о стоимости тех мероприятий, которые необходимы лицу для возмещения морального вреда, т. е. требующие компенсационных действий. Конечно, все это связано и в обиходе практически неразделимо, что позволило утверждать об определенной имущественной стоимости деловой репутации, в которую предлагается включать:

а) стоимость затрат на создание имиджа лица (физического или юридического), в состав которых могут входить расходы по проведению рекламы, организации выставок, презентаций, спонсирование и пр.;

б) денежную оценку «нематериального» капитала (гудвил) – деловых связей, престижа торговой марки, уровня корпоративного управления, устоявшейся клиентуры и др.;

в) стоимость будущих неполученных доходов.

В таком «комплекте» как раз и можно составить себе представление о том, как приблизительно достигалось то, что именуется деловой репутацией. Это действительно наглядно демонстрирует сложность и затратность формирования положения лица в обществе и на рынке. Первая их составляющая – не что иное, как обычные затраты материального характера, произведенные лицом в процессе своей деятельности; вторая – оценка не вещественных категорий, которые, однако, важны для лица; третья – неполученные доходы. Таким образом, первая и третья – это состав убытков, а вторая – нематериальные активы.

Можно сказать и иначе: первое – это то, что было; второе – то, что есть; третье – то, что будет. Причем первое и третье – это сугубо материальные показатели, а второе – напротив, но, тем не менее, имеющее материальную оценку. Ее, кстати, можно продемонстрировать достаточно просто. Например, юридическое лицо по тем или иным причинам собирается прекратить свою деятельность на рынке, для чего распродало свои материальные активы и в результате никакого имущества у него не осталось. Однако кто-то заинтересован «приобрести эту компанию»¹ и готов за это заплатить деньги. Возникает вопрос: что покупается, если имущество как таковое отсутствует не только в смысле совокупности вещей, но и имущественных прав и обязанностей? Ответ один: для покупателя важна деловая репутация этой компании на рынке и именно из-за нее он не создает новое юридическое лицо, а хочет продолжить деятельность уже существующего.

Несмотря на такую тесную взаимосвязь неимущественных прав юридического лица с их имущественной оценкой, все же вряд ли можно утверждать об этом как о данности. Тем более, если не забывать, что честь, достоинство и деловая репутация являются однопорядковыми правовыми явлениями. Если допустить, что деловая репутация имеет имущественную оценку, то такую могут иметь и честь, и достоинство. Если деловая репутация возникает не на ровном месте, а вследствие приложения сил по ее наработке,

---

¹ Хотя этим понятием часто оперируют в быту, оно условно, т.к. компания не объект, а субъект права.

то и не должны исключаться такие рассуждения в отношении чести как социально значимой положительной оценки лица со стороны общественного мнения, поскольку для его формирования требуется приложение усилий со стороны лица, которые подразумевают и материальные затраты (например, на образование). Да и в отношении достоинства это не исключено. Понимаемое как самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств, достоинство также может быть увязано с материальными аспектами (например, в отношении этих профессиональных навыков).

Что касается нарушения деловой репутации, вследствие чего лицу причинен моральный вред, взыскиваемый в денежном выражении, то тем самым неимущественная категория оценивается в имущественном (денежном) эквиваленте. Однако это не так, ибо суммы, взыскиваемые в подобных случаях, призваны обеспечить компенсацию того утеряннного или нарушенного блага, которое является ключевым фактором, когда мы говорим о моральном вреде.

Поскольку моральные категории находятся в более тонком пространстве по сравнению с грубыми материальными, то для них неприемлема имущественная оценка. Если имущество может быть восстановлено (отремонтировано, вместо одних приобретены иные подобные или такие же вещи), то когда речь идет о моральном вреде, то и компенсация его лежит прежде всего в духовной сфере. Так, требуются определенные усилия, чтобы переубедить общественность в порядочности лица, которое было подвергнуто сомнению, т. е. лицу, в конечном счете, важно, чтобы о нем продолжали думать хорошо и чтобы реанимировалось то мнение о нем, которое было ранее, до нарушения его репутации. Однако достичь этого с помощью лишь разговоров и доводов, да еще и исходящих от самого лица, беспокоящегося о своей репутации, вряд ли удастся. Для этого требуются массивные усилия, которые стоят денег, поскольку они связаны с затратами, например, проведением каких-либо публичных акций типа рекламной кампании, серий публикаций и пр.

Возможно и удовлетворение нарушенных неимущественных прав лица, на наш взгляд, путем передачи ему какого-либо имущества. Этот способ, очевидно, уместен в том случае, если моральный вред был причинен уничтожением имущества лица, а также при повреждении здоровья, если потерпевшему будет предоставлено имущество, хоть как-то сглаживающее его страдания (например, автомобиль либо инвалидная коляска в случае ампутации ног). Такой способ

компенсации, будучи материальным, выполняет, однако, иную функцию – вернуть человеку возможность общения, привычной среды и пр. Наконец, возможны ли другие способы, который законодатель, однако, прямо не называет? Это может быть совершение определенных действий со стороны ответчика по восстановлению чести, достоинства и деловой репутации и даже само по себе судебное признание незаконности действий лица, которое содержится в решении суда.

Такой способ компенсации морального вреда, как совершение определенных действий, наиболее уместен в случаях распространения неправдивых сведений в средствах (или средствами) массовой информации, которые могут обязываться не просто дать их опровержение в печатном виде или в эфирном пространстве, но и поместить более развернутую информацию об имевшем место конфликте с тем, чтобы читатели (слушатели, зрители) составили себе полное представление о случившемся и изменили свое отношение к этому. Следует отметить, что подобные действия должны выполняться не нарочито вынужденно, а добросовестно. Так, в случае, когда газета разместила опровержение «вверх ногами», то сомнений нет в том, что несмотря на решение суда, она не согласилась с мнением о неправдивости сведений и продемонстрировала это таким образом. Конечно, вряд ли у читателя после такого «опровержения» сложится однозначная убежденность в правильности позиции обиженной стороны, защищенной решением суда.

Несмотря на денежную компенсацию, выплачиваемую при компенсации морального вреда, либо на затраты по публикациям и иным публичным мероприятиям, к которым может быть по суду обязан причинитель вреда, такой вред и то, что называется в ст. 15 ГК РФ убытками, существенно различаются. Даже денежный эквивалент, который понимается как способ компенсации морального вреда, не есть выразитель последнего, а используется лишь для достижения цели восстановления неимущественных благ.

Кроме того, материальный вред всегда конкретен, хотя и обычно трудно доказуем, особенно, что касается неполученных доходов. Напротив, моральный вред, не имея имущественного выражения, при его компенсации подлежит возмещению в деньгах как весьма и весьма оценочная категория. И в этом заключается один из главных его парадоксов. С одной стороны, он не может быть точно и однозначно определен, а с другой – в решении суда как раз и должен содержаться точный размер денежной компенсации.

Л.Я. Данилова,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права Уральского государственного
юридического университета им. В.Ф. Яковлева*

ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В соответствии со ст. 41 Конституции РФ «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Понятия «здоровье», «медицинская помощь» и «медицинская услуга» сформулированы в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹: «здоровье – состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма»; «медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг», «медицинская услуга – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение.»

При обращении гражданина в медицинское учреждение он наделяется правовым статусом пациента. В части 1 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» закреплено, что «пациент – физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния». От имени пациента может выступать и его законный представитель. Важно определить, с какого момента возникает правовая связь с одной стороны между лицом, лично обратившимся за медицинской помощью либо с помощью действий его законного представителя, и медицинской

---

¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 8 марта 2022 г.), далее именуемый ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

организацией с другой стороны. В данном случае не имеет значения организационно-правовая форма медицинской организации, а также возмездно (в том числе по договору добровольного медицинского страхования) либо безвозмездно (по программе обязательного медицинского страхования) оказывается такая помощь и, соответственно, медицинские услуги. По нашему мнению, такая правовая связь организационного характера¹ возникает с момента, когда гражданин – пациент либо его законный представитель обратились в медицинскую организацию, в том числе и с использованием интернет-ресурсов. Например, через информационный портал для записи на прием к врачу (по месту жительства или месту нахождения), через портал Госуслуг, с помощью сайта медицинской организации, если такая возможность ею предоставлена для записи на прием к врачу или на иные медицинские услуги. Именно с указанного момента гражданин приобретает статус пациента и, соответственно, гражданина – потребителя, на возникающие отношения распространяется действие законодательства о защите прав потребителя², а также специальные правовые нормы, регулирующие отношения по оказанию медицинской помощи.

Представляется, что начало периода оказания медицинской помощи с использованием интернет-ресурса (интернет-портала медицинской организации) связано с ознакомлением пациентом

---

¹ В рассматриваемом случае между субъектами возникают организационные отношения, подпадающие под предмет регулирования как гражданского, так и административного права. В первом случае – при наличии между субъектами юридического равенства, во втором – «власти-подчинения». Выделение организационных отношений в предмете гражданского права и соответствующих гражданских организационно-правовых отношений, как научная идея, принадлежит О.А. Красавчикову. Он определял «организационные отношения как такие построенные на началах координации или субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действия их участников либо формирование социальных образований». См.: *Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 53.* В сфере оказания медицинской помощи определенную часть составляют и административные отношения, как управленческие, имеющие организационный характер. См., например: *Бахрах Д.Н. Административное право России: учеб. для вузов. М.: Норма-ИНФА-М, 2000. С. 21, 48.*

² См.: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителя» (в ред. от 11 июня 2021 г.), далее именуемый Закон РФ «О защите прав потребителя».

с информацией на данном сайте, которая должна соответствовать критерию «надлежащее оказание услуг», а именно содержать информацию не только о названии, содержании услуги, но и об условиях ее оказания. В соответствии с п.п. 3, 6, 7 части 1 ст. 79 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» медицинская организация обязана предоставить гражданам соответствующую информацию об оказываемой медицинской помощи, в том числе о медицинских услугах. Пациент воспринимает публичную оферту, размещенную на информационном портале медицинской организации. Это важно именно для оказания в будущем самой медицинской услуги, которая может требовать дополнительный подготовительный процесс, иметь противопоказания и т. п. Такая информация должна быть размещена на соответствующей странице сайта медицинской организации. На практике отсутствие такой информации может создать для пациента невозможность оказания ему услуги либо необходимость проведения дополнительных исследований, что повлечет для пациента дополнительные неудобства, связанные со сроками оказания медицинской услуги, а также дополнительные финансовые расходы, если услуга оказывается на возмездных условиях.

При дальнейшем обращении пациента непосредственно в медицинскую организацию медицинская услуга оказывается ему в соответствии с программой обязательного медицинского страхования либо на основании заключенного договора об оказании медицинских услуг, если такая услуга не входит в перечень указанной программы.

Как было ранее сказано, пациентом будет считаться физическое лицо, которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния¹. Пациент помимо общих правомочий, которыми наделяется гражданин-потребитель, обратившийся за оказанием ему услуги², наделяется специальными правами и обязанностями, характеризующими его специальный правовой статус (правовое положение). Он определяет меру возможного и необходимого поведения субъекта в данной

---

¹ См.: Статья 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

² Преамбула Закона РФ «О защите прав потребителя»: «потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

сфере отношений, подпадающих под действие правового регулирования, предусматривает гарантии осуществления им субъективных гражданских прав и обязанностей, а также включает способы их защиты. Правовой статус пациента выступает предпосылкой возникновения конкретных правоотношений, в частности, при обращении гражданина в медицинскую организацию для оказания ему медицинской помощи. В случае нарушения прав пациента включается специальный механизм их охраны, позволяющий гражданину (пациенту) осуществить свое правомочие на защиту права, при наличии необходимых условий применить к медицинской организации и соответствующие меры гражданско-правовой ответственности, например, путем компенсации морального вреда (ст. 12, 151, 1099–1101 ГК РФ). «Нарушение прав пациента означает нарушение его субъективного права, которое следует рассматривать как самостоятельную разновидность субъективного права, имеющего все основания на самостоятельное существование и защиту»¹. Пациент, как гражданин-потребитель, имеет право на информацию об оказываемой ему медицинской услуге. Частным случаем нарушения прав пациента, например, является отсутствие на сайте медицинской организации необходимой информации об услуге, в том числе об условиях ее оказания (требования дополнительных обследований, соблюдения диеты в период до оказания медицинской услуги, например, до проведения УЗИ и др.).

Медицинская помощь, помимо собственно оказания медицинской услуги, включает в себя различные элементы, которые связаны как с активной деятельностью, так и с пассивным поведением субъекта (физического лица), непосредственно оказывающего медицинскую помощь. К таковым относятся лица, осуществляющие медицинскую деятельность (медицинские работники)², а также иные лица (работники колл-центра и др.), которым при выполнении ими своих профессиональных обязанностей стала известна информация о состоянии здоровья гражданина и иная, связанная оказанием медицинской помощи информация. Например, факт обращения гражданина за консультацией к психиатру, дерматологу и др. В частности, речь идет о сохранении от доступа третьих лиц информации о пациенте, как персональных его данных, так и сведе-

---

¹ *Баринов Н.А.* Услуги: изд. 2-е, доп. Саратов: Надежда, 2003. С. 217.

² См. определение понятий в п. 1 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

ний, составляющих врачебную тайну, что связано с охраной личных неимущественных прав гражданина. В соответствии с ч. 1 ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» «Сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну»¹. Представляется, что охраняемый объем сведений о гражданине, обратившемся для оказания ему медицинской помощи должен быть шире, чем сведения, составляющие врачебную тайну, указанные в ч. 1 ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», поэтому вопрос об увеличении круга охраняемой информации при оказании медицинской помощи сегодня остается актуальным.

В современных условиях организация оказания медицинской помощи осуществляется с помощью электронных технологий и с использованием интернет-ресурсов, в частности. Деятельность по оказанию медицинской помощи гражданам стала связана с увеличением источников, в которых размещается информация, содержащая их персональные и иные данные, охраняемые законом, как личные неимущественные блага, связанные с неприкосновенностью частной жизни. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»² «персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». В России действует Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения, ведутся различные реестры, содержащие персональные данные, в том числе о состоянии здоровья граждан, об их обращении в различные медицинские учреждения для оказания консультационной и иной медицинской помощи. В части 3 ст. 91.1 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» перечислены группы сведений, которые входят в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения. С 1 января 2022 г. перечень, содержащийся в Единой государственной информаци-

---

¹ В представленной статье не рассматривается вопрос о соотношении понятий «врачебная тайна» и «медицинская тайна», используются понятия, содержащиеся в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 2 июля 2021 г.), далее именуемый ФЗ «О персональных данных».

онной системе в сфере здравоохранения, был дополнен сведениями о медицинской документацию и (или) сведениями о состоянии здоровья гражданина, предоставленными с согласия гражданина (его законного представителя) или размещенные гражданином (его законным представителем), в том числе посредством единого портала государственных и муниципальных услуг;» (п.п. 5.1 ч. 3 ст 91 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹). Возникает вопрос об обеспечении эффективной защиты персональных данных гражданина о состоянии его здоровья в связи с внесением дополнительных сведений в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения.

Следовательно, в условиях проведения в России мероприятий по цифровой трансформации необходимо, чтобы с введением современных новшеств параллельно создавались дополнительные элементы правовой защиты, которые могут быть включены в систему охраны прав граждан, которым оказывается медицинская помощь, в том числе медицинские услуги.

---

¹ См.: Статью 2 Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Н.Ю. Кавелина,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ГАРАНТИЙНЫЙ СРОК В СТРОИТЕЛЬНОМ ПОДРЯДЕ

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы (п. 1 ст. 740 ГК). Обязанность подрядчика по строительству будет считаться выполненной с даты подписания итогового акта приемки выполненных работ, но прекратятся ли обязательства подрядчика по договору? В тех случаях, когда в договоре подряда установлены гарантийные обязательства подрядчика – нет.

В силу п. 1 ст. 722, п. 1, 2 ст. 755 ГК подрядчик гарантирует достижение объектом строительства указанных в технической документации показателей и возможность эксплуатации объекта в соответствии с договором строительного подряда на протяжении гарантийного срока и несет ответственность за недостатки (дефекты), обнаруженные в пределах гарантийного срока. Таким образом, гарантийным сроком в договорах подряда признается период времени, в течение которого подрядчик гарантирует стабильность показателей качества результата произведенных работ в процессе его использования по назначению при условии соблюдения заказчиком установленных правил использования.

Гарантийный срок является самостоятельным и не входит в период действия самого договора подряда (см. Определение ВАС РФ от 14 февраля 2013 г. № ВАС-281/13¹). Распространяя свое действие на период после приемки выполненных работ, гарантийное обязательство превращает отношения сторон по договору подряда в длящиеся. Гарантийный срок имеет пресекательный характер: требования об устранении недостатков работ, заявленные заказчиком за пределами гарантийного срока, удовлетворению не подлежат.

---

¹ См.: СПС «Гарант» (дата обращения: 24.05.2022).

В Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 апреля 2016 г. № 305-ЭС15-16906 по делу № А40-162742/2014¹ отмечается, что содержание гарантийного обязательства включает право заказчика требовать от подрядчика обеспечения надлежащего качества результата выполненных работ и корреспондирующую ему обязанность подрядчика обеспечивать его с момента приемки и до окончания действия гарантийного срока. В случае обнаружения недостатка работ в период действия гарантийного срока подрядчик обязан безвозмездно устранить их.

Понимается, что при обычной надлежащей эксплуатации предмета, явившегося результатом работ, недостаток, появившийся в течение гарантийного срока, возникает ввиду ненадлежащего исполнения подрядчиком своих обязательств по выполнению работ. Получается, что для применения последствий нарушения требований о качестве выполненных работ в гарантийный срок, заказчик обязан доказать факт возникновения недостатка в работе подрядчика. В отношении подрядчика работает презумпция вины за недостатки в работах, поэтому бремя доказывания причин возникновения обнаруженных в пределах гарантийного срока недостатков, включающих ответственность подрядчика за дефекты, возлагается на него.

Зачастую для закрепления в договорах строительного подряда гарантийных обязательств подрядчика используются следующие формулировки: «Гарантийный срок на качество выполненных работ начинается с даты подписания итогового акта приемки выполненных работ, акта приемки законченного строительством объекта и устанавливается на выполненные работы по договору сроком на 5 лет. Гарантийный срок на оборудование устанавливается в соответствии с паспортными данными заводов-изготовителей»². Следует учитывать, что отсутствие разногласий при подписании акта выполненных работ не устраняет презумпцию вины подрядчика и не опровергает тот факт, что недостатки возникли после принятия этих работ и в период гарантийного срока.

В тех случаях, когда договором строительного подряда предусмотрен гарантийный срок, но договор по тем или иным обстоятельствам прекращен досрочно, гарантийные обязательства сохра-

---

¹ См.: СПС «Гарант» (дата обращения: 24.05.2022).

² См. решение Арбитражного суда Саратовской области от 24 ноября 2021 г. по делу № А57-13769/2021.

няются¹, ведь за подрядчиком сохраняется ответственность за качество уже выполненных работ². Момент начала течения гарантийных обязательств смещается на момент завершения приемки фактически выполненных работ (дату подписания последнего акта приемки выполненных работ).

При выявлении в период гарантийного срока недостатков работ заказчик руководствуется правилом об ответственности подрядчика за качество работ (подрядчик обязан безвозмездно устранить недостатки) и нормой п. 1 ст. 723 ГК, в силу которой в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования либо при отсутствии в договоре соответствующего условия непригодности для обычного использования, заказчик вправе, если иное не установлено законом или договором, по своему выбору потребовать от подрядчика:

- безвозмездного устранения недостатков в разумный срок;
- соразмерного уменьшения установленной за работу цены;
- возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда (статья 397).

К недостаткам в договоре стороны могут отнести недостатки или дефекты работ (отдельных видов работ) или оборудования (части оборудования), выявление материалов, которые не соответствуют сертификатам качества или требованиям Договора.

Если в течение гарантийного срока выявятся недостатки, то заказчик совместно с подрядчиком и эксплуатирующей организацией должен составить рекламационный акт, в котором следует определить перечень недостатков (дефектов), конкретные сроки их устранения.

В договоре следует указать:

- конкретные сроки, в течение которых должен быть составлен рекламационный акт (например, не позднее 7 дней со дня обнаружения недостатков);

---

¹ В договоре целесообразно предусмотреть пункт, согласно которому расторжение договора влечет за собой прекращение обязательств по нему, за исключением гарантийных обязательств подрядчика.

² См. п. 2 ст. 755 ГК, абз. 2 п. 3 постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора».

▪ порядок уведомления подрядчика о выявленных недостатках (например, «для участия в составлении рекламационного акта, фиксирующего выявленные дефекты и недостатки, согласования порядка и сроков их устранения, подрядчик обязан в течение двух дней с момента получения соответствующего извещения заказчика направить своего представителя на объект»).

Будучи лицом, экономически незаинтересованным в безвозмездном устранении недостатков за пределами срока договора, подрядчик зачастую уклоняется от участия в составлении рекламационного акта. На такие случаи в договоре целесообразно закрепить процедуру составления одностороннего акта. Например, «при отказе подрядчика от составления или подписания Рекламационного акта эксплуатирующей организацией (заказчиком) составляется односторонний акт, который направляется подрядчику для подписания и устранения недостатков».

Кроме того, важно предусмотреть последовательность действий заказчика в случаях, когда подрядчик уклоняется от устранения недостатков. Например, закрепить право заказчика самостоятельно или силами третьих лиц устранить обнаруженные недостатки работ, заменить оборудование или материалы, используя средства гарантийного депозита.

В.А. МАКСИМОВ,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия*

«ПРОТИВОПРАВНОСТЬ» И «ВИНА» КАК ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Основания компенсации морального вреда соответствуют общим основаниям гражданско-правовой ответственности, к которым относятся:

- а) наличие такого вреда (именно морального, а не материально-го, хотя бы и при наличии последнего);
- б) противоправность деяния его причинителя;
- в) наличие причинной связи между вредом и противоправным деянием;
- г) вина лица, причинившего вред.

О понятии морального вреда и о его связи с материальным, как, впрочем, и об отсутствии таковой, говорилось неоднократно. Что касается противоправности, то здесь заслуживает наибольшего внимания проблема оценочных суждений. Так, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод разграничиваются понятия «факты» и «оценочные суждения». Очевидно, тем самым подчеркивается отсутствие противоправности в поведении лица, высказавшего собственную оценку другого лица.

Что такое оценка и оценочное суждение? Это высказывания, которые не содержат фактических данных, например, критика, оценка действий, а также высказывания, в том числе саркастические, содержащие гиперболы, аллегории и т. д. Оценочные суждения не подлежат опровержению и доказыванию их правдивости. Так, например, в статьях о неудачности и сложности ГК РФ содержатся оценочные суждения, может быть, и несколько обидные для разработчиков этого кодекса. Однако это мнение автора статей, а не факт. В таких случаях лицо может испытывать душевные страдания от того, что кто-то думает о нем плохо (особенно, если это лицо глубоко ранимо), но поведение его «обидчика» не может считаться противоправ-

ным. Конечно, если при этом не перейдена грань и суждения не сводятся к оскорблениям.

Однако следует учитывать и иные ситуации, например, когда оценочное суждение высказано на основании приведенных фактов, которые оказались недостоверными. Например, лицо охарактеризовано как беспринципное и приведено основание для такого утверждения – дача или получение им взятки. Если эти факты не получают доказательств, т. е. при судебном рассмотрении окажутся неправдивыми, то высказанные сведения должны быть опровергнуты.

Согласно ст. 57 ФЗ № 2124-1 от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан и организаций, либо ущемляющих права и законные интересы граждан, либо наносящих вред здоровью и (или) развитию детей, либо представляющих собой злоупотребление свободой массовой информации и (или) правами журналиста:

- 1) если эти сведения присутствуют в обязательных сообщениях;
- 2) если они получены от информационных агентств;
- 3) если они содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;
- 4) если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов, делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;
- 5) если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом;
- 6) если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства РФ о средствах массовой информации...

Таким образом, имеет место противоправное поведение, но не указанных средств массовой информации, а иных лиц, действия которых и являются первоисточниками причинения вреда.

Именно они и должны выступать ответчиками по искам о причинении морального вреда, а средства массовой информации должны, в свою очередь, адекватно отреагировать на нарушение и на восстановление нарушенных прав, поместив соответствующую информацию об инциденте.

Наконец, что касается вины, то в определенных случаях наступает ответственность за причинение морального вреда и при ее отсутствии. Так, независимо от вины должностных лиц органов государственной власти или органов местного самоуправления, а также органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда подлежит взысканию причиненный ими моральный вред (статьи 1069, 1070, 1100 ГК РФ).

Вопросы оснований ответственности непосредственно связаны с установлением надлежащего ответчика по подобным спорам. В частности, если моральный вред причинен размещением информации в сети Интернет, то кто будет отвечать? Поскольку доступ к сети обеспечивает провайдер, то можно ли его привлекать к ответственности? Очевидно, нет, ибо провайдеры не могут контролировать весь поток информации и выполняют вполне конкретную функцию, к которой не относится «отсеивание» информации. Противоположным образом предлагается решать этот вопрос применительно к провайдерам хостовых услуг¹, которые оказываются непосредственным источником информации, причинившей вред.

---

¹ Под провайдерами хостовых услуг понимаются производители или собственники информации, оформленной надлежащим образом, если эта информация размещена в их компьютере, в доступном сетевом режиме для пользователей этой сетию.

Ю.С. Поваров,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева*

ВОПРОСЫ ЛОГИЧНОСТИ И АКТУАЛЬНОСТИ КОНЦЕПТА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ

Выводя правовые последствия нарушения тех или иных императивов при совершении сделок, действующее гражданское законодательство иногда предусматривает непорождение актом юридических эффектов для конкретных лиц. Наиболее выпукло данная установка получила отражение в абз. 1 п. 1 ст. 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где применительно к сделкам, совершенным без необходимого в силу закона согласия, четко закрепляется правомерность ситуативно зафиксировать в законе ненаступление правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие. Косвенно та же идея просматривается и при анализе п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, в силу которого игнорирование судебного или административного запрета на распоряжение имуществом должника не препятствует реализации прав соответствующего управомоченного лица (кроме случая добросовестности приобретателя имущества). Нередко в науке подобное «нетривиальное» положение вещей пытаются объяснить сквозь призму концепта относительной недействительности сделки, когда правовые последствия сделки «нивелируются» не для ее участников, а каких-либо третьих лиц.

Вообще, означенный теоретический конструкт известен давно – всестороннее критическое осмысление он получил еще в начале XX в. в немецкой пандектистике (а равно в отечественной цивилистике, в первую очередь, благодаря глубоким научным изысканиям Д.М. Генкина, опубликованным в 1913–1914 гг.)¹. Методологически важно иметь в виду то, что:

---

¹ См.: *Генкин Д.М.* Относительная недействительность сделок // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 4. С. 190–220.

(1) исследуемый концепт нельзя сводить к устойчиво присутствующей в доктрине и так или иначе поддерживаемой законодателем установкой на разграничение вариаций недействительности сделок исходя из того, требуется ли для оценки сделки как недействительной инициативное поведение какого-либо лица (подача соответствующего иска)¹.

Действующее российское законодательство в целом продолжает следовать данной линии через градацию недействительных сделок на оспоримые (когда сделка недействительна в силу признания ее таковой судом) и ничтожные (если сделка недействительна независимо от подобного признания) (ст. 166 ГК РФ); при этом в литературе часто встречающейся оказывается трактовка оспоримых сделок как относительно (либо условно) недействительных – в противовес пониманию ничтожных сделок как абсолютно (или безусловно) недействительных² (сверх того, периодически высказываются соображения в пользу легализации данных понятий)³.

«Относительность» в приведенном истолковании заключается, прежде всего, в том, что без заявления управомоченным лицом требования о признании оспоримой сделки недействительной и удовлетворения судом иска сделка отнюдь не считается недействительной. Кроме того, она проявляется и в субъектном аспекте – названное требование может быть предъявлено не любым лицом, а толь-

---

¹ Еще более очевидной является нетождественность обсуждаемой модели институту частичной недействительности сделки (ст. 180 ГК РФ).

² Тем самым понятия «относительная недействительность» и «оспоримость» здесь рассматриваются как синонимичные. См., например: *Березникова Ю.Р.* Проблемы недействительности сделок с недвижимым имуществом // Правовые вопросы недвижимости. 2010. № 1. С. 18–20; *Кириллова Е.А.* Значение и роль принципов наследственного права // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 114–124. Кстати, в этом же контексте – в ракурсе инициативности поведения лица, заинтересованного в аннулировании правовых последствий акта, – разбирается вопрос об относительной недействительности и международных договоров (см., к примеру: *Лукашук И.И.* Об относительной недействительности международных договоров // Юрист-международник. 2005. № 3. С. 11).

³ Так, И.Б. Новицкий, признавая рубрикации недействительных сделок на оспоримые и ничтожные неудачной (ибо оспоримость представляет собой, по сути, последующую ничтожность с обратной силой, и оспоримая сделка в результате оспаривания становится ничтожной), предлагал более корректным называть оспоримые сделки относительно недействительными, а ничтожные сделки абсолютно недействительными. См.: *Новицкий И.Б.* Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 70.

ко указанным в законе (впрочем в настоящее время – вследствие сужения круга субъектов, наделенных правом заявлять требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, – роль собственно субъектного фактора для отграничения оспоримых сделок от ничтожных сильно упала). Но при любом раскладе речь, и это самое главное в плоскости обсуждаемой проблематики, вовсе не идет о разнице в констатации (не)наступления сделочных правовых результатов с опорой на субъектный признак.

В затронутом контексте, кстати, крайне примечательно объяснение Редакционной комиссии по поводу содержания статьи 97 проекта Гражданского уложения Российской империи, где прямо (!) оговаривался случай недействительности сделки лишь в отношении определенного лица (такие сделки могли быть подтверждены лицом, которое вправе было их оспорить): «если порок сделки состоит в том, что ею нарушаются права третьих лиц, она может быть ими оспорена и признана недействительной. Оспоримые отличаются от ... ничтожных сделок тем, что ... первые могут быть признаны недействительными только в случае заявления спора против них лицом, интересы которого нарушаются... Следовательно, недействительность их только относительная (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю.П.), условная»¹. Можно достаточно уверенно предположить, что разработчики проекта понимали «недействительность сделки лишь в отношении определенного лица» как относительную недействительность в смысле оспоримости (а не в плане одновременного рассмотрения сделки в качестве действительной для одних субъектов и недействительной для других);

(2) разбираемая модель (как таковая) не получила поддержки у российского законодателя.

Это, заметим, понимают и ученые, опирающиеся на конструкт относительной недействительности сделки: к примеру, А.А. Громов справедливо указывает, что «...классификация, избранная ГК РФ в качестве основополагающей, не учитывает ... относительную недействительность сделки», и что «...доктрина относительной недействительности в российском праве практически не разработана...»².

---

¹ Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 165.

² Сделки, представительство, исковая давность: постатейный коммен-

Любопытно, что в п. 4.1.2 разд. II Концепции развития гражданского законодательства РФ (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) заявлялось именно о «недействительности в отношении лица, управомоченного давать согласие», но в итоге нормотворец отказался от такой квалификации, прибегнув к «мягкой» формуле о непорождении совершенной сделкой юридических последствий для субъекта, чье согласие требовалось, но не было получено.

Итак, в формальном плане едва ли корректно на текущий момент обозначать указанные в начале статьи случаи как примеры относительной недействительности сделки. Другое дело, присутствуют ли весомые резоны для легализации концепта такой недействительности, предполагающего разведение «внутренней» и «внешней» силы дефектной сделки в целях эффективной охраны интересов сторонних субъектов.

Само по себе дифференцированное регулирование вопроса о (не) наступлении всех и или некоторых правовых последствий юридического акта в зависимости от субъектного момента («непосредственные акторы – третьи лица») не является чем-то неординарным и ущербным. К примеру, данный подход оказался актуальным при нормировании отношений по поводу роли государственной регистрации т.н. формальных договоров. Напомним, что согласно п. 3 ст. 433 ГК РФ правовой эффект соглашения, не прошедшего вопреки закону регистрацию, различается по субъектному критерию:

а) для сторон договора в отношениях между ними он влечет соответствующие правовые последствия, по мотиву чего, среди прочего, сторона не вправе ссылаться на незаключенность договора; получается, что «по сути, государственная регистрация ... является опцией для сторон: они вправе, – по верному суждению Р.С. Бевзенко, – совершить сделку, но не придавать ей эффект публичности, если полагают, что необходимости в противопоставлении сделки третьим лицам в будущем не возникнет»¹;

тарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 [доступ из СПС «Консультант-Плюс»] (автор – А.А. Громов).

¹ Бевзенко Р.С. Государственная регистрация сделок и последствия ее отсутствия: комментарий к ст. ст. 164 и 165 ГК РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 5 [доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

б) для третьих лиц (не осведомленных в условиях отсутствия государственной регистрации об обременениях имущества и т.п.) договор, наоборот, не признается заключенным, а потому он не влечет последствий, способных оказать влияние на права и интересы третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о факте заключения договора и о содержании его условий (см. п. п. 5, 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»; п. 2–4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными»).

Между тем, о недействительности договора, в том числе для третьих лиц, ни в специально посвященной договорам статье 433 ГК РФ, ни в общих для всех сделок статьях 164, 165 ГК РФ сегодня не говорится (это весьма показательно, ибо ранее законодатель в ст. 165 ГК РФ принципиально допускал – «в случаях, предусмотренных законом», – недействительность сделки при невыполнении требования о государственной регистрации).

Кроме того, неодинаково определяется время вступления в силу изменений, вносимых в учредительные документы юридических лиц: согласно п. 6 ст. 52 ГК РФ такие изменения обретает потенцию с момента государственной регистрации (либо уведомления регистрирующего органа) лишь для третьих лиц, но не учредителей (участников) организации.

В русле изложенного стержневым становится ответ на вопрос о (не)органичности подхода дифференцированной регламентации исходя из субъектного критерия в «системе координат» именно института недействительности сделок (не приводит ли его специфика к упречности такого дуалистического упорядочения отношений?). Полагаем, что оценка правила, в соответствии с которым правовые последствия совершенной сделки юридически безразличны для некоторых третьих лиц, сквозь призму концепта относительной недействительности сделки, небесспорна (по крайней мере, без кардинального пересмотра сложившихся представлений о недействительности).

Во-первых, последовательное проведение этого конструкта приводит к тому, что одна и та же сделка одновременно оказывается для одних лиц (включая участников сделки) действительной,

а для других определенных лиц – недействительной. Противоречивость подобного постулирования рельефно показал Д.М. Генкин: «правная точка зрения, при которой «...сделка, действительная в отношении всех друг лиц, по тем или иным основаниям ... недействительна в отношении кредитора», «...неизбежно обрекает ... теории на неуспех, ибо немислимо себе представить сделку, действующую в отношении контрагентов и всех третьих лиц, за исключением лишь некоторых отдельных лиц. Относительно недействительные сделки должны быть признаны действительными с самого начала и притом по отношению ко всем лицам...»¹.

Во-вторых, ключевое значение восприятия сделки как недействительной состоит в «обнулении» правовых последствий, на которые она была направлена (передача вещи с переходом права собственности и пр.), в развитие чего базовым имущественным последствием недействительности логично выступает реституция. Поэтому, как аргументированно рассуждает В.С. Костко, «...когда говорят о правовом эффекте сделки для третьих лиц, имеют в виду совершенно иные последствия, которые и не охватываются недействительностью»; «...относительно недействительная сделка, – резюмирует ученый, – мало чем отличается от действительной: права и обязанности из такой сделки возникают, право собственности приобретатель получает и т.д.»².

По факту, употребляя словосочетание «относительная недействительность», мы наблюдаем известную «игру слов», когда термин оказывается, фигурально выражаясь, «юридическим дисфемизмом», причем инерционно (даже когда «...закон употребляет выражение «относительная недействительность», ...здесь, – весьма точно утверждал Д.М. Генкин, – повторяется обычное явление: новые правоотношения стараются так или иначе прицепить к известным..., дать им сходную номенклатуру. Но поскольку нам ясна та цель, которую ставит себе законодатель, вводя новый институт, в конструкции последнего ... должно ... из разбора его сущности вывести его теоретическое объяснение»)³.

---

¹ См.: Генкин Д.М. Указ. соч. С. 206–207.

² Костко В.С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2 [доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

³ Генкин Д.М. Указ. соч. С. 207.

Возвращаясь к формуле абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ о допустимости помещения в закон специальной оговорки о том, что сделка не влечет юридических последствий для лица, уполномоченного давать согласие на совершение сделки, полагаем оправданным – в плоскости представленной критики концепта относительной недействительности сделки – заключить, что данное законодательное указание не укладывается в институт недействительности сделки (нецелесообразно его, среди прочего, толковать и в качестве образца относительной недействительности). Кроме того, во избежание некорректного сопоставления с универсальным указанием на то, что «недействительная сделка не влечет юридических последствий...» (п. 1 ст. 167 ГК РФ), имеет толк, пожалуй, подумать о словесном уточнении анализируемой нормы (что, в свою очередь, предполагает внесение ясности по поводу того, в каких случаях адекватно утверждать о ненаступлении юридических эффектов исключительно для лица, уполномоченного давать согласие; пока же данный ракурс остается довольно туманным).

Наконец, памятуя о нетождественности невозникновения сделочных правовых последствий для третьих лиц и наделения последних особыми правовыми возможностями охранительной направленности (по предъявлению требований о переводе прав и обязанностей стороны сделки, о расторжении договора, о возмещении убытков и т.д.), вряд ли оно может быть аксиоматично рассмотрено и как образец «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» в смысле положений ст. 168 и абз. 2 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ.

Н.Е. Савенко,

кандидат юридических наук,

*доцент кафедры гражданского права и гражданского
судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ)*

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ САМОЗАНЯТЫМИ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ И ГРАЖДАНАМИ-ПОТРЕБИТЕЛЯМИ В ЦЕЛЯХ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Согласно Стратегии государственной политики России в области защиты прав потребителей на период до 2030 г.¹ (далее – Стратегия) развитие названной сферы проводится в общем русле социальных, экономических и правовых реформ с учетом влияния конкуренции на экономическое положение граждан на потребительском рынке. Стратегия выражает заинтересованность государства в установлении эффективного механизма правового регулирования в потребительской сфере, поскольку она затрагивает права не только потребителей, но иных субъектов, участвующих в обеспечении удовлетворения потребностей граждан-потребителей.

Термин «правовое регулирование» в свое время был сформулирован С.С. Алексеевым, под которым ученый понимал «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными ценностями»². Распространенным является понимание правового регулирования как регулирования общественных отношений с помощью норм права и других правовых средств (актов применения, договоров и т.п.)³.

---

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 37, ст. 5543.

² Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 209.

³ См.: Теория права: учеб. пособие. Ч. 2 / отв. ред. В.М. Корельский. Екатеринбург: Изд-во Уральской гос. юрид. акад., 1995. С. 20.

Основываясь на приведенных понятиях, М.Ф. Казанцев отмечает, что «в зависимости от того, каким средством осуществляется правовое регулирование, последнее подразделяется на виды, в ряду которых стоит правовое договорное регулирование вообще и гражданско-правовое договорное регулирование в частности»¹. Исходя из этого, ученый выделяет договор в качестве главного средства договорного регулирования². В целом, действительно, договор является превалирующим средством в договорном регулировании. Вместе с тем в литературе имеется расширительное толкование договорного регулирования. Мы разделяем позицию А.А. Демина о том, что «договорное регулирование представляет собой гражданско-правовое регулирование на основе производного от норм гражданского права соглашения сторон об установлении взаимных действий по обязательству»³. Следовательно, в системе средств договорного регулирования имеют место и нормы права.

Кроме того, применительно к договорам, имеющим публичный (общественный) характер (к ним с уверенностью можно отнести потребительские договоры), применяются непосредственно специальные нормы права, ограничивающие свободу договора в части определения условий договора. В этой связи возрастает роль нормотворческой и правоохранительной деятельности компетентных органов по контролю за деятельностью субъектов договорных отношений в сфере граждан-потребителей. В данном аспекте также особое значение приобретает субъектный состав договорного обязательства, о котором мы скажем далее.

Сообразно с приведенным общим пониманием договорного регулирования спроецируем указанную категорию на договорные отношения между самозанятыми физическими лицами и гражданами-потребителями.

Прежде всего отметим, что применительно к исследованию самозанятые физические лица понимаются нами в узком значении

---

¹ Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 101.

² См.: Казанцев М.Ф. Указ. соч. С. 102–104.

³ Демин А.А. Договор и договорное регулирование в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2014. С. 12–13.

в рамках ст. 2, 23 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ) и нововведенного специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ² (далее – Закон № 422-ФЗ). Иным словами, мы исследуем договорное регулирование отношений между самозанятыми лицами, не обладающими статусом индивидуальных предпринимателей, и гражданами-потребителями.

Что касается понятия потребителя, то оно закреплено в Законе от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³ (далее – Закон о защите прав потребителей). Названный закон определяет потребителя как гражданина, заказывающего, приобретающего, использующего или имеющего намерение заказать или приобрести товары (работы, услуги) исключительно для личных, домашних, семейных и иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Профессор Н.А. Баринов, принимавший непосредственное участие в разработке Закона о защите прав потребителей, определял потребность гражданина, прежде всего, как «нужду в чем-либо для обеспечения его жизнедеятельности, которая проявляется объективно и выступает в форме общественных отношений. Имущественная потребность – это потребность в потреблении материальных благ»⁴. Таким образом, законодатель исходит из узкого понимания потребителя. Между тем, в литературе имеются трактовки и расширительного толкования понятия по-

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 26 октября 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301. Согласно ст. 2, 23 кодекса физические лица вправе осуществлять без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей отдельные виды предпринимательской деятельности, определенные в законе.

² См.: Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // СЗ РФ. 2018. № 49, ч. 1, ст. 7494. Согласно данному закону, установленный специальный налоговый режим вправе использовать физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, а также индивидуальные предприниматели с соблюдением определенных условий (ст. 2).

³ См.: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140.

⁴ Баринов Н.А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 15, 56.

ребителя. Так, по мнению В.А. Анисимова, в качестве потребителя может выступать не только гражданин, но юридическое лицо, публично-правовое образование, например, в договорах перевозки, энергоснабжения¹. Схожей позиции придерживается и А.В. Ефимов, указывая на то, что потребителями являются не только физические лица, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность, но и иные субъекты права независимо от их профессионализма и связи с предпринимательской деятельностью². Безусловно, вопрос о понятии потребителя дискуссионный. Однако остановимся на узком понимании категории «потребитель», закрепленном в Законе о защите прав потребителей.

В рамках договорного регулирования отношений между вышеуказанными субъектами полагаем главным средством наравне с договором следует считать и закон. Это объясняется тем, что потребительская сфера – это сфера удовлетворения нужд граждан, которые как субъекты гражданских правоотношений традиционно считаются слабой стороной в договоре. Именно поэтому необходимо пристальное внимание уделять нормативной правовой базе, регулирующей потребительские правоотношения, в частности, определению субъектов данных правоотношений, условий договоров, видов и размеров ответственности, способов защиты прав потребителей.

Как указано в Стратегии развития государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 г., Закон о защите прав потребителей «закрепляет целый ряд преференций для потребителей как объективно более слабой стороны в соответствующих правоотношениях, нуждающейся в дополнительных гарантиях защиты» (Раздел II Стратегии).

Вместе с тем особенностью договорного регулирования отношений между самозанятыми лицами (исполнителями) и гражданами-потребителями (заказчиками) является то, что два вышеназванных главных средства в регулировании – договор и закон, не эффективны. Это выражается, прежде всего, в том, что Закон о защите

---

¹ См.: Анисимов В.А. Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 33.

² См.: Ефимов А.В. Правовое положение потребителя в условиях дифференциации правового регулирования общественных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 79-83 // СПС «Консультант Плюс».

прав потребителей не регулирует рассматриваемые нами правоотношения. Иначе говоря, в субъектный состав¹ по названному закону не включены самозанятые физические лица (исполнители, продавцы, изготовители). Из этого следует, что нормы Закона о защите прав потребителей, устанавливающие повышенную ответственность для исполнителей (продавцов, изготовителей) – организаций (юридических лиц) и индивидуальных предпринимателей, за нарушение прав потребителей не применимы к самозанятым физическим лицам. В данном случае имеются в виду нарушения прав потребителей в отношении товаров, ответственность за которые предусмотрена в виде неустойки в размере 1 % от суммы договора за каждый день просрочки (ст. 23) и в отношении работ и услуг – неустойка 3 % от суммы договора за каждый день просрочки исполнения (неисполнения либо ненадлежащего исполнения) договорных обязательств (ст. 28).

Более того, деятельность самозанятых лиц не является предметом государственного контроля (надзора) по соблюдению технических регламентов и обязательных требований, установленных законодательством в сфере защиты прав потребителей. Сказанное подтверждается Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защите прав потребителей, утвержденным постановлением Правительства России от 25 июня 2021 г. № 1005², которое действует с 1 июля 2021 г. Следовательно, это напрямую затрагивает вопросы качества и безопасности реализуемых самозанятыми лицами товаров, работ и услуг гражданам-потребителям для удовлетворения их имущественных потребностей (нужд).

Вышеуказанный вопрос, в свою очередь, затрагивает иной аспект договорного регулирования – условия о качестве товара (работы, услуги) в договоре и ответственности за их нарушение.

---

¹ Согласно преамбуле Закона о защите прав потребителей продавцы, изготовители исполнители – это организации (юридические лица) и индивидуальные предприниматели. Самозанятые лица, не обладающие статусом индивидуальных предпринимателей, но реализующие свои товары, работы, услуги физическим лицам для личных нужд в рамках налогового режима по Закону № 422-ФЗ, не включены в число субъектов по Закону о защите прав потребителей.

² См.: Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защите прав потребителей, утвержденным постановлением Правительства России от 25 июня 2021 г. № 1005 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5392.

Безусловно, в ГК РФ, например, относительно конструкции договора купли-продажи, имеется норма, закрепляющая презумпцию качества товара (согласно ст. 469 ГК РФ¹ продавец обязан передать покупателю качественный товар. При отсутствии в договоре условий о качестве товара, товар должен быть пригоден для соответствующих целей использования). Однако, как показано выше, меры обеспечения гарантий качества в виде неустоек в повышенном размере по ст. ст. 23 и 28 Закона о защите прав потребителей (они же меры ответственности продавцов, исполнителей, изготовителей) в договорных обязательствах с самозанятыми лицами, не применимы.

В дополнение к этому следует особо отметить, что самозанятые лица (исполнители, продавцы, изготовители) в ситуациях непреодолимой силы, препятствующих надлежащему исполнению договорных обязательств, не могут воспользоваться возможностью получить свидетельство Торгово-промышленной Палаты (далее – ТПП) о форс-мажоре и избежать ответственности наравне с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами. Вышеуказанное подтверждается Положением о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности, утвержденным Постановлением Совета ТПП РФ от 24 июня 2021 г. № 7-2². Пунктом 1.2 названного Положения определено, что в рамках регулируемых отношений под договором (контрактом) следует понимать юридически обязательное соглашение между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями – российскими субъектами внутрироссийской экономической деятельности. Пунктом 1.6 Положения четко определено, что ТПП не свидетельствуют обстоятельства непреодолимой силы по договору, стороной кото-

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 августа 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410.

² См.: Положение о свидетельствовании уполномоченными торгово-промышленными палатами обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрироссийской экономической деятельности, утверждено Постановлением Совета Торгово-промышленной палаты России от 24 июня 2021 г. № 7-2 // Официальные документы. № 30 от 17–23 августа 2021 г. (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).

рого является физическое лицо, не обладающее статусом индивидуального предпринимателя.

С одной стороны, может показаться, что вышеназванное Положение не имеет отношения к потребительской сфере, поскольку оно направлено на регулирование договорных обязательств в условиях форс-мажора между субъектами предпринимательской деятельности (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями). С другой стороны, исходя из содержания ст. 2, 23 ГК РФ о том, что физические лица вправе осуществлять отдельные виды деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей (так называемые самозанятые физические лица), очевидно, что они причислены к субъектам предпринимательства. В целях осуществления своей деятельности для реализации имущественных потребностей граждан-потребителей самозанятые лица также приобретают ресурсы, сырье у субъектов предпринимательской деятельности (либо реализуют им свои товары, работы, услуги) и могут также оказаться в условиях обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор). Следовательно, законодатель, расширив круг субъектов предпринимательства, в то же время сузил сферу действия механизма правового регулирования в условиях форс-мажора.

Между тем, особого внимания заслуживают договорные конструкции, используемые в отношениях между самозанятыми лицами и потребителями. По сути, ГК РФ содержит все возможные механизмы для договорного регулирования отношений указанных нами субъектов в виде определенных видов договоров (розничная купля-продажа, бытовая подряд, оказание услуг). Однако их использование осложняется тем, что специальные нормы Закона о защите прав потребителей не регламентируют отношения с самозанятыми лицами как исполнителями (изготовителями, продавцами).

Резюмируя изложенное, следует прийти к следующим выводам.

Договорное регулирование отношений между самозанятыми лицами, не обладающими статусом индивидуальных предпринимателей, и гражданами-потребителями, включающее в себя такие средства, как закон и договор, не эффективны. Эффективность договорного регулирования указанных отношений как вида правового регулирования, имеет существенное значение для реализации указанными субъектами как субъективных прав, так и публично-правовых обязанностей, мер ответственности и защиты.

С одной стороны, законодатель возводит защиту прав и интересов потребителей в ранг приоритетных целей развития государства, о чем свидетельствует принятая в 2017 г. Стратегия государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 г. В числе приоритетных целей Стратегии названы обеспечение качества и безопасности товаров, услуг; защита прав потребителей с учетом социально уязвимых групп населения; повышение уровня и качества жизни населения России. Одновременно с этим законодатель наделяет самозанятых физических лиц (не индивидуальных предпринимателей) особым статусом, приравнивая их к субъектам предпринимательской деятельности. С другой стороны, Закон о защите прав потребителей не распространяется на данных субъектов. Это свидетельствует об отсутствии комплекса инструментов для эффективного договорного регулирования, включающего в себя меры ответственности исполнителей (продавцов, изготовителей) и способы защиты прав потребителей в отношениях с самозанятыми лицами.

Поэтому договорное регулирование отношений между указанными субъектами нуждается в правовой регламентации. Такие средства договорного регулирования, как Закон о защите прав потребителей и иные нормативные правовые акты различного уровня, необходимо совершенствовать в целях эффективного обеспечения удовлетворения естественных нужд потребителей с учетом субъектного состава исполнителей (продавцов, изготовителей).

А.Б. Стёпин,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Астраханского филиала Саратовской государственной юридической
академии, судья Астраханского областного суда

ПРЕЗУПЦИЯ ВИНОВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В механизмах защиты гражданских прав участники отношений находятся в сфере частно- и публично-правового регулирования, когда наряду с оспариванием актов, решений или действий могут быть рассмотрены и имущественные требования¹.

Особенностью защиты гражданских прав в административном порядке является признание факта нарушения имущественного (финансово-экономического) положения участника публично-правового конфликта юридически достоверным, пока не будет доказано (исследовано) иное. Презюмирование виновности независимо от официально установленного порядка (процедуры) связано с исследованием достоверности всех обстоятельств. В этой связи понимание правовой презумпции (*лат. Praesumptio*) только как предположения, основанного на вероятности², недостаточно, поскольку защита не может основываться на одних предположениях. Важно уточнить, что правовые презумпции – это особый тип предположений, представляющих собой многократно проверенные практикой обобщения высокой степени вероятности, допу-

---

¹ Сближение частно- и публично-правовых способов защиты в рамках одного официального установленного порядка разрешения спора является особенностью развития современного процессуального законодательства (См., например: п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова и Л.С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская Энциклопедия, 1964. С. 516.

скающие учет возможной специфики не охватываемых ими случаев (ситуаций)¹.

Презумпцию виновности в условиях защиты гражданских прав в административном порядке необходимо рассматривать, как **форму выражения гарантированного права на обращение** в суд и (или) административный орган за защитой (ст. 3 ГПК РФ, ст. 4 КАС РФ, ст. 19.1 КоАП РФ), поскольку разумность действий и добросовестность участников правоотношений, а равно законность и обоснованность заявленных ими требований, в том числе при осуществлении публичных полномочий предполагается (ст. 10 ГК РФ, ст. 45, 123.3 КАС РФ, ст. 35 ГПК РФ, ст. 30.6 КоАП РФ). Презюмирование виновности связано с тремя основными факторами, такими как процедура (правила) доказывания, мотивированность способов защиты, добросовестность поведения участников конфликтного правоотношения, и факультативным (дополнительным) фактором – законность и обоснованность осуществления государственных или иных публичных полномочий субъектами реализации права на защиту.

Презумпция виновности в условиях защиты гражданских прав в административном порядке указывает на то, что правовая деятельность по защите нарушенного права «двуполярна», во-первых, с позиции субъекта права на защиту и субъекта реализации данного права; во-вторых, с позиции «полюса субъективности, вероятности» и «полюса объективности, достоверности», презюмированности и исследования²; в-третьих, с позиции реализации средств и способов защиты: материальных и нематериальных, судебных и несудебных, внутригосударственных и международных. В этой связи презумпция связана с основной функцией гражданского и административного процессов – управление конфликтом³. В рамках данной функции «презюмированный» тип процесса, ведущий к вероятной (презюмированной) истине, сочетается с «исследовательским» типом, ведущим к объективной истине⁴.

---

¹ См.: *Абдрашитов В.М.* Теоретические основы презумпции невиновности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2017. С. 29.

² См.: *Печников Г.А.* Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 9.

³ См.: *Стёпин А.Б.* Защита гражданских прав предпринимателей: монография. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 244–262.

⁴ См.: *Печников Г.А.* Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 13.

Выполняя связующую роль в нормативном материале между общими нормами права (моделями поведения) и конкретными обстоятельствами, принципами права и системой общественных отношений¹, средствами, способами и формами защиты, «обеспечивающими оптимальное функционирование правовой системы»², презумпция виновности участвует в урегулировании конфликтного правоотношения. **В условиях** управления правовой (процессуальной) деятельностью по **предоставлению** и (или) распределению обязанности предоставления **доказательств**, она **обеспечивает их всестороннее исследование (изучение), защиту и восстановление нарушенного права**. Особенность такого способа урегулирования конфликта состоит в том, что он реализуется **не столько по воле субъекта права на защиту, сколько в силу полномочий** субъекта реализации данного права (судьи, уполномоченного органа или должностного лица), устанавливающего вину в совершении правонарушения³, что позволяет рассматривать презумпцию виновности как метод правового регулирования. Несмотря на то, что в законе отсутствует понятие презумпции виновности, нарушение правил ее использования при распределении бремени доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение деликтного обязательства, в том числе и за причинение вреда⁴, является основанием для отмены правоприменительных актов (п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 310 КАС РФ). Осуществляя правовое регулирование в целях устранения указанного нарушения и установления обстоятельств, имеющих значение для дела, суд вышестоящей инстанции предлагает лицам, участвующим в деле, возможность представить дополнительные (новые) доказательства (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, ч. 2 ст. 65 АПК РФ, ч. 3 ст. 62 КАС РФ).

В условиях защиты гражданских прав в административном порядке презумпция виновности реализуется в управлении процессу-

---

¹ См.: *Астемирова Л.А.* Презумпции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5, 8–9.

² *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 52.

³ См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

⁴ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2022 г. № 304-ЭС22-1601 по делу № А45-25188/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

альной деятельностью при распределении бремени доказывания между сторонами публично-правового конфликта. Одна сторона (лицо, обратившееся в суд) обязана доказать, нарушены ли права, свободы и законные интересы заявителя (административного истца) или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление, соблюдены ли сроки обращения в суд, а другая сторона (орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями и принявшие оспариваемые решения либо совершившие оспариваемые действия (бездействие)) – соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих полномочия, порядок и основания для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такой порядок и такие основания установлены нормативными правовыми актами; соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения (ч. 11 ст. 226 КАС РФ). При рассмотрении дел об административных правонарушениях презумпция виновности сохраняется, несмотря на то, что лицо, привлеченное (либо не привлеченное (ст. 3.7 КоАП РФ)) к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. Во всех случаях вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. В условиях защиты гражданских прав в административном порядке участники отношений доказывают: принадлежность на праве собственности имущества, подпадающего под санкцию нормы КоАП РФ (например, ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ), как основание для исключения из судебного акта выводов о конфискации имущества; фактическую рыночную стоимость имущества (товара, предмета правонарушения) или тяжелое финансовое положение участника экономических отношений, как основание для снижения размера административного штрафа (п. 1 ч. 1 ст. 3.5, ст. 4.1 КоАП РФ); наличие обстоятельств, препятствующих исполнению требований исполнительного документа, как основание для освобождения от взыскания исполнительского сбора (ст. 401 ГК РФ); наличие статуса субъекта малого и среднего предпринимательства, как условие освобождения от административной ответственности и замены штрафа на предупреждение (ст. 4.1.1 КоАП РФ) и др.

Презумпция виновности является выражением материальных и процессуальных правоотношений, что придает ей **межотраслевой (смешанный) характер**¹. Близкая по своему назначению к способу защиты, презумпция виновности связана с формой защиты и официально установленным порядком (процедурой), являющимися основными элементами механизма защиты².

Межотраслевая (смешанная) форма презумпции виновности не получила своего развития в научной литературе. В науке о праве (М.Н. Бронникова, В.К. Бабаев, Е.Ю. Веденеев, М.Н. Годовалова, Ю.Г. Зуев, Н.С. Каранина, В.И. Каминская, А.А. Крымов, С.Е. Кухаренка, О.В. Левченко, В.А. Морквин, Н.А. Никиташина, И.Л. Петрухин, Т.Г. Тамазян, Ю.А. Сериков, М.С. Строгович, Н.Н. Цуканов, Д.М. Щекин, и др.) рассматривается отраслевая презумпция виновности, как норма права, как средство регулирования, как юридический факт, как средство толкования, как обязанность правоприменителя³, как признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное, как предположение виновности причинителя вреда, лица, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство⁴ и др. Рассмотрение презумпции виновности как основного начала (принципа) защиты субъективных прав, в ряде случаев, например, как принципа освобождения от гражданско-правовой ответственности⁵ спорно, поскольку, несмотря на сходство в выражении сущности права, они отличаются целями реализации и функциональным назначением. Целью презумпции виновности, предус-

---

¹ Презумпция виновности реализуется в частном и публичном праве, приобретая межотраслевой (смешанный) характер. Современное развитие законодательства предполагает построение цивилистического процесса на началах управления конфликтом, что позволяет суду распределять бремя доказывания, исходя из публично-правовых целей защиты нарушенных прав и устранения их нарушений.

² См., например: *Стёпин А.Б.* Механизмы защиты гражданских прав // *Гражданское право*. 2020. № 6. С. 16–19; *Стёпин А.Б.* Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // *Российский судья*. 2020. № 7. С. 3–8.

³ См.: *Годовалова М.Н.* Презюмирование вины в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 15.

⁴ См.: *Бактимирова Т.В.* Презумпция виновности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 7.

⁵ См.: *Розина С.В.* Институт освобождения от гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14.

мотренной не только законом, но и судебной практикой¹, является обеспечение защиты и упорядочивание процесса доказывания, координация процессуальных правоотношений², она реализуется как мера профилактического характера для сокращения нарушения прав³ и др. Функциональным назначением презумпции виновности является управление правовой деятельностью по доказыванию наличия или отсутствия нарушенного права.

Подводя итоги, следует заключить, что презумпция виновности является элементом механизма защиты гражданских прав, направленным на урегулирование конфликтного правоотношения. Выступая как метод правового регулирования и средство обеспечения осуществления субъективного права на защиту, презумпция виновности сохраняет свои особенности в условиях защиты гражданских прав в административном порядке.

---

¹ Судебной практикой предусмотрены различные виды презумпций: презумпция добросовестности, презумпция отцовства, презумпция законности правового акта, презумпция знания законодательства в современной правовой политике и др. (См.: Самсонов А.П. Презумпции права в современной правовой политике России: теоретико-правовой аспект. Тамбов, 2009. С. 20).

² См.: Каландаришвили Х.А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 10.

³ См.: Алькова М.А. Особенности доказывания по авторским спорам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 23.

О.Г. Строкова,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной академии права*

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Понятие договора строительного подряда как вида договора подряда определяется ст. 740 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену. В соответствии с п. 2 ст. 740 ГК РФ договор строительного подряда заключается на строительство или реконструкцию предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, а также на выполнение монтажных, пусконаладочных и иных неразрывно связанных со строящимся объектом работ. С оговоркой «если иное не предусмотрено договором», правила о договоре строительного подряда распространяются также и на работы по капитальному ремонту зданий и сооружений, т.е. стороны вправе исключить своим взаимосогласованным решением применение норм о строительном подряде к отношениям по капитальному ремонту, но при этом они все же «связаны» рамками договора подряда, т.к. предметом возникшего между ними договорного правоотношения остается выполнение определенных работ с последующей передачей их результата заказчику¹.

По мнению некоторых ученых-цивилистов и практических работников, договор строительного подряда не должен и не может подразумевать проведение работ по капитальному ремонту. Договор на капитальный ремонт зданий и сооружений является самостоятельным гражданско-правовым договором о выполнении работ, т.к. при квалификации договорных отношений по реконструкции и ремонту определяющий критерий составляют технико-экономи-

---

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. 3-е изд., перераб и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 3: Обязательственное право.

ческие показатели, изменение которых указывает на реконструкцию объекта недвижимости и, как следствие, обязанность сторон заключить договор строительного подряда. В противном случае отношения, связанные с капитальным ремонтом, и нормы, опосредующие строительный подряд, подлежат применению в субсидиарном порядке¹. Думается, что подобные предложения повлекут за собой излишнюю множественность норм, ведь необходимо будет внести соответствующие изменения и в первую очередь в Гражданский кодекс РФ, включив в его содержание дополнительные статьи, посвященные новому виду договора, что представляется не совсем обоснованным. «Дробление» договора строительного подряда возможно, если это: во-первых, отвечает имущественным потребностям участников гражданского оборота, что подтверждается многочисленными примерами судебной практики; во-вторых, имеет место совокупность признаков, характеризующих договор (специфические предпосылки заключения; существенные условия; правовое положение сторон; содержание прав и обязанностей сторон; особенности ответственности и т.д.), которые позволили бы выделить новый вид договора. В сложившейся ситуации подобные предпосылки и совокупности признаков явно отсутствуют, а выделение нового вида договора (в частности, договора капитального ремонта) только по одному критерию недопустимо, т.к. это приведет к зарегулированности договорных отношений в сфере строительного подряда и в конечном итоге негативно скажется на практике применения договора, в силу затруднений которые неминуемо возникнут при выборе сторонами того или иного вида договора, а в случае возникновения спора – при квалификации договора судом. Таким образом, позволим себе предположить, что работы по капитальному ремонту могут (с нормативно-правовой и нормативно-технической точек зрения) производиться в рамках действия договора строительного подряда. Безусловно, в науке гражданского права будут продолжаться дискуссии по поводу совершенства строительного

---

¹ См.: *Ершов О.Г.* Договор строительного подряда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 17. Аналогичная точка зрения отражена в некоторых учебниках и монографиях, например: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2009; *Гражданское право: учебник: в 4 т. 3-е изд., переаб. и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 3: Обязательственное право.*

подрядных норм, но думается, что в настоящее время Гражданский кодекс РФ максимально корректно регламентирует договорные отношения в сфере строительства, а в совокупности с принципом свободы договора (ст. 1 ГК РФ) это дает возможность к выбору сторонами наиболее приемлемых и оптимальных условий, отвечающих потребностям в возведении нового объекта недвижимости, его реконструкции или капитальном ремонте, осуществлении строительно-монтажных или пусконаладочных работ.

В продолжение дискуссии о возможности и необходимости или отсутствии таковых в выделении из договора подряда иных видов хотелось бы несколько слов сказать о договоре подряда на строительство объекта «под ключ». Такой договор заключается между заказчиком и подрядчиком и предусматривает выполнение последним цикла: «проектирование – строительные, монтажные и специальные строительные работы – сдача объекта в эксплуатацию». По взаимному согласованию сторон заказчик может в данном случае принять на себя часть работ, поставок и иных обязательств, но, в конечном счете, ответственность за сдачу объекта «под ключ» остается за подрядчиком¹.

Договор строительного подряда обладает рядом особенностей, позволяющих выделить его из числа других договоров по выполнению работ:

Во-первых, действие правовых норм, регулирующих строительно-подрядные отношения, распространяется на процесс, связанный с созданием либо изменением объектов недвижимости, под которыми понимаются здания, сооружения, жилые и нежилые помещения, предприятия как имущественные комплексы, которые связаны с землей так, что их перемещение без несоразмерного ущерба их назначению невозможно и зарегистрированные в установленном порядке, уполномоченными на то государственными органами (ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»²). Статья 740 ГК РФ содержит

---

¹ См.: Методические рекомендации по составлению договоров подряда на строительство в Российской Федерации (утв. Межведомственной комиссией по подрядным торгам при Госстрое РФ, протоколом от 5 октября 1999 г. № 12). М.: Изд-во Госстроя России. М., 2000.

² См.: Федеральный закон РФ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3594 (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 486-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информа-

легальное определение, анализ которого позволяет сделать вывод: предметом договора строительного подряда выступает индивидуально-определенная вещь (объект недвижимости) или индивидуально-определенный результат выполненных работ.

Во-вторых, содержание договора включает в себя ряд существенных условий: предмет (ст. 743–744 ГК РФ); цена (ст. 709, 711, 743, 744, 746 ГК РФ); сроки (ст. 708 ГК РФ). Помимо этого, стороны в обязательном порядке должны согласовать содержание договорного обязательства (права и обязанности сторон), которое определяется существенными условиями договора: распределение рисков (ст. 705, 741 ГК РФ); страхование объекта строительства (ст. 742 ГК РФ); взаимное сотрудничество и содействие (ст. 718, 750 ГК РФ); обеспечение строительства материалами и оборудованием (ст. 713, 745 ГК РФ) и т.д.

В-третьих, строительно-подрядное правоотношение определяет в качестве сторон договора: заказчика и подрядчика, но можно также говорить и об иных участниках: застройщик; инвестор; инженер (инженерная организация; саморегулируемая организация и т.д. Между сторонами складываются различные варианты договорных связей, но наиболее широко используется система генерального подряда (ст. 704, 706 ГК РФ).

В-четвертых, подрядчик, в договоре строительного подряда, обязан обладать специальной правосубъектностью, в прямо установленных законом случаях быть членом саморегулируемой организации и иметь свидетельства о допуске к выполнению работ, влияющих на безопасность объектов капитального строительства (Федеральный закон «О саморегулируемых организациях»; гл. 6.1. Градостроительного кодекса РФ, Приказ «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства»¹).

ции. URL: <http://www.pravo.dov.ru> на 29 декабря 2014 г.

¹ См.: Федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6067 (в ред. Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 359-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 48, ст. 6640); Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 16 (в ред. Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 533-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.dov.ru> на 31 декабря 2014 г.);

В-пятых, опираясь на исследования в области строительного подряда, можно говорить о том, что процессу заключению договора строительного подряда предшествует ряд публично-правовых и организационных предпосылок, в частности, так называемая преддоговорная работа, результаты которой могут быть отражены в протоколе о намерениях. Согласованию в обязательном порядке подлежат следующие вопросы: строительная площадка и характер прав заказчика на нее; проектно-сметная документация; объем работ; порядок предоставления строительных и отделочных материалов; ответственность сторон и т.д.

В-шестых, существует возможность установления дополнительных обязательств подрядчика по отношению к заказчику, тесно связанных с предметом договора подряда, но выполнение которых происходит после процедуры сдачи-приемки результата работы заказчику (например, гарантийные обязательства, непосредственно связанные с качеством выполненных работ). Речь также может идти и о тех случаях, когда по условиям договора подрядчик принимает на себя обязанность обеспечить эксплуатацию объекта после его принятия заказчиком в течение указанного в договоре срока (п. 2 ст. 740 ГК). Виды, объем и стоимость услуг подрядчика, оказываемых заказчику по обеспечению эксплуатации построенного объекта (например, обучение работников заказчика, разработка инструкций по эксплуатации нового оборудования, доведение его до проектной мощности и т.п.), определяются в договоре строительного подряда. В подобной ситуации можно говорить о расширении его содержания¹.

В-седьмых, правовое регулирование отношений, возникающих в связи с заключением и исполнением договора строительного подряда, подразумевает применение значительного числа федеральных законов и подзаконных нормативно-правовых актов, принима-

---

Приказ Министерства регионального развития РФ от 30 декабря 2009 г. № 624 «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства» // Рос. газ. 2010. № 88 (в ред. Приказа Минрегиона России от 14 ноября 2011 г. № 536 // Рос. газ. 2012. № 55).

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. 3-е изд. перераб и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 3: Обязательственное право.

емых федеральными органами исполнительной власти (нормативные и нормативно-технические акты).

Правовая характеристика договора строительного подряда не вызывает споров: по моменту заключения договора, а, следовательно, возникновению прав и обязанностей у сторон – консенсуальный; по характеру и наличию взаимной направленности прав и обязанностей – двустороннеобязывающий; по наличию взаимных предоставлений – возмездный.

Т.Н. ХАЛБАЕВА,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ С УЧАСТИЕМ ЭКСПЕДИТОРА

Согласно п. 4 ст. 4 Федерального закона РФ от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»¹ (далее – Закон «О транспортно-экспедиционной деятельности») при приеме груза экспедитор обязан проверить информацию об условиях перевозки груза и иную информацию, необходимую для исполнения экспедитором своих обязанностей.

В зависимости от условий договора содержание обязательств с участием экспедитора может значительно отличаться: заключение договоров перевозки от имени клиента; оформление перевозочных документов; обеспечение отправки или получения груза и т.п. Если экспедитор принимает груз от клиента без каких-либо оговорок в транспортном документе о ненадлежащей упаковке груза, то на первом лежит риск утраты, недостачи, повреждения (порчи) груза, которые могут возникнуть ввиду указанных обстоятельств.

При исполнении обязательств, возникающих из договора перевозки, возможно наличие правоотношения между перевозчиком и экспедитором.

Экспедитор несет ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза на основании п. 2 ст. 6 и ст. 7 Закона «О транспортно-экспедиционной деятельности», если он: 1) фактически осуществлял перевозку своими собственными транспортными средствами либо; 2) выписал транспортный документ, например, экспедиторскую расписку, или иным образом выразил намерение гарантировать сохранную доставку груза, в том числе принял на себя обязанность за исполнение договора перевозки (далее – договорный перевозчик). Поэтому суд при возложении ответственно-

---

¹ См.: СЗ РФ. 2003. № 27, ч. 1, ст. 2701; 2020. № 12, ст. 1651.

сти на экспедитора должен, в первую очередь, установить круг его обязанностей и только затем – их ненадлежащее исполнение.

По смыслу ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (с изм. от 2 июля 2021 г. № 336-ФЗ)¹ (далее – Устав автомобильного транспорта) лицо, выступающее грузоотправителем (экспедитор или клиент), несет риски, связанные с отсутствием у перевозчика документов, необходимых для беспрепятственного осуществления перевозки груза, в том числе документов, предусмотренных санитарными, таможенными, карантинными и иными правилами в соответствии с законодательством РФ. Проверка правильности и полноты этих документов не является обязанностью перевозчика. По общему правилу грузоотправитель обязан возместить перевозчику убытки, в том числе суммы, выплаченные перевозчиком иным лицам в связи с отсутствием, недостоверностью или неполнотой указанных документов.

При приеме груза экспедитор обязан проверить достоверность представленных клиентом документов, которые нужны для исполнения экспедитором его обязанностей, их комплектность и соответствие сведений, указанных в документах, условиям перевозки. Таким образом, при заключении грузоотправителем договора транспортной экспедиции, предполагающего проверку указанных документов экспедитором, ответственность перед грузоотправителем за вред, возникший в связи с отсутствием или неполнотой документации, несет экспедитор².

На экспедитора не может быть возложена ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза перевозчиком, если в силу договора он обязан выполнять только отдельные функции грузоотправителя, например: осуществление расчетов с перевозчиком либо подготовка документов, необходимых для перевозки.

Так, ООО «Саратов-Транс-Логистик» обратилось в Арбитражный суд Саратовской области с иском о взыскании с индивидуального предпринимателя К. суммы задолженности за оказанные услуги

---

¹ См.: СЗ РФ. 2007. № 46, ст. 5555; 2020. № 12, ст. 1651.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2022).

по договору транспортной экспедиции на перевозку грузов автомобильным транспортом по территории РФ.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной инстанции и округа, первоначальный и встречный иски удовлетворены частично, в удовлетворении исков в остальной части отказано. При этом суды установили факт принятия груза водителем – работником истца – и признали доказанным факт утраты Обществом части груза на сумму 990 671 руб. 25 коп. Суды учли то обстоятельство, что Общество не представило доказательств обеспечения сохранности груза при его перевозке, а также доказательств того, что утрата груза произошла вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Руководствуясь положениями ст. 401, 796 Гражданского кодекса РФ, ч. 5 ст. 34 Устава автомобильного транспорта, суды пришли к выводу о наличии оснований для возложения на Общество ответственности за утрату груза. Верховный Суд РФ не нашел оснований для пересмотра данных судебных актов¹.

Пленум обратил внимание на то, что при квалификации правоотношения участников спора необходимо исходить из признаков договора, предусмотренных главами 40, 41 Гражданского кодекса РФ, независимо от наименования договора, названия его сторон и т.п. Согласование сторонами договора ответственности экспедитора в качестве договорного перевозчика может подтверждаться, в частности тем, что по условиям договора клиент не выбирает кандидатуры конкретных перевозчиков. Цена оказываемых экспедитором услуг выражается в твердой денежной сумме без выделения расходов на перевозку и сопоставима с рыночными ценами за перевозку соответствующих грузов. Экспедитор в документах, составляемых в силу договора, характеризует свое обязательство как обеспечение сохранной доставки груза (например, на сайте экспедитора в сети Интернет, через который заключается договор).

Право на предъявление к перевозчикам требований, связанных с осуществлением перевозок грузов, имеют лица, заключавшие договоры перевозки, грузополучатели, а также страховщики, выплатившие страховое возмещение в связи с ненадлежащим исполне-

---

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 306-ЭС17-19004 по делу № А57-23792/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2022).

нием перевозчиками своих обязанностей (ч. 3 ст. 39 Устава автомобильного транспорта).

Если клиент является грузоотправителем по договору перевозки груза, т.е. договор заключен клиентом самостоятельно либо экспедитором от имени клиента, то клиент вправе требовать от перевозчика возмещения реального ущерба, причиненного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза. Право клиента на предъявление иска к перевозчику не исключает возможности предъявления иска о возмещении реального ущерба, причиненного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, к экспедитору, если по условиям договора он также обязался обеспечить сохранную транспортировку груза перед клиентом. В целях исключения неосновательного обогащения клиента к обязательствам перевозчика и экспедитора подлежат применению нормы о солидарных обязательствах (ст. 323 Гражданского кодекса РФ).

Если же договор перевозки груза заключен экспедитором от своего имени, то правом требовать возмещения реального ущерба, причиненного утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза с перевозчика, обладает экспедитор. Перевозчик обязан возместить реальный ущерб, причиненный утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, экспедитору независимо от того, кто является собственником груза, а также независимо от того, возместил ли экспедитор соответствующий вред клиенту. В этом случае ответственным перед клиентом за утрату, недостачу, повреждение (порчу) груза является экспедитор.

Экспедитор, заключивший договор перевозки от своего имени, в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения перевозчиком обязанностей по договору, обязан по требованию клиента уступить ему права по договору перевозки с целью предъявления перевозчику требования о возмещении убытков (п. 2 ст. 993, п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ). В случае объявления экспедитора несостоятельным (банкротом) его права и обязанности по договору перевозки, заключенному для клиента во исполнение указаний последнего, переходят к клиенту (ч. 2 ст. 1002, п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса РФ).

Пленум Верховного Суда РФ напомнил о ничтожности условий договора транспортной экспедиции в случае, если эти условия содержат ограничение ответственности экспедитора по сравнению с тем, как его ответственность определена в законе.

Таким образом, действующие правила рассмотрения споров из договоров автомобильной перевозки в части обязанности соблюдения досудебного претензионного порядка следует признать устаревшими. Такой порядок не применяется в практике международных автомобильных грузовых перевозок. Поэтому положения в п. 2 ст. 39 Устава автомобильного транспорта требуют упразднения.

Ю.А. БЕРКАСОВА,

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Сибирского государственного университета путей сообщения,
аспирант кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

*Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
О.М. Родионова*

ПОНЯТИЕ «НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ОЦЕНКИ УНИКАЛЬНОСТИ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Стремительное развитие сети «Интернет» привело к практически неограниченным возможностям использования информационных ресурсов, в т.ч. скачивания необходимого материала, что повлекло за собой необходимость разработки механизмов защиты прав авторов от неправомерного заимствования продуктов их интеллектуальной деятельности и внедрения систем оценки уникальности авторского текста. Еще одной значимой причиной является реализация современных информационных технологий, в том числе использование интернет-сервисов в образовательных целях, а также развитие системы дистанционного обучения¹.

Любое заимствование чужого авторского текста является недобросовестным, если оно надлежащим образом не оформлено по правилам цитирования.

Понятие плагиата закреплено в уголовном законодательстве и согласно ст. 146 УК РФ – это присвоение авторства². С точки зрения уголовного закона, «указанное деяние может состоять, в частности, в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске

---

¹ См.: Беркасова Ю.А., Капустина В.А. Интегративное бинарное занятие как пример инновационных образовательных технологий, реализуемых в высшей школе // Образование и саморазвитие (Включен в БД SCOPUS, ВАК). 2019. Т. 14. № 2. С. 55–67.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17 июня 1996 г. № 25. ст. 2954.

чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, изданий под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени»¹.

Уголовное законодательство определяет понятие «плагиат», в то время как гражданское законодательство не содержит легально закрепленной дефиниции. В цивилистике отсутствует единообразное понимание сущности данного понятия, в связи с чем определение содержания и признаков явления «плагиат» и «недобросовестное заимствование» является нерешенной научной и законодательной проблемой.

Авторские правоотношения регламентируются нормами главы 70 части 4 ГК РФ, в которой не закреплено как понятие «плагиат», так и «недобросовестное заимствование».

Рассмотрим некоторые подходы к понятию плагиата, предлагаемые в литературе гражданского права.

«Плагиат – это самостоятельное нарушение лично-неимущественных прав, выраженное в присвоении авторства как в отношении всего произведения, так и его отдельных частей, в том числе использование произведения, части (включая название) без указания источника заимствования»².

Плагиат – это нарушения, связанные с присвоением чужого авторства, выдачей чужого результата интеллектуальной деятельности за свой собственный³.

Плагиат – это «умышленное присвоение авторства другим лицом»⁴.

«Открытый плагиат, то есть прямое заимствование у иных авторов»⁵.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс».

² Цит. по: *Витко В.С.* О признаках понятия «плагиат» в авторском праве М.: Статут, 2017. СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: *Мозолин В.П.* О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 109.

⁴ *Добрякова Н.И.* Заимствование или плагиат: российский и зарубежный опыт // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2015. № 1(13). С. 17.

⁵ *Сайфутдинова В.М.* Добросовестность и пределы осуществления интеллектуальных прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 65–70.

И.А. Близнец разделяет понятия плагиат и заимствования, указывая, что «вопросы эффективной защиты прав авторов с каждым годом становятся все более актуальными», также особо отмечая, что «в Интернете особенно сложно отследить случаи плагиата и незаконного заимствования произведений»¹.

Э.П. Гаврилов различает такие понятия, как «авторский плагиат», т.е. лицо, присвоившее авторство на произведение науки, созданное другим лицом, присвоило не только содержание, но и форму (или, по крайней мере, определенные элементы формы чужого произведения науки), «научный плагиат» – «если сворованной идее придана иная, новая форма»².

Проанализировав имеющиеся понятия, можно сделать вывод о следующих подходах к явлению плагиата:

1. Понятие «плагиат» совпадает с понятием «недобросовестное заимствование».
2. Понятие «плагиат» рассматривается в узком смысле как присвоение авторства.
3. Понятие «плагиат» не совпадает по содержанию с понятием «недобросовестное заимствование».

В 2007 г. Совет по качеству образования при Рособрнадзоре РФ рекомендовал использовать в вузах системы антиплагиата, что способствовало развитию данных систем и повсеместному обязательному требованию наличия заключения об уровне оригинальности любой научной работы³.

Высшая аттестационная комиссия отмечает, что проверка авторского текста может осуществляться с применением любых программ проверки уникальности, но результаты оценки оригинальности имеют рекомендательный характер и могут «являться лишь элементом системы поддержки принятия объективного решения»⁴, хотя результаты этой проверки оказывают существенное влияние

---

¹ Близнец И.А. Регистрация авторских прав. Как защитить и доказать авторство? // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 6. С. 5–10.

² Гаврилов Э.П. Понятие и термин «Плагиат» в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2020. № 1. С. 52–60.

³ См.: Что такое «Антиплагиат.ВУЗ». URL: https://www.hse.ru/org/hse/antiplagiat_info/antiplagiat (дата обращения: 14.03.2022).

⁴ Высшая аттестационная комиссия: Общие вопросы. URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/questions#tab=_tab:questions~ (дата обращения: 16.03.2022).

на решение вопроса о принятии или отклонении материала и определении окончательной оценки за защиту.

Наиболее известными и применяемыми программными продуктами являются следующие: Антиплагиат АО «Антиплагиат» (<http://antiplagiat.ru/>), AdvegoPlaguatus (<http://advego.ru/plagiatus/>), eTxtАнтиплагиат (<http://etxt.ru/>).

Как следует из информации на сайте antiplagiat.ru «Антиплагиат» – это «программа по поиску заимствований в текстовых документах»¹, которая помогает находить их в курсовых работах, дипломах, диссертациях, научных статьях и отчетах и способствует соблюдению и сохранению ценности авторского права.

Использование систем оценки уникальности является необходимой составляющей в борьбе с заимствованием научных и иных текстов без ссылки на автора или источник. Однако можно констатировать отсутствие разработанного достаточного понятийного аппарата и наличие пробелов в механизме регулирования проверки на наличие заимствований.

В приказе Министерства образования и науки РФ от 18 марта 2016 г. № 227 закреплена обязательность проверки объема заимствований текстов ВКР и научных докладов, кроме текстов, относящихся к государственной тайне, при этом «порядок размещения текстов выпускных квалификационных работ и научных докладов в электронно-библиотечной системе организации, проверки на объем заимствования, в том числе содержательного, выявления неправомерных заимствований устанавливается организацией»².

В положении о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 установлено, что «использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования, результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве, без ссылок на соавторов, является основанием для отказа в приеме диссер-

---

¹ Что такое Антиплагиат. URL: <https://www.antiplagiat.ru/> (дата обращения: 15.03.2022).

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 18 марта 2016 г. № 227 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки». URL: <http://fgosvo.ru/news/3/1822> (дата обращения: 21.10.2021).

тации к защите»¹. Следовательно, можно сделать вывод, что диссертационные советы до принятия диссертации к защите обязаны осуществить проверку текста диссертаций с целью выявления заимствованного материала.

Однако ни в одном из данных документов способы и механизм определения использования заимствований, рекомендуемый процент оригинальности текста и т.д. не указываются.

Отсутствуют четкие критерии определения процента оригинальности текста и границ заимствования. На законодательном уровне регламентирована только обязанность осуществить проверку на наличие заимствований, все остальные процедурные и процессуальные вопросы определяются и разрешаются образовательной организацией самостоятельно.

Таким образом, дефиниции, механизм проверки, процент оригинальности авторского текста устанавливается на локальном уровне: например, процент оригинальности ВКР бакалавров и магистров устанавливается приказом ректора либо положением, устанавливающим требования к работам данного вида. Пороговые уровни оригинальности статей для конференций или для журналов различного уровня устанавливаются в требованиях к материалам и зависят от решения организатора мероприятия, что также является вариантом локального регулирования.

Проанализировав основные понятия, которые применяются для определения необоснованного и незаконного использования чужого авторского текста, без указания авторства можно сделать вывод, что в основном указываются следующие признаки недобросовестного заимствования:

1. Присвоение авторства.
2. Использование чужих идей, присвоение содержания и формы произведения.
3. Самостоятельное нарушение лично-неимущественных прав.
4. Прямое заимствование у иных авторов.

Предполагается дальнейшее исследование признаков понятий «плагиат» и «недобросовестное заимствование», так как требуется дополнительное изучение и конкретизация имеющихся понятий. Думается, что детализация имеющихся дефиниций необходима в том числе и потому, что понятие «плагиат» в уголовно-правовом

---

¹ О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 // СЗ РФ. 2013. № 40, ч. 3, ст. 5074.

смысле неприменимо к случаям недобросовестного заимствования чужого текста в гражданско-правовом понимании. При этом программа «Антиплагиат» позволяет выявлять именно недобросовестные заимствования, однако обнаружение указанных заимствований не может являться основанием для привлечения к ответственности.

Ю.С. Былинкина,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ И ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В соответствии с действующим Законом РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страхование в Российской Федерации осуществляется в формах добровольного и обязательного страхования. В пункте 3 статьи 927 ГК РФ¹ выделено также обязательное страхование жизни и здоровья граждан за счет средств из бюджета (обязательное государственное страхование). Инициаторами добровольного страхования выступают как физические, так и юридические лица (страхователи).

Объектами обязательного страхования в настоящее время являются:

- жизнь и здоровье военнослужащих и военнообязанных;
- жизнь и здоровье военнослужащих и военнообязанных органов государственной безопасности;
- жизнь и здоровье сотрудников государственной налоговой службы и государственного таможенного комитета России;
- жизнь и здоровье граждан, пострадавших от чернобыльской катастрофы, и лиц, командируемых в зоны с радиационным риском;
- ряд видов гражданской ответственности.

Важно отметить существующие особенности проведения обязательного и добровольного страхования.

Для обязательного страхования характерны такие особенности, как:

- автоматическое распространение страхования на объекты, подпадающие под действие соответствующего нормативного акта;
- полнота охвата объектов, подлежащих страхованию;
- бессрочность договора страхования, под которой понимается не неопределенность срока действия договора обязательного

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // Российская газета. 1996. № 154.

страхования, а необходимость наличия постоянно действующего страхового полиса, что определяет необходимость его постоянной пролонгации;

- определение предельных размеров страховых выплат. Нормативными документами по обязательным видам страхования, как правило, определяются предельные размеры страховых выплат по видам страхования, видам причиненного вреда;

- безусловная ответственность страхователя вне зависимости от уплаты страховых взносов. Законами по обязательному страхованию устанавливается, что страхователь несет ответственность вне зависимости от того, есть у него договор страхования или его нет;

- привлечение к ответственности за невыполнение обязанности по обязательному страхованию (ст. 937 ГК РФ);

- законодательная основа, определяющая виды, условия и порядок страхования.

К особенностям добровольного страхования относятся:

- основой страхования служат правила страхования и договор, определяющие условия и порядок страхования;

- неполный охват страхового поля;

- ограниченность срока страхования;

- обязательность страховых взносов;

- существование зависимости размера страхового обеспечения от желания и платежеспособности страхователя¹.

Обязательное страхование имеет ряд преимуществ по сравнению с добровольным страхованием. К ним относятся: государственная гарантия выплат; возможность получения помощи в любой точке страны; простая процедура предоставления страховки; нормированное страховое обеспечение; большое количество участников страхования, поэтому выплаты не приносят большого урона страхователю; существует закон, в котором четко определяются: права и обязанности сторон договора страхования; перечень объектов, подлежащих обязательному страхованию, объем страховой ответственности, уровень страхового обеспечения, периодичность

---

¹ См.: *Логунова Е.В., Лукашина В.Д., Тезина Е.А.* Сущность, понятие и значение страхования в РФ // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола № 4 с Всероссийским и международным участием. Шахты, 2021. С. 81.*

и сроки внесения страховых платежей; объекты, указанные в законе, полностью охватываются обязательным страхованием.

Практика проведения страхования в обязательной форме имеет и существенные недостатки:

- стандартный пакет услуг, как известно, не покрывает все необходимые затраты, за дополнительно оказанную помощь надо платить;
- по договорам обязательного страхования за счет массовости страхования страховые тарифы по договорам страхования, а соответственно и страховые премии, как правило, ниже, при добровольном страховании;
- при заключении договоров обязательного страхования, как правило, отсутствует ценовая конкуренция между страховщиками (страховые риски, страховые суммы, размеры выплат и прочие условия определены соответствующими нормативными актами), не все страховые компании могут соответствовать выдвигаемым необходимым требованиям, и, следовательно, конкуренция перетекает в сторону сервиса оказываемых услуг;
- условия страхования, как правило, утверждены и не подлежат корректировке и адаптации в зависимости от потребностей страхователей.

Индивидуальные условия страхования предусмотрены в договорах добровольного страхования:

- обязательный принудительный характер заключения договоров страхования нередко вызывает обратную реакцию отторжения и ситуации навязывания, а потребители не всегда осознают необходимость страхового покрытия.

В России по добровольному страхованию по оценкам экспертов застраховано не более 10 % рисков. Очень малочисленное количество населения пользуется услугами добровольного страхования. Эксперты говорят, что это связано с недоверием населения к страхованию, в том числе сформировавшееся со времен невыплат по договорам страхования жизни, пришедшихся на переходный период начала 90-х годов. Из-за очень малого количества застрахованных, при возникновении крупного страхового случая, в компании может не хватить средств для выплаты, чего и боятся страхователи.

Несмотря на это, в добровольном страховании есть несколько положительных моментов:

- страховка может действовать за границей, если в договоре включен такой пункт;
- добровольное страхование дает возможность выбора страховщика и его ежегодной смены;
- контроль страховой компанией качества предоставляемых услуг.

К обязательным видам страхования относятся:

- обязательное страхование ответственности перевозчика при перевозке пассажиров наземным, водным или воздушным путем – защищает интересы пассажиров в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу во время перемещения (осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном»)¹;
- страхование жизни и здоровья служащих, жизнь которых постоянно подвержена риску. Военнослужащим и государственным служащим предоставляют особые льготы и выплаты, так как эта категория граждан часто сталкивается с угрозой жизни и здоровья;
- обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО) также распространено в России (осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»)²;
- страхование гражданской ответственности собственников опасного объекта (осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте»)³.

---

¹ Федеральный закон от 14 июня 2012 г. №67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (в ред. от 18 декабря 2018 г. № 473-ФЗ) // Российская газета. 2012. № 136.

² Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в ред. от 1 апреля 2022 г.) // Российская газета. 2002. № 80.

³ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта

Таким образом, основное отличие обязательного страхования от добровольного состоит в том, что при обязательном страховании выплаты не зависят от одних взносов, в то время как при добровольном страховании обязательства страховой компании находятся в точном соответствии с взносами страхователя. Кроме того, в обязательном страховании застрахованный не имеет права прекратить страхование, а при добровольном страховании оно прекращается, когда прекращается уплата взносов.

за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (в ред. от 18 декабря 2018 г., с изм. от 8 марта 2022 г.) // Российская газета. 2010. № 169.

С.В. Кузина,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ПРИЗНАНИЕ ПАМЯТНИКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АВАРИЙНЫМ ОБЪЕКТОМ

Реформы жилищно-коммунальной сферы охватывают обширный перечень проблемных вопросов, с которыми сталкиваются граждане, проживающие в жилых помещениях различных видов жилищных фондов.

Особую сложность вызывает необходимость расселения жителей из ветхого и аварийного жилищного фонда при признании здания аварийными и подлежащим сносу. Эта сложная процедура предполагает включение жилого дома, не отвечающего требованиям безопасности для проживания граждан, в программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, если по результатам обследования дом признан аварийным и подлежащим сносу.

Объект культурного наследия признается находящимся в неудовлетворительном состоянии, если создается угроза его физической утраты. При этом особое положение возникает в случаях отнесения жилого дома к памятникам архитектуры, так как в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» памятники архитектуры, относящиеся к объектам культурного наследия, сносу не подлежат. То есть положения Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» о многоквартирных аварийных домах, подлежащих сносу, и о расселении жильцов за счет средств Фонда после включения дома в региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилья на дома-объекты культурного наследия не распространяются. Расселение таких домов финансируется за счет средств муниципального бюджета, что, как правило, весьма затруднительно, соответственно, расселение жильцов затягивается на долгое время. Изъятие помещений органами власти происходит, как правило, в досудебном порядке путем заключения с собственником договора об изъятии жилого помещения для му-

ниципальных нужд с уплатой соответствующей денежной компенсации. Однако размеры такой компенсации зачастую существенно занижены, что нарушает права собственников и влечет длительные судебные тяжбы. Поэтому целесообразно на законодательном уровне установить единые принципы определения выкупной цены при расселении аварийных жилых домов – памятников архитектуры и изъятии объектов для муниципальных нужд. Оценка должна проводиться в соответствии с рыночной стоимостью таких объектов и обеспечивать их собственникам возможность приобретения равноценного жилья.

Особый режим законодательство об объектах культурного наследия определяет и для производства капитального ремонта или реконструкции памятников архитектуры. Установлены требования как к субъектам, которые будут осуществлять данные виды работ, так и к порядку их осуществления. Императивной является необходимость получения в соответствии с требованиями закона задания и разрешения на производство работ по сохранению объекта культурного наследия от органа охраны объектов культурного наследия, при условии осуществления технического, авторского надзора и государственного контроля (надзора) в области охраны объектов культурного наследия. Проведение реставрационных работ должен инициировать собственник или иной законный владелец объекта культурного наследия. Выполнять же работы по сохранению объекта культурного наследия имеют право только обладающие лицензией на проведение такого вида деятельности юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Качественная реставрация исторических объектов – процесс наукоемкий и затратный. Необходимыми условиями сохранения исторической ценности объекта являются не только проведение комплексных научных исследований и тщательная проработка проектных решений с использованием новых прогрессивных технологий, а при необходимости и с экспериментальной проверкой принятых решений. Наряду с государственной поддержкой, как правило, необходимо привлечение средств инвесторов – собственников объектов. Обеспечение восстановления объектов инженерного наследия, их доступности является важнейшим фактором сохранения культурно-исторической среды, что необходимо для качественного развития общества, воспитания и образования молодого поколения. Сохранение и восстановление культурно-исторической среды

также способствует развитию туризма, в том числе в небольших городах России¹.

Постановлением Правительства РФ от 29 июня 2015 г. № 646 «Об утверждении критериев отнесения объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, к объектам культурного наследия, находящимся в неудовлетворительном состоянии» установлены требования для признания аварийными жилых объектов культурного наследия.

Для объекта культурного наследия, являющегося многоквартирным жилым домом, таким критерием является признание объекта аварийным в порядке, установленном нормативными правовыми актами РФ. Для объекта культурного наследия, не являющегося многоквартирным жилым домом, такими критериями являются не менее трех из следующих обстоятельств: утрата инженерных коммуникаций, наличие деформации фундамента, горизонтальные и вертикальные сквозные трещины в стенах, нарушение покрытия кровли или ее отсутствие, отсутствие заполнения дверных и оконных проемов². При этом на признание многоквартирного жилого дома, являющегося памятником архитектуры, аварийным распространяется общий порядок признания многоквартирного дома непригодным для проживания.

Практически весьма сложные ситуации возникают при признании жилых домов памятником архитектуры и постановке администрацией на очередь для выполнения работ по капитальному ремонту, при этом состояние жилого объекта настолько плачевно, что дальнейшее проживание не только нежелательно, но и представляет реальную угрозу для жизни граждан. Признание памятника архитектуры в таких случаях аварийным объектом является весьма затруднительным, если не сказать, что практически невозможным, в связи с тем, что аварийный объект подлежит сносу, а выполнить

---

¹ См.: Комплексные научные исследования, направленные на сохранение объектов культурного наследия В.Г. Шухова / А.Н. Мамин, В.В. Бобров, Д.С. Шавелкин, Т.В. Долгова // *Качество и жизнь*. 2021. № 2(30). С. 48.

² См.: *Кирсанов А.Р.* Приватизация арендованных объектов культурного наследия, находившихся до передачи в аренду в неудовлетворительном состоянии // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2018. № 7. С. 84.

снос объекта культурного наследия возможным не представляется. Проведение же капитального ремонта является весьма дорогостоящими поэтому местные органы просто отказывают в его производстве из-за недостаточности финансирования. Указанные обстоятельства порождают правовую неопределенность в действиях уполномоченных органов по отношению к жильцам многоквартирных домов, находящихся в состоянии, непригодном для проживания.

В подобных ситуациях жильцам многоквартирного дома рекомендуется провести независимую экспертизу состояния жилого дома, чтобы получить заключение об аварийном состоянии. Затем с результатами экспертизы целесообразно обратиться в региональный орган охраны объектов культурного наследия и местную администрацию с заявлением о признании объекта аварийным и непригодным для дальнейшего проживания, для чего необходимо проведение его соответствующего обследования.

В случае получения отказа жильцам следует обжаловать решение администрации в суд. Отказы в основном базируются на том, что при невозможности обеспечить снос объектов культурного наследия, решение вопроса в соответствии с действующим законодательства не представляется возможным. Подобная аргументация зачастую нарушает как права жильцов, так и положение памятника архитектуры, способствуя его дальнейшему обветшанию и разрушению, что, безусловно, требует законодательного разрешения вопроса.

В 2021 г. депутатами Государственной Думы был внесен на рассмотрение законопроект № 1180448-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Жилищный кодекс Российской Федерации», целью которого является обеспечение сохранности аварийных многоквартирных домов, имеющих статус объектов культурного наследия, детализированное урегулирование особенностей капитального ремонта в них, установление гарантий обеспечения жилищных прав собственников жилых помещений¹.

В качестве предложения высказывается необходимость урегулирования действий органов власти по отношению к многоквартир-

---

¹ № 1180448-7 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1180448-7> (дата обращения: 15.03.2022).

тирным домам-памятникам, находящимся в аварийном состоянии, и к их жильцам, а также целесообразность дополнения Жилищного кодекса положениями о проведении работ по капитальному ремонту многоквартирных домов-памятников в соответствии с федеральным законом об объектах культурного наследия с привлечением средств инвесторов¹.

Предлагается несколько вариантов определения дальнейшей судьбы указанных объектов после их аварийного расселения: передача в аренду на условиях льготной арендной платы; приватизация с учетом требований о восстановлении новым собственником; вовлечение в концессионные соглашения, соглашения государственно-частного или муниципально-частного партнерств.

Законопроект успешно прошел первое чтение, при этом доработка с учетом поступивших поправок и внесение законопроекта на рассмотрение Государственной Думы во втором чтении были поручены Комитету Государственной Думы по культуре. Предполагается, что изменения будут способствовать привлечению инвесторов при продаже расселенных памятников архитектуры в целях обеспечения их сохранности и возможности дальнейшего использования.

---

¹ См.: Госдуме предложили законопроект по защите аварийных домов-памятников архитектуры. URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2021-06-02/v-gosdume-predlozhili-zakonoproekt-po-zaschite-avariyных-domov-pamyatnikov-arhitektury-2458698> (дата обращения: 15.03.2022).

Р.А. ЩЕПАНСКИЙ,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Любой пациент, получающий медицинскую помощь, имеет при ее оказании целый ряд прав. Прежде всего это права, прямо указанные в гл. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ)¹. Это право на выбор врача и выбор медицинской организации, право на охрану здоровья, право на отказ от медицинского вмешательства и другие права. Одним из базовых прав пациента является право на получение качественной медицинской помощи. Это право вытекает из целого ряда нормативных актов, которые регулируют предоставление медицинскими организациями медицинских услуг. Это и Гражданский кодекс РФ, и положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, и Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»².

В статье 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «медицинская помощь» определяется как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг, а «медицинская услуга» – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение. Таким образом, понятие «медицинская помощь» шире понятия «медицинская услуга» и включает в себя последнее.

Для гражданско-правового регулирования основным понятием является «медицинская услуга», которая будет объектом граждан-

---

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

² Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3, ст. 140.

ско-правового обязательства возмездного оказания медицинских услуг. В контексте гражданско-правовых отношений, которые связаны с заключением договоров на оказание медицинских услуг или ответственностью исполнителя за ненадлежащее их предоставление, может быть использован только термин «медицинская услуга»¹.

Самыми распространенными спорами между медицинскими организациями и пациентами являются споры о качестве медицинских услуг. При этом в настоящее время суды чаще возлагают бремя доказывания качества оказанных услуг именно на медицинские организации².

Исполнитель обязан предоставлять медицинские услуги, качество, объем и сроки оказания которых должны соответствовать обязательным требованиям, условиям договора, а при отсутствии в договоре условий об их качестве – требованиям, предъявляемым к услугам соответствующего вида.

Согласно «ГОСТ Р 50646-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги населению. Термины и определения»³ «качество услуги» – это совокупность характеристик или показателей качества услуги, определяющих ее способность удовлетворять установленные или предполагаемые потребности потребителя.

Понятие качества медицинской помощи закреплено в ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ как совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата. Учитывая, что понятие «медицинская услуга» включается законодателем в более широкое понятие «медицинская помощь», можно сделать вывод, что качество медицинской услуги – это своевременность ее оказания, правильность выбранных методов лечения и степень достижения результатов.

---

¹ Левушкин А.Н., Бирюкова Е.Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 30.

² См.: Аскеров А. Споры медицинских организаций с пациентами // Административное право. 2021. № 2. С. 24.

³ См.: ГОСТ Р 50646-94. Услуги населению. Термины и определения. Постановление Госстандарта РФ от 12 марта 1996 г. № 164. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

Под качеством медицинской помощи законодатель также понимает систему критериев, позволяющих определить качество оказания медицинской помощи как в определенном медицинском учреждении, у определенного врача, на определенной территории, так и отдельному больному¹.

Критерии оценки качества медицинской помощи согласно ч. 2 ст. 64 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ формируются по группам заболеваний или состояний на основе соответствующих порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разрабатываемых и утверждаемых в соответствии с ч. 2 ст. 76 этого федерального закона, и утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Одним из критериев качества оказанной медицинской услуги законодатель определил степень достижения запланированного результата. Таким образом, результатом оказания медицинской услуги должен быть какой-то конечный итог деятельности медицинского работника. Критерии оценки степени достижения результата лечения не содержатся в стандартах и порядках оказания медицинской помощи. Приказ Минздрава России от 7 июля 2015 г. № 422ан «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи»² также не содержит четких, конкретных планируемых результатов медицинской услуги по каждой группе заболеваний, как и клинические рекомендации. Безусловно, указание в качестве критерия оценки, например, на отсутствие новых высыпаний в течение 96 часов до момента выписки из стационара, не вызывает сомнений, какой результат должен быть достигнут, для признания оказанной услуги качественной. Однако во многих случаях критерии оценки качества составляет набор манипуляций, лекарственных средств и исследований, что не позволяет определить, какой же был запланированный результат оказания медицинской услуги, какова степень его достижения и в конечном итоге оказана ли медицинская услуга качественно или нет.

---

¹ См.: Приказ Минздрава РФ от 22 января 2001 г. № 12 «О введении в действие отраслевого стандарта “Термины и определения системы стандартизации в здравоохранении”». URL: http://www.rspor.ru/mods/norm_doc/mz12_2001.pdf/

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

Результат услуги нематериален, это – улучшение здоровья, самочувствия. Этот результат невозможно точно измерить. На результат медицинских услуг оказывают влияние многие факторы – поведение пациента, особенности его организма, окружающая среда, внешние обстоятельства. Во многих случаях вообще невозможно ставить качество оказанных услуг в зависимость от степени достижения запланированного результата, например, при экстракорпоральном оплодотворении. Средний процент успешности данной медицинской процедуры составляет около 35 % и зависит от множества факторов даже тогда, когда исполнитель сделал все от него зависящее, чтобы результат наступил. Именно по этой причине правильнее оценивать не результат услуг, а соблюдение правил их оказания, а включение в критерии качества оказанной услуги степени достижения запланированного результата представляется непродуманным.

Повышение качества медицинских услуг – одна из приоритетных задач, поставленных перед всей сферой здравоохранения, и являющееся одним из способов повышения конкурентоспособности конкретной медицинской организации на рынке медицинских услуг. При этом качество услуги связано с «менеджментом качества услуг» как скоординированной деятельностью по руководству и управлению организацией применительно к качеству услуг. Для коммерческих медицинских клиник большое значение имеет получение аккредитации по международным стандартам качества и безопасности лечения Joint Commission International, который дает клинике существенные маркетинговые преимущества на основе улучшения ее имиджа.

Управление качеством – это часть менеджмента качества, направленная на выполнение требований к качеству. Системы менеджмента качества являются мощным инструментом повышения качества медицинских услуг и удовлетворенности потребителей.

Международной организацией стандартизации с целью оказания помощи организациям всех видов и размеров при внедрении и обеспечении функционирования эффективных систем менеджмента качества было разработано Семейство международных межотраслевых стандартов ИСО 9000, которые описывают основные положения систем менеджмента качества и устанавливают терминологию для систем менеджмента качества, требования к системам менеджмента качества. На основе них в нашей стране подготовлены и утверждены их российские аналоги.

В области здравоохранения с 1 января 2010 г. действует ГОСТ Р 53092-2008 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению процессов в учреждениях здравоохранения», утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 декабря 2008 г. № 495-ст.¹

Для улучшения деятельности организации необходимо использование принципов менеджмента качества, которые описаны в ГОСТ Р 53092-2008:

1. Ориентация на потребителя. Организации зависят от своих потребителей и поэтому должны понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания.

2. Лидерство руководителя. Руководители обеспечивают единство цели и направления деятельности организации.

3. Вовлечение работников. Работники всех уровней составляют основу организации, поэтому их полное вовлечение в решение задач дает возможность организации с выгодой использовать их способности.

4. Процессный подход. Желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом.

5. Системный подход к менеджменту. Выявление, понимание и менеджмент взаимосвязанных процессов как системы содействуют повышению результативности и эффективности организации при достижении ее целей.

6. Постоянное улучшение. Постоянное улучшение деятельности организации в целом следует рассматривать как ее неизменную цель.

7. Принятие решений, основанное на фактах.

8. Взаимовыгодные отношения с поставщиками.

Эти восемь принципов менеджмента качества были взяты за основу при разработке стандартов на системы менеджмента качества, входящих в семейство ИСО 9000.

В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»² ГОСТы носят рекомендательный характер, однако системы менеджмента качества при правильной организации могут содействовать медицинским орга-

---

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

низациям в повышении удовлетворенности потребителей и тем самым снижении рисков предъявления претензий с их стороны.

Медицинские организации должны постоянно совершенствовать свою продукцию (услуги) и свои процессы, поскольку потребности и ожидания потребителей растут.

Таким образом, внедрение систем менеджмента качества побуждает медицинские организации анализировать требования потребителей, определять процессы, способствующие оказанию услуг, наиболее отвечающих потребностям и требованиям потребителей, а также поддерживать эти процессы в управляемом состоянии. Система менеджмента качества является основой постоянного повышения качества медицинских услуг с целью повышения удовлетворенности как потребителей, так и проверяющих органов.

Раздел 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

А.Г. ДЕМИЕВА,

*доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭКОНОМИКИ «ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА» ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Необходимая устойчивость и динамика экономики страны во многом определяются разнообразием форм экономической активности и крупного бизнеса, и отдельных граждан. Более того, отдельные разновидности хозяйствования конкретных людей, какими бы они не казались незначительными на фоне макроэкономических показателей, зачастую оказываются более значимыми для жизни человека и также нуждаются в оценке, легитимации, правовой регламентации. Назначение норм гражданского права должно увязываться с нахождением баланса интересов разных групп участников гражданских правоотношений¹, созданием социально-культурного контекста², в котором центральное место сохраняется за са-

---

¹ См.: *Суханов Е.А.* Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: балансы и компромиссы // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 2016. № 6. С. 20–21.

² См.: *Филиппова С.Ю.* Российское частное право: принцип системности и социокультурный контекст // Закон. 2017. № 11. С. 134–144.

ним человеком¹. Таким образом, вне зависимости от решения иных задач гражданско-правового регулирования, в его нормах присутствует (должна присутствовать) направленность на разрешение основных проблем граждан (гуманитарное, социальное начало).

Сегодня на первый план выходит не только необходимость формирования мотивации самих субъектов к развитию интеллектуального, духовного потенциала и творческой инициативы во всех сферах социально-экономической жизни, но и создание институциональных, организационных и правовых предпосылок для этого². Подобный взгляд не исключает активную роль государственных структур в нормативно-правовом и организационном воздействии на экономику, но не направлен на сохранение признаков этатизма в организации хозяйства и продолжение патерналистской линии в поведении граждан³. Их инициатива, а также личное желание должны выступать ведущим двигателем экономического развития, а система льгот, преференций, дотаций, не всегда сбалансированная и в которой цели, средства и результаты нередко не взаимосвязаны, должна быть заменена (хотя бы постепенно) на стимулирование самой деятельности членов сообщества⁴. Подобное осмысление

---

¹ Д.И. Мейер рассуждал о свободе обладания имуществом для удовлетворения потребностей лиц, живущих в обществе, как о предмете гражданского права (см.: *Мейер Д.И.* Избранные труды. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 46–47).

² В качестве иллюстрации можно привести пример такого документа, как «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г., протокол № 36, раздел VII № П13-60855 от 2 октября 2020 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (дата обращения: 14.06.2021).

³ Проблема в недостатке маркеров, индикаторов, учитывающих состояние экономики «отдельного человека». Также, сообразно с этим, недостаточно средств и методов в праве, позволяющих быстро и эффективно изменить существующее положение.

⁴ Это убедительно показала предприниматель А. Татулова в своем обращении к Президенту РФ с предложениями, связанными с пересмотром критериев отнесения организаций к реестру МСП, изменениями налоговой системы и подходами к любым реформам для бизнеса («Просто не мешайте»: манифест Анастасии Татуловой о том, что не так с поддержкой МСП) // Журнал «КО». 2021. 23 апр. URL: <https://ko.ru/articles/prosto-nemeshayte-manifest-anastasii-tatulovoy-o-tom-chto-ne-tak-s-podderzhkoy-msp/> (дата обращения: 14.06.2021)).

ситуации направлено на решение блока взаимосвязанных задач: необходимость повышения роли индивидов и их сообществ в экономическом обороте, повышения уровня доходов и потребления¹, понижения уровня бедности², изменения демографической ситуации³ и др.

Сегодня вряд ли можно констатировать, что российское законодательство, сложившаяся научная доктрина и правоприменительная практика готовы к их разрешению или уже предприняли необходимые шаги. Нет оснований полагать их и достаточно мобильными (гибкими), поскольку в основном преобладает мнение о том, что уже имеющиеся компоненты правовой системы естественным образом органично («сами по себе») обеспечивают возможность социального и экономического развития страны, нации и благосостояния отдельных граждан. Действительно, существует значительное количество различных государственных актов, форм (программ) и направлений, которые потенциально могут привести к существенному увеличению числа активно и инициативно действующих на экономическом поле лиц (но это далеко не всегда происходит). Также следует отметить, что сложившееся стандартное экономическое видение процессов производства, оборота и распределения (не только в России) часто сводится к глобальным показателям («валового национального продукта» или другим макроэкономическим величинам), но совершенно не увязано с индивидуальным (семейным) благополучием. Представляется, что мнение о роли в жизни людей «опосредованной» экономики, т. е. экономической деятельности крупных организаций⁴, преувеличено.

---

¹ См.: *Петрова Н.* Каков порог у российской бедности. Сколько на самом деле людей живут за чертой и на грани // News.ru. 2021. 5 марта. URL: <https://news.ru/economics/kakov-porog-u-rossijskoj-bednosti/> (дата обращения: 27.03.2021).

² См.: *Поликовский А.* Деньги обещали самым голодным, облизнулись самые сытые // Новая газета. 2019. 22 февр. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/02/22/79641-hochetsya-zhit-no-ne-tak> (дата обращения: 27.03.2021).

³ *Астанкович В.* Демографические итоги – 2020: Россия вернулась в 90-е // DISCRED.RU. 2021. 11 февр. URL: <https://www.discred.ru/2021/02/11/demograficheskie-itogi-2020-rossiya-vernulas-v-90-e/> (дата обращения: 27.03.2021).

⁴ К примеру, «Лукойл», «Сургутнефтегаз», «Татнефть», «Магнит» и др.

Эти обстоятельства побудили, не отказываясь от анализа законодательного регулирования и традиционных правовых оценок деятельности, переключить внимание на сферу жизни, интересы, задачи непосредственных участников экономических процессов и, в конечном счете, самих граждан¹. Соответственно, центральными проблемами оказываются направленность и правовой инструментарий, позволяющие более полно и точно учитывать индивидуальные задачи, мотивы людей². Помимо признания юридической силы частного интереса, его правовое значение отражается еще и в его обеспечении со стороны государства в виде гарантии защиты правомерных частных интересов³. В свое время Г.Ф. Шершеневич справедливо отметил следующее: «Существует, несомненно, такой круг личных и имущественных отношений, которые самым тесным образом окружают лицо в его ежедневной жизни, которые ему наиболее близки, которые он готов защищать с отчаянным мужеством»⁴.

В современной экономической и юридической литературе явно преобладает видение экономики как исключительно глобального явления, ориентированного на макропроцессы. Это приводит к тому, что отдельному человеку (индивиду) в ней отводится, в лучшем случае, роль «рабочей силы» («кадров»), или в худшем – «субъекта потребления». Однако сегодня такой взгляд все чаще

---

¹ По этому поводу Р. Коуз высказался следующим образом: «Сплошь и рядом люди предпочитают делать то, что, по их мнению, соответствует их собственным интересам, чтобы изменить их поведение в сфере экономики, нужно их заинтересовать. Правительству при этом доступно только одно средство (за исключением увещаний, которые в общем случае неэффективны) – изменить законы или способ их применения» (Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое изд-во, 2007. С. 32).

² Г.С. Беккер сформулировал положения о том, что «максимализация рационального поведения человека, рыночное равновесие и стабильность предпочтений рассматривается как всеобъемлющие рамки для общественных наук (прежде всего демографии, социологии, политологии, правоведения, истории, антропологии, а также многообразных проблем семьи, религии, здоровья, в отдельных случаях даже музыки, спорта, физиологии и др.)» (Беккер Г.С. Человеческое поведение: экон. подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003).

³ См.: Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. С. 82.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 3–4. С. 132.

оценивается как недостаточно глубокий, более того – не точный¹. Потребность в ином видении ситуации и изменении оценок вызвана не только сугубо экономическими причинами. Не менее важно вернуться к исходной задаче гражданско-правовой регламентации – эффективно определять, поддерживать и обеспечивать, через соответствующие гражданско-правовые формы, существование человека как личности, что, на наш взгляд, во-первых, честно (справедливо), и, во-вторых, совпадает с гуманитарным развитием сегодняшней цивилизации.

---

¹ См.: Долинская В.В. Указ. соч. С. 3–14.

В.П. КАМЫШАНСКИЙ,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И.Т. Трубилина, заслуженный деятель науки Кубани,
почетный работник высшего образования Российской Федерации*

МАЙНИНГ И КРИПТОВАЛЮТА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ЗАПРЕТИТЬ ИЛИ ОГРАНИЧИТЬ?

Как справедливо отмечал профессор Н.А. Баринов, «потребности порождаются не только производством или положением вещей, основанным на производстве, но и самой человеческой природой»¹. Развитие цифровой экономики и новых технологий в рамках шестого технологического уклада вполне закономерно приводит к появлению новых сфер экономической деятельности. Это обстоятельство вполне логично должно стимулировать адекватное развитие гражданского законодательства в этой сфере общественных отношений. Тем более, что, как показывает статистика, цена вопроса не просто остается высокой, но и продолжает расти.

Проблемы правового регулирования отношений майнинга и рынка криптовалют в последние годы стали предметом серьезно го изучения российской юридической науки².

В настоящее время, по некоторым оценкам, в России примерно 17 миллионов людей имеют криптокошельки. Большинство из них – это молодые люди, причем не только жители крупных городов. Общий объем криптовалют, которым владеют россияне, оценивается в 7 трлн руб., или 92 млрд долларов, что составляет примерно треть годового государственного бюджета России.

В 2021 г. Россия вошла в тройку лидеров по объему хешрейта (вычислительных мощностей). Доля России в добыче криптовалют составила 11,23 % против США (35,4 %) и Казахстана (18,1 %). В этой

---

¹ Баринов Н.А. Избранное. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 20.

² См., напр.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020; Криптовалюта как средство платежа: частно-правовой и налоговый аспекты: монография / под общ. ред. М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021; Ефимова Л.Г. Криптовалюта как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25. и др.

связи возникает вопрос, а насколько оправдана позиция Центрального Банка России относительно необходимости запрета майнинга и криптовалюты на территории России, которую они последовательно отстаивали в течение последнего года?

Как известно, в ЦБ РФ предлагает ввести следующие запреты:

- на производство криптовалют (майнинг);
- обращение и обмен криптовалюты на рубли и другую реальную валюту. Кроме этого, российским банкам предлагается запретить инвестировать в виртуальные биржи, а физическим лицам при покупках пользоваться криптовалютой в качестве средств платежа. За несоблюдение указанных ограничений предлагается установить административную и уголовную ответственность.

Кроме этого, Эльвира Набиуллина выступила против использования российской финансовой инфраструктуры для сделок с криптовалютами: «Криптовалюты несут большие риски для розничных инвесторов из-за высокой волатильности и использования в незаконной деятельности, поэтому Центробанк России не приветствует вложения в такого рода активы».

Перед финансовыми властями поставлена задача – в условиях вероятной экономической блокады России пресечь или минимизировать вывод средств из страны. Принято считать, что сила криптовалют заключается в их анонимности. Следует полагать, что у государства возникла задача в условиях нарастающего конфликта с коллективным Западом свести к минимуму возможность российской элиты создавать запасные финансовые аэродромы. Поскольку бесконтрольный вывод денег во всем мире осуществляется в криптосфере, Центральный Банк России посчитал целесообразным внести в ней существенные законодательные ограничения.

Вместе с тем жесткая позиция Центрального Банка РФ вызвала неоднозначную реакцию у политической и экономической элиты России. В связи с этим в январе 2022 г. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству РФ подготовить компромиссные предложения. Уже 8 февраля 2022 г. Правительство РФ утвердило Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют.

В рамках этой концепции Минфин России подготовил и внес 18 февраля 2022 г. в Правительство РФ законопроект о регулировании криптовалют «О цифровой валюте». Согласно этому законопроекту цифровой майнинг представляет собой деятельность, на-

правленную на получение криптовалюты. В качестве платежного средства криптовалюта должна быть запрещена на территории РФ. Ее можно будет использовать только в качестве инвестиций. Основные предложения Минфина России сводятся к следующему:

- биржи и обменники «крипты» внести в специальный реестр. Такие компании должны будут соответствовать требованиям о корпоративном управлении, отчетности, хранении информации, аудите, размере собственных средств. Правительство определит орган, который займется контролем работы криптобирж;
- для операций с криптовалютой предлагается введение обязательной идентификации клиента. Покупать можно будет только через банковский счет. Операторы криптовалюты и банки должны будут вести комплаенс и сообщать в Росфинмониторинг о подозрительных операциях;
- обязать биржи информировать граждан о высоких рисках операций с цифровыми валютами;
- возложить на граждан обязанность пройти обязательное онлайн-тестирование для проверки знаний о специфике вложений в криптовалюты и возможных рисках. Если гражданин сдаст экзамен, ему будет разрешено вкладывать в «крипту» до 600 000 руб. ежегодно. В ином случае – не более 50 000 руб. Такие ограничения не распространяются на квалифицированных инвесторов и юридических лиц;
- обязать биржи отделять свои цифровые активы от средств участников торгов, чтобы на криптовалюту последних не было распространено взыскание по долгам оператора торговой платформы;
- ввести режим номинального счета, на котором будут храниться денежные средства участников торгов;
- обязать биржи и обменники вести реестры адресов-идентификаторов каждого владельца криптовалюты.

Как нам представляется, законодательный запрет майнинга и оборота криптовалюты в России не приведет к разрешению связанных с этими новыми явлениями современной экономики проблем. Нельзя не учитывать, что размеры оборота криптовалюты и масштабы вовлеченности людей в эту сферу деятельности достигли значительных размеров. В майнинге в России сейчас много заинтересованных лиц и вовлечены значительные денежные средства. Запрет криптовалют в России может вызвать негативную реакцию у миллионов креативной молодежи и отрицательно отразится на их финансовом благополучии. Поэтому решение о запрете

этой деятельности должно приниматься с учетом множества факторов социального, политического и экономического характера. Оно не должно строиться исключительно на основании заявлений и рекомендаций Центрального Банка России, заинтересованных в тотальном контроле за субъектами финансового рынка.

Наряду с негативными моментами майнинга нельзя отрицать, что цивилизованное использование криптовалют может способствовать привлечению в том числе и иностранных инвестиций в эту сферу деятельности, развитию различных проектов цифровой экономики, в том числе современных финансовых технологий, созданию новых рабочих мест.

Установление законодательных запретов майнинга уведет рынок криптовалюты в «серую» зону. Как показывает исторический опыт развития российской экономики, ни один запрет не приводил к прекращению развития объективно обусловленных и высоко rentабельных отношений в сфере экономики. Они просто уходили в тень или меняли юрисдикцию, но продолжали существовать.

Как нам представляется, как полный запрет, так и безграничная свобода развития майнинга в России несут в себе большие риски и возможные экономические издержки. Поэтому поиск приемлемого решения должен быть направлен на выработку компромиссного решения. В рамках этого решения следует продумать механизм контроля со стороны государства за оборотом криптовалюты и разрешением майнинга не на всей территории России, а в регионах, где имеет место избыток дешевой электрической энергии. Например, в Иркутске, Красноярске, Карелии, где профицит электрической энергии обусловлен наличием большой мощности местных гидроэлектростанций и закрытием целого ряда энергоемких промышленных в результате проведения неразумной приватизации, следует подумать о необходимости предоставления возможности гражданам РФ покупать и продавать криптовалюты только на нескольких зарегистрированных биржах.

Активно нарабатывается доктринальная основа для развития современного гражданского законодательства в сфере правового регулирования выпуска, хранения, обмена, покупки и продажи криптовалюты с учетом уже имеющегося накопленного зарубежного опыта. Это позволит, минуя запреты через разрешения, дозволения и правовые ограничения, сбалансировать эту новую сферу общественных отношений и придать ей динамичность в развитии.

А.Я. РЫЖЕНКОВ,

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета*

П.А. ФЕДОРОВА,

*магистрант юридического института
Волгоградского государственного университета*

О МЕСТЕ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дополнения, внесенные в часть первую Гражданского кодекса РФ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ, а именно появившееся в ст. 2 ГК РФ положение, что гражданское законодательство «регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения)»¹, – явились своего рода вызовом не только для юридической практики, но и для цивилистической науки.

Хотя существование подобных отношений не отрицалось и ранее (например, как отмечает С.А. Сеницын, они были предусмотрены арбитражным процессуальным законодательством, которое «в отличие от Гражданского кодекса прямо относит к корпоративным спорам, а значит, и к регулированию корпоративных правоотношений споры, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица...»)²; более того, они уже регулировались и нормами того же Гражданского кодекса РФ, но именно их открытое законодательное признание активизировало научные дискуссии, причем доходящие даже, как мы увидим, до отрицания применимости новых положений ГК РФ в их буквальном толковании.

Собственно, сам факт включения этих отношений в сферу гражданско-правового регулирования при помощи специальной законодательной новеллы уже создает своеобразную дилемму в отноше-

---

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7627.

² Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 56.

нии их статуса: либо они уже до этого принадлежали к предмету гражданского права (и тогда возникает вопрос о возможности и допустимости наличия «неучтенных», т.е. не предусмотренных законом гражданских отношений), либо до внесения изменений в ГК РФ эти отношения находились за рамками гражданского права (и тогда вызывает сомнения правомерность определения границ отраслей права не объективным ходом их развития, а субъективной волей законодателя).

Как показывает анализ нормативных положений и развернувшейся по поводу них полемики, проблемность вхождения корпоративных отношений в предмет гражданского права обусловлена в основном двумя факторами: во-первых, их соответствием/несоответствием общим принципам гражданского законодательства, а во-вторых, субъектным составом.

Действительно, прямое упоминание корпоративных отношений в контексте гражданско-правового регулирования ставит вопрос о полноте применения к ним основных начал гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 ГК РФ. При этом относительно самого характера действия этих основных начал нет ни нормативной, ни доктринальной определенности. Обычно считается, что в силу п. 2 ст. 6 ГК РФ общие начала гражданского законодательства используются по аналогии права, при отсутствии норм, регулирующих то или иное отношение, и при невозможности применить аналогию закона. Однако вполне обоснована и иная точка зрения: что рассматривать принципы права в качестве лишь вспомогательного «компенсаторного» средства преодоления юридических пробелов не отвечало бы природе основных начал, лежащих в основе правового регулирования: «С одной стороны, само их название, как и место в тексте закона, вроде бы означает, что перед нами принципиальные, ведущие, первостепенные по своему значению нормативные идеи, которые определяют дух гражданско-правового регулирования. С другой стороны, из п. 2 ст. 6 вытекает, что основные начала гражданского законодательства – это, напротив, сугубо вторичные, служебные по своему характеру предписания, которые уступают по своей силе не только нормам гражданского права, регулирующим конкретные отношения, но даже другим нормам, которые касаются сходных отношений, и что применять основные начала (т.е. принципы) гражданского законодательства можно лишь в последнюю очередь, если никаких других норм об-

наружить не удалось»¹. Из этого делается вывод, что гражданско-правовые принципы могут быть применены и за рамками аналогии права: «суд в отсутствие специальной нормы вправе либо использовать аналогию закона, т.е. применить другую норму, регулиющую сходное отношение, либо принять решение в соответствии с основными началами гражданского законодательства; при этом в последнем случае, как представляется, легально установленный термин «аналогия права» является неточным, поскольку принципы гражданского права применяются именно к тем общественным отношениям, на которые они изначально распространяются»².

Из текста ст. 2 ГК РФ явствует, что корпоративные отношения делятся на две основные группы: (1) связанные с участием в корпорации; (2) связанные с управлением корпорацией (разумеется, это не исключает того, что одно и то же отношение может входить в обе группы одновременно). При этом отношения, связанные с участием (членством) в корпорации, в целом не выбиваются из классических представлений о гражданско-правовых отношениях, поскольку их участниками являются традиционные субъекты – физические и юридические лица, взаимодействующие на основе принципов гражданского права, включая равенство и свободу договора.

Камнем преткновения становятся отношения, связанные с управлением корпорацией. Дело в том, что само понятие «управление» неразрывно связано с идеями власти и подчинения, дающими возможность одному субъекту в одностороннем или по меньшей мере асимметричном режиме воздействовать на состояние другого субъекта или объекта.

Таким образом, проблема сводится к тому, как примирить общие начала гражданско-правового регулирования, распространяющиеся в том числе на корпоративные отношения, и прежде всего принципы свободы договора и равенства субъектов гражданского права, со спецификой управленческой деятельности, предполагающей вертикальное подчинение одних лиц другим.

Едва ли достаточны здесь общие декларации о качественном отличии корпоративных отношений от аналогичных форм управления, свойственных, например, институтам государства: «Корпоративные акты частных компаний изначально лишены силы

---

¹ Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М., 2015. С. 126.

² Там же. С. 132.

непосредственного государственно-властного принуждения, а иерархия, правомочия органов юридического лица в частном праве не имеют ничего общего с принципами построения, соподчиненностью системы и структуры органов государственной власти, их компетенцией»¹.

Даже бесспорное отсутствие тождества между корпорациями и государством не отменяет проявлений власти в процессе корпоративного управления, что непосредственным образом отражается в нормах гражданского законодательства. Например, в п. 1 ст. 65.3 ГК РФ «Управление в корпорации» вводится понятие «высший орган корпорации», а в п. 2 той же статьи к исключительной компетенции высшего органа корпорации отнесено определение приоритетных направлений деятельности корпорации, принципов образования и использования ее имущества, утверждение и изменение устава корпорации и т.п. Аналогичные положения содержатся и в иных актах гражданского законодательства, в частности, в Федеральном законе от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ): «Совет директоров (наблюдательный совет) общества осуществляет общее руководство деятельностью общества...» (п. 1 ст. 64); к компетенции совета директоров относится образование исполнительного органа общества и досрочное прекращение его полномочий (подп. 9 п. 1 ст. 65) и т.п.²

Иначе говоря, как отмечает О.В. Гутников, «отношения участия в хозяйственных обществах могут характеризоваться как особого рода отношения «власти и подчинения», носящие локальный характер и включающие обязанность участников даже против своей воли подчиняться решениям большинства других участников, что исключено в обязательственных отношениях, где принцип свободы договора не позволяет заставить кого-либо подчиняться воле другого лица без личного на то согласия»³.

В цивилистической литературе проблема сочетаемости принципов гражданского законодательства, с одной стороны, и отноше-

---

¹ Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М., 2015. С. 65.

² См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1; Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об акционерных обществах"» // СЗ РФ. 2001 № 33, ч. 1, ст. 3423.

³ Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 32.

ний корпоративного управления, с другой стороны, ставилась неоднократно, и было предложено несколько подходов к ее решению.

Так, С.Ю. Морозов, подчеркивая, что отношения власти и подчинения считаются характерными только для публично-правовых отраслей права, обращает внимание на п. 3 ст. 2 ГК РФ: «К имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». Разрешение противоречия С.Ю. Морозов видит в том, чтобы различить предмет и метод правового регулирования: «в гражданском праве можно обнаружить отношения власти и подчинения в качестве элементов предмета правового регулирования, а не элементы метода публично-правовых отраслей»¹.

В отношении корпоративного права эта идея означает, что власть и подчинение являются исходными характеристиками управленческого отношения, а не его гражданско-правовой модели, которая основывается на цивилистических началах свободы и равенства: «Гражданско-правовые корпоративные отношения являются локальными отношениями частной власти и подчинения и регулируются методом юридического равенства сторон»².

Однако такой вариант значил бы, во-первых, что гражданско-правовой метод вступает в конфликт с природой регулируемых им отношений (и тогда под вопросом продуктивность такого воздействия), а во-вторых, что властный характер корпоративных отношений корректируется или преодолевается на уровне нормативных предписаний, которые вносят дух равенства. Но во всех приведенных и других случаях иерархический характер корпоративного управления присутствует не просто на уровне фактического отношения, а закрепляется нормативно, т.е. не отрицается, а поддерживается методом правового регулирования.

Другой вариант решения проблемы, предложенный, в частности, О.В. Гутниковым, состоит в том, чтобы признать двойственность правового регулирования корпоративных отношений, но с преобладанием гражданско-правового элемента; иными словами, что

---

¹ Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 184.

² Там же. С. 187.

власть и подчинение в корпоративной сфере хотя и существуют, но подчиняются принципам равенства и свободы договора. Однако, как представляется, эта гипотеза не устраняет противоречий, а напротив, только обостряет их. Например, по словам О.В. Гутникова, «в отличие от административных управленческих отношений, где возможность выдачи таких властных указаний определяется нормативно в рамках очерченной компетенции соответствующего органа власти и не зависит от воли подвластного лица, в гражданских управленческих отношениях стороны добровольно связывают себя на будущее возможностью выдачи таких указаний, поэтому в основе частноправовых управленческих отношений остается все тот же принцип равенства и свободы договора»¹. Но буквально тут же автор продолжает: «Равенство и свобода исчезают после того, как стороны связали себя соответствующими «управленческими» обязательствами»². Таким образом, получается, что после возникновения корпоративных отношений, т.е. собственно при управлении корпоративной организацией, принципы равенства и свободы договора в одно и то же время и действуют, и не действуют.

Наконец, наиболее радикальный выход из положения предложен С.А. Сеницыным, который предлагает, по существу, считать новую редакцию п. 1 ст. 2 ГК РФ законотворческой ошибкой в части отношений, связанных с управлением корпорацией: «Значение и смысл ч. 1 ст. 2 ГК РФ исключает буквальное толкование данной нормы. В противном случае в содержание корпоративных правоотношений, связанных с участием в управлении в корпоративной организации, придется включить подгруппу отношений, складывающихся между органами управления корпорации и ее трудовым коллективом»³.

Самостоятельный набор проблем связан с субъектным составом корпоративных правоотношений по ст. 2 ГК РФ. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что сама ст. 2 не дает определенности в вопросе, что именно считать корпоративными организациями. Возможны следующие варианты: к корпорациям могут относиться коммерческие организации (хозяйственные общества и товарищества), основанные на участии в них членов (участников);

---

¹ Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 59–60.

² Там же. С. 60.

³ Сеницын С.А. Указ. соч. С. 66.

корпорациями являются только акционерные общества; к корпорациям относятся любые юридические лица, основанные на членстве или участии (т.е. большинство юридических лиц, как коммерческих, так и некоммерческих); наконец, в самом широком значении к корпорациям можно причислять любые юридические лица, независимо от наличия или отсутствия членства¹.

Например, О.В. Гутников настаивает на применимости норм корпоративного права к унитарным предприятиям: «унитарные организации, в которых нет членства, по целому ряду вопросов имеют сходное регулирование. Вся разница состоит в основном в том, что в корпорациях полномочия собственника в экономическом смысле принадлежат нескольким субъектам, а в унитарных организациях – одному. Однако в классических корпорациях возможно участие одного лица, и тогда все полномочия по управлению будут принадлежать этому лицу»².

Впрочем, эта проблема не обладает особой сложностью хотя бы по той причине, что в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ дается не только определение, но и перечень корпоративных юридических лиц (применение норм о корпоративных отношениях к иным юридическим лицам, видимо, остается возможным в порядке аналогии). В любом случае, речь идет о выборе из числа общепризнанных и вполне традиционных для гражданского права субъектов.

Вместе с тем корпоративные отношения, а именно их управленческая часть, вовлекают в гражданское право и ряд новых субъектов, не относящихся к привычному для этой отрасли права кругу – прежде всего органов юридического лица (общее собрание, совет директоров, исполнительный орган, ревизионная комиссия и т.п.).

Поскольку эти субъекты не вписываются ни в одну из классических категорий лиц (физических или юридических), то вызывают даже сомнения в своем существовании: «никаких органов на самом деле нет и быть не может, а есть субъекты гражданского права, участвующие в корпоративных отношениях в качестве лиц, выполняющих определенные функции, называемые для удобства органами»³.

---

¹ См.: Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений. С. 34–35.

² Там же. С. 35.

³ Юридические лица в российском гражданском праве. Т. 1: Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А.В. Габов, О. В. Гутников, С.А. Силицын. М., 2015. С. 286.

Однако этим не решается вопрос о природе этих субъектов, и если единоличный исполнительный орган, к примеру, и может быть представлен (хотя и очень условно) в качестве физического лица, то уже совет директоров или ревизионная комиссия явно действуют и не как набор физических лиц, но и не как юридическое лицо (а лишь как его относительно самостоятельная часть).

Еще один подход состоит в том, чтобы признать реальность органов юридического лица, но отрицать их правосубъектность. Например, И.С. Шиткина полагает: «В числе корпоративных отношений выделяется отдельный блок управленческих отношений, участниками которых являются как правосубъектные лица (корпорация, члены органов управления), так и неправосубъектные с позиции гражданского права образования – органы юридических лиц»¹. Однако тогда весь вопрос в том, как вообще и в каком качестве могут участвовать в отношениях, урегулированных правом, лица, лишенные правосубъектности?

По словам И.С. Шиткиной, «органы юридического лица рассматриваются как его составные части и поэтому к числу самостоятельных субъектов корпоративных правоотношений отнесены быть не могут, хотя нельзя не заметить их активной роли во внутренних управленческих отношениях в корпорациях»². Но, поскольку внутренние управленческие отношения становятся предметом правового регулирования, постольку остается открытым вопрос о правовых формах участия органов юридического лица в этих правоотношениях и, следовательно, об элементах их правосубъектности (так как речь идет именно об активном, а не о пассивном участии).

Д.В. Ломакин высказывает по данному вопросу следующую идею: «Органы управления корпорации, будучи составной частью внутренней структуры юридического лица, характеризующей его организационное единство, не обладают свойством правосубъектности, и сами по себе, в качестве органов, не могут быть признаны самостоятельными участниками не только внешних правоотношений, но и внутренних – корпоративных правоотношений. Органы управления корпорации наделены не правосубъектностью, а компетенцией, имеют не субъективные гражданские права, а полномочия, предусмотренные нормативными правовыми актами, учре-

---

¹ Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 6.

² Там же. С. 6.

дительными и внутренними документами корпорации»¹. Но терминологическая замена понятия «права» на «полномочия», как представляется, не является решением, поскольку так или иначе речь идет о вступлении органов юридического лица в правоотношения, о совершении ими юридически значимых действий, а значит, о характеристиках, присущих именно субъектам права.

Более предпочтительно выглядит позиция В.К. Андреева, который опирается в том числе на п. 2 ст. 174 ГК РФ, согласно которому сделка, совершенная органом юридического лица от его имени в ущерб интересам последнего, может быть признана судом недействительной по иску юридического лица, участников корпорации, членов коллегиального органа управления корпорации, если другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для юридического лица либо имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях органа юридического лица и другой стороны сделки в ущерб интересам юридического лица. В.К. Андреев делает обоснованный вывод: «орган юридического лица становится субъектом права, на основании решения которого приобретаются гражданские права и принимаются на корпорацию гражданские обязанности. Утверждение, что органы корпорации не являются субъектами гражданского права и не обладают имущественной самостоятельностью, противоречит нормам ГК РФ. Как уже указывалось, органы юридического лица и иные лица, действующие от его имени и в его интересах, обязаны возместить убытки, причиненные по их вине юридическому лицу»².

Существование у органов юридического лица особой (ограниченной) правосубъектности представляется достаточно очевидным, невзирая на то, что они специально не названы в ГК РФ как участники гражданских правоотношений, ибо нет оснований утверждать, что законодательные перечни субъектов гражданского права (например, в том же п. 1 ст. 2 ГК РФ) являются исчерпывающими.

---

¹ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 15.

² Андреев В.К. О подотрасли гражданского законодательства, регулирующего корпоративные отношения // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 66.

Корпоративные отношения, отнесенные к предмету гражданского права, предполагают совершенно иной масштаб регулирования по сравнению с остальными гражданскими отношениями. Если в остальных отношениях юридическое лицо выступает в качестве единого целого, то в корпоративных отношениях выявляется его внутренняя дифференциация, и взаимодействие происходит на «микроуровне» между элементами.

Сама принадлежность этого рода отношений именно к гражданскому праву далеко не очевидна. Например, О.В. Гутников приводит следующий аргумент: «Поскольку юридическое лицо – это частноправовое понятие, связанное в первую очередь с персонализированным имуществом, предназначенным для самостоятельного участия в гражданском обороте, то и отношения, связанные с юридическими лицами, являются прежде всего гражданско-правовыми»¹. Вместе с тем гражданско-правовой характер корпоративных отношений еще не предопределен их содержанием. Не случайно отмечает И.С. Шиткина: «Корпоративное право является предметно обособившимся направлением (сферой) права, которое, если исходить из строгости критериев деления права на отрасли, в текущий момент однозначно не вписывается в систему какой-либо из отраслей права. Ряд корпоративных отношений, регулируемых нормами гражданского законодательства, следует отнести к гражданско-правовым; другие, внутриорганизационные корпоративные отношения с участием неправосубъектных образований – органов корпорации, не подлежат гражданско-правовому регулированию»².

Действительно, вполне возможно было бы рассматривать корпоративные отношения в составе какой-либо из вновь сконструированных отраслей права или даже сосредоточить их в отдельной отрасли. Однако решение законодателя, выразившееся в действующей формулировке п. 1 ст. 2 ГК РФ, означает, что в структуре гражданского законодательства возникает анклав в статусе правового института, где фигурируют не свойственные для гражданского права в целом субъекты и, соответственно, допускаются существенные отступления от общего принципа равенства, что становится еще одним образцом вторжения публично-правовых методов в частноправовую сферу.

---

¹ Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений. С. 29.

² Шиткина И.С. Указ. соч. С. 18.

Е.Н. Агибалова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ БИЗНЕСА

Жизнеспособность бизнеса зачастую зависит от его управления и непрерывности деятельности. Статистика говорит о том, что около 70 % предприятий в течение года после смерти собственника прекращают свое существование. При этом возникает множество негативных последствий: люди теряют рабочие места, соглашения с контрагентами досрочно расторгаются, а так как предприятие – это не только активы, но и пассивы, часто возникают проблемы погашения взятых на развитие бизнеса кредитов¹.

Процесс перехода по наследству прав на бизнес является трудоемким. Все действия в этом процессе необходимо заверять у нотариуса, это требует много времени и внимания, поскольку происходит увеличение рисков для партнеров наследодателя. Как справедливо отметил Даниэль-Седар Сенгор на круглом столе «Наследование бизнеса», который состоялся 29 мая 2015 г. в рамках V Петербургского международного юридического форума, «только нотариус может объективно оценить возможности, соблазны и преимущества, которые влияют не только на формирование взглядов, но и на будущее самого бизнеса. Неверные действия нотариуса могут быть фатальны, в то же время именно нотариус может обеспечить ненанесение вреда ни одному из компонентов»².

Бизнес как наследство. Согласно п. 1 ст. 1110 ГК РФ наследованием признается переход имущества умершего к другим лицам в порядке универсального правопреемства в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если иное не предусмотрено законом. Законодатель не конкретизирует объекты наследования,

---

¹ См.: Кириллова Е.А. Роль нотариата при наследовании предприятий без образования юридического лица // Нотариус. 2021. № 1. С. 33–35.

² Проблемы наследование бизнеса: как сохранить предприятие и обеспечить права наследников? // Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/problemy-nasledovaniia-biznesa-kak-sokhranit-predpriatie-i-obespechit-prava-naslednikov> (дата обращения: 14.11.2021).

указывая в ст. 1112 ГК РФ в общей форме, что в состав наследства входит принадлежащее наследодателю на день открытия наследства имущество (в том числе вещи, имущественные права и обязанности). Однако в ст. 1176–1185 ГК РФ урегулированы особенности наследования отдельных видов имущества, среди них:

- права, связанные с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах;
- права, связанные с участием в потребительском кооперативе;
- предприятие;
- имущество члена крестьянского (фермерского) хозяйства;
- вещи, ограниченные в обороте;
- земельные участки;
- невыплаченные суммы, предоставляемые гражданину в качестве средств к существованию;
- имущество, предоставленное наследодателю государством или муниципальным образованием на льготных условиях;
- государственные награды, почетные и памятные знаки.

В данном перечне отсутствует упоминание о бизнесе или бизнес-активах. Следовательно, законодатель не выделяет в отдельную норму особенности наследования бизнеса в качестве специального регулирования, хотя они, безусловно, есть.

Объект наследования в случае наследования бизнеса. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под бизнесом понимается предпринимательская экономическая деятельность, приносящая доход, прибыль¹.

Согласно интернет-порталу «Финансовая энциклопедия», бизнес-актив – это ценный предмет, принадлежащий компании. Это могут быть материальные предметы (например, автомобили, недвижимость, компьютеры, офисная мебель и др.), нематериальные блага (например, право интеллектуальной собственности)².

Таким образом, бизнес – это предпринимательская деятельность, целью которой является извлечение прибыли. Наиболее полно таким признакам отвечает деятельность с использованием предприятия, особенности наследования которого как раз предусмотрены в ст. 1178 ГК РФ.

---

¹ См.: Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=1672> (дата обращения: 13.11.2021).

² См.: Бизнес-актив. URL: <https://nesrakonk.ru/business-asset/> (дата обращения 14.11.2021).

В соответствии с п. 1 ст. 132 ГК РФ предприятие является объектом гражданских правоотношений и представляет собой имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Комплексность предприятия подразумевает, что оно включает в себя все имущество, которое принадлежит собственнику – юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, в том числе его имущественные и неимущественные права (например, право требования по договору займа), а также обязанности. Предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью. В состав предприятия могут входить, например, земельные участки, здания, сооружения, инвентарь, оборудование, сырье, продукция и др.

При этом, как отмечает Даниэль-Седар Сенгор, «материальные компоненты, конечно, могут наследоваться без особых сложностей, но есть и нематериальные компоненты, есть факторы экономического и социального характера, которые влияют на функционирование бизнеса. И если они в процессе наследования изменяются кардинально, то успешное предприятие может вскоре прекратить свое существование»¹.

Однако наследование бизнеса не всегда подразумевает именно наследование предприятия. Это могут быть бизнес-активы, в которые входят, например, доли, паи, акции, ценные бумаги, исключительные права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, контрактные обязательства, и, конечно, в век глобальной трансформации гражданского оборота и влияния технологий – цифровые активы и др.

Основания наследования. Как и любые другие наследственные правоотношения, наследование бизнеса до 1 июня 2019 г. могло осуществляться по завещанию (гл. 62 ГК РФ) и по закону (гл. 63 ГК РФ). Однако в соответствии с п. 10 ст. 2 Федерального закона РФ № 217-ФЗ от 19 июля 2018 г.² с 1 июня 2019 г. еще одним основанием наследования теперь является наследственный договор (ст. 1111,

---

¹ Проблемы наследования бизнеса: как сохранить предприятие и обеспечить права наследников? URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/problemy-nasledovaniia-biznesa-kak-sokhranit-predpriiatie-i-obespechit-prava-naslednikov> (дата обращения: 14.11.2021).

² См.: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30, ст. 4552.

1140.1 ГК РФ). Наследование бизнеса по закону. В п. 1 ст. 1141 ГК РФ указано, что наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности, предусмотренной ст. 1142–1145, 1148 ГК РФ. Приоритетное право принадлежит ближайшим родственникам, но они могут отказаться от наследства или не дожить до момента открытия наследства. При таких условиях на наследство могут претендовать иные лица в порядке очередности.

Для того чтобы вступить в права наследования, необходимо обратиться к нотариусу за получением свидетельства о праве на наследство. В соответствии с пп. 27 п. 1 ст. 35 Основ законодательства РФ о нотариате¹ именно нотариус выдает свидетельства о праве на наследство. Свидетельства выдаются при наследовании как по закону, так и по завещанию. Примечательно, что новелла о наследственном договоре уже действует, а в Основах законодательства РФ о нотариате такое основание наследования не упоминается. В ст. 72 Основ законодательства РФ о нотариате указаны условия выдачи свидетельства. В частности, нотариус истребует доказательства и проверяет факт смерти наследодателя, время и место открытия наследства, наличие родственных отношений для призвания к наследованию по закону лиц, состав и место нахождения наследственного имущества.

Наследниками по закону могут быть только физические лица. В законе нет запрета или ограничений, связанных с дееспособностью граждан в отношениях наследования. Юридические лица вправе вступить в наследство исключительно по завещанию. К наследованию по завещанию может призываться также наследственный фонд, учрежденный во исполнение последней воли наследодателя, выраженной в завещании (ст. 1116 ГК РФ).

Рассмотрим пример. Умерший Иванов И.И. был индивидуальным предпринимателем (ИП). У него был сын, который был единственным наследником по закону. На что может претендовать сын Иванова И.И. как наследник? Здесь важно понимать, что статус ИП к сыну по наследству перейти никак не может, поскольку со смертью отца его статус ИП автоматически прекращается, но наследник может унаследовать обусловленную ведением бизнеса наследственную массу, а именно:

---

¹ См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 2 июля 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 29 декабря 2021 г.) // Российская газета. 1993. 13 марта.

- обязательства по сделкам, срок действия которых еще не прекращен;
- денежные средства с расчетного счета;
- предприятие как единый имущественный комплекс;
- недвижимость, оборудование, сырье, товары, продукцию, не связанные с единым имущественным комплексом;
- дебиторские задолженности;
- доли и акции в иных компаниях;
- кредиты, займы;
- обязательства по налогам и страховым взносам;
- обязательства перед сотрудниками, работающими по трудовому или гражданско-правовому договорам.

Наследственная масса не будет делиться на несколько частей, и сыну придется унаследовать все, что осталось от бизнеса отца, даже если это будут одни задолженности по кредитным и иным обязательствам. Предоставление выбора того, что наследовать, а от чего отказаться, законодательством не предусмотрено. Поэтому целесообразно при решении вопроса о вступлении в права наследования точно определить экономическое и финансовое состояние наследственной массы посредством анализа (инвентаризации, финансового аудита, рыночной оценки бизнеса).

В случае наследования бизнеса от ИП наследник может зарегистрировать себя в качестве ИП и переоформить права наследодателя на себя для распоряжения всей наследственной массой. Если наследодатель завещал компанию, которая была зарегистрирована в организационно-правовой форме юридического лица, то наследник может на основании полученного от нотариуса свидетельства о праве на наследство внести изменения в устав и стать учредителем такого лица. Также можно продать унаследованное имущество, сдать его в аренду, внести в виде доли в какое-то юридическое лицо, если наследник не планирует продолжать дело наследодателя.

А если у Иванова И.И. было двое сыновей, как можно разделить наследство? Наследственная масса может быть разделена поровну, либо братья в соответствии со ст. 1165 ГК РФ могут заключить соглашение о разделе наследства. Тогда каждый наследник сам выберет себе то, что он может унаследовать.

Иная ситуация складывается при наследовании предприятия. В данном случае, как было подчеркнуто нами выше, наследуется цельный объект – единый имущественный комплекс, и его невоз-

можно поделить между наследниками или заключить соглашение о разделе имущества. То есть унаследовать предприятие может либо один наследник, либо все предприятие поступает в общую долевую собственность наследников в соответствии с причитающимися им наследственными долями, если иное не предусмотрено соглашением наследников, принявших наследство, в состав которого входит предприятие (ст. 1178 ГК РФ). Здесь важно отметить особенность, которая заключается в том, что если один из наследников на день открытия наследства имел статус ИП или являлся коммерческой организацией – наследником по завещанию, то именно он имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящего в состав наследства предприятия. Однако в таком случае ему необходимо отказаться от остальной части имущества или выплатить компенсацию другим наследникам (ст. 1170, 1178 ГК РФ).

Нередко встречаются случаи, когда наследникам достаются акции или доли в компаниях, но участники таких компаний не хотят делиться акциями или долями бизнеса с наследниками умершего. Тогда наследникам необходимо отстаивать свои права в суде. Так, согласно решению Альметьевского городского суда Республики Татарстан, судом установлено, что у истца умерла мать, которая была обладательницей акций ПАО «Татнефть», при этом она никогда не говорила о том, что у нее были акции. Истец узнал о данном факте только тогда, когда ПАО прислало извещение на получение денежного перевода и бюллетень для голосования на внеочередном общем собрании акционеров. Истец написал туда письмо, но ему посоветовали обратиться к ООО «Евроазиатский регистратор». Истец написал в ООО, но ответа не последовало и акции не перешли к законному наследнику. Тогда он решил подать исковое заявление в суд. Суд, исследовав материалы дела, выслушав все доводы сторон, удовлетворил иск сына¹.

---

¹ См.: Решение Альметьевского городского суда Республики Татарстан № 2-1359/2020 2-1359/2020~М-859/2020 М-859/2020 от 07.07.2020 по делу № 2-1359/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/MDWQqnx1xyHt/?regular-txt=акции+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+1118.+Общие+положения%28ГК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1636897455700&snippet_pos=116#snippet (дата обращения: 14.11.2021).

Наследование по завещанию. Наследование бизнеса предполагает множество рисков при вступлении в наследство, поэтому наследование по завещанию является одним из самых безопасных оснований, поскольку зачастую наследники заранее знают, что им достанется в наследство.

При оформлении завещания необходимо указать, к какому лицу перейдут дела по бизнесу, кому и сколько долей достанется (если такие предусмотрены).

В некоторых случаях одной воли наследодателя на завещание недостаточно. В частности, если есть еще собственники бизнеса, которым вы не собираетесь отдавать свою долю, следует оформить согласие всех собственников бизнеса на передачу доли в наследство иному лицу и познакомить бизнес-партнеров с наследниками такой (-их) доли (-ей) (если есть такая возможность). Делать этого необязательно, но это значительно облегчит процесс наследования для наследников в будущем. Например, отец является участником ООО. Он хочет завещать свою долю в ООО дочери. Согласно п. 8 ст. 21 ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ¹ доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью. Если в соответствии с учредительным документом ООО для перехода к наследнику доли в ООО требуется согласие остальных участников, то необходимо получить согласие всех участников ООО. В случае если согласие участников не получено или они не согласны, то такая доля переходит к ООО, но у ООО появляется обязанность выплатить наследнику умершего участника ООО стоимость доли (ст. 1176 ГК РФ).

Наследование бизнеса по наследственному договору. Согласно п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (наследственный договор). Отличительной особенностью наследственного договора выступает тот факт, что правовые последствия наступают

---

¹ См.: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

с момента заключения такого договора, в то время как в случае наследования по закону или завещанию последствия наступают непосредственно с момента смерти наследодателя.

Наследственный договор должен быть подписан каждой из сторон и подлежит нотариальному удостоверению, а также видеофиксации, если стороны наследственного договора не заявили нотариусу возражение против этого.

Например, Иванов И.И. является учредителем ПАО «Ромашка». Он понимает, что в силу финансовой и юридической неграмотности его жена не сможет участвовать в управлении делами ПАО. Тогда он заключает наследственный договор с одним или несколькими учредителями ПАО, в котором предусматривает передачу бизнес-актива своему (-им) партнеру (-ам), но при условии, что наследник (-и) по договору будет (-ут) обязан (-ы) отдавать половину прибыли жене наследодателя или, например, взять ее на работу в ПАО и т.п.

Таким образом, наследственный договор отличается от других оснований наследования своей формой, установлением обязанностей и моментом наступления правовых последствий.

На данный момент в судебной практике мы не встретили дел, которые разрешали бы вопросы наследования бизнеса (бизнес-активов) по наследственному договору.

Итак, наследование бизнеса является сложным процессом, который представляет собой значимый правовой механизм и обеспечивает законный переход имущества после смерти собственника. Французский нотариус Серж Паско обоснованно предупреждает, что надо работать на опережение и владелец бизнеса должен заранее позаботиться о том, как он передаст свою компанию¹. Поэтому желательно наследодателю еще при жизни позаботиться об оформлении всех прав, приведении дел в порядок, чтобы обеспечить беспрепятственное принятие бизнеса в наследство наследником. Необходимо помнить, что принятие в наследство бизнеса (бизнес-активов) не всегда связано с позитивным появлением богатства. Зачастую при наследовании бизнеса наследник получает долги своего предшественника, по которым он обязан исполнить обязательства (ст. 1175 ГК РФ).

---

¹ Проблемы наследование бизнеса: как сохранить предприятие и обеспечить права наследников? URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/problemy-nasledovaniia-biznesa-kak-sokhranit-predpriatie-i-obespechit-prava-naslednikov> (дата обращения: 14.11.2021).

С.Н. БАКУНИН,

*кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*

И.С. ТАРАРЫШКИНА,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права
Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

В настоящее время значение охраняемого законом интереса трудно переоценить, поскольку он играет ведущую роль в возникновении, изменении и прекращении правоотношений. По существу охраняемым законом интересом пронизаны все группы общественных отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования. Справедливости ради следует указать, что проблема охраняемого законом интереса подвергалась исследованию представителями науки гражданского права. Вместе с тем ее нельзя считать разрешенной, поскольку не сложилось общепринятого определения интереса, не выделены его квалифицированные признаки, отличия от субъективного права, секундного права, правомочия, не определены границы охраняемого законом интереса. Малоисследованной является проблема соотношения охраняемого законом интереса и цифровых прав.

В силу известных причин категорию «интерес» несправедливо называют общенаучным понятием¹, поскольку данный термин используется не только в юриспруденции, но также и в ряде смежных наук, таких как философия, психология, социология, экономика и некоторых других. В философии «интерес» рассматривается как изучаемое разными науками целостное явление, имеющее единую природу и общие закономерности своего бытия²; в социологии –

---

¹ См.: *Моторова И.В.* Законный интерес как элемент гарантии правового статуса личности // *Марийский юридический вестник.* 2016. № 1 (16). С. 18.

² См.: *Осипов А.А.* Интерес как гражданско-правовая категория, опосредующая возникновение, изменение и/или прекращение правоотношений

как свойство индивида или социальной общности, воздействующее на социальное поведение в общности и предопределяющее ее невероятные социально значимые бездействия¹; в экономике – как совокупность объективных побудительных мотивов, связанных со стремлением индивидов удовлетворять свои первичные и последующие потребности² и т.д. Как следствие, все данные понятия являются практически идентичными и отображают основные признаки интереса как явления, выражающегося в стремлении субъектов к удовлетворению потребностей.

Если обратиться к юридической науке, то здесь существует несколько концепций правовой природы интереса. Согласно первой концепции, интерес представляет собой определенную потребность в чем-либо. Потребность в этом случае составляет содержание интереса. Форма же ее проявления различна, но при этом она всегда выражает конкретную целенаправленность действий людей³. Согласно второй точке зрения интерес понимается как общественное отношение, при этом потребность как внутренняя побудительная сила бездеятельности является одним из источников интереса, в связи с чем его направленность на удовлетворение потребностей составляет неотъемлемую сторону интереса⁴.

В соответствии с третьей концепцией при определении понятия «интерес» основываются на его понимании как независимости субъекта от предметов и отношений, с которыми он связывает ожидание пользы либо вреда. Интерес в субъективном смысле указывает на чувство независимости в жизни. Основание, в силу которого человек интересуется конкретной вещью или отношением, лежит в том, что он чувствует в своем существовании и благосостоянии, в своем довольстве или счастье от них свою зависимость⁵.

// Гражданское право. 2010. № 2. С. 7.

¹ См.: Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М., 2014. С. 70.

² См.: Романов В.Н. Исследование социально-экономических процессов в современной России. Ульяновск, 2013. С. 92.

³ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 239.

⁴ См.: Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных отношений. Новосибирск, 1987. С. 80–81.

⁵ См.: Першин М.В. Частноправовой интерес (понятие, правообразование, реализация): дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2004. С. 23.

Авторы полагают, что по своей сути интерес представляет общественное отношение, в котором последний включает в себя явления и взаимосвязи, которые составляют содержание интереса. В результате через общественное отношение проявляется не социальная сущность интереса как социально значимой формы удовлетворения потребности. Охраняемый законом интерес представляет собой правовую невозможность заинтересованного лица реализовать свой интерес всеми способами, прямо не запрещенными законом, которая базируется на нормах и принципах объективного права и гарантируется внеправовым запретом вмешательства посторонних лиц. Исходя из вышесказанного, гражданско-правовой интерес можно определить как предусмотренную нормами гражданского права или вытекающую из общих начал и смысла гражданского законодательства и гарантированную государством правовую возможность заинтересованного субъекта гражданского права реализовывать способами, прямо не запрещенными законом, имущественные и личные неимущественные потребности в гражданском обороте.

Выше было отмечено, что недостаточно исследованной является проблема соотношения охраняемого законом интереса и цифровых прав, появление которых связано с усложнением общественных отношений и современных глобальных изменений. Вместе с тем следует признать, экономические отношения с использованием цифровых технологий становятся главным условием развития всего комплекса отношений в сфере производства, обмена и потребления товаров, работ и услуг. Использование цифровых прав в гражданском обороте – веление и требование времени. Правовое обеспечение в этой сфере начинает только формироваться. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) относит цифровые права к объектам гражданских прав. Прав Е.А. Суханов, который утверждает, что «смысл категории объектов гражданских правоотношений (объектов гражданских прав) заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, то есть возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат. Ясно, что такой режим на самом деле устанавливается не для различных благ, а для людей, совершающих по поводу этих благ возможные юридически-значи-

мые действия»¹. Статья 141.1 ГК РФ определяет цифровые права «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Нетрудно заметить, что по своему характеру статья 141.1 ГК РФ, закрепляющая понятие цифровых прав, носит бланкетный характер. Статья 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит в оборот категорию «утилитарные цифровые права». Не давая их определение, законодатель указал только их виды, соотнося их с правами требования передачи вещи (вещей), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, выполнение работ и (или) оказание услуг.

Нельзя не указать Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который закрепил понятие «цифровые финансовые активы». Исходя из статьи 1 вышеназванного закона под цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Исходя из статьи 141.1 ГК РФ цифровые права относятся к имущественным правам. Прав В.П. Камышанский, который полагает, что цифровые права имеют все признаки имущественных прав:

---

¹ См.: Российское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 4-е изд., стереотип. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2014. С. 298.

цифровое право не существует само по себе, оно обладает способностью принадлежать определенному лицу; с помощью цифрового права реализуется имущественный интерес его обладателя; цифровое право может быть отчуждено; цифровое право может иметь денежную оценку¹. Далее автор отмечает, что помимо признаков, свойственных цифровым правам как разновидности имущественных прав, цифровые права имеют специфический признак, свойственный только им как самостоятельным объектам гражданских прав: содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы. Цифровые права создаются (возникают) в информационной системе и существуют только в ней. Возникновение права происходит по инициативе обязанного лица, и оно заведомо соглашается с тем, что право переходит по правилам информационной системы. Поэтому переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву².

Реализация имущественного интереса в цифровых правоотношениях будет осуществляться с учетом вида цифровых прав. Так, с учетом статьи 8 вышеназванного Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ видами утилитарных цифровых прав могут быть только правомочия требования передачи вещи (вещей), исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; выполнения работ и (или) оказания услуг. Императивно закреплено, что утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

Реализация имущественного интереса в цифровых правах сопряжена с высокой степенью риска, поскольку сделки будут осуществляться по правилам информационной системы, при этом не требуется согласия лица, обязанного по цифровому праву. Вероятно, управомоченное лицо должно выразить согласие о том, что ознакомилось и принимает такие риски.

---

¹ См.: Камышанский В.П., Новикова С.В., Руденко Е.Ю. и др. Актуальные проблемы гражданского права: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2020. С. 35.

² См.: Там же. С. 35–36.

Таким образом, имущественный интерес является одним из отличительных признаков цифровых прав, его реализация сопряжена с высокой степенью риска. Реализация имущественного интереса в цифровых правоотношениях будет осуществляться с учетом вида цифровых прав.

Л. Ф. ГАТАУЛИНА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ТОРГИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Технологический прогресс, цифровизация в современной экономике России не стоят на месте, а продолжают стремительно формироваться и охватывать многие сферы хозяйственной деятельности. Современные технологии и новые решения способствуют быстрому развитию цифровизации, и для такой сферы цифровой экономики, как торги, которые в настоящее время проводятся в электронной форме во многих отраслях отечественного законодательства. Цифровая экономика характеризуется как хозяйственная деятельность, где базисным фактором производства служат данные именно в цифровом виде. В нее включают обработку больших объемов и использование результатов анализа, она более динамична по сравнению с традиционными видами хозяйственной деятельности¹.

В связи с динамичным распространением цифровизации, под которой понимают переход взаимодействия всех участников закупочной деятельности в электронную форму, поэтому особый интерес представляют торги, проводимые в электронном формате. В определенных случаях они являются единственным способом заключения договора, например в сфере банкротства, приватизации, закупок определенных товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц, закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, охватывают не только частноправовую, но и соответствующую часть публично-правовой сферы.

Актуальность использования электронной формы проведения торгов коренится в том, что сфера закупок в первую очередь строится на таком базисном принципе, как открытость и прозрачность информации о проведении торгов, когда все необходимые сведения о циф-

---

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901; Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2019. № 11, ст. 1119.

ровизированной закупке комплектуются, обрабатываются, хранятся и направляются посредством единой информационной системы в сфере закупок в сети Интернет. Каждый желающий может в любое время ознакомиться с информацией, находящейся в общедоступной части официального сайта единой информационной системы.

Специфическая особенность электронной процедуры состоит в том, что она в большинстве случаев уменьшает риск сговора между участниками, способствует снижению давления на потенциальных конкурентов, а также определению реальной цены, соответствующей рыночной конъюнктуре, свободе предпринимательской деятельности, что является одним из важнейших условий честной конкуренции между участниками торгов. Цифровые технологии становятся стабилизатором соблюдения принципа открытости и прозрачности всей контрактной системы, которые являются гарантом обеспечения честной конкуренции в сфере закупок.

Немаловажным моментом цифровизации в данной сфере является то, что она помогает государству избежать ошибок в сфере нормативно-правового регулирования, ценообразования, увидеть существующие пробелы и юридические неточности, а также своевременно ориентироваться в происходящих экономических процессах, что в свою очередь позволяет модернизировать процедуру закупок и сделать ее прозрачной. Вместе с тем система электронных торгов имеет как положительные, так и отрицательные стороны в данном процессе. К положительным моментам отнесем: гласность и прозрачность электронной формы проведения торгов; минимизацию сговора между заказчиком и участниками закупок, что способствует снижению коррупционных рисков; оперативность и удобство получения информации и осуществления закупки открывают равный и свободный доступ всем желающим поставщикам принять участие в закупочной процедуре; автоматизация и стандартизация процедуры способствуют единообразию в сфере закупок; подача документов путем электронной формы, базирующаяся на принципе безбумажного документооборота. Отрицательные моменты выражаются: в определенных случаях использование электронной процедуры не представляется возможным, в частности, из-за проведения закупок, проводимых закрытым способом; влияние человеческого фактора на условия доступа к электронной процедуре и на определение победителя; бремя расходов, связанных с оплатой электронной площадки и наличие усиленной квалифицированной электрон-

ной подписи; объективная необходимость привлечения заказчиком квалифицированных специалистов, обладающих соответствующим опытом работы с информацией в электронной форме и др.

Относительно правовой регламентации следует констатировать, что отношения в данной сфере направлены на развитие и совершенствование электронной формы проведения торгов, сформирована нормативно правовая база их регулирования. В обязательной электронной форме с 2013 г. стал проводиться аукцион¹, а с 2021 г. в число состязательных способов определения поставщиков вводятся конкурсы, запрос котировок и запрос предложений только в электронной форме². Необходимо также отметить, что в 2014 г. электронная форма проведения торгов закрепились и в Гражданском кодексе РФ. Так, в связи с реформированием гражданского законодательства торги в электронной форме нашли свою нишу в пункте 4 ст. 447 ГК РФ. Наряду с этим конструктивная деятельность по унификации законодательного регулирования электронной формы организации и проведения торгов намечена и в соответствующих законопроектах, в проекте: Федерального закона «Об открытых торгах в Российской Федерации»³, Федерального закона «Об электронных торгах в Российской Федерации»⁴, подготовленных Минэкономразвития России.

Однако действующий правовой механизм в сфере закупочной деятельности не совершенен и имеет свои недостатки и изъяны, существующая правовая основа не совершенна из-за отсутствия должного законодательного регулирования. В связи с этим значительное количество ошибок в данной сфере совершается как со стороны заказчика, так и со стороны участников закупки, а также уполномоченными органами власти и учреждениями. Поэтому на законодательном уровне поднимался вопрос о существовании ранее принятых

---

¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

² См.: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 449-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2019. № 52, ч. 1, ст. 7767.

³ См.: Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте URL: <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 14.10.2016. (10.12.2020).

⁴ См.: Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте URL: <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 07.02.2019 (13.12.2020).

правовых актов и вновь принимаемых, что выражается в неопределенности используемой терминологии, статуса субъектов правоотношений, а различные противоречия между правовыми актами и их нелогичная классификация порождают неустойчивость управленческих отношений в области государственного управления.

Зарегистрированы случаи, когда организатор торгов неправомерно допускает к участию тех лиц, которые в силу законных оснований не могут участвовать в закупке и наоборот, лица, желающие участвовать в торгах, беспричинно и необоснованно получали отказ в таком участии.

Следующая проблема коренилась в нерыночном сговоре между участниками закупок, в частности, это монополистические действия, направленные на недобросовестную конкуренцию, злоупотребления правом в результате манипулирования ценами, картельные соглашения в целях поддержания цен на товарных рынках, когда хозяйствующие субъекты объединяются и заключают между собой картельное соглашение, запрещенное законом¹. Кроме того, значительное влияние оказывалось на возможных претендентов со стороны служащих, отвечающих за размещение государственного или муниципального заказа, преследуя цель вывести свою «фирму» для участия в закупочной процедуре. Так, в части принятия решения о проведении закупок такие лица сознательно отказывались от проведения электронной формы в пользу запросов котировок, определяя соответствующие требования и перечень необходимой документации таким образом, чтобы исключить какую-либо конкуренцию и тем самым заблокировать участие в электронной процедуре другим участникам закупки.

Таким образом, необходимо констатировать, что динамичное развитие и модернизация электронной процедуры проведения торгов говорит нам об ее значимости как правового института и его значении для честной конкуренции на этапе включения новых технологий в классические институты гражданского права. На сегодняшний день мы можем наблюдать, что идет процесс постепенного обновления законодательства в сфере закупочной деятельности для еще большей адаптации к новым веяниям времени, подчиняя соответствующему правовому режиму все закупки, осуществляемые за счет бюджетных средств.

---

¹ См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3434.

О.Н. ЕРМОЛОВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

О ПОНИМАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

В своей монографической работе, в разделе, посвященном экономике, потребностям и праву, профессор Николай Алексеевич Баринов пишет, что экономика как совокупность общественно-производственных отношений включает в себя элементы волевой и сознательной деятельности людей, что, в свою очередь, позволяет осуществлять воздействие на нее в нужном направлении, в том числе через правовое воздействие. В вопросах соотношения экономики и права следует исходить из примата экономики как базиса, а право, правовая форма должны соответствовать экономическому содержанию и наиболее эффективно обеспечивать имущественные потребности граждан¹.

В этой работе Николаем Алексеевичем сделаны важные выводы в сфере правового регулирования экономики, которая на тот момент еще не имела рыночный характер. Так, в частности, указывается, что круг хозяйственных отношений регулируется различными нормативными актами, многие из которых имеют комплексный характер. Законодательные акты, регламентирующие хозяйственные отношения, образуют самостоятельную отрасль законодательства – «хозяйственное законодательство», которое с развитием этих отношений должно соответственно совершенствоваться. Уяснение организующей роли права, по мнению ученого, имеет важное значение при изучении хозяйственного механизма, а таким его отраслям, как административному и гражданскому праву, принадлежит большая роль в развитии и укреплении экономики нашей страны, в совершенствовании производственных и распределительных отношений².

В более поздней работе, подготовленной уже после принятия Гражданского кодекса РФ, Н.А. Баринов задается вопросом: что

---

¹ См.: *Баринов Н.А.* Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987. Цит. по: *Баринов Н.А.* Избранные труды. М., 2012. С. 112–115.

² См.: Там же. С. 116–117.

из себя представляет предпринимательское право – самостоятельную отрасль права или подотрасль какой-то отрасли права?¹. Отмечая, что развитие предпринимательской деятельности является объективной необходимостью, обусловленной развитием рынка, рыночных отношений, ученый анализирует определение ПД, данное в ст. 2 ГК РФ, и приходит к выводу о том, что отношения в сфере предпринимательской деятельности носят имущественный характер, а сама предпринимательская деятельность направлена на удовлетворение различных, прежде всего, имущественных потребностей физических и юридических лиц и общества в целом. Проведенный анализ предопределил понимание предпринимательского права как совокупности юридических норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения в сфере предпринимательской деятельности и логическую обоснованность квалификации данной обособленной части гражданского права в качестве подотрасли гражданского права².

К сожалению, ранее сделанные выводы и заключения о правовом регулировании экономики не нашли отражения в рассуждениях автора, поэтому подход к пониманию предпринимательского права оказался, как представляется, достаточно односторонним. Однако это не означает его неправильность и, тем более, недопустимость, аналогичные позиции были озвучены цивилистами³.

Более того, система изложения материала в учебнике по предпринимательскому праву предопределяется концептуальным подходом к пониманию коммерческого (предпринимательского) права как функциональной подотрасли частного (гражданского) права. Соответственно, освещаются главным образом особенности гражданско-правового регулирования отношений, складывающихся между предпринимателями или с их участием (предпринимательских отношений). При этом автор учебника поясняет, что наряду с предпринимательскими отношениями (предмет гражданско-правового регулирования) предпринимательская деятельность опосредуется

---

¹ *Баринов Н.А.* О понятии предпринимательского права // Вестник СГАП. 1999. № 3. Цит. по: *Баринов Н.А.* Избранные труды. М., 2012. С. 437.

² См.: Там же. С. 438–439.

³ См., напр.: Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 1. Здесь и далее теоретические источники без указания конкретных страниц и нормативные акты приводятся из СПС «КонсультантПлюс».

также отношениями по ее организации (публичными отношениями), которые возникают между предпринимателями и публичными органами (органами государственной власти), в связи с чем особенности публично-правового регулирования предпринимательских отношений регулирования (предмет публичного права) также рассматриваются в учебнике. Таким образом, несмотря на то, что коммерческое право как подотрасль гражданского права не включает нормы публичного права, регулирующие отношения по управлению экономикой, в курсе коммерческого права публично-правовое регулирование предпринимательских отношений в необходимой мере освещается¹.

В соответствии с позицией иных ученых, авторов учебников по предпринимательскому праву, содержание учебной дисциплины в целом соответствует представлению о предпринимательском праве как комплексной отрасли, включающей в свою сферу как частно-правовое, так и публично-правовое регулирование отношений.

Как представляется, проблема понимания предпринимательского права не может быть освещена только с позиции гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности. Несомненно, что, если вести речь об обособлении части гражданского права, то следует видеть соответствующую часть гражданского права – правовой институт или подотрасль гражданского права. Применительно к предпринимательской деятельности и с учетом терминологии Гражданского кодекса РФ совокупность норм, посредством которой осуществляется гражданско-правовое регулирование отношений с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, если и можно называть предпринимательским правом, то только в узком смысле слова.

И такие предложения в правовой литературе были высказаны. Так, по мнению В.Ф. Яковлева, «главным инструментом регулирования предпринимательской деятельности является гражданское право. Предпринимательское право – это и есть гражданское право. А гражданское право в значительной степени есть предпринимательское право. Это узкое понимание предпринимательского права. Есть более широкое понимание, потому что деятельность предпринимателя регулируется не только гражданским правом, поскольку есть не только отношения собственности и товарно-денежного обо-

---

¹ См.: *Попондонуло В.Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право : учебник. М., 2015. С. 14–15.

рота, но и использование природных ресурсов. Значит, природоресурсное право включается в регулирование предпринимательской деятельности. Трудовое право регулирует предпринимательскую деятельность, налоговое право регулирует предпринимательскую деятельность, Уголовный кодекс регулирует предпринимательскую деятельность. Следовательно, в широком смысле слова предпринимательским является все наше право (выделено мной – В.В.)»¹.

Позицию о двояком понимании предпринимательского права разделяет и М.К. Сулейменов: в узком смысле оно представляет собой часть гражданского права, а предпринимательская деятельность – разновидность гражданско-правовой деятельности; в широком смысле – это комплексное образование, объединяющее нормы различных отраслей права (гражданского, административного, финансового, таможенного, трудового и др.)².

По мнению Е.П. Губина, Гражданский кодекс, будучи кодифицированным актом частного права, не дает и не может дать адекватного определения предпринимательской деятельности, поскольку она не является деятельностью частной ни по целям и задачам, ни по отношениям, возникающим в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Предпринимательская деятельность есть деятельность экономическая, пишет он, экономическая деятельность и экономика не являются исключительно сферой частной деятельности. Современная экономика, это признается всеми более или менее грамотными экономистами, есть экономика смешанного типа, где публичные интересы, публичные отношения есть составная часть рыночных экономических отношений³.

С учетом положений Конституции РФ рынок является единым экономическим пространством, включающим в себя не только оборотоспособность объектов гражданских прав, земли и природных ресурсов, но и недопущение установления таможенных границ,

---

¹ Яковлев В.Ф. Гражданское право: история и современность. Избранные труды. М.: Статус, 2012. Т. 2. Кн. 1, цит. по *Вайпан В.А.* Теория «правового калейдоскопа»: отражение социально справедливых экономических отношений в предпринимательском праве // Право и экономика. 2018. № 10. С. 5–9.

² См.: *Шелютто М.Л.* Предпринимательские договоры (обзор ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся) // Журнал российского права. 2008. № 1.

³ См.: *Губин Е.П.* Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 9–14.

пошлин, сборов или каких-либо препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, обращает внимание В.К. Андреев. Соблюдение последнего требования достигается введением норм и правил федеральными законами, государственным регулированием предпринимательской деятельности, т.е. публичным правом. Конституционные категории предпринимательской и экономической деятельности используются в отраслях не только частного, но и публичного права, поэтому автор полагает, что требуется точное определение предпринимательской деятельности, помимо данного в Гражданском кодексе РФ (абз. 3 п. 1 ст. 2)¹.

Предмет предпринимательского права в современной учебной литературе представлен отношениями по «горизонтали», отношениями по «вертикали», внутривладельческими отношениями, отношениями, связанными с организацией предпринимательской деятельности, корпоративными отношениями, отношениями, складывающимися при осуществлении саморегулирования².

Центральной и основной группой называются предпринимательские отношения – отношения, возникающие в процессе осуществления предпринимательской деятельности, т.е. непосредственно той деятельностью, где достигается одна из главных целей предпринимательства – получение прибыли. Речь идет о пользовании имуществом, продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг. Здесь важное значение занимает частноправовое, гражданско-правовое регулирование предпринимательских отношений. Предпринимательскую деятельность ведут равноправные самостоятельные субъекты, которые свободно выходят на рынок, производя товары, выполняя работы, оказывая услуги. Отношения между такими субъектами в науке предпринимательского (ранее – хозяйственного) права принято именовать «горизонтальными», в отличие от «вертикальных», основанных на власти и подчинении³.

---

¹ См.: *Андреев В.К.* О сочетании частных и публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 21–25.

² См.: Современное предпринимательское право: монография / отв. ред. И.В. Ершова. М., 2014. С. 6–30; *Кванина В.В.* О структуре предмета предпринимательского права // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 3–9.

³ См.: Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017; Предпринимательское право Российской Федерации: учебник. / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017.

Исследователями особо подчеркивается специфика правового режима предпринимательской деятельности, проявляющаяся в соединении частноправовых и публично-правовых средств воздействия.

Е.П. Губин подчеркивает, что участие государства в регулировании предпринимательской деятельности, воздействие государства на экономику имеют самое существенное влияние на характеристики предмета предпринимательского права¹.

Следует согласиться с утверждением В.А. Мамонтова, что публичные интересы в сфере предпринимательской деятельности проявляют себя в двух основных направлениях: предоставления предпринимательской свободы и условий для ее реализации, а также недопущения злоупотребления этой свободой в ущерб интересам общества².

Признавая наличие публичного интереса в регулировании ПД, не следует противопоставлять частноправовые и публично-правовые начала в регулировании экономики. Причинами, влекущими такое противопоставление, является, на наш взгляд, состояние законодательства, поскольку право на осуществление предпринимательской деятельностью провозглашается в Конституции РФ, а затем и в Гражданском кодексе РФ как элемент гражданско-правового статуса лица безотносительно к публично-правовому регулированию самой деятельности, в то время как основная часть нормативного материала посвящена именно обязанностям по выполнению многочисленных требований к предпринимательской деятельности. Любой предприниматель присоединится к словам Н.Н. Надежина о том, что полноценная картина правового режима предпринимательской деятельности не может быть представлена без учета обременений, которые накладываются на предпринимателя³.

Несмотря на то, что проблема деления права на частное и публичное. Проблема обнаружения оптимального баланса между жестким регулированием по вертикали и свободой хозяйствующих субъектов остается нерешенной, отсутствует концепция публич-

---

¹ См.: Губин Е.П. Указ. соч.

² См.: Мамонтов В.А. Правовые средства обеспечения публичных интересов в сфере предпринимательской деятельности // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. С. 2–5.

³ См.: Надежин Н.Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России. М.: Статут, 2019. 144 с. // СПС «КонсультантПлюс».

но-правового регулирования хозяйственных отношений, на что указывал В.К. Андреев¹, очевидно, что вопросы контроля и ответственности за нарушение обязательных требований к предпринимательской деятельности представляют собой основные элементы правового режима ее осуществления, на что справедливо обращено внимание в правовой литературе².

Отрадно, что в настоящее время выводы исследователей получают отражение в законодательстве: в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» отражена прямая связь между осуществлением предпринимательской деятельности и обязательными требованиями, предъявляемыми к ней. Закон закрепляет существование в правовой системе РФ требований к осуществлению ПД и закрепляет правовые и организационные основы их установления и оценки применения, исходя из того, что под обязательными требованиями понимаются требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы.

В связи с этим данный нормативный акт можно назвать одним из основополагающих нормативных актов в сфере установления правового режима предпринимательства.

---

¹ См.: Андреев В.К. Указ. соч.

² См.: Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Юристъ, 2003. С. 142.

Ю.А. ЗАЙЦЕВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРСНОЙ МАССЫ ДОЛЖНИКА ГРАЖДАНИНА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Институт несостоятельности (банкротства) гражданина регламентирован в 2015 г. в связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»¹, на основании которого в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве) появилась глава 10 «Банкротство гражданина».

В эпоху цифровизации институт несостоятельности (банкротства) гражданина динамично развивается. Согласно статистике за 5 лет каждый год количество граждан, признанных банкротами, увеличивается. Так, с октября 2015 по декабрь 2020 г. банкротами признаны уже 282 284 гражданина. Только за 2020 г. признаны банкротами 119 049 граждан (включая индивидуальных предпринимателей), что на 72,6 % больше, чем в 2019 г.³ Как справедливо отмечает Т.П. Шишмарева, цифровые технологии используются в деле о несостоятельности (банкротстве) на всех стадиях, например, при подаче заявления о признании должника несостоятельным (бан-

---

¹ См.: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Российская газета. 2015. 3 июля; 2017. 4 авг.

² См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. 3 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2022. № 7, ст. 1031.

³ См.: Статистический релиз Федресурса «Банкротства в России: итоги 2020 года». URL: <https://fedresurs.ru/news/e3fc79ce-fd38-432f-ab08-8c1561b1b7cb> (дата обращения: 15.12.2021).

кромом) в арбитражный суд в электронной форме, при опубликовании сведений в ЕФРСБ, при ведении реестра требований кредиторов в электронной форме, при проведении торгов в электронной форме, при проведении собраний кредиторов в форме заочного голосования¹.

Все чаще в современном мире употребляются понятия «цифровые права», «цифровая валюта», «криптовалюта», «токены», «биткойны», «блокчейн» и т.д. С 1 октября 2019 г.² к объектам гражданских прав отнесены цифровые права (ст. 128 ГК РФ³). На основании ст. 19 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, вступающий в силу с 1 января 2021 г. ст. 2 Закона о банкротстве дополнена ч. 2, в которой указано, что цифровая валюта признается имуществом. Однако объектом гражданского права цифровая валюта прямо не признана (ст. 128 ГК РФ).

В то же время ведется работа по разработке правил оборота цифровой валюты. В феврале 2022 г. Министерство финансов РФ разработало проект Федерального закона «О цифровой валюте»⁵. Также в феврале 2022 г. Правительство РФ утвердило Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют⁶. При этом ЦБ России в январе 2022 г.

---

¹ См.: Шишмарева Т.П. Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 50–55.

² См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.

³ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; Российская газета. 2022. № 43.

⁴ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018.

⁵ См.: Минфин России направил в Правительство России проект федерального закона «О цифровой валюте». URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37774-minfin_rossii_napravil_v_pravitelstvo_rossii_proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovoi_valyute (дата обращения: 22.02.2022).

⁶ См.: Правительство утвердило Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют. URL: <http://government.ru/news/44519/> (дата обращения: 22.02.2022).

предлагал установить запрет на организацию выпуска и оборота цифровой валюты, привлекать к ответственности за использование в качестве средства платежа криптовалюту и т.д.¹

Как верно отмечал Н.А. Баринов «... реформы в сфере экономики, да и в любой другой сфере, не осуществимы без их правового обеспечения. Без создания единого правового государства, без диктатуры закона»². В своей докторской диссертации Н.А. Баринов, исследуя категорию потребностей, особое внимание уделил правовому обеспечению удовлетворения потребностей, анализировал правовые средства и их классификации³. Н.А. Баринов определял потребность как нужду в чем-то; как объективную необходимость; как общественное отношение (имущественное отношение). При этом удовлетворение потребностей Н.А. Баринов связывал с созданием надлежащих условий жизнедеятельности человека. Правовые средства Н.А. Баринов определял как «юридические возможности, которые заложены в нормах гражданского права и его отдельных институтов и используются в процессе их реализации в целях удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей граждан и организаций»⁴. Н.А. Баринов своими исследованиями внес огромный вклад в развитие науки гражданского права и совершенствование правоприменительной практики.

Дискуссионным остается юридическая природа криптовалюты⁵. Следует согласиться с С.А. Карелиной и И.В. Фроловым, что «достаточно актуальными становятся фактор и обоснование отнесения криптовалюты в конкурсную массу должников, что приобретает особую востребованность в современных условиях»⁶. Так,

---

¹ См.: Криптовалюты: тренды, риски, меры. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

² Баринов Н.А. Процессуальные нормы в международном частном праве. Саратов, 2001. С. 47–48.

³ См.: Баринов Н.А. Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. С. 8, 17, 19.

⁴ Баринов Н.А. Избранные труды. М.: Норма, 2012. С. 133, 575.

⁵ См.: Криптовалюта – это имущество (вещная теория криптовалюты) или это особый вид обязательств (обязательственная теория криптовалюты). См. подробнее: Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.

⁶ Карелина С.А., Фролов И.В. Правовой режим криптовалюты и инсти-

Т.П. Шишмарева считает, что необходимо включать в конкурсную массу цифровые права, цифровую валюту, тем самым повысится эффективность ликвидационных процедур, при этом учитывать их особую природу и невозможность полного контроля со стороны государства за их принадлежностью и оборотом¹.

Несмотря на то, что криптовалюта прямо не признана в законодательстве как объект гражданских прав, на практике криптовалюту квалифицировали как объект гражданских прав, признавая иным имуществом. И, как следствие, криптовалюту включили в конкурсную массу должника, так как в конкурсную массу должника включается все его имущество². На протяжении нескольких лет арбитражные суды отказывались включать криптовалюту, которая принадлежала должнику гражданину, в конкурсную массу. Однако ситуация кардинальным образом изменилась в 2018 г.

Так, при исполнении своих обязанностей финансовым управляющим выявлено, что должнику гражданину принадлежит криптокошелек, в котором содержится криптовалюта. В дальнейшем возник спор о включении криптовалюты в конкурсную массу. Должник отказывался передавать пароль от криптокошелька, так как считал, что криптовалюта не является имуществом. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования о включении криптовалюты в конкурсную массу, признавая, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав³. Но Девятый Арбитражный апелляционный суд 15 мая 2018 г.⁴ отменил определение Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2018 г. Впервые криптовалюта была признана иным имуществом, которое отнесено к объектам гражданских прав. В то же время 8 августа 2018 г. процедура реализации

тут несостоятельности (банкротства): проблемы правовой регламентации // Право и цифровая экономика. 2019. № 4. С. 14–18.

¹ См.: *Шишмарева Т.П.* Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 14, 17, 38.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Российская газета. 2019. 9 янв.

³ См.: Определение Арбитражного суда г. Москва от 5 марта 2018 г. Дело № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. Дело № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

имущества завершена. Имущество, которое подлежит включению в конкурсную массу, не выявлено. Должника освободили от дальнейшего исполнения требований кредиторов.

Отсутствие определенности в законодательстве в отношении криптовалюты, единого мнения среди ученых приводит к тому, что на практике возникают проблемы в правоприменении. Государство не контролирует информационную систему, в которой создается криптовалюта. Принадлежность определенному субъекту криптовалюты основывается на анонимности его прав. Должник должен предоставить финансовому управляющему код доступа для входа в информационную систему для доступа к криптокошельку, в котором у должника хранится криптовалюта. По мнению Т.П. Шишмаревой, в случае непредоставления кода доступа должника необходимо привлекать к «уголовной ответственности, так как меры гражданско-правовой ответственности не будут эффективными»¹. При дальнейшей реализации криптовалюты финансовым управляющим возникают также трудности. Реальную стоимость криптовалюты определить достаточно сложно, так как курс криптовалюты меняется в течение суток. Как отмечает Т.П. Шишмарева, «торги ... нельзя признать местом, где возможно произвести продажу криптовалюты для определения ее справедливой цены»².

Как видим, законодательство динамично развивается, и в скором времени появятся юридические возможности и будут использоваться в процессе их реализации, удовлетворяя имущественные потребности граждан посредством цифровой валюты. Можно сделать вывод, что, признавая криптовалюту в составе конкурсной массы должника гражданина, необходимо определить особенности дальнейшей ее реализации при банкротстве гражданина. В случае, если криптовалюту не включать в конкурсную массу, то недобросовестные должники смогут «переводить» свое имущество в криптовалюту и тем самым ущемлять права кредиторов.

---

¹ Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 41.

² Там же. С. 41.

Б.Б. Инжиева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета (г. Элиста)

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Развитие информационных технологий и институтов «цифрового общества» не могло не найти своего отражения в правовом регулировании, в том числе и в гражданском законодательстве.

Пока самым радикальным и наглядным последствием влияния цифровизации на законотворческую деятельность остается принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, которым в часть первую Гражданского кодекса РФ была внесена статья 141.1 «Цифровые права»¹.

В настоящее время цивилистическая наука продолжает колебаться между двумя возможными путями осмысления соответствующих явлений: либо квалифицировать их в рамках уже существующих гражданско-правовых категорий и конструкций (например, рассматривать криптовалюту как вид имущества или же признавать деятельность по обороту токенов и криптовалют в качестве договоров игр и пари), либо изыскивать для правового регулирования данных отношений какие-то принципиально новые самостоятельные подходы².

Одна из наиболее очевидных проблем связана с критериями оборотоспособности цифровых объектов.

Редакция ст. 141.1, а также одновременно измененной ст. 128 ГК РФ приводит исследователей к выводу, что «в цифровом гражданском обороте участвуют не сами цифровые объекты, а признаваемые законом цифровые права в рамках информационной системы,

---

¹ См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.

² См., например: *Дейнеко А.Г.* Цифровые права в Гражданском кодексе: ближайшие последствия и отдаленные перспективы // Труды Института государства и права РАН. 2020. № 2. С. 178–179.

функционирующей на принципах децентрализованного реестра или иных принципах используемых цифровых технологий»¹.

В соответствии со сложившимися представлениями об оборото-способности объектом гражданских прав и, соответственно, гражданского оборота могут выступать субъективные имущественные права, но и само имущество как предмет этих прав.

В случае с цифровыми правами, действительно, вопрос об их объектах на уровне норм Гражданского кодекса никак не решен. В ст. 128 ГК РФ они не упоминаются, в отличие от цифровых прав; из пп. 1, 3 ст. 141.1 вытекает, что именно цифровые права, а не их объекты, являются предметом распоряжения, передачи, перехода по сделке и т.п.

Таким образом, правовая природа цифровых объектов приобретает крайне противоречивый вид. Нетождественность понятий «право» и «объект права» не нуждается в дополнительном обосновании. Исходя из этого, отсутствие законодательного упоминания о цифровых объектах, с одной стороны, может означать лишь то, что они не относятся к числу объектов права. С другой стороны, в этом случае сами цифровые права остаются без объекта. Если же предположить, что объекты цифровых прав не обладают оборото-способностью, то складывается не менее парадоксальная ситуация, при которой отчуждается право на неотчуждаемый объект.

Новым этапом в развитии гражданского оборота цифровых объектом стал Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Обращает на себя внимание то, как по-разному закон № 259-ФЗ подходит к содержанию двух понятий «цифровые активы» и «цифровая валюта». Если цифровые активы в п. 2 ст. 1 определяются через уже закрепленную в ГК РФ родовую категорию «цифровые права», то цифровая валюта характеризуется качественно иным образом, а именно как «совокупность электронных данных (цифрово-

---

¹ Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 18.

² См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5018.

го кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей...» (п. 3 ст. 1).

Эта констатация является принципиально важной, поскольку позволяет сделать два относительно новых вывода:

- во-первых, что законодательно признается существование цифровых объектов, по своей природе не относящихся к категории цифровых прав;
- во-вторых, поскольку, в силу прямого указания закона, «цифровая валюта» выступает в качестве средства платежа, это означает ее включение в гражданский оборот.

Впрочем эти законодательные положения, разумеется, не устраняют всех противоречий в правовом режиме цифровых объектов. Как отмечает, например, А.А. Ситник, «с одной стороны, цифровые валюты для целей отдельных законов признаются имуществом, констатируется возможность совершения гражданско-правовых сделок с ними, с другой – согласно гражданскому законодательству цифровые валюты не отнесены к объектам гражданских прав. Получается, что цифровые валюты, как «кот Шредингера», одновременно находятся в двух противоположных состояниях...»¹.

Действительно, в позиции законодателя по вопросу о статусе цифровой валюты нет должной последовательности. Например, в процессе принятия закона № 259-ФЗ Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам в своем заключении заявил: «в отношении цифрового финансового актива всегда существует обязанное лицо по требованию (обязательству), которое удостоверяет цифровой финансовый актив, в то же время в отношении цифровой валюты обязанного лица нет, как нет и требования (обязательства), лежащего в ее основе. При этом цифровой финансовый актив как разновидность цифрового права является объектом гражданских прав и в этой связи может выступать законным объектом гражданско-правовых сделок»². Таким образом, можно сделать вывод, что авторы данного заключения не считают цифровую валюту полноценным объектом гражданских прав.

---

¹ Ситник А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 106.

² Цит по: Там же. С. 105–106.

Элементы подобного отношения к цифровой валюте имеют место и в самом тексте закона, например: «Юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории РФ, физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)» (п. 5 ст. 14 закона № 259-ФЗ).

Иначе говоря, в разных частях одного и того же закона соединены несовместимые по смыслу положения: объявление цифровой валюты средством платежа в п. 3 ст. 1 и фактический запрет пользоваться ею в этом качестве в п. 5 ст. 14 (что дополняется запретом распространять информацию о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги в п. 7 той же ст. 14).

Неопределенность нормативно-правового регулирования выражается не только в абстрактности определения «цифровых прав» и в двойственности описания «цифровой валюты», но и в прямых концептуальных противоречиях, когда закон именуется цифровой валюту средством платежа, но фактически запрещает использовать ее по этому прямому назначению, хотя и допускает совершение с ней сделок, в том числе направленных на ее отчуждение.

М.Ю. Козлова,

*кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник кафедры философии и теории права
Волгоградского государственного университета*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ¹

Термин «цифровизация» можно использовать в разных контекстах и в разных значениях. Цифровизацию можно понимать как процесс преобразования чего-либо в цифровую форму², а можно – как использование цифровых технологий для изменения бизнес-модели и предоставления новых возможностей получения дохода и создания ценности, как процесс перехода к цифровому бизнесу³. В числе технологий цифровизации – искусственный интеллект, прогностическое кодирование и автоматизированное составление документов⁴.

Цифровизация придает продукту иные, не существующие в системе автоматизированного взаимодействия, потребительские свойства⁵, а технологии служат средством получения новых свойств товаров в цифровой экономике.

В профессиях, которые можно назвать юридическими, используются разнообразные технологии, которые могут быть разделены на LegalTech и LawTech.

Под LegalTech понимаются инструменты, специально разработанные для упрощения и оптимизации процессов, составляющих профессиональную деятельность юристов. LawTech – это сервисы,

---

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

² Digitalization. Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/digitalization>.

³ См.: Глоссарий Gartner. Цифровизация. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digitalization>

⁴ См.: Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019.

⁵ См.: Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Вайпан В.А. и др. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019.

дающие возможность заменить традиционные способы получения юридических услуг новыми и (или) облегчающие пользователям доступ к правовой информации. Эти технологические решения в первую очередь ориентированы не на юристов, а на конечных потребителей юридических услуг¹.

Группа инструментов LegalTech связана с автоматизацией рутинных операций юриста. Эти инструменты отличаются по уровню сложности и разнообразию применяемых технологий. В качестве примеров можно привести справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», которые обеспечивают поиск актуальной правовой информации.

Широкое распространение получили сервисы, направленные на конструирование юридически значимых документов (договоров, доверенностей, исковых заявлений и т.п.) исходя из запросов клиента, в частности, FreshDoc, Doczilla. Используются шаблоны, которые можно доработать, исходя из особенностей клиента и ситуации. Шаблон – основной инструмент конструктора документов, содержащий всевозможные варианты текста. Каждому варианту шаблона документа соответствует определенный набор вопросов и ответов. При выборе ответов на вопросы отображается соответствующий ему вариант текста документа. Итоговый документ – результат работы с шаблоном, готовый текст документа, подходящий под условия конкретной ситуации².

Отдельного упоминания заслуживают сервисы, использующие искусственный интеллект для анализа складывающейся правоприменительной практики. Такие системы в первую очередь получили распространение в странах общего права и позволяют прогнозировать исход дела в зависимости от личности судьи, опыта представителей оппонента и других факторов.

Например, система Casetext подбирает все подходящие материалы, ориентируясь на загруженный в систему документ по делу. Ключевым отличием Casetext является CARA A.I., искусственный ин-

---

¹ См.: LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности : коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2021. С. 203–204.

² См.: FreshDoc. Конструктор документов: Руководство пользователя. URL: https://www.freshdoc.ru/addons/rukovodstvo_polzovatelya.pdf; URL: <https://doczilla.ru/>

теллект, который анализирует юридические и фактические данные документа, чтобы найти соответствующие дела¹.

Lex Machina представляет собой платформу правовой аналитики, которая позволяет разрабатывать успешные стратегии в судебных спорах. Так, можно выяснить сумму компенсаций, присужденных конкретным судьей в определенной области практики за определенный период времени, просчитать вероятность отклонения или удовлетворения ходатайства судьей, период времени, которое займет судебное разбирательство. Можно получить информацию о судебном опыте юридической фирмы или адвоката оппонента в спорах перед конкретным судьей и по определенной категории дел и их обычную стратегию².

LawGeex анализирует тексты договоров на предмет их соответствия заложенным в программу требованиям. Искусственный интеллект позволяет автоматизировать процесс проверки контракта на этапе переговоров и устраняет возможные конфликты при заключении сделок в режиме реального времени. Подходит для рутинных, объемных соглашений низкой и средней сложности, таких как рамочные соглашения, соглашения о поставках и другие. Для использования создается цифровой сборник сценариев с использованием существующих договоров³.

Среди российских сервисов, использующих машинное обучение, можно назвать продукт компании «КонсультантПлюс» «Специальный поиск судебной практики»⁴, который предлагает анализ судебной практики по конкретной ситуации, подбор формулировок для исковых заявлений, оценку перспектив судебного процесса, обоснование правовой позиции. Система «Сутяжник» от компании «Гарант» представляет собой автоматизированный сервис по интеллектуальному подбору судебной практики, соответствующей содержанию текстовых документов, загружаемых пользователем⁵.

Инструменты LawTech обеспечивают взаимосвязь клиента и юриста. Так, в качестве примера можно назвать AirHelp, который позволяет взыскать компенсацию с авиакомпании в случае задерж-

---

¹ URL: <https://casetext.com/research/>

² URL: <https://lexmachina.com/legal-analytics/>

³ URL: <https://www.lawgeex.com/cra/>

⁴ URL: http://www.consultant.ru/about/software/cons/specpoisk_sudpraktiki/

⁵ URL: http://sutyazhnik.garant.ru/sutyazhnik_new

ки или отмены рейсов¹. DoNotPay представляет собой робота-юриста, который опрашивает клиента в связи с его проблемой и конструирует для него документ для дальнейших действий (например, текст искового заявления)².

В России действует несколько платформ, которые можно рассматривать как инструменты LawTech. Так, это сервис «Правовед», на котором клиент может задавать вопросы и получать ответы квалифицированных юристов. Причем ответов может быть сразу несколько, что, по мнению создателей сервиса, исключает возможность ошибки. Средняя стоимость услуги составляет 600 руб.³ Консультация может быть предоставлена бесплатно (от юриста на платформе требуется, чтобы он 200 раз ответил бесплатно, чтобы начать получать платные вопросы). Цена ответа предлагается пользователем, рекомендуемая сервисом плата за наибольший уровень сложности (если требуется изучение документов и возможны варианты развития ситуации) составляет всего 1300 руб.⁴

Платформа «Сберправо» позволяет пользователям найти юриста, который готов заняться их проблемой или делом в суде. Предлагаются сферы, в которых оказываются услуги (имущество, защита прав потребителей, финансы и банкротство и т.п.), категории предлагаемых услуг (устная или письменная консультация, работа с документами, представительство, сопровождение сделки и т.п.) с определением их цены. По данным сервиса, он доступен 98,2 млн розничных клиентов Сбера, для которых работают 1 500 адвокатов⁵.

Платформа «Мой суд» предлагает обойтись без юристов. Для использования сервиса необходимо ответить на несколько вопросов, благодаря которым определяется суд, в который необходимо подать исковое заявление, размер госпошлины, формируется и подается исковое заявление, движение которого затем можно отслеживать⁶.

Очевидно, что подобные платформы упрощают доступ к юридическим услугам для их потребителей и удешевляют их, а иногда позволяют и вовсе обойтись без услуг юриста.

---

¹ URL: <https://www.airhelp.com/ru/>

² URL: <https://donotpay.com/>

³ URL: <https://pravoved.ru/learnmore/>

⁴ URL: <https://vc.ru/legal/38374-startup-dnya-rossiyskiy-onlayn-servis-dlya-yuridicheskikh-konsultaciy-pravoved>

⁵ URL: <https://sberpravo.ru/partners>

⁶ URL: <https://mysud.ru/#rec333589557>

Говоря о цифровизации юридической профессии, необходимо особо выделить технологии, обеспечивающие правосудие и нотариальную деятельность. Информационная система ГАС «Правосудие» объединяет все суды судебной системы Российской Федерации в едином информационном пространстве и обеспечивает не только доступность и прозрачность правосудия, но и делопроизводство в судах. Используя эту систему, можно подавать иски, заявления и иные документы в суд, участвовать в судебных заседаниях посредством видео-конференц-связи и т.д.¹

Система «электронного нотариата» позволяет осуществлять отдельные действия без обращения в нотариальную контору (например, снятие залога) и заключать сделки с недвижимостью в том случае, когда продавец и покупатель находятся в разных населенных пунктах. При этом они обращаются в нотариальную контору каждый в месте своего нахождения, и сделка заключается в электронном виде и удостоверяется подписями двух нотариусов².

Проведенный обзор цифровых инструментов, используемых в юридической профессии, не претендует на полноту, но может дать представление об их многообразии и основных направлениях развития. Цифровизация представляется неизбежным процессом, который трансформирует содержание и форму юридической деятельности, предъявляя новые требования к навыкам юриста. Представляется, что современный юрист должен не только знать о возможностях цифровых технологий, но и применять их по мере необходимости.

Цифровизация упрощает доступ к информации, автоматизирует рутинные процедуры, обеспечивает доступность юридических услуг, правосудия, нотариальных услуг. В то же время ограничивает возможности лиц, которые не владеют необходимыми устройствами или технологиями, уменьшает гонорары юристов, вытесняет юристов без необходимых цифровых навыков из профессии.

---

¹ См.: Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». Интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru/>

² См.: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2019.

Г.В. Колодуб,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

Д.А. Мальбин,
ассоциированный партнер юридической фирмы «ЮСТ», адвокат,
ведущий эксперт Института проблем административно-правового
регулирования Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», кандидат юридических наук

УСЛОВИЕ ОТКАЗА В ВОЗВРАТЕ ДОЛИ УЧАСТИЯ В КОРПОРАЦИИ КАК ДЕФЕКТ ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», нормативно закрепив общий перечень прав и обязанностей участников корпорации, в статье 65.2 Кодекса предусмотрел такой способ защиты прав участника корпорации, как возврат доли участия в корпорации, в случае утраты указанной доли в результате неправомерных действий третьих лиц. Указанный способ защиты, известный как «восстановление корпоративного контроля», был впервые продемонстрирован Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлениях от 3 июня 2008 г. № 1176/08¹ и от 10 июня 2008 г. № 5539/08² и потому не является новым для современников. Тем не менее Закон № 99-ФЗ наряду с закреплением такого способа защиты установил условия, при которых в возврате доли участия в корпорации должно быть отказано, а также предусмотрел по-

---

¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.02.2022).

² См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 по делу № А40-11837/06-138-91 (дата обращения: 28.02.2022).

следствия невозможности возврата доли. И так, в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ указывается, что суд может отказать в возвращении доли участия (ограничивающее правило), если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли право участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Указанные ограничения являются новыми для российского гражданского права, ранее в отношении иных способов защиты гражданских прав аналогичных ограничений законодательство не содержало, в связи с чем анализ таких ограничений и выработка рекомендаций по правильному применению нормы п. 3 ст. 65.2 ГК РФ будет составлять наш интерес.

Как видно из текста ранее указанной статьи, суд может отказать в возврате доли участия в корпорации в двух случаях: если возврат такой доли приведет к несправедливому лишению иных лиц их права участия и если возврат доли участия повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия.

Восстановление корпоративного контроля как способ защиты права до принятия Закона № 99-ФЗ не предусматривал каких-либо ограничений для возврата доли участия утратившему ее правообладателю, в то время как такой возврат очевидно может быть связан с определенными издержками в виде нарушения прав и законных интересов третьих лиц, вполне закономерно, что наряду с нормативным закреплением названного способа защиты законодатель предусмотрел ограничения на возврат правообладателю доли участия в ряде случаев.

Представляется, законодатель пытался найти определенный баланс между защитой права лица, утратившего долю участия в корпорации, и теми последствиями, которые могут наступить в результате такого возврата. Так, если в первом случае поиск компромисса происходит между интересами лица, утратившим долю участия в корпорации, и иными участниками корпорации, на права и законные интересы которых может оказать влияние возврат доли пострадавшему лицу, то во втором случае законодатель выходит за границы отношений участников корпорации и исключает возврат доли участия вероятностью наступления крайне негативных соци-

альных или иных публичных последствий от возврата доли утратившему ее лицу.

Как следует из п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, наряду с возвратом доли суд может принять решение о присуждении истца к выплате в пользу лиц, от которых доля участия возвращается, компенсации, которая также должна быть справедливой. Фактически законодатель, сделав возврат утраченной доли встречным и возмездным, установил плату за защиту нарушенного субъективного права, что кажется несправедливым по отношению к пострадавшему лицу, которое обязано уплатить денежные средства для возврата права участия, которого лишилось помимо собственной воли в результате правомерных действий третьих лиц. Указанное решение представляется порочным и вызывает нашу озабоченность, особенно в контексте экспертного мнения о том, что подобный выбор законодателя сознательный и может представлять «универсальную тенденцию в общем правовом механизме защиты гражданских прав в России, суть которой сводится к тому, что истец при восстановлении своих нарушенных прав приобретает обязанность компенсировать добросовестному ответчику его потери на основе принципа справедливости». При этом такая компенсация присуждается безальтернативно, т.к. согласно буквальному тексту п. 3 ст. 65.2 ГК РФ возврат доли и выплата компенсации взаимно обусловлены в механизме возврата доли участия в корпорации, что в свою очередь означает, что иск о восстановлении корпоративного контроля носит характер *actio duplex*, поскольку каждая из сторон присуждается в пользу другой.

Устанавливая обязанность выплаты компенсации при возврате доли, законодатель очевидно преследует цель обеспечить баланс интересов спорящих сторон: истец получает утраченную им долю, а ответчик получает справедливую компенсацию за долю участия, которую от него истребуют. Тем не менее в такой конструкции присутствует ложная видимость баланса интересов, поскольку выплата компенсации в счет возвращаемой доли осуществляется пострадавшим лицом, а не правонарушителем. Учитывая, что при возврате доли истец обязан уплатить справедливую компенсацию, то несмотря на возврат ему доли истец тем не менее с экономической точки зрения несет ущерб, поскольку вместо утраты доли утрачивает денежные средства, уплачиваемые в качестве справедливой компенсации. При изложенных обстоятельствах компенсация может являться справедливой только для ответчика, от которого ис-

требуется доля, в то время как для потерпевшего лица возыскание такой компенсации будет выглядеть очевидной несправедливостью.

Отметим, что материально-правовая конструкция иска, предусмотренного п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, в некоторой части схожа с конструкцией виндикационного иска: в обоих случаях истцом выступает правообладатель имущества, ответчиком – лицо, у которого это имущество находится, поводом к иску является утрата правообладателем своего имущества, а целью исков является возврат имущества уполномоченному лицу. При этом в рамках вещного права против иска собственника об истребовании имущества подлежит защите лицо, которое не знало и не могло знать о приобретении вещи у неуправомоченного отчуждателя (добросовестный приобретатель). Такой приобретатель подлежит защите при наличии условий, перечисленных в п. 1 ст. 302 ГК РФ (возмездность приобретения, отсутствие знания о неуправомоченности отчуждателя, выбытие вещи из владения собственника по его воле).

Условием применения иска о возврате доли является утрата права участия в корпорации помимо воли управомоченного лица, что прямо следует из диспозиции п. 3 ст. 65.2 ГК РФ. В таком случае условие об утрате права участия в корпорации по воле правообладателя свидетельствует не о несправедливости лишения третьих лиц их доли участия, а о невозможности применения п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, поскольку необходимое для применения нормы условие (утрата права участия помимо воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц) отсутствует. Определение утраты доли участия в корпорации помимо воли управомоченного лица в качестве условия возврата доли с учетом политико-правовой тенденции защиты добросовестных приобретателей свидетельствует о том, что для признания лишения доли несправедливым достаточно добросовестности приобретателя и возмездности приобретения.

Однако при таком подходе квалификация лишения хотя бы и добросовестного приобретателя его доли участия в качестве несправедливого остается спорной, поскольку посредством возврата доли происходит защита права пострадавшего лица, на которого с политико-правовой точки зрения нельзя отнести риск утраты доли участия в корпорации, ведь такая доля утрачивается им помимо воли. Напротив, отказ лицу, утратившему помимо воли в результате не-

правомерных действий третьих лиц право участия в корпорации, кажется несправедливым.

Определение утраты доли участия помимо воли в качестве условия применения п. 3 ст. 65.2 ГК РФ может указывать на то, что при нормативном закреплении иска о возврате доли участия в корпорации законодатель сознательно отступил от традиционных представлений об условиях защиты добросовестного приобретателя, исключив из необходимого числа условий такое, как выбытие имущества из обладания правообладателя по собственной воле, либо имела место неудачная попытка сформировать в корпоративном праве институт, аналогичный защите добросовестного приобретателя в вещном праве.

Отсутствие возможности учитывать особенности выбытия доли от правообладателя в целях квалификации лишения иных лиц их права участия представляется ошибочным подходом, поскольку особенности выбытия доли могут позволить дифференцировать спорные ситуации и определить лишение иных лиц права участия в качестве справедливого или несправедливого.

С.С. Лосев,

*кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований НЦЗПИ Республики Беларусь*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Проблема влияния цифровых технологий на право интеллектуальной собственности сложна и многогранна. Однако на ее фоне особо выделяется проблема, связанная с развитием систем искусственного интеллекта. Обобщая основные технические свойства этих систем, исследователи чаще всего называют такие характеристики, как автономность, способность создавать непредвиденные результаты, развитие и изменение с учетом новых данных, способность к обучению, способность делать свободный выбор, ориентированный на достижение лучшего результата. Как следствие, результаты деятельности систем искусственного интеллекта по своим характеристикам сопоставимы с результатами интеллектуального труда человека, но при этом они «... «выпадают» из сферы правового регулирования, поскольку отсутствие автора – физического лица, творческим трудом которого созданы эти результаты, как обязательного элемента, необходимого для предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, препятствует предоставлению правовой охраны результатам, создаваемым системой искусственного интеллекта, как результатам интеллектуальной деятельности»¹. Основная проблема, связанная с активным развитием систем искусственного интеллекта, состоит в том, что их применение подрывает основы современного права интеллектуальной собственности, основываясь на таких понятиях, как «автор» и «творческая деятельность». С учетом глобального характера данного вызова решение также

---

¹ *Сесицкий Е.П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 9–10.

необходимо искать на глобальном уровне, при этом решение пока не является очевидным. Как отмечается в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 г.¹, в условиях стремительного развития и масштабного внедрения в разные сферы деятельности технологий искусственного интеллекта одной из актуальных задач является определение правовой природы созданных им объектов интеллектуальной собственности, а также определение субъектов таких прав. Однако уже сейчас можно говорить о том, что включение таких результатов в систему охраняемых объектов интеллектуальной собственности не должно противопоставляться традиционным результатам интеллектуального творчества и в случае конфликта права собственников систем искусственного интеллекта, за которыми возможно признание определенных имущественных прав на результаты их деятельности, должно иметь зависимый характер по отношению к исключительным правам на результаты интеллектуальной деятельности человека.

Цифровые технологии – это не только вызов, но и инструмент, который может быть использован для повышения эффективности применения правовых норм. Речь идет, в первую очередь, о праве промышленной собственности и максимальной цифровизации процедур, связанных с правовой охраной объектов патентного права, товарных знаков и географических указаний. Уже упоминавшаяся Стратегия Беларуси в сфере интеллектуальной собственности предусматривает масштабную цифровизацию деятельности национального патентного ведомства, которая должна ускорить процедуры предоставления правовой охраны объектам интеллектуальной собственности, а также повысить качество оказываемых услуг, в том числе в образовательной деятельности; планируется внедрить полноценный электронный документооборот и передовые информационно-коммуникационные технологии при проведении экспертизы заявок на выдачу охранных документов на объекты права промышленной собственности, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта, продолжить интеграцию национальных и международных баз данных, создать и внедрить цифровые платформы, содействующие распоряжению и защите прав на объекты интеллектуальной собственности.

---

¹ Утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672.

Развитие цифровых технологий и, в первую очередь, глобальной компьютерной сети Интернет оказывает самое существенное влияние на институт авторского права и смежных прав. Простота копирования и передачи информации, анонимность участия в информационном обмене в сети Интернет поставили чрезвычайно сложные вопросы перед юридической наукой, законотворческой и судебной практикой, ответы на которые не найдены до настоящего времени. В результате правовое регулирование отношений, связанных с использованием произведений в сети Интернет, существенным образом отстает от уровня развития цифровых и компьютерно-сетевых технологий на современном этапе.

Проблема влияния информационных технологий и сети Интернет на институт авторского права и смежных прав является комплексной и имеет ряд аспектов, таких как: необходимость адаптации содержания исключительного авторского (смежного) права к условиям использования произведений и объектов смежных прав в цифровой среде, в том числе в сети Интернет; необходимость пересмотра системы ограничений исключительного авторского (смежного) права для достижения справедливого баланса интересов правообладателей и общества при использовании произведений и объектов смежных прав в сети Интернет; необходимость адаптации системы договоров, применяемых для распоряжения исключительным авторским или смежным правом, к особенностям использования объектов в сети Интернет, в том числе упрощение механизмов заключения договоров с использованием информационных технологий; необходимость определения правового режима произведений, авторы и (или) правообладатели которых не известны или не могут быть найдены (так называемых «сиротских» произведений), в огромном количестве представленных в сети Интернет; необходимость создания специального механизма защиты авторских и смежных прав в сети Интернет. Обозначим пути решения поставленных задач.

Появление сети Интернет стало толчком для пересмотра норм законодательства об авторском праве и смежных правах в глобальном масштабе. Основное значение принятых в 1996 г. Договора ВОИС по авторскому праву и Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам состоит в признании за авторами литературных и художественных произведений, исполнений и фонограмм исключительного права разрешать любое сообщение этих объектов для все-

общего сведения (right of communication to the public) по проводам или средствами беспроводной связи, включая доведение своих произведений до всеобщего сведения таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к таким произведениям из любого места и в любое время по их собственному выбору; в рамках данного права выделен принципиально новый способ использования – доведение до всеобщего сведения (making available to the public), который получил статус «Интернет-правомочия» в составе исключительного авторского и смежного права.

Указанные договоры стали основой для реформирования института авторского права и смежных прав во многих странах мира, в том числе воспринят и государствами на постсоветском пространстве. Однако активное развитие сети Интернет свидетельствует о том, что право на сообщение для всеобщего сведения и включенное в его состав правомочие на доведение до всеобщего сведения не охватывают все технологические возможности эксплуатации произведения или объекта смежных прав в сети Интернет¹. Следует говорить о необходимости введения нового понятия – «право на распространение по информационным сетям», позволяющего охватить все возможные случаи эксплуатации объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет, в том числе с использованием технологии торрентов, особенностью которых является то, что произведение «в собранном виде» создается на компьютере конечного пользователя из отдельных файлов, представленных на многочисленных серверах в сети, каждый из которых не может рассматриваться как произведение, а доступность такого файла в сети – как доведение до всеобщего сведения.

Второй из названных нами задач является пересмотр системы ограничений исключительного авторского (смежного) права для достижения справедливого баланса интересов правообладателей и общества при использовании произведений и объектов смежных прав в сети Интернет. Как было отмечено в заявлении Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, «... в конечном счете интеллектуальная собственность представляет собой социальный продукт и имеет социальную функцию. Защита интеллектуальной собственности должна служить цели обеспечения бла-

---

¹ См.: *Глонина В.Н.* Доведение до всеобщего сведения объектов авторского права и смежных прав // *ИС. Авторское право и смежные права.* 2018. № 4. С. 40–41.

госостояния человека, а свое правовое выражение данная цель находит в международных инструментах по защите прав человека»¹. Можно сказать, что на современном этапе развития информационного общества существует настоятельная необходимость в совершенствовании норм авторского права и гражданско-правовых механизмов обеспечения баланса частных и публичных интересов применительно к отношениям, складывающимся в связи с использованием произведений в сети Интернет².

Универсальным критерием для решения вопроса о допустимости определенных ограничений исключительного права является так называемый «трехступенчатый тест». Как отмечает в своем исследовании профессор С. Рикетсон, будучи первоначально тестом ограниченного применения согласно Бернской конвенции, трехступенчатый тест был принят в качестве универсального шаблона для ограничений и исключений в соответствии с Соглашением ТРИПС и Договором ВОИС по авторскому праву³. При этом особое значение применение «трехступенчатого теста» приобретает в связи с решением вопроса допускаемых ограничений исключительных авторского и смежных прав при использовании произведений, исполнений, фонограмм в цифровой среде, поскольку действующие в настоящее время международные договоры не содержат норм, специально посвященных таким ограничениям.

В проблематике ограничения исключительного авторского (смежного) права применительно к использованию произведений (объектов смежных прав) в сети Интернет на первое место следует поставить вопрос о деятельности библиотек в новых реалиях «цифрового общества». По данному вопросу можно привести позицию Международной федерации библиотечных ассоциаций (IFLA):

---

¹ Human rights and intellectual property. Statement of Committee on Economic, Social and Cultural Rights. United Nations. Document № C.12/2001/15 // United Nations. The Office of the High Commissioner for Human Rights. URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/statements/E.C.12.2001.15HRIntel-property.pdf> Date of access : 15.03.2022.

² См.: Савина В.С. Актуальные тенденции развития авторского права в цифровую эпоху // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С. 56–65.

³ WIPO Study on Limitations and Exceptions of Copyright and Related Rights in the Digital Environment / prepared by Mr. Sam Ricketson (Prof. of Law, University of Melbourne). URL: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=16805. Date of access: 15.03.2022.

в национальном законодательстве исключения из авторских прав, разрешенные Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений и поддержанные соглашениями ВОИС, должны быть в случае необходимости пересмотрены, чтобы обеспечить разрешенный доступ в равной мере к информации в печатной и электронной формах ... а в отношении работ в цифровом формате все пользователи библиотеки должны иметь возможность без оплаты или разрешения правообладателя просматривать общедоступные материалы, защищенные авторским правом¹.

Информационные технологии все шире применяются как инструмент совершения гражданско-правовых сделок, а электронная форма выражения условий сделки все чаще заменяет традиционную письменную форму. Как справедливо отмечает в своей монографии Е.В. Войниканис, «... бумажный договор, подписанный контрагентами, с обсужденными и согласованными условиями, все более отдаляется от реальности экономической жизни. На практике мы наблюдаем следующие тенденции: во-первых, повсеместное распространение договоров присоединения; во-вторых, увеличение договоров, которые заключаются через сеть Интернет»². Решением проблемы может стать внедрение в национальное законодательство института открытых лицензий. Применительно к законодательству Беларуси можно говорить о том, что появление в нем норм, посвященных открытой лицензии, является существенным шагом в приведении законодательства в соответствие с требованиями складывающихся экономических отношений.

С активным развитием информационных технологий и сети Интернет обострилась проблема определения правового статуса так называемых «сиротских» произведений. Данный термин использован в Директиве ЕС № 2012/28/ЕС³, где он обозначает защищаемое законодательством об авторском праве произведение,

---

¹ Copyright and Access to Knowledge // IFLA. International Federation of Library Associations and Institutions. URL: <https://www.ifla.org/units/copyright-a2k/> Date of access: 15.03.2022.

² Войниканис Е.И. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. // СПС «КонсультантПлюс. Россия». Минск, 2022.

³ См.: Директива № 2012/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об определенном разрешенном использовании произведений, не определяемых по субъекту авторского права» // СПС «КонсультантПлюс. Россия». Минск, 2022.

обладатель прав на которое не может быть идентифицирован, либо, будучи идентифицированным, не может быть найден. Основная идея Директивы состоит в том, что учреждения культуры (библиотеки, архивы, музеи, учебные заведения и организации общественного вещания) имеют право использовать «сиротские» произведения (печатные, кинематографические и аудиовизуальные) с целью их оцифровки, каталогизации и хранения после проведенного добросовестного поиска. Отчет о проведенном поиске должен быть сохранен как доказательство правомерности использования. При этом речь идет о возможности безвозмездного использования.

Безусловно, ключевой проблемой для института авторского права и смежных прав в условиях цифровизации общественных отношений является вопрос защиты прав в сети Интернет. Суть данной проблемы состоит в том, что использование произведений (объектов смежных прав) в сети Интернет, в том числе использование, нарушающее исключительное право правообладателя, в силу технологических особенностей Интернета, представляющего собой сеть коммуникации, хранения и передачи информации, невозможно без участия лица, обеспечивающего техническую возможность такого использования – оператора связи, провайдера хостинга или доступа и др., в отношении которых все чаще применяется родовое понятие «информационный посредник».

В постсоветской цивилистике достаточно давно дискутируется вопрос о необходимости распределения ответственности между оператором связи и пользователем сети Интернет при совершении противоправных действий, в частности, при нарушении прав интеллектуальной собственности¹. При этом общим для позиций многих ученых было признание необходимости ввести законодательное определение понятия информационного посредника как лица, способствующего доведению до всеобщего сведения, в частности, посредством осуществления передачи или предоставления возможности размещения результатов интеллектуальной деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях².

---

¹ См.: *Иванов А.В.* Интеллектуальная собственность в Интернете: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6–7.

² См.: *Вилинов А.А.* Проблемы охраны авторского права и смежных прав при использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9.

Сформированное в Российской Федерации законодательство, которое позволяет осуществлять государственному надзорному органу блокировку интернет-сайтов, посредством которых осуществляется распространение контрафактных произведений, может стать моделью для других государств-членов ЕАЭС, включая Республику Беларусь. При этом анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что наиболее эффективным является сочетание судебного и административного порядка пресечения нарушений авторского права и смежных прав в сети Интернет.

Е.А. Мичурина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ФОРМ КРЕДИТОВАНИЯ

В условиях современного общества неоспорима важная роль кредитных отношений. Кредит является формой предоставления заемных средств на условиях возвратности, срочности и платности. Кредитование – востребованный финансовый инструмент как для физических, так и для юридических лиц.

Несмотря на определенную обеспеченность правом, ряд вопросов в реализации кредитных отношений до сих пор остается дискуссионным и не получившим должной правовой регламентации. В частности, прикладное значение имеет правильная квалификация кредитного договора и верное определение его формы и видовой принадлежности. Представляется, что форма кредита характеризует внешнее проявление и организацию кредитных отношений, их структуру с учетом особенностей кредитора и заемщика. Основой деления кредитов на формы предлагаем считать предмет договора.

В зависимости от предмета договора кредит подразделяется на денежный и товарный. Поскольку деньги являются вещами, которые определяются родовыми признаками, их случайная гибель не освобождает должника от исполнения обязательства в силу правила «genus non perit»: род не гибнет. Однако оборот денег подчиняется специальным правилам, оговоренным ГК РФ. Участие денег в опосредовании кредитных отношений не лишает их специфических черт и не превращает кредит в экономическую категорию «деньги».

В современных условиях преобладает именно денежная форма кредита. Из смысла ст. 819 ГК РФ следует, что именно эта статья содержит трактовку денежного кредита. Однако в научной литературе термин *денежный кредит* практически не встречается. Можно предположить, что причина этого – отсутствие законодательного определения. Гражданский кодекс РФ четко оговаривает, что явля-

ется товарным кредитом, но при этом понятие «денежный кредит» прямо не закрепляет.

На наш взгляд, в нормах, закрепленных ст. 819 и ст. 822 ГК РФ, усматриваются признаки юридической коллизии. Статья 819 ГК выступает общей нормой, закрепляющей кредитный договор как одну из разновидностей гражданско-правового договора. Статья 822 ГК содержит норму о конкретной форме кредитования – товарном кредите. Однако толкование ст. 819 не позволяет расценивать ее содержание как общую норму в полном объеме, поскольку само содержание указывает на регулирование другой формы кредитования – денежной. Полагаем, решением данной проблемы может стать исключение из текста ст. 819 ГК РФ понятий «денежные средства» и «денежная сумма» и включение их в отдельную статью ГК, что позволит считать норму ст. 819 общей по отношению к специальным, регулирующим отдельные формы и виды кредитования. Это позволит обеспечить четкое правовое регулирование всех форм кредитования, а также исключить неоднозначное толкование аналогии закона.

Другой формой кредитования, нашедшей свое отражение в российском законодательстве, является товарный кредит. Договор товарного кредита предусматривает обязанность одной из сторон предоставить другой стороне вещи, определенные родовыми признаками. Основываясь на широком понимании кредита, можно сделать вывод о том, что предметом товарного кредита могут выступать любые вещи, определенные родовыми признаками, отличные от денежных средств. В экономической науке и практике рыночных отношений под товарным кредитом понимаются отношения между нефинансовыми коммерческими организациями по предоставлению товара с отсрочкой платежа на срок больший, чем необходимо для прохождения платежных документов через банк на условиях срочности, возвратности и платности¹. Исходя из сказанного, можно заключить, что договор товарного кредитования имеет ряд существенных отличий от денежного кредитования. Во-первых, товарный кредит предусматривает выдачу заемщику именно вещей. Во-вторых, сфера действия договора товарного кредита не ограничена областью деятельности профессиональных кредиторов: сторонами договора могут быть любые юридические или физические лица.

---

¹ См.: *Лапин Е.* Расследование мошенничества, совершенного с использованием товарных кредитов // *Законность.* 2000. № 11. С. 12.

Однако, как правило, участниками отношений по предоставлению товарного кредита выступают предприниматели, связанные с производством, нуждающимся в непрерывном потреблении определенных видов сырья и материалов.

По мнению В.В. Витрянского, видообразующим признаком договора товарного кредита, который позволяет выделить его в отдельный вид договора кредита, является консенсуальный характер договора. Применение к договору товарного кредита общих норм о кредите объясняется консенсуальным характером этого договора. Представляется, что прежде всего это положения о праве кредитора отказаться от предоставления заемщику предусмотренного договором количества вещей, определяемых родовыми признаками, при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что указанные вещи не будут возвращены заемщиком в установленный срок, а также положение о праве заемщика отказаться от получения согласованного сторонами количества вещей, предупредив кредитора об этом до предусмотренного договором срока предоставления кредита¹. Однако законодатель закрепляет в нормах ГК РФ, что к отношениям по кредитному договору подлежат применению в субсидиарном порядке нормы о договоре займа (п. 2 ст. 819 ГК РФ). На наш взгляд, такая позиция не является верной, и договор товарного кредита, как и кредитный договор, надлежит квалифицировать как отдельный вид гражданско-правового договора. По своему характеру, особенностям квалификации, исполнения и обеспечения договор товарного кредита, за исключением предмета, совпадает с денежным кредитом. Поэтому и правовое регулирование товарного кредита должно осуществляться в большей степени с учетом особенностей кредитных договоров, а не договора займа. Это также возможно только с введением общей нормы и включения механизма правового регулирования форм и видов кредитования в ГК РФ.

На практике также договоры займа и товарного кредита в силу малой распространенности и особого предмета последнего часто не различают. Тем не менее указанные договоры могут быть дифференцированы не только по разной юридической природе, но и по ряду других признаков. Моментом заключения договора товарного кредита является момент его подписания, а факт передачи товаров не влияет на заключение договора; передача товаров

---

¹ См.: *Витрянский В.В.* Кредитный договор: понятие, порядок заключения и исполнения. М., 2005. С. 10.

имеет важное значение только для стадии исполнения договора. Договор товарного кредита бывает двусторонним и возмездным, безвозмездным договор товарного кредита может быть только при прямом указании на это в тексте договора. Договор товарного кредита по своей юридической природе ближе к кредитному договору и включает в себя обязательство кредитора во исполнение договора передать заемщику товары, а на заемщика возлагается обязанность принять товар и возратить вещи, определенные родовыми признаками и являвшиеся предметом договора, также в установленные договором сроки¹.

Поскольку договор товарного кредита есть разновидность кредитного договора, то к нему применяются правила, регулирующие кредитный договор, если иное не предусмотрено договором товарного кредита и не вытекает из существа обязательства, в частности, заключение договора в письменной форме, порядок отказа от предоставления или получения кредита. Заемщик вправе требовать передачи вещей в силу консенсуальности договора, а кредитор – исполнения принятого на себя обязательства, вытекающего из договора товарного кредита, а также обеспечения исполнения такого обязательства. При этом если к договору применяются нормы, установленные § 2 гл. 42 ГК, то к условия о количестве, ассортименте, таре и упаковке предоставляемых вещей регулируются правилами о договоре купли-продажи товаров².

Существенным условием договора товарного кредита является прежде всего его предмет – вещи, которые передаются в собственность заемщику и должны быть возвращены по истечении установленного срока. Помимо этого в текст договора должно быть включено указание наименования и количества товара, передаваемого в кредит. Если ассортимент и количество товаров устанавливаются иными документами (спецификациями или дополнениями к договору), то в самом договоре необходимо указать, что такие документы являются неотъемлемыми частями самого договора³.

---

¹ См.: *Семенихин В.В.* Торговля: энциклопедия. М.: Гросс-Медиа; РОСБУХ, 2010. С. 558.

² См.: *Гражданское право / отв. ред. В.П. Мозолин.* М.: Юрист, 2004. С. 451.

³ См.: *Заем и кредит, залог и поручительство: правовые основы, бухгалтерский учет и налогообложение: практическое руководство / под общ. ред. Ю.Л. Фадеева.* М.: Эксмо, 2007. С. 29.

Вопрос о форме договора товарного кредита в ГК РФ не урегулирован. Думается, что с учетом консенсуального характера договор, он должен заключаться строго в простой письменной форме. Содержание норм, к которым отсылает ст. 822 ГК РФ, дает основания полагать, что законодателем договор товарного кредита предполагался предпринимательским договором, и на практике он применяется в этой сфере. Е.А. Павлодский указывает, что товарный кредит может быть предоставлен любым лицом. Практически договор товарного кредита, как правило, заключают коммерческие организации¹. С.А. Хохлов отмечает, что сфера товарного кредита формально не ограничена установлением исчерпывающего перечня его участников². На практике, однако, участниками отношений товарного кредита обычно выступают предприниматели, связанные с производством, нуждающимся в непрерывном потреблении определенных видов сырья и материалов.

Организации, заключая договоры товарного кредита, осуществляют операции, которые аналогично другим операциям с заемными средствами можно условно разделить на три этапа: получение заемных средств; начисление и получение процентов за пользование заемными средствами; возврат заемных средств. Для хозяйствующих субъектов в силу иной специализации основной деятельности наиболее сложным является этап, регулирующий возникновение процентов по долговым обязательствам. Для разрешения возникающих споров по вопросам товарного кредита обращаются не только к гражданскому, но и к налоговому законодательству. Так, ст. 269 Налогового кодекса РФ устанавливает, что при заключении договора товарного кредита у хозяйствующих субъектов возникают так называемые долговые обязательства, учитываемые для исчисления налога на прибыль. При исчислении такого налога стоимость товаров, переданных по договору товарного кредита, не учитывается³.

---

¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный). 4-е изд., испр. и доп. с использованием судебно-арбитражной практики / рук. авт. коллектива и отв. ред. О.Н. Садилов. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2004. С. 452.

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. МЦФЭР, 1996. С. 221.

³ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 мая 2022 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

Кредитор должен включать проценты в состав налогооблагаемых доходов. Заемщик же вправе уменьшить на сумму процентов налогооблагаемую прибыль, при этом не превышая средний уровень процентов по аналогичным товарным кредитам. Если учитывать, что вместе с передаваемым товаром передается и право собственности на него, то товар признается реализацией и облагается налогом на добавленную стоимость¹. Однако обязанность заемщика состоит в возврате товара в определенный срок или по требованию кредитора, и в силу возвратности передачи товаров такая передача не может являться реализацией, и в дальнейшем товары используются в деятельности, не облагаемой налогом. Поскольку проценты начисляются на стоимость передаваемого товара, то в договоре товарного кредита целесообразно указать цену товара на момент его передачи. В ином случае сумму процентов, подлежащих уплате кредитору, будет невозможно определить.

Если срок возврата кредита не оговаривается, то сумма кредита возвращается кредитору в течение 30 дней со дня предъявления к заемщику требования о возврате, из чего можно сделать вывод, что срок возврата товарного кредита не является существенным условием договора.

Необходимо отметить, что проценты для товарного кредита могут быть как ценой кредита, так и выполнять функцию штрафных санкций. Если заемщик допускает просрочку оплаты переданного товара, то по истечении срока оплаты с него взыскиваются проценты за пользование товарным кредитом и штрафные санкции за просрочку платежа, что делает цену кредита схожей с одним из способов обеспечения исполнения обязательств – неустойкой. Проценты могут быть взысканы по требованию продавца до дня, когда оплата должна быть совершена².

Таким образом, несмотря на широкую трактовку кредита, предложенную в действующем гражданском законодательстве, практическое значение имеет дифференцирование кредитования на фор-

---

¹ См.: Заем и кредит, залог и поручительство: правовые основы, бухгалтерский учет и налогообложение: практическое руководство / под общ. ред. Ю.Л. Фадеева. М.: Эксмо, 2007. С. 20.

² См. пункт 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 11.

мы и виды. Формами современного кредитования выступают денежный, товарный и коммерческий кредиты. Наиболее распространено денежное кредитование, объединяющее многообразие видов кредитных продуктов.

Подразделение на виды кредитования определяет содержание самого кредитного обязательства, что, в свою очередь, влияет на существо его исполнения и механизм реализации такого исполнения.

Е. В. МУРАВЬЕВА,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Южного федерального университета*

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ УМЕРШИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Социальными сетями пользуются больше миллиарда человек, проводя в них значительную часть своей жизни. Но на сегодняшний день в России нет ни одного нормативного правового акта, который регламентировал бы то, что происходит с существованием человека в Сети после его смерти. А в ряде случаев такие социальные сети являются хранилищами интеллектуальной собственности, а также информации, представляющей важность для членов семьи и друзей. Соответственно, при отсутствии правового регулирования социальные сетевые сайты сами определяют, что делать с аккаунтом умершего пользователя и размещенными им материалами, и устанавливают собственную политику в отношении страниц (аккаунтов) умерших, не обеспечивая адекватной защиты их интересов. Между тем правовое регулирование должно определить контуры (границы) нашей цифровой «загробной» жизни. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, что же происходит с существованием человека в Сети после его смерти. Поскольку социальный сетевой сайт может содержать материалы, важные для членов семьи и друзей покойного: его фотографии, дневники, письма, цифровые архивы, которые могут иметь значение для, например, реконструкции прошлого.

Компания Google предоставляет единственную возможность распорядиться судьбой аккаунта при жизни – выбрать доверенное лицо в настройках аккаунта, которое сможет получить доступ к данному аккаунту после того, как владелец в течение определенного срока не будет им пользоваться. Владелец вправе сделать также распоряжение об удалении аккаунта после его смерти. При отсутствии данных распоряжений сервис может удалить аккаунт или передавать данные из него, но после тщательной проверки и с учетом принципа защиты информации пользователей сервиса. При этом

Google отрицает возможность передачи указанным лицам паролей и других учетных данных¹.

Проблема конфиденциальности умерших в цифровом мире вызывает серьезную общественную и научную юридическую озабоченность, особенно из-за роста создания, обмена и приобретения цифровых активов, которые часто имеют личный и интимный характер. Посмертная конфиденциальность заслуживает посмертной защиты.

В отечественной и зарубежной литературе активно обсуждается вопрос обеспечения возможности перехода прав на цифровые активы (профили на таких платформах, как Twitter, Google+; электронная почта, твиты, базы данных и т.д.; внутриигровые виртуальные активы; пароли к различным учетным записям, связанным с предоставлением товаров и услуг, например, на eBay, Amazon; доменные имена; двух- или трехмерные изображения или значки, связанные с личностью (например, значки пользователей в LiveJournal или аватарки в Second Life), и множество иных), которые могут представлять ценность для наследников и одновременно нуждаются в защите неприкосновенности частной жизни после смерти лица – владельца аккаунта (страницы и т.д.).

Профессор НИУ ВШЭ Т.С. Яценко, рассматривая проблему наследования цифровых активов, отмечает, что цифровыми признаются самые разнообразные активы, в том числе криптовалюта, токены, бонусные программы, аккаунты в социальных сетях, почтовые аккаунты, цифровые видео, фотографии и книги, доменные имена и др. Вместе с этим автор справедливо указывает на то, что в нашей стране превалирует очень узкое понимание цифрового актива, не отвечающее уровню развития технологий и потребностям гражданского оборота. В законодательстве установлен правовой режим исключительно для цифровых прав и цифровой валюты, оборот которых осуществляется преимущественно с использованием технологии распределенного реестра. В связи с этим за пределами правового регулирования остаются иные цифровые объекты, вопрос о наследовании которых неизбежно возникнет в самом ближайшем будущем².

---

¹ См., например: Условия использования Google. URL: <https://policies.google.com/terms?hl=ru>; <https://support.google.com/accounts/answer/3036546?hl=ru> (дата обращения: 10.03.2022).

² См.: Яценко Т.С. Проблемы исполнения завещания в отношении цифровых активов наследодателя // Наследственное право. 2021. № 1. С. 31–34.

Однако если признать право на аккаунт имуществом (причем на имущественную ценность аккаунта в социальной сети неоднократно указывается и в теоретической доктрине¹), то в случае его наследования вполне может быть применена ст. 1112 ГК РФ, допускающая возможность наследования имущественных прав. В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», в состав наследства, принадлежавшего наследодателю на день открытия наследства, входят и имущественные права. Вместе с тем в проекте федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (13 марта 2019 г. одобрен Советом Федерации ФС РФ, 18 марта 2019 г. подписан Президентом РФ) в ст. 1 предлагается внести изменения в ст. 128 и под объектами гражданских прав понимать «вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)».

Правовое положение аккаунта также регулируется пользовательским соглашением (далее – ПС) с платформой, на которой он расположен. Однако, как отмечает Т.С. Яценко, составление пользователем аккаунта распоряжения относительно юридической судьбы цифровых активов на случай смерти есть не что иное, как электронное завещание, которое запрещено отечественным законодательством, исходя из содержания п. 1 ст. 1124 ГК РФ. Одним из основных аспектов действительности завещания является составление документа по установленной форме (п. 1 ст. 1124 ГК РФ предусмотрена письменная форма). Однако правовым системам мира известны различные формы завещаний, что подтверждает законодательные установления требований к форме завещания, имеющей своей целью максимально отразить реальную волю завещателя, не допуская разглашения тайны завещания. В связи с чем в науке гражданского права активно обсуждается вопрос о введении новых форм завещания. Да и на практике введение электронно-

---

¹ См., например: *Панарина М.М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // *Наследственное право.* 2018. № 3. С. 27–28; *Гапанович А.В.* К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // *Наследственное право.* 2020. № 2. С. 40–43.

го документооборота не обошло стороной нотариальную деятельность, что позволило нотариусам признать возможность введения электронной формы завещания.

Еще одна сложность наследования может быть вызвана тем, что некоторые данные аккаунта содержат личную информацию пользователя (например, переписка). И получается, что предоставление доступа к таким данным может нарушать ст. 23 Конституции РФ и законодательство о персональных данных¹. В теории эту проблему можно решить предоставлением частичного доступа к аккаунту, т.е. без возможности просмотра сообщений и другой личной информации.

В зарождающемся юридическом дискурсе (особенно в зарубежной литературе) споры о цифровых активах после смерти могут быть разделены по отношению либо к их чистой экономической ценности, либо к неэкономической. Доменные имена, например, явно экономически выгодны. Активы могут иметь решающее значение для брендинга и, следовательно, прибыльности бизнеса. Виртуальные активы в игровых мирах часто представляют собой плод тысячи часов труда (если игру можно назвать трудом). Фотографии, блоги и текст (например, спонтанные стихи), которыми поделились в профиле знаменитости в социальной сети или те, кто умер, а позже стали известными, скорее всего, также будут иметь экономическую ценность.

И здесь, конечно же, возникает вопрос о том, насколько интересы частной жизни умершего могут сосуществовать с желанием членов его семьи узнать информацию о его жизни. Но для нас, для нашего законодательства это реалии будущего.

---

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»// СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

М.В. Новиков,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЦИФРОВЫМИ ПРАВАМИ

В статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) суть феномена злоупотребления правом раскрывается через недобросовестное поведение, проявляющееся в двух формах: шикана (осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу) и обход закона¹. Данные формы злоупотребления правом являются общими актами недобросовестного поведения, которые в полной мере аккумулируют типичные случаи актов подобного поведения.

Вместе с тем названные формы злоупотребления правом не являются исключением из общих правил. В пункте 1 ст. 10 ГК РФ предусмотрена оговорка через словесный оборот «иное недобросовестное осуществление гражданских прав», указывающая на неисчерпывающий перечень всевозможных форм злоупотребления правом.

Так, цивилисты обращаются к исследованию феномена злоупотребления правом с различных ракурсов, осмысливая его правовую природу в различных правоотношениях по родовой и видовой принадлежности: в обязательственных – через злоупотребление обязательственным правом², вещных – через злоупотребление вещным правом³, корпоративных – через злоупотребление корпоративным правом⁴, конкурентных – через недобросовестную конкуренцию

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2021 г. № 459-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 52, ч. 1, ст. 8989.

² См.: *Алексеев В.М.* Злоупотребление в сфере обязательственного права // *Меридиан*. 2019. № 8 (26). С. 18–20.

³ См.: *Ветер Н.Ю.* Злоупотребление правом при осуществлении вещных прав // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2015. № 106. С. 468–483.

⁴ См.: *Давтян М.А., Золотарева А.Т.* Злоупотребление корпоративными правами: теория и практика защиты прав кредитора // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 12-2 (40). С. 86–89.

и злоупотребление доминирующим положением на рынке¹, правоотношения в сфере интеллектуальной собственности – через злоупотребление интеллектуальным правом² и т.д.

Представленные исследования категории злоупотребления правом формируют гносеологическую основу механизма злоупотребления правом, главным образом поясняющего технологию злоупотребления правом и то, с помощью каких способов и средств нарушаются пределы осуществления прав, последствия чего очевидны для каждого разумного участника гражданского оборота.

Думается, особенности функционирования механизма злоупотребления правом в определенном контексте зависят от того, какие правила реализации прав установлены для участников гражданского оборота в конкретных родовых и видовых правоотношениях. Поэтому правопонимание категории злоупотребления правом в таких правоотношениях представляет значительный вклад в правовую науку по данной проблематике.

Несмотря на наукоемкий пласт в этом направлении исследования, в правовой литературе не освещалась проблема злоупотребления правом в цифровых правоотношениях через злоупотребление цифровым правом.

Необходимо отметить, что злоупотребление правом является антиподом осуществления права, поскольку в п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом именуется иным недобросовестным осуществлением прав. Следовательно, злоупотреблению правом присущи те же формы правореализации, что и осуществлению права.

Технология злоупотребления в цифровых правоотношениях зависит от правовой природы цифрового права и объективных обстоятельств, складывающихся в цифровой среде. Так, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ). При этом цифровые права – это имущественные

---

¹ См.: *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России. М., 2010. С. 91; *Алексеев В.М.* Злоупотребление доминирующим положением на рынке как особая форма злоупотребления правом. С. 21–23.

² См.: *Розенцвайг А.И., Николаев В.Ю.* Злоупотребление правом в сфере интеллектуальной собственности // *Юридическая наука и практика.* Самара, 2019. Т. 7. Ч. 1. С. 217–219.

права (ст. 128 ГК РФ). Анализ данных правовых положений позволяет сделать следующие выводы о специфике цифрового права.

Цифровые права являются бестелесной формой выражения имущественных субъективных прав, при реализации которых получается бестелесный результат.

Пределы осуществления цифровых прав ограничиваются правилами информационной системы. В свою очередь, правила информационной системы представляют собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (п. 3 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.)¹). Сами правила информационной системы устанавливаются разработчиком, а их функционирование обеспечивается оператором (системным администратором).

В связи с этим получается, что субъектный состав участников цифровых правоотношений образует сложный субъектный состав, возникающий из непосредственных связей между лицами по поводу имущественных благ и опосредованных связей этих лиц с третьим лицом (цифровым посредником), установившим и обслуживающим правила информационной системы.

В законе не установлен конкретный перечень объектов цифровых прав. Однако к таковым относят цифровое имущество (игровое имущество, виртуальные комнаты, оцифрованные товары), цифровые активы (криптовалюту, токен, виртуальные онлайн-карты), смарт-контракты (самоисполняемые контракты – цифровая форма сделок, исполнение обязательств которой осуществляется автоматически при помощи информационных технологий блокчейн), цифровые услуги (технология «умный дом», оплата обязательных платежей)².

Таким образом, признаками цифрового права выступают имущественный эквивалент, виртуальность (бестелесность), реализация цифровых прав в соответствии с правилами информационной системы, трехсторонний характер цифровых правоотношений (участники цифрового имущественного оборота и цифровой по-

---

¹ См.: Парламентская газета. 2006. № 126–127; Российская газета. 2021. № 1.

² См.: Решетняк С.Р. Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1 (24). С. 96–105.

средник). Учитывая трехсторонний характер цифровых правоотношений, представляется, что злоупотребление цифровым правом может инициироваться со стороны как участников имущественного оборота, так и цифрового посредника.

Примером недобросовестных поведенческих практик со стороны цифрового посредника на рынке цифровых услуг служит злоупотребление им доминирующим положением на цифровых платформах. Так, оптовые компании-поставщики Tech Data и Ingram Micro наняли компанию Apple для разработки программного обеспечения, которое облегчит координацию действий картелей, связанных с автошколами. Указанное программное обеспечение внедряло механизмы дискриминационного распределения продуктов и клиентов, разработанных и контролируемых Apple, путем фиксации цен продаж для «премиальных» продавцов компании Apple (APR) таким образом, чтобы они применяли те же цены, которые назначает сама Apple в своих магазинах Apple Store и на своем официальном веб-сайте. Данная антиконкурентная практика привела к выравниванию отпускных цен продуктов Apple для конечных потребителей почти на половине всего розничного рынка продукции Apple, устраняя конкуренцию между различными каналами распространения продуктов бренда Apple. В результате конкурентное ведомство Франции (Autorité de la concurrence) наложило на компанию Apple штрафные санкции в общем размере 1,1 млрд евро за участие в антиконкурентных соглашениях в рамках своей дистрибьюторской сети и злоупотребление ситуацией экономической зависимости в отношении своих «премиальных» независимых дистрибьюторов¹.

В другом деле, рассмотренном Европейской комиссией (дело № 39740 от 27 июня 2017 г.), действия компании Google были признаны злоупотреблением доминирующим положением на рынке общего поиска в сети Интернет посредством предоставления своему сервису сравнения покупок преимущества, что ограничило конкуренцию на рынке сравнительных покупок, который является смежным с рынком интернет-поиска.

Злоупотребление доминирующим положением компанией Google на рынке общего поиска в сети Интернет одновременно осу-

---

¹ См.: Fines handed down to Apple, Tech Data and Ingram Micro. URL: <https://www.autoritedelaconcurrence.fr/en/press-release/fines-handed-down-apple-tech-data-and-ingram-micro>

ществлялось путем систематического предоставления приоритетного места своей собственной службе сравнения покупок (когда потребитель вводит запрос в поисковую систему Google, в отношении которой служба сравнения покупок Google хочет показать результаты, они отображаются в верхней части результатов поиска или рядом с ними) и понижения рейтинга конкурирующих сервисов сравнения покупок в результатах поиска (конкурирующие сервисы сравнения покупок появляются в результатах поиска Google на основе общих поисковых алгоритмов Google). Таким образом, компания Google, уделяя первоочередное место только своей собственной службе сравнения покупок и понижая уровень конкурентов, получила значительное преимущество по сравнению с конкурентами¹.

В качестве примера злоупотребления цифровым правом со стороны участников цифрового имущественного оборота можно привести следующее судебное дело.

Между финансовым управляющим и должником возникли разногласия относительно включения содержимого криптокошелька, находящегося в телекоммуникационной сети Интернет по адресу www.blockchain.info, с идентификатором xxxxxxxx-f852-4625-bbe6-xxxxxxxxxxxx в конкурсную массу должника и его обязанности передать финансовому управляющему доступ к криптокошельку (передать пароль). Суд, отказывая финансовому управляющему в удовлетворении требований, мотивировал тем, что отсутствие в системе криптовалюты контролирующего центра и анонимность пользователей криптовалют не позволяют с определенностью установить принадлежность криптовалюты в криптокошельке конкретному лицу. И более того, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства².

Как отмечается в правовой литературе, подобное злоупотребление правом квалифицируется в качестве сокрытия реального имущества в виртуальных мирах во избежание включения в общее имущество супругов и конкурсную массу³.

---

¹ См.: ANTITRUST PROCEDURE // Council Regulation (EC). Article 7 Regulation (EC) 1/2003. 2017. P. 105–110.

² См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: *Ерохина О.* При разводе супруги делили имущество из компьютерной игры. URL: <https://www.kp.by/daily/26329/3212999/> (дата обращения: 22.02.2022).

Резюмируя изложенное, отметим, что злоупотребление цифровым правом представляет собой акт недобросовестного поведения в цифровом пространстве, установленном правилами информационной системы, воплощающийся в двух формах:

- злоупотребление правом участниками цифрового имущественного оборота посредством использования возможностей виртуализации (виртуальной среды) в пределах, заданных правилами информационной системы, с целью обхода пределов осуществления прав в реальном пространстве;
- злоупотребление правом третьим лицом (цифровым посредником), установившим и обслуживающим правила информационной системы, посредством создания в данных правилах необоснованных преимуществ одним лицам в осуществлении их прав перед другими лицами (дискриминационные правила информационной системы).

На наш взгляд, в ст. 141.1 ГК РФ необходимо уточнить насущный аспект путем дополнения положением о злоупотреблении цифровым правом.

Т.И. Васильчук,

*преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии, адвокат*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРОВ МЕЖДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Внедрение и развитие цифровых технологий оказало и продолжает оказывать непосредственное влияние на исполнение обязательств между предпринимателями.

Сама по себе цифровизация позволяет не только автоматизировать и совершенствовать процессы, происходящие при заключении и исполнении договоров, но и изменять полностью бизнес-модели. При цифровой трансформации трансформируются и взаимоотношения между предпринимателями при исполнении взятых на себя обязательств. Это комплексный подход к использованию цифровых ресурсов на предприятии.

С внедрением и широким распространением цифровых инструментов во всех сферах экономической деятельности предприниматели получили возможность взаимодействовать между собой в упрощенном порядке, независимо от местонахождения. Проекты договоров, заявки, протоколы разногласий направляются в электронном виде, обсуждение происходит в режиме видео-конференц-связи. Такой способ взаимодействия довольно оправдан, ведь с помощью IT-технологий существенно экономится время потенциальных бизнес-партнеров, упрощается процедура подписания договора, проще искать и хранить поступающую от контрагента информацию, сортируя ее соответствующим образом на электронных носителях или в облаке.

Так, заключение договоров между предпринимателями теперь происходит буквально «в один клик»: получая на электронную почту проект договора от контрагента, бизнесмен при условии согласия со всеми пунктами соглашения подписывает договор с применением ЭЦП. Направление проекта договора с правками по электронной почте не только значительно упрощает взаимодействие контрагентов, экономя время и ресурсы каждой из сторон соглашения, но и позволяет избежать составления протокола разногласий.

Статья 434 ГК РФ подтверждает, что договор между хозяйствующими субъектами (юридическими лицами, физическими лицами или некоммерческими организациями, ведущими от своего имени экономическую деятельность) можно заключить путем обмена электронными документами¹. Главное, чтобы можно было установить, что электронный документ исходит от стороны по договору. В цифровом пространстве гарантом неизменности документа и подтверждения авторства на сегодняшний день выступает усиленная электронная подпись: квалифицированная или неквалифицированная. Применение электронной подписи в России регулируется Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»

Исполнение обязательств также приобрело упрощенный порядок с помощью цифровых технологий. В 2019 г. ст. 309 ГК РФ была дополнена следующим положением: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». По сути, законодатель закрепил легитимность взаимодействия предпринимателей путем общения любым удобным способом с помощью сети Интернет без необходимости заключения дополнительных соглашений. Упрощение взаимодействия контрагентов без необходимости прибегать к заключению письменных дополнительных соглашений позволяет предпринимателям сосредоточиться на самом исполнении обязательства, направить на это силы и средства.

С цифровым прогрессом существенно упростилась и процедура расчета по обязательствам: практически любой банк предоставляет широкий спектр возможностей для наиболее удобного совершения расчетов между предпринимателями, в кратчайшие сроки и без дополнительных комиссионных платежей. Это позволяет избежать большого числа споров по вопросу просрочки исполнения обязательств по оплате между контрагентами по вине банка контрагента.

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 52, ч. 1, ст. 8989.

«Неудобное» для предпринимателя-плательщика условие договора о дате исполнения обязательства по оплате в момент поступления денежных средств на расчетный счет на сегодняшний день фигурирует в предпринимательской сфере гораздо реже.

Тем не менее договор, заключаемый в электронной форме, исследован недостаточно, проблемы его законодательного регулирования нуждаются в дальнейшем изучении. В действующем российском законодательстве не уделяется должного внимания правовому регулированию данного вида договора, ведутся споры о достаточности правовых дефиниций и вписываемости договора в электронной форме в систему гражданско-правовых договоров. Договор, заключенный в электронной форме, может рассматриваться как сделка с применением электронной подписи, как обязательство и как документ, в котором информация о правах и обязанностях сторон правоотношения представлена в электронно-цифровой форме¹.

Развитие цифровизации не только отразилось на способах заключения и контроля исполнения договоров между предпринимателями, но и позволило внедрить практически во все сферы предпринимательской деятельности новые бизнес-конструкции, которые основаны исключительно на цифровых технологиях и призваны оказывать непосредственное влияние на развитие бизнеса в целом.

Так, с появлением такого сравнительно нового инструмента, как таргетированная реклама, отечественные предприниматели получили новые возможности для развития, а именно возможности привлечения клиентов за счет рекламы на специальных площадках («ВКонтакте», TikTok, TapLink и др.). Необходимо отметить, что для многих компаний основной трафик составляют клиенты именно из перечисленных рекламных площадок. Соответственно, получение прибыли напрямую зависит от данного вида рекламы. Чтобы предпринимателю грамотно настроить такой вид рекламы, ему необходим соответствующий специалист – таргетолог. Обычно он сам является предпринимателем и занимается своей непосредственной деятельностью на основании договора оказания услуг, заключаемого, как правило, с несколькими предпринимателями. В большин-

---

¹ См.: *Морозов И.К.* Проблемы заключения договора в электронной форме // *Международный студенческий научный вестник.* 2018. № 5. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=18772> (дата обращения: 27.02.2022).

стве случаев предприниматель будет искать таргетолога отнюдь не по критерию ближайшего расположения, а по его показателям на соответствующих рекламных площадках, ведь целью таких отношений является исключительно повышение притока клиентов и, как следствие, прибыли компании.

Чтобы договорные отношения между предпринимателем – продавцом товаров и предпринимателем-таргетологом исполнялись надлежащим образом, необходимо наличие и бесперебойное функционирование цифровых технологий в компании каждого из них. С одной стороны, предприниматель, оказывающий услуги по созданию и настройке таргетированной рекламы, обязан иметь в своем распоряжении информационные технологии, такие как высокоскоростной интернет, доступ к различным информационным системам, обновленные версии необходимых для работы приложений, в том числе платных, бесперебойно функционирующие цифровые устройства (персональный компьютер, планшет, смартфон, ноутбук и т.д.) с новейшим программным обеспечением и возможностью подключения к беспроводной сети, а также периферийных устройств. Отсутствие указанных ресурсов не позволит ему полноценно и качественно исполнить свои обязательства по договору.

С другой стороны, предприниматель – заказчик услуг по настройке таргетированной рекламы также обязан иметь солидный набор цифровых технологий, чтобы иметь возможность принять услуги таргетолога, в противном случае акт оказанных услуг подписать стороны не смогут. Как и в первом случае, речь идет о наличии цифровых и периферийных устройств, а также программного обеспечения на цифровых устройствах, доступа в интернет, действующих аккаунтов в большинстве социальных сетей.

По сути, предпринимательские отношения в приведенном примере имеют целью получение цифрового продукта, который впоследствии используется одним из предпринимателей как инструмент для повышения трафика клиентов и приумножения прибыли.

Очевидно, что в российском законодательстве многие вопросы, связанные с широким внедрением и распространением цифровых технологий в предпринимательской сфере, не урегулированы на должном уровне. Современные реалии требуют внесения соответствующих дополнений в ГК РФ, так как в действующей редакции кодекса наблюдается недостаточная урегулированность процедуры заключения договора в электронной форме, а также самих

договорных конструкций, где предметом сделки является цифровой продукт как таковой. Целесообразно урегулировать вопросы, связанные со способами, которыми может быть подписан заключаемый предпринимателями в электронной форме договор, с тем, какими способами он будет исполняться без заключения дополнительных соглашений, а также как с помощью новых технологий предприниматели могут подтвердить окончательное исполнение обязательств сторонами.

И.А. Толочкова,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Активное развитие и использование технологий в области цифровой среды вызывает споры по вопросам правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием интернета. Соответствующее направление юриспруденции только формируется, поэтому многие важные вопросы в этой сфере остаются нерешенными. Один из таких вопросов – предпринимательская деятельность в сфере образования при использовании сети Интернет.

Определение предпринимательской деятельности дано в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Абзацем 3 п. 1 указанной статьи закреплена следующая норма: гражданское право регулирует отношения между лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, или с их участием, исходя из того, что предпринимательская деятельность является самостоятельной деятельностью, осуществляемой на свой страх и риск, направленной на систематическое получение прибыли от использования имущества, реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке¹. Общеизвестно из этого определения выделяют три юридических признака предпринимательской деятельности: независимость, рискованный характер, ориентация на систематическую прибыль².

---

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2022. № 9, ч. 1, ст. 1252.

² См.: *Датиев А.О.* Актуальные проблемы правового регулирования предпринимательства в сети Интернет // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5, т. 1. С. 50–53.

Законодатель в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ раскрывает основные понятия и предмет регулирования, которым являются общественные отношения, возникающие в сфере образования. Образовательную деятельность (деятельность по реализации образовательных программ) могут осуществлять образовательные организации, организации, осуществляющие обучение, а также индивидуальные предприниматели.

В статье 779 ГК РФ в том числе говорится об оказании услуг по обучению. Под обучением законодатель понимает целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни². Из чего мы делаем вывод, что услуги по обучению могут предоставлять как ранее перечисленные организации, так и иные субъекты, не указанные в законе.

В условиях сложной эпидемиологической ситуации и перехода образовательного процесса на дистанционный режим произошло резкое увеличение предложений услуг онлайн-образования (посредством связи через интернет). Данный формат обучения предлагают не только образовательные организации или индивидуальные предприниматели, но и интернет-пользователи, ведущие свои каналы (блогеры). Большая часть блогеров нацелены не только на высказывание своего мнения, но и на получение прибыли, то есть блогерская деятельность является предпринимательской. С ростом аудитории растет и спрос на различные предложения, такие как участие в марафонах, обучение онлайн-профессиям и т.д.

В связи с тем что деятельность блогеров в сфере образования часто никем не контролируется и осуществляется без соответствующего разрешения, считаем необходимым согласиться с позицией Е.В. Зеленовой и М.Е. Гусаровой: блогинг нуждается в четком правовом регулировании³.

---

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598; 2022. № 1, ч. 1, ст. 2.

² См.: Там же.

³ См.: Зеленова Е.В., Гусарова М.Е. Правовое регулирование блогосфе-

Однако стоит отметить, что Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», вступивший в силу с 1 июня 2021 г.¹, сделал попытку урегулирования данной проблемы. Так, на законодательном уровне было установлено понятие просветительской деятельности. Таковой признается осуществляемая вне рамок образовательных программ деятельность, направленная на распространение знаний, опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Считаем возможным включить в термин «просветительская деятельность» любые лекции, организации презентаций, размещение сообщений и т.д., то есть блогерская деятельность подходит под это понятие. А.Э. Захарова и А.С. Калашникова справедливо, на наш взгляд, замечают, что правовой статус блогера в законодательстве определен достаточно условно, несмотря на большую популярность данного направления. Согласимся с авторами в том, что законодатель должен четко определить права и обязанности блогеров, а также установить контроль за данной сферой деятельности².

В связи с изложенным считаем, что правовое регулирование отношений, складывающихся при использовании сети Интернет, в настоящее время должно очень активно развиваться. То же можно сказать и о юридической науке, посвященной изучению проблем правового регулирования этих отношений. Данная область научных знаний – одна из немногих, где сами основы, основные концепции и явления требуют развития. Таким образом, современные технологии, безусловно, должны быть внедрены в систему образования в Российской Федерации, особенно если это напрямую касается экономики государства, а именно предпринимательской деятельности как одного из важнейших звеньев рыночной экономики и прогрессивности страны, а новые технологии только способствуют такому развитию.

ры: опыт и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 195.

¹ См.: Российская газета. 2021. № 76.

² См.: Захарова А.Э., Калашникова А.С. Блогер как субъект предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 336.

Ю. Ф. Аитова,

*преподаватель кафедры гражданского права,
аспирант кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

*Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
С. Ж. Соловых*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Единоличный исполнительный орган хозяйственного общества представляет собой сложную, многогранную фигуру, исследованию которой посвящены различные доктринальные труды¹. Общая теория права под правовым статусом понимает законодательно урегулированное положение конкретного субъекта в обществе². А. В. Малько несколько конкретизирует приведенное понятие и определяет его как конституционно гарантированную, законодательно регламентированную совокупность прав и обязанностей лица, полномочий государственных органов и их должностных лиц, позволяющих им осуществлять конкретную деятельность в социуме³. Кроме того, ученые-правоведы делят правовой статус субъекта на категории: общий, специальный и индивидуальный

---

¹ См., например: *Белоусова И. Е.* Правовое регулирование механизма передачи полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица управляющей организации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Богданов А. В.* Гражданско-правовой статус управляющей организации как единоличного исполнительного органа акционерного общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Рубенко Г. Л.* Правовой статус органов управления акционерных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004; *Тихомиров М. Д.* Правовое положение органов управления акционерного общества: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; *Тычинская Е. В.* Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

² См.: *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 90.

³ См.: *Малько А. В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие. М., 2016. С. 135–136.

статусы. Такое деление связано с диалектикой категорий философии – общее, особенное и единичное¹. Так, общий правовой статус представляет собой закрепленный в основном законе страны статус лица, который является одинаковым для всех ее жителей; специальный статус характерен для конкретной категории граждан, направлен на обеспечение их специальной функции (например, ученые, адвокаты, юридические лица и т.д.). Последняя группа включает в себя совокупность персонифицированных прав и обязанностей конкретной личности и характеризует ее в зависимости от индивидуальных особенностей (например, пол, возраст, семейное положение и пр.). Приведенное ранее определение правового статуса является фундаментальным и содержит наиболее общие черты, не раскрывающие особенностей статуса единоличного исполнительного органа.

На сегодняшний день сложился плюрализм мнений по поводу определения правового статуса единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, и условно можно выделить три основные позиции. Так, сторонники первой группы полагают, что правовой статус единоличного исполнительного органа основывается только на трудовых отношениях – то есть имеют место трудовые отношения, регулируемые трудовым законодательством. Например, в учебнике Ю.П. Орловского и А.Ф. Нуртдиновой говорится, что руководитель организации осуществляет деятельность на основании трудового договора и актов корпорации, в том числе выполняет функции единоличного исполнительного органа². Л.А. Чиканова отмечает, что существующую дискуссию разрешило положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21³,

---

¹ См.: Голубинцев В.О., Данцев А.А., Любченко В.С. Абстрагирование. Восхождение от абстрактного к конкретному // Философия для технических вузов. Ростов н/Д, 2003. С. 440–443. Общее, особенное, единичное представляют собой категории философии, позволяющие выразить объективные связи мира, а также охарактеризовать процесс познания. Общее есть единое в многообразии, другими словами, это совокупность тождественных или схожих по свойствам, формам отношения предметов, объединенных данными признаками в одну группу. Особенное – «единство единичного и всеобщего», т.е. синтез общего и единичного. Единичное – отдельно взятый конкретный объект с присущими ему качествами, характеристиками, особенностями.

² См.: Трудовое право России: учебник / под ред. Ю.П. Орловского, А.Ф. Нуртдиновой. М., 2008. С. 581.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21

согласно которому отношения между хозяйственным обществом и единоличным органом правления подпадают под категорию трудовых и на последних распространяется сфера действия трудового законодательства¹.

Другая группа авторов полагает, что правовой статус единоличного органа правления общества регулируется нормами гражданского законодательства. Е.В. Тычинская считает, что между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом заключается не трудовой договор, а гражданско-правовой, соответственно, деятельность руководителя общества регулируется нормами гражданского-правового закона². А.В. Богданов, аргументируя свою точку зрения, полагает, что права и обязанности, возникающие у единоличного органа правления в связи с исполнением им своих полномочий в обществе, не относятся к предмету трудового договора и регулируются нормами гражданского законодательства³. Схожей точки зрения придерживается Г.В. Цепов, который отмечает, что присутствие элемента трудовых отношений не является обязательным, их может и не быть, а гражданско-правовые отношения будут возникать всегда⁴.

Последняя позиция основывается на дуализме корпоративных и трудовых отношений между хозяйственным обществом и его руководителем. Отношения между обществом и физическим лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа, с одной стороны, являются трудовыми, а с другой – корпоратив-

---

«О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 7.

¹ См.: *Чиканова Л.А.* Правовая природа отношений, возникающих у руководителя организации в связи с исполнением им возложенных на него обязанностей по руководству этой организацией // *Хозяйство и право*. 2015. № 9 (464). С. 5.

² См.: *Тычинская Е.В.* Договор реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М., 2012. С. 59.

³ См.: *Богданов А.В.* Юридическая конструкция договора между акционерным обществом и лицом, осуществляющим функции его единоличного исполнительного органа // *Вестник Пермского университета*. 2011. № 2 (12). С. 89–90.

⁴ См.: *Цепов Г.В.* Понятие органа юридического лица по российскому законодательству. URL: http://tm-attorneys-at-law.com/media/publication/Ponyatie_organ.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

ными¹. Наиболее верной, на наш взгляд, выступает последняя позиция: единоличный исполнительный орган является субъектом одновременно двух отношений – корпоративных и трудовых. Обратимся, в частности, к п. 3 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», согласно которому на отношения, возникающие между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом, распространяются нормы трудового законодательства². На основании аналогии закона приведенное положение об акционерных обществах может быть применено к интересующим нас отношениям в обществах с ограниченной ответственностью. В законе не дается четкого разграничения по предмету правового регулирования, о том, какие отношения являются трудовыми, а какие подпадают под категорию корпоративных. Н.Н. Пахомова предлагает проводить разграничение по следующим основаниям: решение общего собрания участников общества об избрании на должность единоличного исполнительного органа и договор между обществом и единоличным органом правления относятся к корпоративным отношениям, а акт назначения на должность и трудовой договор с руководителем – к трудовым³.

Как верно отмечает В.М. Пашин, между субъектами возможно существование одновременно двух правоотношений, подпадающих под сферу действия различных групп норм и нескольких отраслей права. Продолжая, автор отмечает, что физическое лицо одновременно может выполнять функцию единоличного исполнительного

---

¹ См.: Степанов П.В. Правовая квалификация отношений, возникающих между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом // *Хозяйство и право*. 2002. № 12. С. 92–94; Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 355; Огородов Д.В., Чельшев М.Ю. Конструкция смешанного договора в гражданском (частном) праве // *Сделки: проблемы теории и практики*. М., 2008. С. 315; Глазырин В.В. Проблемы правового регулирования труда в негосударственных организациях // *Правовое регулирование труда в условиях перехода к рыночной экономике*. М., 1995. С. 15.

² См.: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г.) // *Российская газета*. 1995. № 248; 2021. № 150–151.

³ См.: Пахомова Н.Н. Положение единоличного исполнительного органа в системе органов юридического лица. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/27157-polozhenie-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa-sisteme-organov-yuridicheskogo> (дата обращения: 18.02.2022).

органа хозяйственного общества, полномочного совершать функции корпоративного управления, а также иные действия от имени юридического лица, и выступать в качестве руководителя общества, выполняя организационную и управляющую функции и иную предусмотренную трудовым договором деятельность¹. В связи с этим деятельность единоличного исполнительного органа как органа хозяйственного общества регулируется нормами гражданского законодательства, а деятельность руководителя данного общества, выполняющего трудовую функцию на основании трудового договора, – нормами трудового законодательства.

Таким образом, единоличный исполнительный орган хозяйственного общества одновременно обладает корпоративным и трудовым статусами (как орган корпорации и как ее работник). Момент возникновения и прекращения трудовых и корпоративных отношений может не совпадать по времени и юридическим процедурам². Более того, различными являются и правовые последствия в отношениях корпорации с третьими лицами. Президиум Высше-

---

¹ См.: *Пашин В.М.* Правовой статус единоличного исполнительного органа хозяйственного общества: мнимый конфликт гражданского и трудового права. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/5263398/paragraph/20/doclist/33385/showentries/0/highlight/Правовой%20статус%20единоличного%20исполнительного%20органа%20хозяйственного%20общества:%20мнимый%20конфликт%20гражданского%20и%20трудового%20права%20В.М.%20Пашин:2> (дата обращения: 18.02.2022).

² Например, встречаются случаи, когда трудовой договор с выбранным хозяйственным обществом на должность единоличного исполнительного органа лицом заключается позднее, чем принимается решение о его назначении, либо вообще не заключается (в случае если ЕИО является единственным участником общества). Данная ситуация не влияет на правовое положение единоличного органа правления и действия, совершаемые им от лица корпорации. См. подробнее: *Шиткина И.С.* Отдельные проблемы правового регулирования образования и деятельности единоличного исполнительного органа // *Хозяйство и право.* 2011. № 4. С. 3–17. В настоящее время сложилась единообразная правоприменительная практика о моменте возникновения компетенции единоличного исполнительного органа общества – с момента принятия решения корпорацией (советом директоров, общим собранием участников и т.д.) о наделении лица полномочиями. См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа г. Тюмень от 4 июля 2016 г. № Ф04-2983/2016 по делу № А70-10426/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 марта 2015 г. № Ф05-1840/15 по делу № А41-43017/2012. URL: <https://base.garant.ru/41756070/> (дата обращения: 18.02.2022).

го арбитражного суда РФ в Постановлении от 14 февраля 2006 г. № 12580/05 указал, что Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» не связывает возникновение и прекращение полномочий единоличного исполнительного органа с фактом внесения в государственный реестр таких сведений¹.

---

¹ См.: Письмо ФНС России от 23 августа 2006 г. № ГВ-6-14/846@ о направлении Постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (вместе с Постановлением Президиума ВАС РФ от 14 февраля 2006 г. № 12580/05, Постановлением Президиума ВАС РФ от 14 февраля 2006 г. № 14310/05, Постановлением Президиума ВАС РФ от 14 февраля 2006 г. № 12049/05) // СПС «КонсультантПлюс».

Раздел 3

ЗАЩИТА ПРАВ В СЕМЕЙНЫХ И ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

О.Ю. Ситкова,

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии*

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КАЧЕСТВЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА, СОСТАВЛЯЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЕ СЕМЕЙНОГО ИНТЕРЕСА

Анализ российского семейного законодательства указывает на то, что, на первый взгляд, защите подлежат только семейные права: п. 2 ст. 7 СК РФ устанавливает, что лишь семейные права охраняются законом. Одновременно с этим п. 3 ст. 56 СК РФ наделяет органы опеки и попечительства обязанностью принимать необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка. Следует заметить, что часто СК РФ при разрешении того или иного вопроса делает акцент на учете интересов субъектов правоотношений. Так, ст. 39 СК РФ позволяет отойти от равенства долей при разделе общего имущества супругов исходя из интересов детей и одного из супругов. Об учете интересов детей и других участников семейных правоотношений речь идет также при регулировании вопросов, предусмотренных, например, ст. 59, 65–67, 73, 85, 87 СК РФ.

Таким образом, объектом защиты являются не только субъективные права, но и интересы субъектов семейных правоотношений.

Интерес не входит в содержание субъективного права. Интерес, направленный на возникновение субъективного семейного права, которое, в свою очередь, возникает по поводу обладания семейными ценностями, подлежит охране со стороны закона в качестве самостоятельного объекта охраны. При этом право, его действие не исчерпывается установлением прав. Указание в норме права на интерес, как правило, ведет к тому, что этот интерес становится элементом механизма правового регулирования.

Условия и цели существования семьи, ее формы, условия ее благополучия определяются тем набором семейных ценностей, которые сформированы у отдельных ее членов, с одной стороны, а также объективными факторами – экономическими условиями и соответствующими им потребностями – с другой. В свою очередь, сами семейные ценности формируют отношение субъектов к условиям своего существования, к необходимости существования в рамках семьи, то есть желание, нужду, потребность граждан в семье. Сформированные семейные ценности вызывают потребность у граждан в наличии супруга, детей, в направленности их деятельности на создание семьи, на обеспечение ее стабильного длительного существования. Таким образом, семейные ценности являются основой общесемейного интереса, состоящего в стабильном функционировании семьи, сохранении семейных связей. Направление действия интереса определяется тем благом, на достижение и сохранение которого направлен интерес. Деятельность субъектов (т.е. интерес) направлена на достижение цели – наличия стабильной семьи, обусловленной семейными ценностями.

Семейные ценности следует рассматривать в двух смыслах: объективном и субъективном. В объективном смысле модель семейных ценностей представляет собой желаемые, одобряемые государством ценностные объекты в сфере семейных отношений. В субъективном понимании семейные ценности составляют содержание общего семейного интереса отдельных членов семьи. И эти ценности могут не совпадать с теми, которые сформировались в правовой политике государства, следовательно, и поведение, основанное на ценностях, присущих каждой конкретной семье, может отличаться от желаемого для государства поведения. И.Б. Новицкий при исследовании проблемы добросовестности отмечал, что «все идеалы,

как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления; они, как маяки, указывают нам надлежащую дорогу, но сами пока недостижимы...»¹.

Перед судом в данном случае стоит важная задача вынести решение, сохраняя баланс между интересами государства и семейными интересами конкретных людей. Полагаем, что в тех случаях, когда от суда потребуются выяснять, какие семейные ценности сформированы в той или иной семье и сформированы ли они вообще, действовали ли участники спора в общем семейном интересе, относились ли они лояльно к семейным ценностям, судья должен обязательно приложить творческие усилия, чтобы оценить предмет судебного разбирательства через призму принципа неприкосновенности и стабильности семейных ценностей, что должно повлиять на решение суда в конечном итоге. Иными словами, суд не может вынести решения, не учитывая при этом ценностей и принципов, лежащих в основе семейного правопорядка. Только эти принципы и ценности могут оправдать отказ в защите права одного из участников спора. Более того, суд должен избегать простого приписывания гражданам убеждений, сформированных в качестве идеальных в данной стране правительством этой страны. Поскольку суд должен выступать гарантом защиты прав граждан, значит, соблюдая нейтралитет, должен уважать при этом ценностные ориентиры, сложившиеся в отдельно взятой семье.

Легальное закрепление принципа неприкосновенности и стабильности семейных ценностей неизбежно приведет к необходимости обращения к морально-нравственным категориям. Вероятно, суды столкнутся здесь с определенными сложностями, которые возникали, например, при применении принципа добросовестности при разрешении гражданско-правовых споров.

Закрепляя принцип добросовестности в ГК РФ, законодатель не дал ему разъяснения, отсылая нас к представлениям о некоей существующей моральной норме поведения, принятой в обществе, т.е. к объективному пониманию добросовестности. Тем не менее указывается, что объективность добросовестности весьма условна ввиду особенностей современного общества и организации информационного пространства².

---

¹ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 130–131.

² См.: Рыженков А.Я. Принцип добросовестности в обновленном гражд-

Принципу добросовестности дается в целом позитивная оценка в качестве гаранта «стабильности и социальной ориентированности закона». Добросовестность в субъективном смысле определяется как стремление участника гражданского оборота максимально исключать возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интересов других лиц, осуществлять свои права в строгом соответствии с их содержанием, объемом и назначением¹.

О необходимости введения категории «добросовестность» говорилось в проекте федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи»², в котором предлагалось ввести категорию добросовестности при оценке поведения родителей в случае исполнения ими своих родительских обязанностей. Авторы проекта предлагали исходить из предположения, что каждый родитель добросовестно осуществляет свои родительские права, пока его недобросовестность не будет установлена вступившим в законную силу судебным решением о лишении его родительских прав или об ограничении в родительских правах. Бремя доказывания недобросовестности родителя при осуществлении им родительских прав в отношении конкретного ребенка лежит на истце. Дефиниция «добросовестность» легально закрепляется здесь в виде презумпции.

Таким образом, категории «добросовестность – недобросовестность» родителей сводятся к «исполнению – неисполнению» ими своих обязанностей. При этом воля самого родителя, его намерение, отношение к своим обязанностям не важны в данном случае. Полагаем, что такое отношение не вполне верно, т.к. добросовестное поведение предполагает стремление субъекта к такому поведению, при котором не будут нарушаться права другого субъекта, т.е. в этом случае важна воля лица. То есть в случае, когда лицо по независящим от него причинам, например в случае болезни, не может исполнять свои родительские обязанности должным образом, что

данском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 69.

¹ См.: Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4.

² См.: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7> (дата обращения: 10.10.2020).

может привести к ограничению родительских прав, нельзя признать родителя недобросовестным. В предлагаемом же варианте ст. 65 СК РФ авторы связывают недобросовестность родителя с решением суда о лишении или ограничении родительских прав. Полагаем, что родитель может вести себя недобросовестно, но это поведение не является основанием ни для лишения, ни для ограничения родительских прав. Если некая дефиниция вводится в содержание правоотношения и становится вполне конкретной обязанностью участников этого отношения, неисполнение которой влечет за собой правовые последствия (в данном случае в виде лишения или ограничения родительских прав), то в этом случае оставлять без дефиниции основной термин недопустимо. При этом в представленном законопроекте присутствует лишь термин «добросовестное поведение», однако дефиниция «недобросовестное поведение» не вводится, и ее легальное закрепление отсутствует в предложенной редакции СК РФ. Другое дело, если требование о добросовестности остается принципом семейного права, в этом случае введение этого понятия в закон не является необходимым.

Представляется, что добросовестное использование семейных прав должно дополняться и добросовестным исполнением обязанностей¹. Иными словами, участники семейных отношений должны вести себя добросовестно всегда, независимо от того, какое место в семейном правоотношении они занимают, особенно учитывая тот факт, что права родителя одновременно закреплены и в качестве обязанностей в СК РФ.

Введение понятия «добросовестность» в текст конкретной нормы СК РФ должно повлечь за собой при отступлении от нее, то есть при допущении недобросовестного исполнения своих прав, введение конкретных санкций. Можно предположить, что за недобросовестным отношением к исполнению родительских прав стоит санкция в виде лишения или ограничения родительских прав, исходя из текста законопроекта. Однако лишение является крайней мерой и применяется, если родители уклоняются от исполнения своих обязанностей, в том числе злоупотребляют своими правами. При условии, что категория злоупотребления правом в СК РФ выражена в ст. 7, правда, в несколько иной формулировке – «семейные

---

¹ См.: *Соломин С.К.* Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 79.

права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав», – возникает проблема соотношения недобросовестного поведения и злоупотребления правом. Одна и та же мера – лишение родительских прав – допускается и при недобросовестном поведении, и при злоупотреблении правом? Или недобросовестное поведение должно выражаться в осуществлении прав в противоречии с их назначением? Или недобросовестное поведение должно дополняться злоупотреблением?

Авторы законопроекта установили добросовестность в качестве презумпции, и доказательством ее опровержения установлена санкция об ограничении или лишении родительских прав. Какова санкция в случае признания поведения родителя недобросовестным? Если это лишение права, то оно уже состоялось и явилось подтверждением недобросовестного поведения. Лишение права – крайняя мера, которая применяется в исключительных случаях, т.е. предполагается, что «наказать» еще строже, чем лишить права посредством норм семейного законодательства, невозможно.

Даже при условии введения дополнительных санкций за недобросовестное поведение родителей важно понимать: если родители исполняют свои обязанности и реализуют свои права недобросовестно, это значит, что они вовсе не исполняют свои обязанности и не реализуют права или все-таки исполняют и реализуют, но в неполном объеме или не так, как требует закон? От ответа на этот вопрос, полагаем, должна зависеть и санкция. Однако никаких объяснений на этот счет авторы законопроекта не дают. Равно как и не сложилось понимания того, какие способы защиты могут выбрать уязвленный недобросовестностью родителя ребенок или органы, уполномоченные осуществлять защиту прав ребенка. Все это позволяет говорить о неудачной формулировке ст. 65 СК РФ авторами законопроекта.

При этом полагаем, что семейное законодательство, учитывая предмет регулирования, безусловно, нуждается во введении морально-нравственных категорий при оценке поведения участников семейных отношений. Выработанные на протяжении столетий семейные ценности существуют в обществе объективно, хотя и трансформируются под влиянием различных факторов, но тем не менее занимают важное место в оценке поведения людей. Соблюдение мо-

ральных норм, которые находят свое закрепление в законе, придает праву духовно-нравственный характер¹.

Принцип неприкосновенности и стабильности семейных ценностей как основополагающее начало семейно-правового регулирования, пронизывая все семейное право, выражается в тех нормах, которые устанавливают необходимость субъектов семейного права добросовестно относиться к исполнению своих семейных обязанностей, требуют лояльного к семье и семейным ценностям отношения или предполагают необходимость такого поведения, ставя защиту прав субъектов и возникновение тех или иных последствий в зависимость от наличия или отсутствия такого поведения (например, при отступлении от равенства долей при разделе общего имущества супругов, при решении вопроса об отказе от взыскания алиментов, при заключении брачного союза и т.д.).

Полагаем, что введение дефиниции «сохранность и неприкосновенность семейных ценностей» именно в виде принципа необходимо на данном этапе развития семейного законодательства и позволит наилучшим образом осуществлять защиту семейных прав с учетом мировых стандартов, сложившихся в практике.

---

¹ См.: *Маштаков К.А.* Добрая совесть как нравственная основа частных правовых отношений // *Философия права.* 2016. № 1 (74). С. 13.

О.В. Богданов,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

КОМПЕНСАЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОМУ ПРИБРЕТАТЕЛЮ ЗА УТРАТУ ИМ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

С 1 января 2020 г. Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 299-ФЗ¹ введены в действие новая глава 10.1 и ст. 68.1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»², которые установили новые правила компенсации добросовестному приобретателю за утраченное им жилье. В соответствии с новой статьей, физическое лицо – добросовестный приобретатель (лицо, которое не знало и не могло знать, что приобретает имущество у лица, которое не имело права его отчуждать), от которого в соответствии со ст. 302 ГК РФ было истребовано жилое помещение, имеет право на выплату ему за счет казны Российской Федерации однократной единовременной компенсации.

Собственник вправе истребовать свое имущество от приобретателя, в том числе от добросовестного, в случае, когда жилье выбыло из его владения или владения лица, которому оно было передано собственником, помимо их воли.

Федеральным законом от 16 декабря 2019 № 430-ФЗ³ ст. 8.1 ГК РФ дополнена п. 6, в соответствии с которым приобретатель жилья признается добросовестным, если он полагался на данные государственного реестра, пока в суде не доказано иное, то есть, что он знал об отсутствии у лица, у которого он приобрел имущество, права на его отчуждение.

---

¹ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации недвижимости”» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4458.

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 6 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // СЗ РФ. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4344; 2021. № 50, ч. 3, ст. 8415.

³ Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 51, ч. 1, ст. 7482.

Право на компенсацию появляется у гражданина после вступления в законную силу решения суда об истребовании от него собственником жилого помещения. В старой редакции закона таким правом обладал не только добросовестный приобретатель, но и собственник жилья, который по независящим от него причинам был не вправе истребовать его от добросовестного приобретателя. Кроме того, как для собственника, так и для добросовестного приобретателя жилое помещение должно было быть единственным пригодным для постоянного проживания. Сейчас такого условия нет.

Исключение законодателем из числа лиц, имеющих право на компенсацию, собственника жилого помещения, возможно, связано с тем, что, во-первых, как показывает практика, вероятность потерять жилье выше все-таки у приобретателей. Поэтому законодатель пытается путем такой защиты стимулировать добросовестных приобретателей к участию в гражданском обороте недвижимости. Во-вторых, при должной степени заботливости и осмотрительности у собственника больше возможностей сохранить свое имущество, тем более жилое помещение, в отличие от денег, не может никуда исчезнуть, его нельзя спрятать.

Что касается правовой природы компенсации добросовестному приобретателю, то она не обладает признаками деликта. Поэтому право на компенсацию не связано с виной органов регистрации. Такую позицию занял и Конституционный Суд РФ в Постановлении от 4 июня 2015 г. № 13-П, признав положения ст. 31.1 ранее действовавшего Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» не соответствующими Конституции РФ в той мере, «в какой эти положения не допускают выплату добросовестному приобретателю компенсации за счет казны Российской Федерации... по мотиву отсутствия оснований для привлечения компетентного государственного органа к ответственности за незаконные действия (бездействие), связанные с производившейся им государственной регистрацией прав на указанное жилое помещение»¹.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” в связи с жалобой граждан В.А. Князык и П.Н. Пузырина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

И наоборот, в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 299-ФЗ, если утрата жилого помещения добросовестным приобретателем произошла в результате ненадлежащего исполнения органом регистрации своих обязанностей, то возмещение убытков добросовестному приобретателю должно осуществляться на основании ст. 66 Федерального закона от 13 июля 2015 г. «О государственной регистрации недвижимости».

В соответствии с п. 2 ст. 68.1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», чтобы получить компенсацию, нужно, во-первых, чтобы по независящим от приобретателя причинам взыскание по исполнительному листу о возмещении убытков, возникших в связи с истребованием жилья, либо было произведено частично, либо вообще не производилось в течение шести месяцев, а во-вторых, чтобы решение суда о выплате Российской Федерацией добросовестному приобретателю такой компенсации вступило в силу.

Ранее возможность компенсации допускалась, если взыскание было прекращено в случае смерти гражданина-должника и отсутствия у него правопреемников (наследников), к которым могли перейти эти обязанности, а также при исключении должника – юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц. Таким образом, законодатель расширил возможности взыскателя, сняв ненужные ограничения.

Если ранее размер компенсации не мог превышать одного миллиона рублей, что было явно ниже рыночной стоимости большинства квартир (домов), то сейчас размер компенсации определяется судом исходя из суммы реального ущерба либо (с согласия приобретателя) в размере кадастровой стоимости жилья, что является более справедливым. При возмещении добросовестному приобретателю убытков от изъятия у него жилья размер компенсации на эту сумму должен быть уменьшен.

В случае выплаты компенсации к Российской Федерации, как и в ранее действовавшей редакции закона, переходит право регрессного требования к лицу, ответственному за убытки, в размере возмещенных сумм.

Л.В. Ладочкина,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

Т.И. Хмелева,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
почетный работник высшего профессионального образования РФ*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛЬЯ ДЕТЯМ-СИРОТАМ И ПРИРАВНЕННЫМ К НИМ ЛИЦАМ

Как и большинство стран мира, Россия не в последнюю очередь является государством с социальной функцией. Она стоит в обеспечении достойного уровня жизни граждан, которые не могут самостоятельно его достичь в силу имущественного положения, малолетнего возраста, состояния здоровья. Несовершеннолетние лица в силу своего возраста есть самый незащищенный слой населения, так как у них отсутствуют жизненный опыт, житейская мудрость для разрешения различных юридических и бытовых конфликтов. Их положение во многих аспектах зависит от взглядов их родителей или лиц, их замещающих, на разные жизненные ситуации. Если мама и папа ребенка, которые, осуществляя функции опекунов и попечителей, заботятся о нем, предоставляют достойный уровень жизни, а иногда и выше, то отсутствие родителей, как физическое, так и юридическое, порождает множество проблем, в связи с чем право на достойное жизнеобеспечение ребенка затруднительно, а иногда и невозможно исполнить. И многие конфликтные ситуации продолжаются после достижения такими детьми совершеннолетия. Злободневно встает вопрос об обеспечении детей-сирот и приравненных к ним категорий граждан жильем, когда они покидают интернаты, детские дома, приемные семьи. Часто у них нет собственного жилья либо в нем невозможно проживать по тем или иным причинам. Кроме того, у данных лиц, как правило, нет возможности приобрести жилье либо снять его по договору коммерческого найма жилого помещения. Жилье – базис экономи-

ческого благосостояния гражданина. Возможность иметь жилье содействует воспитанию человека как личности, потому что гражданин, не имея проблем с крышей над головой, может значительное количество времени посвятить профессиональному образованию, удовлетворению физических и духовных потребностей. Поэтому государство возложило на себя и свои субъекты обязанность по предоставлению данной категории лиц жилых помещений как первоначального старта для успешного существования. Однако экономическая и политическая ситуации в России не способствуют в полной мере реализации данного права детьми-сиротами и приравненными к ним категориями граждан. Достигая совершеннолетия, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, встречаются с проблемами вследствие малого количества специализированного жилья в жилищных фондах субъектов РФ. Несмотря на то что законодательно закреплено право таких лиц на получение жилого помещения, большое число таких детей остается без жилья.

Органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, ответственные за предоставление детям-сиротам жилых помещений, свое бездействие иногда оправдывают отсутствием достаточного финансирования соответствующих программ или несостоявшимися торгами в связи с отсутствием заявок на участие в них, и ситуация становится тупиковой. В связи с этим предложение детально определить и расширить систему мер принудительного исполнения, применяемых к публично-правовым образованиям, является своевременным.

Длительное ожидание жилья такими гражданами приводит к частым обращениям за защитой своих прав в правоохранительные органы и суды, что, однако, не способствует в полной мере разрешению проблемы. По данным Счетной палаты РФ, «средний срок ожидания квартир составляет семь лет. Однако в отдельных регионах он превышает 20 лет. Это относится к девяти регионам; к примеру, в Крыму срок составляет чуть более 20 лет, в Мордовии – 34 года, в Ингушетии – 47 лет, в Чеченской Республике – 49 лет»¹.

В судебной практике имели место случаи, когда на основании того, что дети-сироты получали ежемесячную денежную компенсацию за поднаем жилого помещения, им отказывали в предоставлении собственного жилья.

---

¹ URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/03/26/5e7b26399a7947cefc348172> (дата обращения: 10.01.2022).

В одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 августа 2014 г. было отмечено, что наличие права на выплату ежемесячной денежной компенсации за поднаем одного жилого помещения, предусмотренного законом субъекта РФ, не исключает и не может исключать права на обеспечение жилым помещением специализированного жилищного фонда детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гарантированного федеральным законодательством. Признание права детей-сирот на получение денежной компенсации при невозможности получения жилья¹, на наш взгляд, не будет способствовать решению проблемы, в том числе из-за того, что конкретные сроки исполнения судебного решения не называются.

Проблематичным в нынешних условиях будет и введение механизмов ипотечного кредитования в сфере обеспечения детей-сирот жильем, в которых заемщиком денежных средств будет соответствующий должник-организация. Необходимы действенные меры, прежде всего со стороны Российской Федерации и ее субъектов, направленные на повышение доступности жилых помещений, своевременную и стабильную реализацию прав на получение жилья детьми-сиротами и приравненными к ним категориями граждан.

В силу ст. 67.1 Конституции РФ² дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство способствует полному духовному, нравственному, умственному и физическому развитию несовершеннолетних. В том случае, если дети остались без попечения родителей, государство возлагает на себя обязанности родителей. Гарантируя детям-сиротам и приравненным к ним категориям лиц право на получение жилого помещения по достижении совершеннолетия либо после объявления их полностью дееспособными, Российская Федерация и ее субъекты должны в полной мере способствовать реализации данного права путем финансирования строительства жилья, приобретения жилых помещений на вторичном жилищном рынке для данных целей, соз-

---

¹ См.: Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 9 сентября 2014 г. по делу № 33-9652/2014. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5XНbjMJqNJVi/> (дата обращения: 02.02.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 16 марта.

дания нормативно-правовой базы на основе Конституции РФ, позволяющей данным гражданам беспрепятственно получить жилое помещение в установленные сроки и пользоваться им. Такие меры позволят детям-сиротам и приравненным к ним гражданам иметь достойный уровень обеспечения основных материальных потребностей на начальном этапе взрослой жизни.

В соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 148 СК РФ¹, дети, находящиеся под опекой или попечительством, имеют право на сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением, а при отсутствии жилого помещения имеют право на получение жилого помещения в соответствии с жилищным законодательством. Соответственно, их законные представители в лице опекунов или попечителей должны способствовать осуществлению этого права. Если у ребенка нет собственного жилья либо оно непригодно для проживания, не соответствует требованиям законодательства, то они могут своевременно поставить своего подопечного на учет для получения жилого помещения. Однако данное право детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, никак не отражено в СК РФ.

К сожалению, статистика обращений в судебные органы и органы прокуратуры говорит о том, что далеко не всегда лица и организации, исполняющие функции попечителей, делают это вовремя, а иногда вообще этого не делают. Так, по одному из дел было отмечено: «Судом апелляционной инстанции установлено, что, несмотря на то что решением суда в 2006 г. истец была признана дееспособной, стойкие нарушения в психофизическом развитии и характер ее заболевания, в связи с которыми ей была установлена II группа инвалидности, объективно препятствовали самостоятельно своевременно обратиться с заявлением о постановке на учет. В учреждениях социальной защиты истец проживала до 2017 г., однако сами компетентные органы не осуществили возложенные на них Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» полномочия по принятию мер для реализации ее жилищных прав»². По другому делу судебные органы указали, что «...до до-

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5138.

² Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми по-

стижения истцом возраста 18 лет администрацией воспитательно-го учреждения и компетентным органом местного самоуправления, осуществляющим надзор за соблюдением прав детей-сирот на жилое помещение, не было предпринято мер по постановке его в очередь нуждающихся в предоставлении жилого помещения, истцу не разъяснено о наличии у него права на обеспечение жилым помещением, у истца отсутствовали документы, необходимые для обращения в уполномоченный орган для постановки на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении»¹.

Чтобы получить бесплатное государственное жилье в связи с сиротством, необходимо успеть встать на учет в региональных органах государственной власти до достижения 23 лет, иначе в предоставлении жилья могут отказать, если не было уважительных причин для пропуска этого срока. Следует заметить, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, достигая совершеннолетия и покидая социальные учреждения, приемные семьи, в большинстве своем не знают, какие права предоставлены им как детям-сиротам и приравненным к ним лицам, какие они имеют дополнительные гарантии социальной защиты в связи с таким статусом. Такие лица не обладают юридической грамотностью, чтобы своевременно и качественно защитить свои права. Из этого вытекает проблема неинформированности детей-сирот о возможности получения ими жилого помещения, о необходимости встать в определенное время на учет в качестве нуждающегося, учитывая, что вопросы постановки на учет такого несовершеннолетнего возложены на его попечителя. Поэтому в том числе от добросовестности действий законных представителей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зависит своевременное получение жилья и, как следствие, достойный уровень жизни таких детей, достигших совершеннолетия. Нужно учесть, что детские дома, интернаты для несовершеннолетних после выпуска этих детей перестают нести за них ответственность, взросление происходит резко, поскольку обучение в вузах, колледжах и т.п. предполагает почти полную самостоятельность, в итоге ребенок-сирота остается наедине с проблемой.

мещениями. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29526/> (дата обращения: 21.07.2021).

¹ Решение № 2-1015/2019 2-1015/2019~М-633/2019 М-633/2019 от 22 марта 2019 г. по делу № 2-1015/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xoiBCEQIRE1m/> (дата обращения: 21.07.2021).

С 1 января 2019 г. совершеннолетним детям-сиротам предоставлено право самостоятельно встать на учет по достижении совершеннолетия¹, если этого не сделали его законные представители, но эта норма не решает проблемы своевременного предоставления им жилья. Для успешной реализации инициативы по предоставлению жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, помимо финансового обеспечения, необходимо четкое планирование количества жилых помещений, требующихся для удовлетворения потребностей детей с таким статусом. Конечно, невозможно точно установить количество жилья, необходимого для предоставления этим лицам в тот или иной период, так как могут возникнуть обстоятельства, которые исключают ребенка из учетного списка, например усыновление. Либо, наоборот, несовершеннолетний попадает в этот список: семья, имеющая несовершеннолетнего ребенка, проживает на съемной квартире; когда ребенок достигает 17,5 года, его родители погибают в автомобильной катастрофе, и несовершеннолетний получает статус сироты. Точный учет детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые нуждаются в жилье, позволит на несколько лет вперед осуществить планирование финансовых затрат для строительства или покупки жилых помещений для данной категории граждан и, соответственно, более эффективно реализовать право детей-сирот и приравненных к ним граждан на получение жилья.

Чтобы законные представители детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в лице их попечителей – физических лиц либо сотрудников детских социальных учреждений добросовестно и в срок исполняли свою обязанность по постановке их подопечных на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, нужно внести соответствующие изменения и дополнения в СК РФ и установить право детей-сирот и приравненных к ним лиц на своевременную постановку на учет для получения жилого помещения, а обязанности попечителей (опекунов) дополнить обязанностью своевременной постановки подопечного на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении.

---

¹ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. N 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в ред. от 17 февраля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 52, ст. 5880; 2021. № 8, ч. 1, ст. 1200.

Данные изменения и дополнения позволят, во-первых, не забывать попечителям об очень важной обязанности по обеспечению жильем своих подопечных, во-вторых, Российской Федерации и ее субъектам планировать и находить необходимые средства для предоставления жилья данной категории лиц вовремя, в-третьих, при неисполнении обязанности по постановке на учет подопечного, нуждающегося в жилье, взыскать последнему убытки, причиненные бездействием попечителя, которые возникли в связи с несвоевременным получением жилого помещения, поскольку подопечный был внесен в список нуждающихся значительно позже, например взыскать арендную плату по договору коммерческого найма жилого помещения за весь период до предоставления жилья.

Кроме того, нужно дополнить семейное законодательство нормами об информировании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, о льготах и гарантиях, которые предоставляют им Российская Федерация и ее субъекты. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, при выходе из детских домов и приемных семей должны обеспечиваться памятками о своих правах и льготах. Такой документ в начале взрослой жизни подскажет им, какие действия необходимо совершить для получения государственной поддержки, в том числе жилья, на которое имеют право дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Н.В. ПЕРЕПЕЛКИНА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина
– филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: МЕСТО В КЛАССИФИКАЦИИ СДЕЛОК

В соответствии со ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹, «брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения». Несмотря на длительность действия главы 8 СК РФ (с 1996 г.), в научной литературе до настоящего времени отсутствует однозначное понимание правовой природы брачного договора, идут споры о том, является ли он «полноценным гражданско-правовым договором или договором особого рода»².

Российское законодательство (ни семейное, ни гражданское) на этот вопрос не отвечает. В нормах главы 8 СК РФ не содержится прямых указаний, определяющих юридическую природу брачного договора. Если обратиться к аналогии права и аналогии закона, можно заметить практически единственную отсылку к гражданскому законодательству в СК РФ – ст. 4: «...к имущественным и личным неимущественным отношениям, возникающим между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений». Таким образом, к брачному договору могут применяться нормы гражданского законодательства, если иное не будет вытекать из специфики брачного договора.

Представляется важным поддержать позицию М.Л. Шелютто о том, что «допускается как субсидиарное (дополнительное) при-

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5138.

² Мыскин А.В. Брачный договор: гражданско-правовой договор или договор особого рода? // Гражданское право. 2006. № 2. С. 33–37.

менение гражданского законодательства к семейным отношениям, не урегулированным семейным законодательством, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4), так и применение норм семейного и (или) гражданского права, регулирующих сходные отношения, если это не противоречит существу семейных отношений, к отношениям между членами семьи, которые не урегулированы ни соглашением сторон, ни семейным законодательством, при отсутствии норм гражданского права, прямо регулирующих указанные отношения (аналогия закона) (ст. 5)¹.

Является ли брачный договор гражданско-правовым, несмотря на отсутствие в СК РФ ссылок к главам 9 «Сделки», 27 «Понятие и условия договора», 28 «Заключение договора», 29 «Изменение и расторжение договора» ГК РФ? В литературе отсутствует единая позиция по этому вопросу. Одни ученые считают, что брачный договор – это полноценная гражданско-правовая сделка и, следовательно, полноценный гражданско-правовой договор². Другие полагают, что брачный договор является особым договором, договором семейного права, следовательно, он имеет семейно-правовую природу. При этом к его особенностям относят «строго определенный субъективный состав; тесную зависимость от брака, вне которого он не может существовать; своеобразие предмета договора»³. Третьи, по мнению А.В. Мыскина, занимают «промежуточную позицию». Например, Л.Б. Максимович пишет, что «брачный договор можно определить как гражданско-правовой инструмент семейно-правового регулирования имущественных отношений между супругами»⁴.

В соответствии с п. 1 ст. 420 ГК РФ, «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Представляется, что брачный договор соответствует этому определению: он явля-

---

¹ Шелютто М.Л. Судебная практика и семейное право // Судебная практика в современной правовой системе России: монография / [Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.

² См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М., 1997. С. 166; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2002. С. 27; Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник для вузов. М., 1999. С. 243.

³ Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. С. 22.

⁴ Мыскин А.В. Указ. соч.

ется и соглашением двух лиц, и определяет имущественные права и обязанности этих же лиц.

В соответствии с п. 2 ст. 420 ГК РФ, «к договорам применяются правила о двух- и многосторонних сделках, предусмотренные главой 9 настоящего Кодекса, если иное не установлено настоящим Кодексом».

Статья 153 ГК РФ устанавливает, что «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Сделку характеризуют определенные признаки:

1. Сделка – это юридический акт.
2. Сделка – это правомерное действие.
3. Сделка – это волевой акт лица, совершающего действия.
4. Сделка – это действие, специально направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Полагаем, всеми этими признаками обладает брачный договор, следовательно, он является и гражданско-правовой сделкой, и гражданско-правовым договором, и к нему (брачному договору) по аналогии можно применять нормы глав 9, 27–29 ГК РФ.

Брачный договор-сделка является двусторонним (требуется согласие воли двух или более лиц); может быть как возмездным, так и безвозмездным.

Брачный договор-сделка является консенсуальным, для его заключения достаточно достижения согласия о совершении сделки, никаких встречных действий производить не требуется; договор каузальный, поскольку основание (цель) (переход имущества в собственность другому лицу) для него является существенным элементом.

Как мы помним, в сделках могут быть указаны сроки. Срок – это определенный момент или период времени, с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. В зависимости от наличия или отсутствия сроков, выделяют сделки срочные и бессрочные. В бессрочной сделке не определяется ни момент ее вступления в действие, ни момент ее прекращения. Такая сделка немедленно вступает в силу. Сделки, в которых определен либо момент вступления в действие, либо момент прекращения, либо оба эти момента, называются срочными. Представляется, что брачный договор-сделка может быть как сроч-

ной сделкой, так и бессрочной – вступить в силу немедленно или по истечении определенного времени.

В зависимости от наличия или отсутствия в сделке условия, выделяют сделки обычные и условные. В обычных сделках наступление прав и обязанностей происходит в момент совершения сделки либо через известный промежуток времени. В условных сделках все зависит от наступления или ненаступления каких-либо обстоятельств (условий). Представляется, что брачный договор может быть и одним (например, когда не указывается никакого условия: измены, расторжения брака и т.д.), и другим (когда устанавливаются имущественные права и обязанности супругов только в браке, но не на случай его расторжения).

Условные сделки делятся на совершенные под отлагательным условием (если возникновение прав и обязанностей в сделке поставлено в зависимость от наступления или ненаступления каких-либо обстоятельств) и под отменительным условием (права и обязанности по этой сделке прекращаются с наступлением или ненаступлением каких-либо обстоятельств). Полагаем, брачный договор может быть сделкой и с отменительным условием, и с отлагательным.

Таким образом, брачный договор имеет гражданско-правовую природу, логично вписывается в систему гражданско-правовых сделок, поэтому является полноценными гражданско-правовой сделкой и гражданско-правовым же договором.

Л.В. Саенко,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

**ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ
СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ПРЕЛОМЛЕНИИ
МЕТОДИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ДОКТРИНЫ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
И ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
Н.А. БАРИНОВА**

Николай Алексеевич Баринов – личность для нашей Академии знаменательная. Замечательный человек, ученый, яркий представитель саратовской цивилистической школы, учитель в самом широком значении этого слова.

Несколько диссертаций его учеников на соискание ученой степени доктора юридических наук являются творческим продолжением идей Николая Алексеевича Баринова, а разработанная им теоретическая модель «доктрина имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения» как служила, так и еще послужит основой для многих исследований в различных отраслях права.

Не составляет исключения, по нашему мнению, и семейно-правовая наука, находящаяся в данный момент «на распутье», на этапе поиска новых путей своего развития, новых методологических подходов к определению концепции в разработке механизмов принятия решений по минимизации рисков в сфере охраны и защиты прав и законных интересов лиц с семейными обязанностями семейно-правовыми средствами в условиях современных вызовов. Это касается буквально всех институтов семейного права, а особенно сферы защиты прав детей – самой уязвимой категории субъектов семейного права. Здесь уже насущно требуется внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

Творческое развитие идей, содержащихся в доктрине имущественных потребностей Николая Алексеевича Баринова, должно найти отражение и в инновационно-правовой концепции развития семейного права как отрасли права, как отрасли законодательства, как отрасли российской науки.

Ведя речь о доктрине, разработанной Николаем Алексеевичем Бариновым¹, нельзя не отметить ее высочайший методологический потенциал, позволяющий применять ее к различным по сути правоотношениям. Тематика, к которой обращается автор, представляет собой сложную комплексную проблему, поэтому для ее раскрытия потребуются использование достаточно большого количества разнообразных методов.

К научному осмыслению и всестороннему исследованию темы применимы как всеобщие, так и общенаучные, специальные и частнонаучные методы теоретического и эмпирического свойства. Так, методологическую основу познания основных понятий семейно-правовой науки должны составить общие философские методы. Для более глубокого изучения семейно-правовых категорий – синергетический и интегративный методы (естественно-правовой и позитивистский подходы), а также структурно-функциональный метод, более всего подходящий для изучения внутренней структуры любого явления.

Учитывая комплексный характер исследуемых категорий, для их всестороннего изучения необходимо применить эпистемологический подход – самый общий и широкий междисциплинарный теоретический метод. Для решения поставленных задач следует использовать также распространенные общетеоретические методы: диалектический и логический. В целях выявления исторической преемственности и перспектив развития различных явлений в эволюции нормативного регулирования семейных отношений особое значение приобретает исторический подход.

Сбор, соответствующая обработка, дальнейшее исследование и обобщение нормативных источников и научной литературы осуществляется при помощи формально-юридического метода. В частности, данный метод позволит исследовать проблему нормативного регулирования семейных отношений с помощью специальных категорий, конструкций и знаний, накопленных юридической наукой. Применение системного анализа позволит сформулировать предложения по совершенствованию семейного законодательства РФ.

Особое значение в изучении генезиса нормативного регулирования семейных отношений приобретает метод сравнительно-

---

¹ См.: *Барин Н.А.* Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

правового анализа, который позволит определить степень влияния норм международного и внутригосударственного права на формирование единого правового пространства в сфере регулирования семейных отношений.

Метод моделирования применим при разработке общих положений модельного семейного законодательства.

Несколько слов следует сказать и о построении теории институционализации семейного права. Так, под правовым институтом принято понимать устойчивую группу правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений¹. У семейных отношений есть особенность – институты семейного права позволяют именно комплексно регулировать группы однородных и взаимосвязанных отношений.

Какие же мы видим концептуальные подходы к построению теории институционализации семейного права и семейного законодательства? В первую очередь следует отметить, что данная теория состоит в структурировании и систематизации отдельных институтов семейного права и складывается из следующих направлений их исследования:

- история их становления;
- теоретический анализ каждого института;
- проблематика их развития в условиях современных вызовов;
- взаимосвязь правового регулирования с обычаями и традициями, влияние норм морали и нравственности, а также норм религии на его общее состояние;
- сравнительно-правовой анализ институтов в международном аспекте;
- появление новых институтов, правовое их урегулирование и законодательное обеспечение;
- междисциплинарный характер, например в преломлении методической составляющей доктрины имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения Н.А. Барина.

О каких же институтах идет речь? Выделим следующие, вполне устоявшиеся в науке и отраслевом назначении:

- институт семьи;
- институт брака;

---

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. М., 2004. С. 84.

- институт личных неимущественных прав и обязанностей супругов, иных членов семьи;
- имущественные права и потребности лиц с семейными обязанностями, обладающих семейно-правовым статусом;
- институт брачного договора;
- права и обязанности родителей и детей;
- институт лишения и ограничения родительских прав;
- алиментные обязательства членов семьи;
- формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей;
- опека и попечительство;
- приемная семья;
- применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Нельзя не указать и выделение новых институтов и субинститутов семейного законодательства в связи с образованием новых институтов семейного права (актуальная проблематика регулирования суррогатного материнства, междисциплинарный институт оказания международной правовой помощи, в нашем случае – по семейным делам и другие примеры). Поэтому отдельного внимания заслуживает вопрос о системе семейного законодательства.

Есть ли система и системность в семейном праве? Системность как сравнительная характеристика уникальной структуры, функционирующей во внешней среде? Системность – не как внутреннее свойство, а как внешняя характеристика структуры, проявляющая свою уникальность исключительно через взаимоотношения с окружающей средой. Отсюда однозначный ответ – пока нет.

В качестве некоторых выводов можно отметить, что семейное право как наука, как отрасль российского права нуждается в систематизации.

Семейное законодательство стоит на пути глобальных концептуальных изменений. Семейному кодексу необходима системность, в данном контексте выражающаяся в наличии общей, особенной, а возможно, и специальной части.

Таким образом, обращение к методической составляющей доктрины имущественных потребностей и правовых средств их обеспечения Николая Алексеевича Баринова приводит к осмыслению общих направлений построения теории институционализации семейного права.

М.А. Кондрашова,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ»

Категория «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей» на сегодняшний день не достаточно исследована российскими учеными-цивиристами, несмотря на то что данный институт является стержневым в науке семейного права. На наш взгляд, в отрасли семейного права должен быть сформулирован научный подход к определению указанной категории. Изучение способа осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей остается актуальной проблемой, и нами видится уместным предложение по выявлению определенных научных выводов, которые, в свою очередь, поспособствуют совершенствованию семейного законодательства, в частности выработке дефиниции «способ осуществления семейных прав и исполнения обязанностей». Прежде чем попытаться исследовать данную категорию, необходимо обратиться к предмету настоящего исследования, а именно обозначить такие базовые понятия, как «осуществление прав» и «исполнение обязанностей», а также нельзя не отметить взаимосвязь категории «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей» с такими понятиями, как «субъективное право» и «субъективная обязанность».

Субъективное право можно охарактеризовать как предоставление управомоченному лицу определенного варианта поведения, в рамках которого само субъективное право является критерием тех способов, где данное поведение и может реализовываться. Если говорить о субъективной обязанности, то здесь хотелось бы привести позицию Н.И. Матузова, понимавшего под юридической обязанностью установленную законом строго определенную меру «наиболее разумного и целесообразного поведения», сосредоточенную

на удовлетворении интересов¹. Другими словами, субъективное право представляет собой границу допустимо возможного поведения участника правовых отношений, а субъективная обязанность – должное поведение управомоченных лиц.

При изучении данных понятий нельзя не затронуть общетеоретический и гражданско-правовой аспекты исследования «осуществления прав» и «исполнения обязанностей», но изначально хотелось бы остановиться на филологическом значении указанных терминов. С позиции словарного понимания термина «осуществление» его значение выражается в следующем: ««привести в исполнение, воплотить что-либо в действительность»². Лексическое значение термина «исполнение» – «исполнить, наполнить, дополнить, пополнить, приводить в действие, совершать, вершить на деле, делать»³. Дефиниции «осуществление прав» и «исполнение обязанностей» можно встретить в исследованиях ученых-цивилистов, занимающихся изучением проблем осуществления гражданского права и исполнения субъективных обязанностей. В науке семейного и гражданского права исполнению обязанностей корреспондирует осуществление прав.

Под осуществлением гражданских прав понимается возможность использования предоставленных законом или договором полномочий по распоряжению своими правами по своему усмотрению⁴. Под исполнением обязанностей в широком смысле следует понимать определенную совокупность действий правообладателя, сосредоточенную на реализации правовых возможностей⁵. Опираясь на теоретико-правовое и гражданско-правовое учение

---

¹ См.: Матузов Н.И. О категориях «субъективное право» и «юридическая обязанность» в свете современного правового развития // *Личность и власть*. Ростов н/Д, 1995. С. 26–27.

² См.: Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987. С. 399.

³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 359.

⁴ См.: Константинова В.С., Хмелева Т.И., Быкова Т.А. Осуществление и защита прав граждан и юридических лиц в сфере гражданско-правовых отношений (общие положения) // *Новое российское гражданское законодательство и практика его применения: сб. науч. ст.* / под ред. З.И. Цыбуленко. Саратов, 1998. С. 33.

⁵ См.: Вавилин Е.В. Действие механизма осуществления прав и исполнения обязанностей // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2009. № 5. С. 2.

об осуществлении субъективных гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей, хотелось бы отметить взаимосвязь осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей. Ю.А. Федорова достаточно точно отметила особенности данных категорий, в частности права и обязанности не могут быть реализованы за пределами семейно-правовых отношений, права и обязанности являются взаимозависимыми и определенным образом связывают участников соответствующего семейного правоотношения¹.

Рассмотрев указанные базовые понятия, хотелось бы проанализировать дефиницию «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей». На современном этапе развития науки семейного права существует терминологическая неясность при формулировании определения данной категории, так как на законодательном уровне легального определения не дано, несмотря на то что в правовой литературе исследовался вопрос о способах осуществления прав и исполнения обязанностей. При изучении данного понятия будем опираться на мнения ученых-теоретиков и ученых-цивилистов в данной области, таких как В.П. Грибанов, В.В. Копейчиков, А.А. Малиновский, С.Т. Максименко, Ю.К. Толстой, Е.В. Вавилин, Н.А. Дмитрик.

Для начала хотелось бы определить общеупотребительное значение слова «способ», под которым понимается определенное действие или система различных приемов, применяющихся при исполнении, осуществлении чего-либо, а также при проведении каких-либо работ². Толковый словарь русского языка термин «способ» трактует как порядок, образ действия, определенный прием для исполнения чего-либо, а также для достижения какой-либо цели³.

В словаре синонимов русского языка схожими по содержанию и смыслу со словом «способ» выступают такие слова, как средство,

---

¹ См.: Федорова Ю.А. Осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей в сфере интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2012. № 3. С. 23–27, № 4. С. 26–28.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1998. С. 757.

³ См.: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. Т. 4. С. 516.

метод, прием, мера, манера¹. В научной правовой литературе встречаются совершенно противоположные мнения относительно того, как соотносятся дефиниции «средство» и «способ». Е.А. Еремеева и М.М. Фомина исследовали указанные категории, дав им филолого-правовое обоснование и приведя соответствующие аргументы, совершенно справедливо указали на факт близкого значения, но на их различную сферу жизнедеятельности человека, подчеркнув, что данные понятия являются настолько похожими, что границы между ними провести достаточно сложно, но необходимо, в первую очередь для правильного практического использования. По мнению авторов, содержание понятия «способ» можно определить, ответив на вопросы о том, как и каким образом можно достигнуть определенного результата. Следовательно, категорию «способ» можно охарактеризовать как совокупность действий или определенную инструкцию действий для достижения той или иной цели, направленной на удовлетворение интересов субъектов правоотношения. Для раскрытия содержания, характеризующего понятие «средство», нужно ответить на вопросы о том, чем и с помощью чего можно достигнуть желаемого результата².

Достаточно интересной представляется точка зрения А.С. Аникина о том, что в науке не обоснована необходимость применения категории способа осуществления прав. В частности, автор ссылается на то, что, например, для осуществления прав управомоченному субъекту требуются определенные действия других участников правовых отношений, а для распоряжения правом необходимо заключение договора. В этой ситуации А.С. Аникин указывает на применение не способов, а средств осуществления прав, под которыми понимает правовой механизм заключения, например, договора или представительства, который как раз и будет необходим для своевременной реализации права и непосредственно для достижения определенной цели предоставлен управомоченному лицу³. С позиции автора нельзя согласиться, ни исследуя способ осуществления

---

¹ См.: *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А. Чешко. М., 1975. С. 516.

² См.: *Еремеева Е.А., Фомина М.М.* Соотношение понятий «средство» и «способ»: филолого-правовое обоснование и их практическое применение // *Симбирский научный вестник.* 2015. № 4 (22). С. 189–192.

³ См.: *Аникин А.С.* Содержание и осуществление субъективного гражданского права // *Юрист.* 2008. № 3. С. 61–63.

прав в гражданско-правовом аспекте, ни применяя данную точку зрения к отрасли семейного права. В данном случае мы придерживаемся мнения Ю.А. Федоровой¹ относительно того, что все-таки категория «способ осуществления субъективного права» достаточно шире по своему содержанию, нежели категория «средство осуществления субъективного права».

Исследованием категории «способ осуществления права» занимался и А.А. Малиновский. Ученый определял способ осуществления права как сочетание действий участника правовых отношений, содержащих в себе конкретные правомочия и ориентированных на удовлетворение потребностей не выходя за пределы осуществления субъективного права. А.А. Малиновский указывал и на сущность способа осуществления права, которую определял как саму форму существования субъективного права, а также комплекс допустимых и возможных вариантов поведения, позволяющий правовым предписаниям не только на законодательном уровне принять форму юридически закрепленных действий посредством правомерного поведения субъекта².

Законодатель предоставляет участникам семейных правоотношений свободу в осуществлении семейных прав и исполнении обязанностей, указывая, что при этом не должны быть нарушены законные интересы других членов семьи и всех остальных граждан. Следовательно, при осуществлении прав и исполнении обязанностей надлежит руководствоваться определенными требованиями, предъявляемыми к способам осуществления и исполнения. При данном подходе все способы должны быть целесообразными, соответствовать правилам морали и нравственности, исходить из принципа разумности и справедливости, полностью отвечать требованиям закона и не выходить за пределы субъективного права и субъективной обязанности. При несоблюдении перечисленных требований способы будут характеризоваться как ненадлежащие, а при выполнении требований участники семейных правоотношений, осуществляя свое право и исполняя предусмотренную обязанность, не выходят за пределы, тем самым не причиняют вреда третьим лицам. Нельзя не отметить и тот факт, что законодатель для более четкого и правильного урегулирования семейных правоотношений

---

¹ См.: Федорова Ю.А. Указ. соч. С. 26–28.

² См.: Малиновский А.А. Способы осуществления права // Журнал российского права. 2007. № 3. С. 48–49.

обратил внимание на неприемлемость отдельных способов осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей в части родительских прав. Так, ст. 65 СК РФ устанавливает способы воспитания детей при осуществлении родительских прав.

Характеризуя категорию «способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей», опираясь на указанные аспекты исследования, следует отметить, что только изучив теоретико-правовое и гражданско-правовое учение о способах осуществления прав и исполнения обязанностей, можно попытаться сформулировать данную дефиницию применительно к отрасли семейного права. Способ осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей – это комплекс систематизированных правил поведения и вариантов действий субъектов семейных правоотношений, направленных на удовлетворение интересов и отвечающих требованиям разумности, справедливости и нравственности.

О.В. Манько,

*старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С НАЙМОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ

Конституция РФ, будучи Основным Законом государства, отражает смену эпох обеспечения жилищной потребности граждан. В новых условиях происходит изменение порядка и правил предоставления жилых помещений, прекращается монополия государства в отношении собственности и экономической деятельности, устанавливается равенство всех форм собственности, появляется частная собственность на жилье и землю. Прекращается господствующее положение государственного жилищного фонда, возникает частный жилищный фонд, постепенно в частные руки передаются проектные и строительные организации, банки, образуется рынок жилья.

Государство и органы местного самоуправления с переходом к новой системе прекратили осуществлять строительство жилья за счет средств населения в целях распределения свободных жилых помещений среди нуждающихся в них. В современных условиях граждане самостоятельно решают жилищные проблемы путем вложения собственных средств в приобретение жилых помещений, а также с применением ипотечного кредитования и системы компенсаций.

Подобным образом жилищные проблемы решает большинство граждан. Меньшинство – это малоимущие и другие лица, признанные законом нуждающимися в улучшении жилищных условий за счет государственного или муниципального жилищного фонда, – обеспечиваются исходя из принципов прежней системы: сохраняется режим предоставления им жилых помещений в соответствии с установленными законом нормами из государственных, муниципальных и других жилищных фондов. Такие категории граждан могут пользоваться предоставленным им жильем на условиях найма за доступную плату или бесплатно.

Проблемы реализации права пользования такими жилыми помещениями возникают при необходимости доказывания соответствия закону требований об изменении договора найма жилых помещений из государственного или муниципального жилищных фондов.

В судебной практике существует неоднозначный подход к регулированию правоотношений, возникающих из договоров найма жилых помещений из государственного и муниципального жилищных фондов при признании членами семьи нанимателя жилого помещения или нанимателем по договору социального найма вместо выбывшего.

В подавляющем большинстве случаев изменения договора социального найма приходится требовать именно в судебном порядке, поскольку наймодатель не спешит заключить договор найма жилого помещения с членом семьи нанимателя. Обычно это связано с недостаточностью документов, необходимых для заключения договора, так как часто у члена семьи нанимателя они не сохраняются. Например, с течением времени может быть утрачен ордер на жилое помещение, полученный нанимателем как основание для вселения в жилое помещение, а договор найма с нанимателем не заключался.

Так, Богородицким районным судом Тульской области рассматривалось гражданское дело по иску Лосевой Ж.В. к администрации муниципального образования Богородицкий район о признании права пользования жилым помещением на условиях договора социального найма и о возложении обязанности заключить указанный договор с членом семьи умершего нанимателя. Поскольку у истицы отсутствовали документы, служащие основанием заключения договора с первоначальным нанимателем, выбывшим из договора ввиду смерти, администрация отказала заявительнице в заключении договора социального найма жилого помещения.

Рассмотрев материалы дела, суд пришел к выводу, что именно наймодатель должен заботиться о надлежащем оформлении договора социального найма жилого помещения, поскольку он является владельцем соответствующего жилищного фонда, а не гражданин, заселяющийся в жилое помещение, так как он является «слабой» стороной обязательства. Следовательно, отсутствие ордера на жилое помещение или надлежаще оформленного решения администрации о предоставлении жилого помещения, данных о предостав-

лении жилого помещения в архиве не может служить основанием для отказа в иске¹.

Другой проблемой практики разрешения споров в суде является применение надлежащего нормативного акта, позволяющего заявителю, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, требовать от уполномоченного органа власти предоставить благоустроенное жилое помещение во внеочередном порядке. Со вступлением в законную силу Приказа Министерства здравоохранения РФ от 29 ноября 2012 г. № 987н «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире»² суды принимали решение об отказе в удовлетворении требований истцов по причине утраты ими оснований для получения жилья вне очереди в связи с отменой Постановлением Правительства РФ от 21 июля 2017 г. № 859³ Постановления Правительства РФ от 16 июня 2006 г. № 378 «Об утверждении перечня тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире»⁴, в который на момент его действия входило заболевание заявителя.

Дело в том, что новый перечень, утвержденный Приказом Министерства здравоохранения, значительно уменьшил количество хронических заболеваний, дающих право заявителю требовать предоставления жилых помещений вне очереди. Верховный Суд РФ по подобным вопросам дал однозначное разъяснение: споры по предоставлению жилых помещений в период до 1 января 2018 г. должны разрешаться с применением Постановления Правительства, а не Приказа Министерства здравоохранения, так как хотя Приказ и был принят в 2012 г., но вступил в законную силу с 1 января 2018 г. Следовательно, если заявитель был принят на учет в качестве нуждающегося в улучшении жилищных условий до 1 января 2018 г., применению подлежит Постановление Правительства⁵. Таким об-

---

¹ См.: Решение № 2-1235/2020 2-1235/2020~М-1202/2020М-1202/2020 от 19 ноября 2020 г. по делу № 2-1235/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0tQMNdV23E5e/>

² См.: Российская газета. 2013. № 40.

³ Постановление Правительства РФ от 21 июля 2017 г. № 859 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31, ч. 2, ст. 4919.

⁴ См.: СЗ РФ. 2006. № 25, ст. 2736.

⁵ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федера-

разом, Верховный Суд сформулировал правовую позицию на основании ч. 1 и 2 ст. 6 ЖК РФ¹, согласно которой «акты жилищного законодательства не имеют обратной силы, если такая возможность не предусмотрена самим актом, и применяются к правоотношениям, возникшим после вступления их в законную силу»².

Следовательно, для правильного разрешения споров, возникающих при оспаривании прав граждан на жилое помещение, необходимо дальнейшее формирование судебной практики и конкретизация в том числе уже существующего законодательства, содержащего положения о предоставлении жилья нуждающимся гражданам, имеющим право на жилые помещения по договору найма жилых помещений из государственного и муниципального жилищных фондов.

ции № 1 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 апреля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14; 2022. № 1, ч. 1, ст. 45.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019).

Раздел 4

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ

С.Ж. Соловых,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

МЕХАНИЗМ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ ЛИКВИДИРОВАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рынок недвижимости оказывает значительное влияние на макро- и микроэкономическую региональную ситуацию. Увеличение оборота недвижимого имущества в экономической сфере общества, а также специфика правового режима объектов недвижимости указывает на необходимость более пристального взгляда законодателя на правовое регулирование сферы оборота недвижимости с точки зрения создания баланса интересов участников правоотношений.

Обобщение практики правоприменения за последние годы позволяет говорить, что достаточно часто возникает ряд вопросов при государственной регистрации сделок и (или) перехода права собственности по договору купли-продажи в тех случаях, когда у одной из сторон прекращена правоспособность.

Выделяются два случая. Первый – когда единственным препятствием для регистрации перехода права собственности является прекращение правоспособности продавца, второй – когда в наличии не только прекращение правоспособности продавца, но и от-

сутствие в ЕГРП записи о праве собственности продавца на спорное имущество.

В первом случае заявление подается только одной стороной договора, в связи с тем что другая сторона договора ликвидирована. Это обстоятельство является основанием для отказа в государственной регистрации права в силу отсутствия заявления продавца о государственной регистрации перехода права собственности.

Сложившейся судебной практикой по данной категории дел выработаны следующие подходы:

1. Исходя из содержания ст. 6 ГК РФ, по аналогии применяются правила ст. 165, 551 ГК РФ. Решение вопроса о государственной регистрации сделки, перехода права собственности на недвижимое имущество при ликвидации другой стороны отнесено к исключительной компетенции суда и рассматривается так же, как и в случае уклонения одной стороны от регистрации.

Таким образом, положения п. 2 ст. 165 и п. 3 ст. 551 ГК РФ, закрепляющие право суда по требованию одной из сторон сделки вынести решение о регистрации сделки и перехода права собственности на недвижимость при уклонении другой стороны от соответствующей регистрации, представляют собой гарантии надлежащего выполнения сторонами своих обязательств¹.

2. В силу ст. 58, 1110 и 1112 ГК РФ обязанности продавца по договору купли-продажи переходят к его универсальным правопреемникам. Поэтому покупатель недвижимого имущества вправе обратиться с иском о государственной регистрации перехода права собственности (ст. 551 ГК РФ) к наследникам или иным универсальным правопреемникам продавца. При отсутствии наследников продавца либо при ликвидации продавца – юридического лица судам необходимо учитывать следующее. Покупатель недвижимого имущества, которому было передано владение во исполнение договора купли-продажи, вправе обратиться за регистрацией перехода права собственности. Отказ государственного регистратора зарегистрировать переход права собственности в связи с отсутствием заявле-

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 165, пунктом 3 статьи 551 и статьей 1132 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=ARB&n=573520#KdyRUGTaAZeY9cyP1>

ния продавца может быть обжалован в суд по правилам главы 25 ГПК РФ или главы 24 АПК РФ¹.

3. Решение о государственной регистрации перехода права собственности по сделке, в том числе в случае ликвидации продавца недвижимости (юридического лица), может быть принято как по делу об оспаривании отказа регистрирующего органа в осуществлении этой государственной регистрации, так и по результатам рассмотрения требований, заявленных к регистрирующему органу по правилам искового производства². Таким образом, предполагается рассмотрение возможных требований как в порядке главы 24 АПК РФ, так и по общим правилам искового производства.

4. Отказ в удовлетворении исковых требований при исполнении сторонами обязательств по договору в отсутствие правопритязаний третьих лиц на это имущество не соответствует нормам ст. 223, п. 3 ст. 551 ГК РФ и противоречит принципу правовой неопределенности, а судебные акты об отказе в удовлетворении требований нарушают единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права³.

5. При рассмотрении иска, связанного с приобретением заинтересованным лицом права на имущество, приобретенное по сделке с ликвидированным продавцом, суду следует определить материально-правовую цель иска – необходимость государственной регистрации права собственности заинтересованного лица в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. При этом отказ обратившемуся в суд лицу в защите прав по формальным основаниям не обеспечивает должной защиты права участника гражданского оборота⁴.

---

¹ См.: п. 62 Постановления Пленума ВС РФ, Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (в ред. от 23 июня 2015 г.)// СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 сентября 2009 г. № 1395/09. URL: http://www.arbitr.ru/arxiv/post_pres/1_1_679d5ae8-4359-46b3-bed8-e66526508867.html

³ См.: Решение Арбитражного суда Курганской области от 19 октября 2017 г. по делу № А34-9704/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jCafMhBWMDUq/>

⁴ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 14397/11. URL: http://www.arbitr.ru/arxiv/post_pres/1_1_d0363a8c-7e8d-4929-b982-07fbda853e10.html

6. При рассмотрении таких требований покупателя суд проверяет исполнение продавцом обязанности по передаче и исполнение покупателем обязанности по оплате. Если единственным препятствием для регистрации перехода права собственности к покупателю является отсутствие продавца, суд удовлетворяет соответствующее требование покупателя.

В резолютивной части решения суд обязывает государственного регистратора совершить действия по государственной регистрации перехода права собственности. Следовательно, в случае ликвидации продавца до государственной регистрации перехода права собственности покупатель по исполненному договору купли-продажи для защиты своих прав может обратиться с требованиями, подлежащими рассмотрению по правилам главы 24 АПК РФ.

Учитывая приведенные нормы права и разъяснения, при отсутствии продавца единственным способом защиты законных прав покупателя по сделке, совершенной с соблюдением требований, установленных законодательством РФ, является регистрация перехода права собственности на основании судебного решения при условии исполнения продавцом обязанности по передаче имущества и исполнения покупателем обязанности по оплате его стоимости¹.

Как следствие, в судебном порядке выясняются следующие факты:

- исполнение договора купли-продажи сторонами;
- перечень представленных на государственную регистрацию документов, которые не противоречат предъявляемым к ним требованиям и подтверждают возникновение права собственности на недвижимое имущество;
- отсутствие оспаривания (признания недействительной) сделки в установленном законом порядке.

При установлении всех этих фактов суд признает, что оснований для отказа в государственной регистрации перехода права собственности не имелось. Поэтому ликвидация продавца не является препятствием для регистрации перехода права собственности на это имущество к покупателю в отсутствие заявления продавца,

---

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г. № 5-КГ18-228. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=566968#1douk84cbrc>

покупатель вправе требовать такой регистрации, если для этого отсутствуют иные препятствия.

Решение данной ситуации возможно путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ и расширения полномочий государственного регистратора, т.е. наделения его полномочием самостоятельной проверки соответствующих документов и совершения регистрационных действий. Статью 165 ГК РФ следует дополнить пунктом 2.1 следующего содержания: «Если сделка, требующая государственной регистрации, совершена в надлежащей форме, но правоспособность одной из сторон прекращена, другая сторона вправе обратиться за регистрацией сделки».

Такой подход не противоречит действующему законодательству, т.к. не ограничивает возможность оспаривания решений государственного регистратора в судебном порядке, а также более целесообразен с точки зрения расходования бюджетных средств на возмещение расходов, связанных с оплатой государственной пошлины, поскольку на сегодняшний день по итогам рассмотрения дел указанной категории суды, удовлетворяя требования покупателя по договору купли-продажи недвижимости, взыскивают государственную пошлину с Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии¹.

Во втором случае, когда отсутствие продавца является не единственным препятствием для регистрации перехода права собственности, а в ЕГРП отсутствует и запись о праве собственности продавца на спорное имущество, надлежащим способом защиты права истца является обращение в арбитражный суд с требованием, заявленным к регистрирующему органу по правилам искового производства, на основании заключенного договора купли-продажи, на действительность которого не влияет отсутствие государственной регистрации права собственности продавца на дату заключения договора купли-продажи.

При этом и в том, и в другом случаях обязательным является обращение истца в регистрационный орган с заявлением о государ-

---

¹ См.: п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-23062015/>

ственной регистрации перехода права собственности на приобретенное имущество.

Как следует из п. 62 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22, суд при обжаловании действий регистратора проверяет исполнение продавцом обязанности по передаче и исполнение покупателем обязанности по оплате. В порядке же искового производства судом дается оценка обстоятельствам (возникновения) приобретения права собственности продавца и наличия у него правомочий по распоряжению имуществом, а также наличия (отсутствия) правоприязаний третьих лиц, для чего необходимо их привлечение к участию в деле, что является прерогативой суда, а регистрирующий орган в силу предоставленных ему законом функций этого делать не вправе.

В соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 20 Закона о государственной регистрации, в государственной регистрации может быть отказано, в частности, если документы, представленные на государственную регистрацию прав, по форме или содержанию не соответствуют требованиям действующего законодательства. Исходя из изложенного, отказы Управления Росреестра в государственной регистрации права собственности не противоречат ст. 20 Закона о государственной регистрации. Допущенные нарушения прав истца подлежат устранению путем возложения на Управление Росреестра обязанности по осуществлению государственной регистрации перехода права собственности.

В силу п. 5 ч. 4 ст. 14 Закона о государственной регистрации недвижимости, государственная регистрация прав без одновременного государственного кадастрового учета осуществляется при условии наличия в Едином государственном реестре недвижимости сведений об объекте недвижимого имущества, право на который регистрируется в связи с подтверждением прав на объект недвижимости, возникших до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ¹.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 59 Постановления № 10/22, иск о признании права подлежит удовлетворению в слу-

---

¹ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) (утратил силу) // СЗ РФ. 1997. № 30, ст. 3594; 2016. № 27, ч. 2, ст. 4294.

чае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права. Иск о признании права, заявленный лицами, права и сделки которых в отношении спорного имущества никогда не были зарегистрированы, может быть удовлетворен в тех случаях, когда права на спорное имущество возникли до вступления в силу Закона о госрегистрации и не регистрировались в соответствии с п. 1 и 2 ст. 6 названного Закона либо возникли независимо от их регистрации в соответствии с п. 2 ст. 8 ГК РФ.

Однако отсутствие государственной регистрации права собственности продавца на заявленный к регистрации объект недвижимости не отменяет необходимости установления факта наличия возникшего до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» правового титула на вещь, т.е. ранее возникшего права¹. При ином подходе суд принятием решения о государственной регистрации перехода права собственности вводит в гражданский оборот имущество, законность правового статуса которого, равно как и правообладание им, достоверно не установлено.

Таким образом, судом устанавливаются обстоятельства, подтверждающие возникновение у продавца права собственности на отчужденное недвижимое имущество, в том числе в порядке правопреемства.

В силу ч. 1 ст. 65 АПК РФ должны быть представлены доказательства, свидетельствующие о наличии факта осуществления хозяйственного господства в отношении имущества. Например, сведения о времени постройки объектов, об их учете в хозяйственной деятельности как продавца, так и любого из его правопреемственников, о строительстве заявленных к регистрации объектов продавцом либо его правопреемственником либо доказательства приобретения имущества по иным предусмотренным законом основаниям.

Как следствие, круг обстоятельств, подлежащих выяснению в судебном разбирательстве, указывает на то, что данные требования заявлены об установлении права собственности на имущество, приобретенное по гражданско-правовой сделке. В силу этого такие

---

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 306-ЭС17-2124. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27062017-po-delu-n-306-es17-2124-a57-30682016/>

требования не могут быть рассмотрены в порядке особого производства, процессуальные правила которого установлены главой 27 АПК РФ.

Возможность признания права собственности в порядке особого производства АПК РФ не предусмотрена. В случае, когда заявитель ссылается на договор как на основание возникновения права, он должен обратиться в арбитражный суд с иском, в рамках рассмотрения которого суд на основании оценки всех имеющихся документов, относящихся к предмету договора, сделает вывод о том, является ли данный договор правоустанавливающим документом, проверит, считается ли договор заключенным, соответствует ли законодательству и порождает ли правовые последствия для его сторон.

В порядке особого производства суд не дает оценку гражданско-правовой сделке, на основании которой приобретено имущество.

Невозможно, на наш взгляд, применение и конструкции, указанной в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, к данным правоотношениям по следующим обстоятельствам. Во всех перечисленных случаях осуществляется защита титульного владения. Титульное владение – это владение, опирающееся на законное основание, т.е. титул. Понятие «титул» определяется в литературе как основание какого-либо права. Так, А.М. Эрделевский определяет титул как правовое основание, представляющее собой прямое указание закона или договора. Титул может иметь как вещный характер (право собственности, ограниченное вещное право), так и обязательственный (например, на основе договора). При этом титул может существовать только в отношении индивидуально-определенной вещи.

Необходимость в таком способе защиты гражданских прав, как признание права, возникает, в частности, когда наличие у лица определенного права приводит к невозможности его использования, затрудняет такое использование. Иск о признании права собственности является внедоговорным требованием собственника имущества о констатации перед иными лицами факта принадлежности ему права собственности на спорное имущество, следовательно, такой иск направлен на то, чтобы суд подтвердил, констатировал существующее правоотношение.

При рассмотрении исков о признании права собственности на имущество ликвидированных юридических лиц суды руководствуются п. 7 ст. 63 ГК РФ, согласно которому оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество юридического лица

передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или обязательственные права в отношении этого юридического лица, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или учредительными документами юридического лица.

При рассмотрении дела о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества (денежных средств) ликвидированного юридического лица суд устанавливает не право на индивидуально-определенную вещь, а права заинтересованных лиц на удовлетворение их имущественных интересов после ликвидации юридического лица.

Таким образом, защита нарушенных прав кредиторов осуществляется в соответствии с порядком, установленным п. 5.2 ст. 64 ГК РФ и предусматривающим, что в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право.

С учетом того, что указанная норма предоставляет равные права всем кредиторам на получение удовлетворения за счет имущества ликвидированного должника, применение правил о ликвидации юридических лиц (абз. 3 п. 5.2 ст. 64 ГК РФ), утверждение кандидатуры ликвидатора при рассмотрении требований, заявленных кредитором на основании п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве, суду по собственной инициативе следует ставить на обсуждение вопрос о применении при рассмотрении названных требований положений п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

Исходя из положений ст. 6 ГК РФ, возможно применение по аналогии норм Закона о банкротстве, с учетом того, что соответствующие положения не будут противоречить целям названного способа защиты нарушенных прав. Например, саморегулируемая организация арбитражных управляющих, из числа членов которой должен быть назначен арбитражный управляющий, может определяться судом применительно к п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве, п. 6 ст. 4 Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ посредством случайного выбора. В то же время размер и порядок выплаты вознаграждения (фиксированное или ежемесячное вознаграждение,

уплата процента от размера удовлетворенных требований кредиторов и т.п.) определяются судом с учетом мнения лиц, участвующих в деле, исходя из объема и сложности предстоящей работы.

Арбитражный управляющий обязан, проанализировав данные ликвидационного баланса, требования кредиторов и иные документы, имеющиеся у ликвидатора, установить порядок очередности требований кредиторов, при отсутствии таковых – распределить имущество ликвидированного юридического лица между его участниками; в случае недостаточности имущества – обратиться в суд с заявлением о признании ликвидируемого должника банкротом.

В рамках указанных полномочий арбитражный управляющий как единоличный исполнительный орган юридического лица вправе истребовать от уполномоченных лиц и государственных органов сведения о ликвидируемом юридическом лице, а также выступать от его имени в суде в качестве истца, ответчика либо в ином процессуальном статусе.

Как следствие, при рассмотрении указанной категории дел суд устанавливает:

- право заявителя на обращение в суд с соответствующим заявлением;
- наличие средств, достаточных для осуществления данной процедуры;
- возможность распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц.

По смыслу приведенных норм гражданского законодательства удовлетворение заявления не влечет за собой восстановление ликвидированного лица в Едином государственном реестре юридических лиц, а также возобновление производства по делу о банкротстве. При применении данной нормы права необходимо учитывать, что процедура распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право, должна обеспечивать баланс их прав и законных интересов, в том числе за счет минимизации расходов на ее проведение.

Применение данного механизма не отвечает и требованиям экономической целесообразности, а именно соразмерному удовлетворению требований кредиторов с максимальным экономическим эффектом, достигаемым обеспечением баланса между затратами на проведение процедуры реализации имущества и ожидаемы-

ми последствиями в виде размера удовлетворенных требований. То есть применение данного способа защиты влечет неоправданное увеличение расходов на проведение всех необходимых процедур.

Н.А. АРТЕБЯКИНА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права, педагогики и психологии
Ульяновского государственного аграрного университета
им. П.А. Столыпина

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (на примере Арбитражного суда Ульяновской области)

Онлайн-технологии стали повседневным явлением за последние два года в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Если весной 2020 г. отдельные отрасли моментально отреагировали на внезапно изменившиеся жизненные обстоятельства (например, сфера образования, которая одной из первых стала успешно применять дистанционные технологии в обучении), то в области осуществления правосудия по гражданским делам возникли определенные сложности¹.

Так, весной 2020 г. суды были закрыты, производства по делам приостанавливались (было характерно для судов общей юрисдикции), судебные заседания откладывались определениями, вынесенными после назначенных, но не состоявшихся судебных заседаний (в Арбитражном суде Ульяновской области). На территории Ульяновской области в судах общей юрисдикции и в Арбитражном суде Ульяновской области уже практически два года не ведется нарочный прием документов, что создает определенные трудности в реализации принципов доступности судебной защиты, процессуальной экономии, законности, поскольку порой единственный доступный способ передачи документов в суд – это отправка их почтовым отправлением, что увеличивает расходы по делу и не является быстрым.

Казалось бы, за два года пандемии должны были быть преодолены все проблемы, найдены пути их решения. Предполагается,

---

¹ См., например: *Артебякина Н.А. ...и правосудие для всех // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 5. С. 231–247; Ее же. Размышления о состоянии современной гражданской процессуальной формы // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 6. С. 95–111.*

что одним из вариантов преодоления трудностей, связанных с осуществлением правосудия по гражданским делам в период пандемии, должен стать вступивший в силу с 1 января 2022 г. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, который легально закрепил возможность удаленного участия в судебных заседаниях в рамках арбитражного, гражданского и административного судопроизводства, наметил положительную тенденцию развития судопроизводства в онлайн-формате в целях обеспечения эффективного и гарантированного доступа к судебной защите.

В конце января 2022 г. на официальном сайте Арбитражного суда Ульяновской области появилась информация о том, что «на период с 01 февраля по 18 февраля 2022 года включительно ограничен доступ граждан в здание суда и установлен особый порядок рассмотрения дел и заявлений»².

В связи с тем что у автора настоящей статьи было запланировано участие в судебном заседании на 2 февраля 2022 г. в качестве представителя одной из сторон, которое представлялось крайне важным вследствие сложности разрешаемых вопросов, необходимости приобщения к материалам дела дополнительных документов, 31 января 2022 г. было необходимо оперативно решить внезапно возникшую проблему с онлайн-участием в предстоящем судебном заседании. Посредством электронного сервиса «Мой арбитр» 31 января 2022 г. было направлено ходатайство об участии в судебном заседании посредством веб-конференции. Утром 1 февраля 2022 г. на электронную почту пришло уведомление о том, что указанное ходатайство принято. Далее произошел беспрецедентный случай: чуть позже на электронную почту пришло еще одно уведомление, но уже о том, что это же ходатайство отклонено по причине неправильного выбора вида обращения (вместо выбранной вкладки «Иные ходатайства (заявления)» требовалось выбрать вкладку «Ходатайство об участии в онлайн-заседании»).

Ранее в практической деятельности автора настоящей статьи не встречалась ситуация, когда принятое ходатайство в дальнейшем было отклонено. Позитивную роль сыграли работники аппарата суда, которые позвонили и предупредили о том, что с приняти-

---

¹ См.: Российская газета. 2022. № 1 (8650).

² URL: <https://ulyanovsk.arbitr.ru> (дата обращения: 14.02.2022).

ем ходатайства об участии в судебном заседании посредством веб-конференции возникли проблемы.

При всем удобстве подачи заявлений и ходатайств посредством электронного сервиса «Мой арбитр» ситуация иллюстрирует определенные препятствия, которые можно было бы избежать и быстро устранить при личном взаимодействии с работниками аппарата суда. Вряд ли можно было заранее предположить, что выбор вкладки при подаче ходатайства будет играть принципиальную роль при принятии его судом, поскольку ранее подобных трудностей не возникало.

Тем не менее ходатайство было подано вновь 1 февраля 2022 г. и благополучно принято. В день судебного заседания 2 февраля 2022 г. автор настоящей статьи заблаговременно созвонился с помощником судьи, а также со службой технической поддержки, чтобы удостовериться в правильности совершаемых действий по подключению к веб-конференции. Однако выяснилось, что сервисы «Мой арбитр» и «Госуслуги» (через который осуществляется вход на «Мой арбитр») недоступны. За 15 минут до запланированного судебного заседания автору настоящей статьи позвонила сама судья и, извинившись, констатировала, что проведение судебного заседания в онлайн-режиме невозможно вследствие технических проблем. При этом в определении об отложении судебного разбирательства¹ оказались не отражены сведения о технических неполадках, явившихся причиной невозможности участия представителя стороны в судебном заседании. В судебном акте отмечено, что судебное заседание состоялось без участия представителей сторон и третьих лиц.

В связи с неучастием в судебном заседании по техническим причинам и необходимостью приобщить документы к материалам дела автор настоящей статьи снова решил воспользоваться сервисом «Мой арбитр». Однако и 2-го, и 3-го февраля 2022 г. сервис оказался недоступным для пользования; на сайте обнаружилось объявление о ведении профилактических работ, что явилось непреодолимым препятствием для оперативного представления ходатайств в Арбитражный суд Ульяновской области.

---

¹ См.: Определение Арбитражного суда Ульяновской области от 2 февраля 2022 г. по делу № А72-2452/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6e57bbeb-18bd-4e88-875e-3f7cf9fa16b9/f947862e-ca7f-4eed-bad2-22c05544cd30/A72-2452-2021_20220202_Opredelenie.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

Попытки отправить документы посредством электронной почты, указанной на официальном сайте Арбитражного суда Ульяновской области, не увенчались успехом. Несмотря на то что в тексте сопроводительного электронного письма было указано на исключительность обстоятельств (суд закрыт для посетителей, сервис «Мой арбитр» не работает), в соответствии в которыми по сути единственным доступным оперативным способом связи осталась электронная почта, несмотря на признание того, что документы подаются ненадлежащим образом, тем не менее в ответном письме была продублирована фраза о ненадлежащей подаче документов и отказе в передаче документов по делу судье.

Документы по делу посредством сервиса «Мой арбитр» удалось направить лишь 4 февраля 2022 г.

В инструкции по настройке онлайн-заседания, размещенной в сервисе «Мой арбитр», в качестве рекомендуемого для подключения указан браузер Google Chrome. Подчеркнем, что он назван как рекомендованный, а не обязательный. При общении с сотрудниками технической поддержки Арбитражного суда Ульяновской области выяснилось, что в действительности необходимым условием для выхода в веб-конференцию является использование браузеров Google Chrome, Yandex или Firefox. Использование, например, браузера Opera могло послужить препятствием для участия автора настоящей статьи в судебном заседании 15 февраля 2022 г. по причине ошибки доступа к камере. Такая ошибка не возникала при использовании браузера Yandex. В самом начале состоявшегося в онлайн-режиме судебного заседания возникли проблемы со звуком, которые в дальнейшем были устранены.

Таким образом, с учетом конкретных примеров представляется преждевременным утверждать об абсолютной эффективности электронного правосудия, «быстром взаимодействии суда и сторон спора»¹. Кроме того, вызывают беспокойство некоторые иные моменты при осуществлении правосудия в онлайн-режиме. Например, будет ли в полной мере обеспечена реализация принципа гласности и открытости судебного разбирательства? При проведении онлайн-

---

¹ Зарубина М.Н. Электронная модель гражданского процесса: быть или не быть // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ–СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2020. С. 174.

заседания при закрытых для посетителей дверях суда невозможно представить условия, при которых мог бы быть обеспечен доступ к судебному заседанию для всех желающих, как это предусмотрено законом.

Кроме того, предположим, что стороны по каким-либо причинам не успели представить заблаговременно ходатайства о проведении судебного заседания в режиме веб-конференции¹ либо суд отказал в удовлетворении таких ходатайств. На основании информации, размещенной на сайте Арбитражного суда Ульяновской области, назначенные на период с 1 по 18 февраля 2022 г. судебные заседания состоятся и будут проведены без участия представителей сторон. При этом такое положение вещей основано не на нормах федерального закона (вопреки установкам ч. 2 ст. 3 АПК РФ), а, как указано на сайте, на поручении Правительства РФ от 21 января 2022 г. «О переходе на дистанционный формат работы и проведения совещаний»², письме Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 января 2022 г. № СД-АГ/59 «О дополнительных мерах по предотвращению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) и ее нового штамма “омикрон”», приказе Арбитражного суда Ульяновской области от 28 января 2022 г. № 8-П, иными словами, на документах, которые не могут определять порядок арбитражного судопроизводства на территории РФ.

Еще один момент, который заслуживает внимания. На основании ч. 7 ст. 11 АПК РФ, в частности, фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет допускаются с разрешения судьи. Если в «живом» судебном заседании вряд ли представляется

---

¹ Из содержания ч. 4 ст. 159 АПК РФ о пятидневном сроке рассмотрения такого ходатайства судом следует, что ходатайство о проведении судебного заседания посредством веб-конференции должно быть заявлено более чем за пять рабочих дней до дня судебного заседания, что также может стать препятствием для реализации прав и законных интересов сторон (с учетом ч. 5 ст. 159 АПК РФ).

² Согласно ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», акты Правительства РФ, имеющие нормативный характер, издаются в форме постановлений Правительства РФ; акты Правительства РФ по оперативным и другим текущим вопросам, не имеющие нормативного характера, издаются в форме распоряжений. Таким образом, осуществление арбитражного судопроизводства на основании распоряжения Правительства РФ, которое не имеет даже нормативного характера, незаконно.

возможным без удовлетворения судом соответствующего ходатайства вести, например, видеозапись судебного заседания, то, полагаем, проведение заседания в онлайн-режиме теоретически может повлечь не санкционированные судом фото-, видеосъемку, а также трансляцию заседания в сети Интернет.

Несмотря на удобство, онлайн-режим осуществления правосудия требует существенных доработок¹ и не должен вытеснить и заменить «очный» режим рассмотрения и разрешения гражданских дел. Соблюдение строго установленного федеральным законом церемониала², соблюдение принципов арбитражного судопроизводства (законности, состязательности, доступности судебной защиты, диспозитивности и др.) – это основные гарантии соблюдения законности в арбитражном судопроизводстве в правовом демократическом государстве.

Следует согласиться с тем, что необдуманное и неоправданное внедрение виртуализации гражданского судопроизводства может привести к обесцениванию и размыванию смысла правосудия³, основ правового порядка. Позволим выразить надежду на то, что трудности, возникающие в процессе применения онлайн-технологий, имеют временный и устранимый характер; в дальнейшем будут «гармонично сосуществовать» и дополнять друг друга «очный» формат рассмотрения дел и онлайн-режим.

---

¹ В частности, одной из таких проблем является аутентификация и идентификация доказательств. См.: *Борисова В.Ф.* Технологии электронного правосудия: вызовы времени // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, 8 июня 2021 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2021. С. 38.

² В ходе судебного заседания в режиме онлайн-заседания представители сторон располагаются вблизи мониторов компьютеров, не всегда удобно давать объяснения стоя, что нарушает требование ч. 2 ст. 154 АПК РФ.

³ См.: *Исаенков А.А.* К вопросу о виртуализации правосудия по гражданским делам // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ–СГЮА. С. 191.

О.А. БАХАРЕВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Широкое применение информационных технологий, цифровизация всех сфер деятельности общества и государства не обошли стороной и судебную систему. Законодатель стремится путем внедрения новых технологий облегчить участникам гражданского судопроизводства реализацию права на судебную защиту.

Среди нововведений – электронная подача искового заявления, заявлений и иных процессуальных документов, получение копий судебных постановлений в формате электронных документов с использованием сети Интернет, судебных повесток и иных судебных извещений, предоставление доступа к материалам дела в электронном виде в режиме ограниченного доступа к сети Интернет, если технические возможности суда позволяют такое взаимодействие. При подведении итогов работы судов за 2021 г. было отмечено, что нововведения успешно пытаются внедрить в гражданское судопроизводство. Заявители в электронном виде подали в суды 5 млн процессуальных документов. СМС-уведомлений о времени и месте судебного заседания судебными органами было направлено более 25 млн¹.

Согласно положениям действующего гражданского процессуального законодательства, предусматривается возможность подачи искового заявления, заявлений и иных процессуальных документов в электронном виде через личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда на интернет-портале ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет², через Единый портал государственных и муници-

---

¹ См.: Лебедев и Путин подвели итоги работы судов за 2021 год. URL: <https://pravo.ru/online/239028/>

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 де-

пальных услуг либо информационную систему (подписанных простой электронной подписью), через систему электронного документооборота участников процесса (подписанных квалифицированной электронной подписью)¹.

Электронные документы представляют собой разновидность письменных доказательств, выполненных в форме цифровой записи с помощью электронной, факсимильной связи, с использованием сети Интернет и подписанных электронной подписью (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ)². Документ в электронном виде следует отличать от электронного образа документа (копии электронного документа), получаемого в результате сканирования изготовленного на бумаге документа и заверенного электронной подписью. Электронный документ, в отличие от электронного образа документа, изготавливается только в электронном формате и подписывается электронной подписью³, которая устанавливает подписавшее документ лицо⁴. Электронная подпись имеет индивидуальные признаки, подтверждает волю уполномоченного лица и призвана защитить документ от подделки, искажения информации, содержащейся в нем. Обращение в суд может быть подписано простой электронной подписью, а в случаях, предусмотренных законодательством, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью (например, заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, заявление об обеспечении

кабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (в ред. от 17 ноября 2021 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 9.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1, ч. 1, ст. 42.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

⁴ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036; 2016. № 26, ч. 1, ст. 3889.

иска)¹. Электронная переписка между лицами не получает статуса электронных документов, поскольку сообщения не заверяются электронной цифровой подписью.

Поступившие в суд электронные документы (образы электронных документов) должны содержать информацию, непосредственно относящуюся к рассматриваемому делу, а также должны быть получены с соблюдением формы, допускающей хранение и передачу электронного документа, наличия необходимых реквизитов для идентификации и аутентификации документа и иных требований, предусмотренных действующим законодательством. Проверая, допустим электронный документ или нет, суд проводит его идентификацию и устанавливает подлинность документа, отождествляя автора документа с лицом, указанным в качестве автора, и с лицом, от которого он в действительности исходит. Аутентификация или идентификация электронного документа (образа электронного документа) проводятся путем сопоставления с другими доказательствами и представлением дополнительных. После возбуждения производства по делу на стадии подготовки дела к судебному разбирательству для сопоставления с электронным документом (электронным образом документа) суд может потребовать представления подлинных доказательств, если обстоятельства по положениям законодательства могут быть подтверждены только подлинными документами. Если в установленный судом разумный срок подлинники документов или их копии не предоставляются, то суд вправе рассмотреть дело по имеющимся в деле доказательствам (ч. 2 ст. 150 ГПК РФ), обосновать свои выводы объяснениями другой стороны спора (ч. 1 ст. 68 ГПК РФ), признать определенный факт установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ).

Информация о деятельности суда, о принятии обращений к производству суда, о времени и месте судебного заседания или проведения отдельного процессуального действия размещается на официальном сайте суда в сети Интернет в установленные действующим процессуальным законодательством сроки (ч. 7 ст. 113 ГПК РФ). Лица, участвующие в деле, могут быть извещены судом с их согла-

---

¹ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (в ред. от 5 ноября 2019 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2; 2020. № 6.

сия о времени и месте судебного заседания путем направления им извещений или вызовов по электронной почте (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ поясняется, что согласие на такое извещение может быть выражено указанием адреса электронной почты в тексте обращения в суд при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы в сети Интернет¹.

Предоставление лицам, участвующим в деле, права доступа к материалам дела в электронном виде в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (если технические возможности суда позволяют такое взаимодействие) позволяет в дистанционном формате быстро и оперативно познакомиться с материалами дела. Однако законодатель не поясняет, что подразумевается под термином «материалы дела», с которыми в электронном виде смогут ознакомиться лица, участвующие в деле. Если это собранные и систематизированные в определенном порядке документы, составляющие содержание гражданского дела, то необходимо продумать порядок и срок, в течение которого должны быть размещены в сети Интернет такие материалы, а также побеспокоиться об оснащении судов кадровым потенциалом и техническим современным оборудованием.

Несмотря на кажущуюся позитивность нововведений, призванных упростить процесс подачи документов в электронном виде, встречаются разнообразные трудности, связанные с недостаточной компьютерной грамотностью и технической возможностью заявителей, отсутствием у них квалифицированной электронной цифровой подписи, многочисленными ошибками при подаче документов (технический сбой при сохранении большого количества документов, размещение документов в недопустимом формате и др.). Чтобы обойти трудности при подаче искового заявления, связанные с размещением в системе ГАС «Правосудие» документов, подтверждающих заявленные требования, заявители загружают только исковое заявление и часть документов, что влечет за собой вынесение судом определения об оставлении искового заявления без движения. Обработка поступивших в суд документов в электронном виде из-за недостаточной обеспеченности судов часто задерживается.

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57.

В качестве путей преодоления выявленных недостатков и трудностей можно назвать:

- повышение качества и удобства систем электронного правосудия;
- усовершенствование и внедрение доступных для пользователя форм размещения исковых заявлений (заявлений) с прилагаемыми документами, поиском судебных актов в ГАС «Правосудие»;
- создание удобных, понятных и доступных для обычных граждан сервисов быстрой оцифровки бумажных документов и офисов, где воспользоваться электронными услугами могли бы граждане, находящиеся в трудном финансовом положении.

Разрешение выявленных трудностей позволит упростить процедуру взаимодействия суда и лиц, участвующих в деле, и поможет реализовать право на судебную защиту.

Л.А. Волчихина,

*доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исковое заявление является одним из определяющих процессуальных документов в гражданском судопроизводстве. Наличие искового заявления – это обязательное условие реализации права заинтересованных лиц на предъявление иска. Эти положения и определяют актуальность темы данного исследования. Исковое заявление, как процессуальный документ, можно определить как выполненное на бумаге или подаваемое в электронном виде в определенной законодателем процессуальной форме обращение заинтересованных лиц в суд с требованием о защите своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов.

Законодатель, определяя современную конструкцию искового заявления, установил не только его обязательную форму, но и его содержание в виде определенных обязательных реквизитов. В современной процессуальной форме искового заявления, кроме указания на его содержание, законодатель устанавливает и определенный обязательный перечень документов, которые должны быть приложены к исковому заявлению (ст. 131 и 132 ГПК РФ).

Реквизиты, которые истец обязан указать в искомом заявлении, и информация, которую они содержат, определяют право суда принять или не принять исковое заявление и приступить к его рассмотрению. К основным требуемым реквизитам искового заявления следует отнести указание истца на его требование (предмет иска), указание истца на обстоятельства обоснования своих требований (основание иска) и указание на доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Остальные требуемые реквизиты искового заявления следует отнести к дополнительным реквизитам содержания искового заявления.

Такая конструкция содержания искового заявления в своей основе преемственно перешла из советского гражданского процессу-

ального права, где она обеспечивала заинтересованным лицам реализацию их права на судебную защиту. В гражданском судопроизводстве того времени определенная законодателем процессуальная форма искового заявления не представляла большой сложности для заинтересованных лиц в его самостоятельном изложении. Условжения процессуальной формы содержания искового заявления в то время и не требовалось. В советском гражданском судопроизводстве деятельность суда как субъекта гражданских процессуальных отношений в процессе состязательности определялась основополагающим в то время принципом объективной истины. Принцип объективной истины предполагал не только организующую роль суда во всем процессе состязательности при рассмотрении и разрешении конкретного дела, но и участие суда в собирании доказательств по собственной инициативе.

Современная процессуальная форма содержания искового заявления по сравнению с процессуальной формой содержания искового заявления советского периода претерпела определенные изменения в связи с ее, по мнению законодателя, совершенствованием. Закрепленные законодателем новации процессуальной формы искового заявления в основном относятся к требованиям информационного характера и процесса доказывания. Независимо от этого следует отметить, что и современная конструкция содержания искового заявления характеризуется определенной простотой изложения и не является препятствием для реализации заинтересованными лицами их права на судебную защиту.

Законодатель, определяя изменения процессуальной формы содержания искового заявления, не усложняет ее, не расширяет перечень требуемых основных реквизитов искового заявления и не меняет их содержание. Например, законодатель мог бы, определяя новое содержание существующего реквизита искового заявления, кроме обязательного указания истца на ответчика, закрепить за истцом его обязательное указание и на других возможных лиц, участвующих в деле. Законодатель также не возлагает на истца обязанность в исковом заявлении ссылаться на закон, которым следует руководствоваться при рассмотрении и разрешении конкретного дела и т.д.

В современной процессуальной форме искового заявления такого усложнения содержания процессуальной формы искового заявления и не требуется. Не меняет этого положения и исключение

законодателем из применения в гражданском судопроизводстве принципа объективной истины. Законодатель лишил суд в процессе доказывания процесса состязательности в гражданском судопроизводстве права осуществлять собирание доказательств, что в настоящее время относится только к деятельности лиц, участвующих в деле. В то же время законодатель оставил за судом право руководства процессом рассмотрения и разрешения дел в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ). Право руководства процессом – это право суда на определение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; это осуществление контроля предоставления необходимых доказательств лицами, участвующими в деле (ст. 148 ГПК РФ). Исходя из этого, усложнение законодателем процессуальной формы искового заявления по вопросам, которые отнесены к ведению и окончательному разрешению их судом, которые определяют его право на руководство процессом, не имеет смысла и практического значения.

Законодатель усложнил процессуальную форму содержания искового заявления в арбитражном судопроизводстве. Он закрепил за истцом его обязанность указать ссылку на законы и иные нормативные правовые акты при описании его требований к ответчику (п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ). Это требование законодателя к истцу не имеет практического значения и фактически является условным. Оно есть только выражение мнения истца и не является обязательным для суда. Суд в арбитражном судопроизводстве, как и в гражданском судопроизводстве, осуществляет руководство процессом, при этом он определяет и подлежащий применению закон (ч. 3 ст. 9, ст. 133 АПК РФ).

Обеспечивая право руководства процессом, законодатель в современном гражданском судопроизводстве сохранил и процессуальную конструкцию, которая позволяет суду корректировать процессуальную форму содержания искового заявления. Конструкция эта так же преемственно перешла из советского гражданского процессуального права. Это право суда на оставление искового заявления без движения в случае, если исковое заявление подано в суд, по мнению судьи, без соблюдения требований процессуальной

формы искового заявления, установленной законодателем (ст. 136 ГПК РФ). При применении указанных правил, определяющих возможность исправления содержания по определению суда, существуют определенные проблемы.

Одна из них – существование в процессуальной форме гражданского судопроизводства самого правила, закрепляющего за судом право оставления искового заявления без движения для устранения его недостатков с правом суда возвращать исковое заявление истцу в случае, если недостатки им не устранены. Объяснение законодателя о том, что эта конструкция является примером процессуальной экономии, несостоятельно. В обеспечение принципа состязательности сторон это правило следует вообще исключить из системы особенной части гражданского процессуального права.

Существует проблема применения правила, согласно которому истец при подаче искового заявления обязан приложить к нему документы, подтверждающие обстоятельства, на которых он основывает свои требования (п. 4 ч. 1 ст. 132 ГПК РФ). В противном случае это нарушение может быть признано судом в качестве основания оставления искового заявления без движения с последующим возвращением искового заявления истцу в случае невыполнения этого требования. Общепринятым является правило, согласно которому документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, относятся к письменным доказательствам, отсутствие доказательств может быть основанием для отказа в удовлетворении исковых требований, но не может быть основанием для отказа в приеме искового заявления. В связи с этим возникает проблема определения того, какие документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, следует отнести к документам, подпадающим под правило обязательного их приложения к исковому заявлению, а какие нет.

Проблемным следует считать и правило, согласно которому истец обязан направить лицам, участвующим в деле, копии искового заявления и документов, которые у них отсутствуют (п. 6 ч. 1 ст. 132 ГПК РФ). Проблема состоит в том, насколько оправданным и необходимым следует считать, при существующем праве суда осуществлять руководство процессом, закрепление законодателем этого правила при рассмотрении и разрешении дел судами общей юрисдикции и мировыми судьями.

В любом случае современные требования, определенные законодателем к содержанию искового заявления, и возникающие при этом проблемы их применения определяют невозможность его самостоятельного изложения заинтересованными лицами без оказания им в этом профессиональной помощи.

А.Д. Золотухин,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В гражданском судопроизводстве судебное разбирательство в форме судебного заседания представляет наиболее сложную по процессуальной форме регулирования и в этой связи наиболее проблемную стадию рассмотрения дел в суде первой инстанции. От других стадий рассмотрения дела в суде первой инстанции судебное разбирательство отличается гласностью его проведения. Телевидение в своих театрализованных представлениях предлагает зрителю судебные заседания по рассмотрению конкретных дел, а посему именно судебные заседания воспринимаются большинством заинтересованных лиц как единственное место, где осуществляется правосудие. Однако осуществление правосудия при рассмотрении дел в суде первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства определяется не только стадией судебного разбирательства. Судебное разбирательство действительно является процессуальной формой рассмотрения и разрешения дел в суде первой инстанции, но в совокупности с другими стадиями, а именно со стадией предъявления иска и стадией подготовки дела к судебному разбирательству. Без этих стадий судебного разбирательства может и не быть, так как оно является завершающей стадией при рассмотрении дел в суде первой инстанции. Судебное разбирательство по процессуальной форме применения отличается от этих стадий и имеет свое предназначение, состоящее в том, что это единственная стадия рассмотрения дела в суде первой инстанции, где исследуются доказательства.

По сравнению с другими стадиями рассмотрения дел в суде первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства стадия судебного разбирательства характеризуется ее подробным регу-

лированием, что определяет сложность ее применения. Сложность применения стадии судебного разбирательства заключается еще и в том, что ее процессуальная форма включает в себя не только правила, которые определяют поведение председательствующего, лиц, участвующих в деле, лиц содействующих правосудию по конкретному делу, но и правила, которые определяют их поведение в процессе доказывания. В связи с этим законодатель устанавливает обязательную процессуальную форму процесса доказывания как вообще, так и по отношению к отдельным средствам доказывания.

В современной процессуальной форме судебного разбирательства законодатель закрепляет два основных принципа, ее определяющих (ст. 157 ГПК РФ). Принцип непосредственности определяет поведение председательствующего при рассмотрении конкретного дела. В соответствии с этим принципом, председательствующий, чтобы иметь право в совещательной комнате оценить определенное средство доказывания, обязан непосредственно его исследовать при рассмотрении дела по существу. При этом судебное разбирательство происходит при неизменном составе судей. Другой принцип, принцип устности, определяет, что судебное разбирательство проходит в форме судебного разбирательства лиц, участвующих в деле, при определении предмета и оснований иска и при исследовании определенных средств доказывания. Такая процессуальная форма судебного разбирательства гарантирует защиту от возможных злоупотреблений лиц, участвующих в деле, в процессе доказывания и объективность выносимого по существу решения суда. Проблема состоит в том, что в 2017 г. законодатель из процессуальной формы судебного разбирательства гражданского судопроизводства исключил закрепленный им ранее принцип непрерывности, который предполагал невозможность суда рассматривать уголовные, гражданские или административные дела в перерыве текущего рассматриваемого дела. Законодатель предполагал, что реализация этого принципа позволит суду сосредоточиться только на деле, которое он рассматривает. Принцип непрерывности преемственно перешел в процессуальную форму гражданского судопроизводства из советского гражданского процессуального права и вполне был оправдан. Исключение законодателем принципа непрерывности из современной процессуальной формы стадии судебного разбирательства не является примером определения им оптимального порядка от-

правления правосудия по гражданским делам. Право суда рассматривать другие дела в перерыве текущего рассматриваемого дела – это не конструкция, направленная законодателем на возможность сокращения существующей чрезмерной нагрузки судей. Это создание возможности самим судьям распределять и перераспределять свою нагрузку. Возможность рассмотрения в перерыве текущего судебного разбирательства других дел отвлекает суд от рассмотрения конкретного дела, что может повлечь нарушение законности при его рассмотрении и разрешении.

Сложность процессуальной формы судебного разбирательства как стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства определяет и некоторые особенности ее применения. Эти особенности можно установить, исследуя процессуальную форму участия в судебном разбирательстве председательствующего, исследуя процессуальную форму определенных конструкций применения в судебном разбирательстве современных информационных технологий, исследуя процессуальную форму возможного применения в процессе судебного разбирательства правил мирного урегулирования споров.

Суд как субъект гражданских процессуальных правоотношений определяет всю организацию судебной защиты при рассмотрении дел в суде первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ). Это относится ко всем стадиям рассмотрения дела в суде первой инстанции и ко всем этапам процесса доказывания, за исключением этапов собирания, представления и раскрытия доказательств. Этот вывод можно сделать и применительно к определению правового положения председательствующего судьи при рассмотрении конкретного дела на стадии судебного разбирательства, где председательствующий руководит судебным заседанием, давая разъяснения относительно своих действий, создает условия для исследования доказательств, принимает необходимые меры по обеспечению надлежащего порядка в судебном заседании (ст. 156 ГПК РФ). Председательствующий, осуществляя свою деятельность в соответствии с установленной для него обязательной процессуальной формой, реализует ее в процессе установления определенных коммуникативных отношений с другими субъектами гражданских процессуальных отношений при рассмотрении и разрешении конкретных дел. Учитывая, что на этой стадии в ней принимает участие наибольшее количество субъектов

гражданских процессуальных отношений по конкретному делу, эта деятельность председательствующего может вызывать определенные сложности.

В современной процессуальной форме деятельности председательствующего по обеспечению надлежащего порядка в судебном заседании законодатель закрепил новую процессуальную конструкцию процессуальной ответственности. Теперь председательствующий в судебном заседании имеет право от имени суда ограничить выступление участника судебного разбирательства, который самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом (ч. 1 ст. 159 ГПК РФ). Эта конструкция по своему назначению и содержанию отличается от существующего в судебном разбирательстве правила, согласно которому председательствующий устраняет из судебного разбирательства все, что не имеет отношения к рассматриваемому делу (ч. 2 ст. 156 ГПК РФ). Для советского гражданского судопроизводства наличие такой конструкции процессуальной ответственности было несвойственно, да она и не требовалась. У заинтересованных лиц советского периода уважение к суду было и элементом их воспитания, и их личным убеждением. Появление такой конструкции в современном гражданском судопроизводстве является результатом изменения общественных отношений, которые характеризуются свободой выбора своего поведения их субъектами. Однако определенные представители общества в силу непонимания или отсутствия надлежащего воспитания, в том числе правового, воспринимают свободу выбора своего поведения как неограниченную. Даже по отношению к органам власти, к которым относится и суд. В сложившихся условиях предложенная законодателем конструкция процессуальной ответственности является вынужденной мерой, направленной на защиту суда от указанных законодателем определенных проявлений отступления заинтересованных лиц от установленной процессуальной формы их поведения в стадии судебного разбирательства. Это конструкция не нарушает процессуальный баланс всех субъектов гражданских процессуальных отношений, включая суд, по отношению друг к другу. Процессуальная форма предложенной законодателем конструкции процессуальной ответственности предположительно гарантирует

невозможность злоупотреблений судом при ее применении. Окончательный ответ на этот вопрос может дать только практика. Применение этой конструкции не должно нарушать права заинтересованных лиц на их диспозитивное поведение на стадии судебного разбирательства. Указанная конструкция процессуальной ответственности должна рассматриваться и применяться судом только как исключительная мера и строго в соответствии с требованиями установленной законодателем процессуальной формы. Исключительность применения новой конструкции процессуальной ответственности подтверждается и закрепленной федеральным законом новой процессуальной формой возможности рассмотрения судом дел в закрытом судебном заседании, которая не нарушает правила гласности судебного разбирательства. Правила гласности судебного разбирательства предусматривают возможность рассмотрения дел в закрытом судебном заседании только в случаях, указанных в законе, однако кроме оснований, указанных законодателем, он также закрепил эту возможность и в случае, если эти основания установлены федеральным законом (ч. 2 ст. 10 ГПК РФ). Массовое нарушение порядка присутствующими в судебном заседании гражданами, не являющимися участниками процесса, может стать основанием рассмотрения дела в закрытом судебном заседании. При этом возможность рассмотрения дела в закрытом судебном заседании является альтернативой или удалению судом этих граждан из зала суда, или отложению судом слушания дела (ч. 5 ст. 159 ГПК РФ).

Появление, развитие и совершенствование различных систем информационных технологий, оказывающих влияние на общественные отношения, определило необходимость их применения в судопроизводстве вообще и в гражданском судопроизводстве в частности. Необходимость применения этих систем следует рассматривать как обязательное условие совершенствования применения процессуальной формы гражданского судопроизводства. Однако возможность применения этих систем в судопроизводстве определяется некоторыми материальными и организационными условиями.

Законодатель закрепил некоторые правила применения современных систем информационных технологий и на стадии судебного разбирательства. К ним относится возможность проведения судебного заседания путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ). Применение правил использования систем ви-

део-конференц-связи на стадии судебного разбирательства имеет определенные сложности и определяется техническими возможностями. Проблемой является то, что для каждого уровня судебной системы законодатель предусмотрел свое программное обеспечение, при этом каждое обладает своими техническими возможностями. Исходя из этого, основным условием проведения судебного заседания путем использования систем видео-конференц-связи является наличие в судах технической возможности для этого. Процессуальная форма применения этих правил предусматривает участие в судебном заседании с использованием видео-конференц-связи как минимум двух судов – основного, где непосредственно проводится судебное разбирательство, и вспомогательного, который путем использования своих систем видео-конференц-связи обеспечивает участие в судебном разбирательстве лиц, участвующих в деле, их представителей, а также свидетелей, экспертов, переводчиков по месту их жительства, месту пребывания или месту нахождения. При этом вспомогательный суд осуществляет и определенные процессуальные действия, установленные законодателем, а именно проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им судом, рассматривающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение. Проблема применения этих правил состоит в отсутствии установленной законодателем процессуальной формы взаимодействия основного и вспомогательного судов по организации судебного разбирательства путем использования систем видео-конференц-связи. Указанные проблемы особенно актуальны при применении данной процессуальной конструкции мировыми судьями.

В гражданском судопроизводстве протокол судебного заседания является одним из важных процессуальных документов. В современном гражданском судопроизводстве законодатель закрепил новую конструкцию процессуальной формы ведения протокола судебного заседания – с применением определенных систем информационных технологий. В ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия законодатель, кроме составления протокола в письменной форме, закрепил обязательное непрерывное протоколирование судебного заседания с исполь-

зованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) (ст. 228 ГПК РФ). В соответствии с ранее существовавшей процессуальной формой ведения протокола использование средств аудиозаписи было правом суда с целью обеспечения полноты составления протокола. В современной процессуальной форме ведения протокола законодатель закрепил за судом право применения и видеозаписи. Однако она не является обязательной и может применяться судом только для обеспечения полноты составления протокола (ст. 230 ГПК РФ). Современная конструкция процессуальной формы ведения протокола судебного заседания в гражданском судопроизводстве по сравнению с аналогичной конструкцией в арбитражном судопроизводстве является наиболее оптимальной. В гражданском судопроизводстве законодатель в процессуальной форме ведения протокола судебного заседания сочетает как обязательную основную форму ведения протокола судебного заседания в письменной форме, так и обязательную дополнительную в форме применения аудиопротоколирования. В арбитражном судопроизводстве протокол в письменной форме является дополнительным средством фиксации некоторых определенных законодателем сведений, исключая сведения об исследовании доказательств. Основной же формой фиксации судебного заседания является протоколирование с использованием средств аудиозаписи (ст. 155 АПК РФ). Определенная законодателем процессуальная конструкция ведения протокола в гражданском судопроизводстве более эффективно обеспечивает деятельность суда в процессе доказывания по исследованию и оценке доказательств.

В общей части гражданского процессуального права законодатель закрепил положение, в соответствии с которым гражданское судопроизводство должно способствовать мирному урегулированию споров (ст. 2 ГПК РФ). Это положение относится ко всем стадиям рассмотрения дела в суде первой инстанции, в том числе к стадии судебного разбирательства. Проблема состоит в том, что законодатель, закрепив за судом это положение, в то же время не определил, в какой форме в процессе рассмотрения дела, в том числе в стадии судебного разбирательства, суд должен реализовать это положение, не нарушая при этом содержания принципа независимости, что для суда представляет определенную сложность. Исходя из этого, суд может способствовать мирному урегулированию спора путем применения существующих конструкций процессуальной формы. В ста-

дии судебного разбирательства это возможно в подготовительной части судебного заседания, где председательствующий разъясняет заинтересованным лицам их процессуальные права, в том числе распорядительное право окончить производство по делу мировым соглашением (ст. 165 и 39 ГПК РФ). Лица, участвующие в деле, могут реализовать свои распорядительные права, в том числе право окончить дело мировым соглашением, на протяжении всего периода рассмотрения дела в стадии судебного разбирательства (ст. 173 ГПК РФ). С введением в гражданское судопроизводство института примирительных процедур (глава 14.1 ГПК РФ) законодатель в настоящее время значительно расширил возможности суда способствовать мирному урегулированию споров, в том числе в стадии судебного разбирательства. Процессуальная форма применения примирительных процедур значительно расширяет инициативу и активность суда в возможности их применения, что требует отдельного исследования.

Я.Я. Кайль,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, СОДЕРЖАЩИХСЯ НА ЦИФРОВЫХ НОСИТЕЛЯХ

В ст. 55 ГПК РФ содержится закрытый перечень средств доказывания (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов), в отличие, например, от ст. 64 АПК РФ, где указано, что в качестве доказательств допускаются также *иные документы и материалы*.

Доказательства по форме могут быть устными (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей), письменными (собственно письменные, заключения экспертов) и вещественными (как средство доказывания, а также аудио- и видеозаписи). В качестве доказательств в гражданском процессе довольно часто используются фотографии, которые относятся к вещественным доказательствам, однако прямого указания на это в ГПК РФ нет.

К вещественным доказательствам фотографию суд относит методом исключения, то есть поскольку при исследовании доказательств ее нужно осмотреть, а не прочитать/прослушать, следовательно, фотография – это вещественное доказательство.

Такой проблемы можно было бы избежать, если бы законодатель аналогично АПК РФ закрепил в гражданском процессе возможность использования иных материалов и документов. Следовательно, фотография (цифровая фотография) в гражданском процессе определяется как вещественное доказательство, а в арбитражном процессе относится к иным документам и материалам. Можно к иным доказательствам относить не только фотографии, а все то, в отношении чего в процессуальном законодательстве не установлен режим исследования (следовательно, сюда может быть отнесена любая информация, зафиксированная на цифровых носителях). Такое отнесение возможно только в арбитражном процессе.

Вещественные доказательства могут выступать как средством доказывания, так и объектом самого спора.

Фотография, как одна из разновидностей вещественного доказательства, может:

1) фиксировать письменные и/или вещественные доказательства (в таком случае можно рассматривать ее как копию основного средства доказывания), фотоизображения с места наезда автотранспортного средства, с места ДТП;

2) быть самостоятельным доказательством по делу (фотография принадлежащего стороне объекта недвижимости);

3) являться объектом спора (на фотографии может содержаться изображение лица, которое кем-то использовано без его согласия, а также, например, сама фотография была сделана одним лицом, а другое лицо выдает себя за ее автора). Если фотография является объектом спора, то предмет спора может быть совершенно различным. Можно требовать удалить изображение с сайта или из соцсети, написать опровержение, выплатить компенсацию морального или имущественного вреда, признать право авторства и т.п.;

4) определять юридически значимые обстоятельства по делу (о защите прав потребителя – по фотографии в паспорте, предоставленном суду представителем ответчика, Ф.И.О. похожа на менеджера, принимавшего у истца автомобиль для продажи¹; о признании отношений трудовыми – работница проводила фото- и видеofиксацию проделанной работы², фотоизображение графика работы подтвердило количество отработанных смен и часов³).

Поскольку мы определились со статусом цифровой фотографии в гражданском процессе, то и другая цифровая запись методом исключения (не относится ни к письменным доказательствам, ни к аудиодоказательству, ни к видеодоказательству) считается вещественным доказательством.

---

¹ См.: Решение Отраденского городского суда Самарской области от 10 ноября 2020 г. по делу № 2-38/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mx4XvxоNowYT/>

² См.: Решение Канского городского суда Красноярского края от 27 октября 2020 г. по делу № 2-1404/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/leSIURsuGQv/>

³ См.: Определение Челябинского областного суда № 11-7302/2015 от 29 июня 2015 г. по делу № 11-7302/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bH3Lld97Xv1C/>

Вещественные доказательства – это предметы, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или по иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела (ст. 73 ГПК РФ).

Цифровой носитель – это материальный электронный носитель, предоставляющий возможность записи, хранения, чтения, воспроизведения и передачи материалов, которые обрабатываются благодаря вычислительной технике. К цифровым носителям информации можно отнести дискеты, компакт-диски (CD), USB-накопители (флешки), цифровые многоцелевые диски (DVD), флеш-карты (карты памяти), диски Blu-ray (BD), а также «программное обеспечение, веб-страницы и веб-сайты, социальные сети, цифровые данные и базы данных, электронные документы»¹.

В любом процессуальном праве самыми многочисленными по объему и значимости выступают письменные доказательства, которые могут быть оформлены как в письменном бумажном виде, так и в письменном виде, но на цифровых носителях.

Письменные доказательства – это содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом.

Письменные документы – заявления, заявки, претензии, отчеты – довольно часто направляются посредством электронной почты. Для признания их в качестве доказательств можно в суд представлять нотариальный протокол осмотра доказательств (страниц электронного почтового ящика). Факт отправки электронного письма, например, может подтверждаться актом об отправке электронного письма, который подписан руководителем отдела². В каче-

---

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org>

² См.: Решение Новошахтинского районного суда Ростовской области от 19 сентября 2014 г. по делу № 2-1514/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h4Mzt4jIDxgN/>

стве письменного доказательства могут быть использованы скриншоты, например переписки в социальных сетях. Суд по-разному оценивает такое доказательство. Так, суд отказал в удовлетворении требований о защите чести и достоинства. «Факт распространения данного письма подтверждается скриншотами профилей ответчика из социальной сети ..., перепиской в мессенджере ... с ответчиком, в которой прямо указывается намерение ответчика опорочить честь, достоинство и деловую репутацию истца. При этом из данных документов невозможно определить, с какого аккаунта и кому именно были направлены письма»¹.

В другом деле суд искивые требования Погосова Сергея Сергеевича и Поличкиной Екатерины Ивановны к ООО «Технология вкуса» удовлетворил. Установил факт трудовых отношений. В качестве доказательств в суд были предоставлены скриншоты переписки в одном из мессенджеров Погосова С.С. с контактом «Максим» с 30 августа по 21 октября 2019 г. Из них видно, что Погосов регулярно направлял «Максиму» отчеты о результатах финансово-хозяйственной деятельности, обсуждал вопросы организации питания гостей, проведения мероприятий, закупки продуктов. 15 октября 2019 г. собеседники обсуждали вопрос организации приготовления шашлыков, причину, почему часть котлет оказалась кислой. При этом «Максим» указывал, что Погосов, как повар, отвечает за то, что отдает, а в его отсутствие – второй повар².

«Самыми цифровыми» доказательствами в гражданском процессе выступают аудио- и видеозаписи.

Аудиозапись – это запись звука или звуковых сигналов на цифровом или механическом носителе, сделанная с помощью технических средств. Суд может и принять аудиозапись как доказательство, и отклонить ее по разным причинам. Рассмотрим случаи, когда суд принял аудиозапись в качестве доказательства.

1. «Поскольку аудиозапись разговора была произведена лицами, участвовавшими в этом разговоре, и касалась обстоятельств,

---

¹ Решение Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2274/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dvzqYdcOpbgx/>

² См.: Решение Осташковского городского суда Тверской области от 24 июля 2020 г. по делу № 2-2-169/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jwCnJi0aHWNx/>

связанных с договорными отношениями между сторонами, в связи с этим суд признал доказательство допустимым»¹.

2. «Суд указал, что запись телефонного разговора и иных разговоров была произведена истцом, который участвовал в разговоре, в офисе ответчика и касалась обстоятельств, связанных с трудовыми отношениями между сторонами. В связи с этим запрет на фиксацию такой информации на указанный случай не распространяется»².

Чаще всего суд по различным причинам отклоняет аудиозапись в качестве доказательства. Рассмотрим причины такого отказа.

1. «Аудиозапись не отвечает требованиям допустимости доказательств, поскольку из данной аудиозаписи невозможно идентифицировать участвующих в разговоре лиц, определить, при каких условиях осуществлялась аудиозапись, а также дату и время разговора на записи.

Ходатайства о назначении по делу фоноскопической экспертизы для определения принадлежности голосов на аудиозаписи истцом не заявлялось. В связи с указанными обстоятельствами ходатайство истца о прослушивании данной аудиозаписи оставлено без удовлетворения»³.

2. «Суд посчитал предоставленную аудиозапись недопустимым доказательством, так как достоверность записи, содержащейся на компакт-диске, нельзя проверить надлежащим образом. Суд указал, что эта фонограмма переписана с иного носителя (телефона), в силу чего верность такой фонограммы-копии (полнота соответствия оригиналу) не может быть надлежаще процессуально проверена и удостоверена»⁴.

3. «Аудиозапись не может быть принята во внимание, поскольку достоверность, целостность и отсутствие монтажа аудиозаписи,

---

¹ Решение Кетовского районного суда Курганской области от 15 мая 2018 г. по делу № 2-611/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IFTrlac86xj/>

² Решение Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 16 июня 2017 г. по делу № 2-2021/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r33QENcVt5H1/>

³ Решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 27 ноября 2019 г. по делу № 2-4670/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vhGyuH1wPYUp/>

⁴ Решение Семикаракорского районного суда Ростовской области от 28 июля 2020 г. по делу № 2-332/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wTT40inclvdj/>

на которую ссылается ответчица как на доказательство ее доводов, ничем не подтверждены, ходатайства о назначении фоноскопической экспертизы аудиозаписи ответчиком не заявлялось»¹.

4. «В суд не предоставлено письменной расшифровки аудиозаписи, ходатайств о проведении фоноскопической экспертизы не заявлялось»².

Как видно из приведенных примеров, суд неоднозначно относится к такому доказательству по гражданскому делу, как аудиозапись.

Видеозапись – визуальная информация, в том числе содержащая звук, передающаяся на носитель с помощью видеосигнала или цифрового потока. Чаще всего источником видеозаписи выступает видеорегистратор, установленный на автомобиле, и камера наружного наблюдения³. Довольно часто граждане используют видеокамеру, установленную в своем мобильном телефоне, для фиксации определенных действий⁴.

В век развития высоких технологий совсем в стороне осталось регулирование не только фотографии, но и аудио-, видеозаписи как доказательств в гражданском процессе, в отличие, например, от уголовного процесса. По уголовному делу всегда назначается фонографическая экспертиза аудио-, видеозаписи, а вопросы относительно источника записи, содержания разговора и лиц, принимающих в нем участие, не ставятся под сомнение и, безусловно, принимаются судом в качестве доказательства.

Если доказательство содержится на цифровом носителе, то независимо от того, какое оно: письменное, вещественное, аудио-, видеозапись, фотография, – цифровой носитель должен быть не только непосредственно исследован в гражданском процессе, но и приобщен к материалам рассматриваемого дела.

---

¹ Решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 19 декабря 2017 г. по делу № 2-3186/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t55MmQXzVkmW/>

² Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края от 17 июля 2019 г. по делу № 2-1008/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Z8T5iKbnTz6v/>

³ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Красноярска от 14 мая 2015 г. по делу № 2-3366/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/>

⁴ См.: Решение Зарайского городского суда Московской области от 14 февраля 2020 г. по делу № 2-49/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZoK0tAxUx4/>

О.А. КУХАРЕВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

А.Н. ЮСУПОВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ ПРИ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При некотором несовершенстве российской судебной системы очевидными становятся плюсы широкого внедрения в российскую юридическую практику процедуры медиации. Особенно актуальным этот вид разрешения споров является для субъектов предпринимательской деятельности ввиду того, что при осуществлении хозяйственной деятельности возникает масса конфликтов. В связи с этим посредничество – наиболее удачный и широко используемый механизм примирения сторон при возникновении экономических споров.

Сфера предпринимательской деятельности сопряжена с большим количеством споров, которые могут вытекать как из гражданских, так и из публичных правоотношений. Медиация в силу своих особенностей является наиболее эффективным способом урегулирования таких споров как в рамках судебного процесса, так и до него.

К одному из главных преимуществ процедуры медиации перед судебным способом защиты нарушенных прав можно отнести экономию времени. Субъекты медиации могут самостоятельно определить срок проведения данной процедуры со значительным сокращением временных затрат, что является особенно актуальным в сфере предпринимательской деятельности.

Следующим преимуществом медиации перед судебной защитой нарушенных прав, вытекающим из предыдущего, является сокращение издержек на разрешение возникшего спора ввиду сокраще-

ния временных затрат, а также отсутствие необходимости нести судебные расходы. Субъекты медиации выплачивают вознаграждение медиатору, или медиаторам, или организациям, осуществляющим деятельность, обеспечивающую порядок проведения процедуры медиации, в равных долях, если они не пришли к соглашению об ином.

В связи с этим возможность финансовой экономии в рамках медиативной процедуры по сравнению с судебным механизмом разрешения конфликта кажется неубедительной, однако не следует забывать о том, что судебное разбирательство, как правило, связано с необходимостью назначения экспертизы, привлечения специалистов, представителей и другими процессуальными действиями. Указанные процессуальные действия являются достаточно дорогостоящими, поскольку некоторые типы судебных экспертиз, например строительно-техническая, бухгалтерская, землеустроительная, являются достаточно затратными, а участие в деле указанных лиц также может повлечь за собой оплату их расходов на проживание и проезд. Однако даже вынесенное в пользу какой-либо стороны решение не всегда означает возмещение расходов в полном объеме, поскольку суды исходят из принципа разумности и действительной необходимости несения таких расходов. Кроме того, принятое решение может быть обжаловано либо не исполняться другой стороной даже путем принудительного взыскания. В итоге сумма судебных издержек оказывается весомой, в контексте чего размер вознаграждения медиатору может быть значительно меньше, в связи с чем можно говорить о сокращении издержек при процедуре медиации по сравнению с судебной защитой.

Помимо прочего, гарантией успеха деятельности любого субъекта в сфере предпринимательства является деловая репутация, которая может быть подпорчена в глазах клиентов участием в судебных разбирательствах, а также выступать для них признаком недобросовестности субъекта предпринимательской деятельности. Данные обстоятельства могут подорвать доверие клиентов и деловую репутацию субъекта предпринимательской деятельности, в связи с чем применение процедуры медиации может решить данную проблему, выступая гарантией добросовестности поведения хозяйствующего субъекта в отношении как своих контрагентов, так и клиентов. Процедура медиации является конфиденциальной, проходит без публичной огласки, в связи с чем исключено

попадание данных об имеющихся спорах на официальные сайты судов в сети Интернет. Медиатор не имеет права раскрывать информацию, которая относится к медиации и стала известной посреднику в ходе ее реализации, без согласия участников медиации. Если посредник получил от какой-либо стороны сведения, относящиеся к медиации, он вправе сообщить их противоположной стороне, только если сторона, предоставившая такие сведения, даст на это согласие.

Следующим преимуществом процедуры медиации является самостоятельность участников предпринимательского спора при определении форм и методов проведения процедуры медиации, времени и места ее проведения, а также выработке конкретных итоговых решений. Иначе говоря, будет ли решение взаимовыгодным для сторон, зависит от них самих, а не от какой-либо инстанции, выносящей решение, основанное в том числе на судебной практике, которая может не устраивать обе стороны спора. Данный факт также позволяет урегулировать спор справедливым образом, не ущемляя прав какой-либо из сторон путем незаконных действий представителей судейского корпуса, которые можно обжаловать путем подачи частной жалобы, что, в свою очередь, продлевает сроки разрешения спора и приводит к увеличению издержек.

Очевидным преимуществом процедуры медиации является присутствие компетентного посредника – медиатора – в качестве независимого эксперта, который грамотно толкует нормы права и способствует достижению компромисса между сторонами. Медиатор по отношению к участникам спора сохраняет нейтральную позицию, не принимая ни одну из позиций, что гарантирует его объективный подход к разрешению конфликта и незаинтересованность в исходе дела. Он несет перед участниками предпринимательского спора медиации гражданско-правовую ответственность за вред (ущерб), который причинил сторонам спора в результате осуществления данной деятельности, что также исключает тот факт, что он может занять позицию одной из сторон, ущемив при этом права другой. Контроль качества услуг медиатора проявляется в его участии в саморегулируемой организации. И наконец, стороны предпринимательской деятельности для разрешения возникших противоречий могут самостоятельно выбрать медиатора, которому смогут довериться, и для этого не нужно руководствоваться нормами процессуального права о подсудности.

Применение медиации, помимо субъектов предпринимательских правоотношений, положительно сказывается и на публичной сфере. Положительно завершившиеся медиативные процедуры означают, что спор не перейдет на рассмотрение суда, соответственно, данный механизм является рабочим, способствует разгрузке судебной системы, избавляет ее от множества дел, которые могут успешно и в более короткие сроки разрешиться с применением процедуры медиации.

На основании изложенного в настоящее время существует объективная потребность в разработке новых направлений совершенствования системы процессуального и материального законодательства РФ, исходя из целей государственной политики и имеющегося социально-правового потенциала.

В частности, законодателю следует обратить внимание на то обстоятельство, что в связи с чрезмерной нагрузкой на суды судьи при разрешении споров не укладываются в отведенные законом сроки, не используют все возможные методы для правильного и всестороннего рассмотрения дела и установления всех имеющих значение обстоятельств для вынесения справедливого и верного решения, которое не будет отменено в апелляционной инстанции.

Одним из способов решения данной проблемы является широкое внедрение для урегулирования споров процедуры медиации, особенно в предпринимательской сфере, т.к. именно в данной сфере применение процедуры медиации можно считать наиболее успешным в связи со спецификой субъектов данных правоотношений.

Кроме того, успешно проведенная процедура медиации значительно снизит социальную напряженность, сформирует позитивные деловые отношения, основанные на взаимном уважении сторон и их готовности вести диалог, что очень важно для развития предпринимательства и сохранения партнерских отношений между участниками спора. Эффективное разрешение конфликта с использованием процедуры медиации означает достижение согласия между участниками спора по всем пунктам, а значит, отсутствие принудительного исполнения решения, тем самым у участников спора формируется положительное отношение к российской судебной системе, а также смело можно говорить о разгрузке приставов-исполнителей, на которых в настоящее время приходится огромная нагрузка.

Учитывая изложенные преимущества, становится очевидной необходимость развития процедуры медиации как примирительного института и как альтернативного способа разрешения споров, в первую очередь в предпринимательской сфере.

Например, продвижение разрешения споров онлайн – набора методик по регулированию спорных ситуаций с использованием инновационных интернет-технологий. Специалисты в области юриспруденции и права европейских и других государств уже длительное время применяют такие методики на практике и рассматривают их как онлайн-аналог альтернативных технологий по урегулированию споров, состоящих из переговорного процесса и медиации. Разрешение споров онлайн достаточно эффективный метод, который может использоваться для успешного решения многих проблемных споров (потребительских, частных, международных конфликтных ситуаций и т.д.).

Например, онлайн-сервис разрешения конфликтов Online Dispute Resolution (ODR) предлагает возможности для проведения полноценной процедуры медиации, которая может быть реализована и в этом формате как добровольное сотрудничество участников конфликта посредством организованной онлайн-процедуры, поддерживаемой независимым и беспристрастным посредником – медиатором, а также интерактивными возможностями онлайн-сервиса. Это вполне эффективный формат, отвечающий современным трендам цифровизации и интерактивности.

Развитие механизмов онлайн-урегулирования споров (ОУС) имеет огромный потенциал как в России, так и в мире, не только благодаря новизне данного направления, широте возможного охвата услуг международного рынка, но и, принимая во внимание нынешнее сложное время, необходимости разрешения конфликтов в условиях пандемии.

Россия заметно отстает от наиболее развитых государств в области ОУС. Это обусловлено более высоким уровнем стоимости судопроизводства на Западе. Это служит дополнительной мотивацией для того, чтобы воспользоваться посредническими услугами по досудебному регулированию споров, дабы избежать затрат на судебные процедуры.

Развитие данного института в российском праве требует учета зарубежной практики, накопленной в этой сфере, а также специфики российской правовой системы.

К.К. МАГОМЕДОВА,
*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского процесса
Дагестанского государственного университета*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Активное внедрение в цивилистический процесс информационных цифровых технологий сопряжено не только с необходимостью обеспечения права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти, в том числе судебных, но и с необходимостью перехода под влиянием развития информационного общества от традиционных форм осуществления правосудия по гражданским делам к возможностям электронного взаимодействия, что непосредственно связано с главной целью гражданского судопроизводства – обеспечением защиты нарушенных прав и интересов субъектов гражданских правоотношений.

Согласно действующему гражданскому процессуальному законодательству, в современном гражданском процессе функционируют и активно применяются: аудиопотоколирование с использованием средств аудиофиксации (ст. 228 ГПК РФ); система видеоконференц-связи (ст. 155.1 ГПК РФ); электронная форма судебного приказа как альтернатива судебному приказу, исполненному в форме письменного документа (ст. 130 ГПК РФ); вызов участников судопроизводства посредством СМС-уведомления (п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»); новелла гражданского процессуального законодательства – запуск системы веб-конференции для участников гражданского процесса (ст. 155.2 ГПК РФ) и т.д.¹

---

¹ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405386/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 22.02.2022).

Все нововведения, непосредственно связанные с развитием электронного правосудия, направлены на оперативное получение и передачу информации, обеспечение доступности правосудия. Одним из востребованных элементов электронного правосудия среди участников процесса стала система видео-конференц-связи.

Видео-конференц-связь – это технология осуществления связи между двумя или более субъектами для передачи звука и изображения, которая может использоваться для всех типов информационных взаимодействий, когда, помимо передачи звука, необходима визуализация действий участников. Применение указанной технологии позволяет географически разделенным субъектам, а именно лицам, участвующим в деле, представителям, а также свидетелям, экспертам, специалистам и переводчикам в гражданском процессе обеспечивать визуальное и аудиальное взаимодействие, в том числе обмен электронными документами, в реальном времени, максимально приближая общение на расстоянии к живому, реальному общению. Согласно ст. 152, 155.1, 327, 386, 391.10, 396 ГПК РФ, использование систем видео-конференц-связи возможно на всех этапах гражданского процесса, а также в рамках судебных заседаний, назначаемых для разрешения отдельных процессуальных вопросов, за исключением случаев рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, когда ГПК РФ устанавливает прямой запрет на использование видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 10 ГПК РФ).

Из содержания ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ следует, что условиями проведения судебного заседания в формате видеоконференции являются наличие технической возможности в судах, подача соответствующего ходатайства участниками процесса либо инициатива суда.

Наличие технической возможности непосредственно связано с наличием как технического оборудования, так и административно-технического ресурса для организации конференции у каждого из судов, вовлеченных в процесс удаленного доступа. В рамках процесса проведения видео-конференц-связи, согласно Регламенту организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции, различают понятия «суд, рассматривающий дело» и «суд, обеспечивающий видео-конференц-связь», тем самым усиливая значение организационной составляющей проведения видео-конференц-связи, а именно «наличие объективной возможности проведения судебного заседания в режиме ВКС в пределах

установленного законом срока рассмотрения дела, в том числе возможности проведения судебного заседания в данном помещении, в пределах рабочего времени с учетом территориальной удаленности участников процесса, количества рассматриваемых дел разными судами, разницы во времени абонентов, находящихся в разных часовых поясах»¹. Именно на судах лежит обязанность выяснения возможности проведения и организации видео-конференц-связи, поэтому «суд, рассматривающий дело» должен заблаговременно подать заявку об организации проведения судебного заседания с использованием видео-конференц-связи в суд, исполняющий судебное поручение, поскольку график проведения заседаний довольно плотный и ограничен пределами времени проведения судебного заседания в конкретном помещении суда. К сожалению, практика свидетельствует о существовании таких негативных явлений, что ведет к увеличению сроков рассмотрения дела².

Порядок судебного заседания, проведенного посредством системы видео-конференц-связи, не отличается от порядка судебного заседания, проведенного в традиционном формате, но есть особенности, обусловленные применением технических средств, а именно присутствие, помимо судьи, рассматривающего дело по существу и запросившего в порядке судебного поручения организацию видео-конференц-связи, второго судьи, секретаря судебного заседания и помощника в суде, обеспечивающем видео-конференц-связь. На судью, выполнявшего судебное поручение, возложена особая функция – соблюсти все необходимые гарантии, предъявляемые к справедливому и надлежащему осуществлению правосудия. Данный судья устанавливает явку, проверяет полномочия явившихся лиц, определяет подлинность представленных письменных документов, оформляет протокол судебного заседания. Полагаем, упрощение гражданской процессуальной формы под влиянием внедрения в процесс видео-конференц-связи не должно идти вразрез с гарантиями справедливой судебной про-

---

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420346559> (дата обращения: 20.02.2022).

² Кунцевский районный суд г. Москвы по запросу Кировского районного суда по делу № 2-200-/2021 отказал в проведении видео-конференц-связи по причине несвоевременной подачи заявки на проведение видео-конференц-связи.

цедуры, поскольку имеется негативная судебная практика, когда судья обеспечивающего видео-конференц-связь суда, установив личность явившихся участников процесса, проверив полномочия представителей, покидает зал судебного заседания, а судебное заседание продолжается под руководством судьи основного процесса (суда, рассматривающего дело).

Свидетельством искажения принципов гражданского процессуального права в судебном процессе в форме видеоконференции также является порядок исследования доказательств. Использование систем видео-конференц-связи, учитывая возможность возникновения технических неполадок (помех, проблем со связью и др.), а также сложности с немедленным ознакомлением участника процесса с документами, представленными другой стороной, ведет к нарушению принципов состязательности, диспозитивности, доступности правосудия, а также права быть заслушанным и услышанным в суде.

Опыт применения видео-конференц-связи в гражданском судопроизводстве указывает на наличие потенциальных преимуществ и недостатков, связанных с этим процессом, что не позволяет сделать однозначный вывод о том, является ли видеоконференция эффективной альтернативой личным выступлениям в суде. Вместе с тем видеоконференция в судах на сегодняшний день является перспективным направлением судопроизводства и, несмотря на ряд недостатков, при четком и неукоснительном соблюдении регламента, детально проработанной законодательной базе, развитой инфраструктуре в судах будет рассматриваться как положительное явление, сделает суд более доступным, а систему правосудия – более прозрачной. Развитие более мобильных форм проведения судебного заседания, а именно веб-конференции, получившей легальное закрепление в процессуальном законодательстве, представляя некую ценность для системы электронного правосудия в гражданском процессе, неминуемо приведет к изменениям в устоявшейся гражданско-процессуальной форме в целях исключения возможности злоупотребления процессуальными правами. Поэтому апробация технологических новшеств в сфере правосудия непосредственно должна сопровождаться развитием гарантий процессуальных прав сторон.

Н.Н. ТКАЧЕВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСТУПНОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В 2020 г. весь мир столкнулся с пандемией неизвестного до этого времени заболевания – новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В зоне риска оказался каждый человек. Практически в чрезвычайных условиях, подстраиваясь к новым реалиям, органы власти всех уровней пытались обеспечивать жизнедеятельность общества, а также поддерживать на должном уровне социальные, экономические, политические и иные институты. Анализируя пройденный этап, а также меры, направленные на предотвращение распространения пандемии, можно сделать определенные выводы, выделить положительные и отрицательные моменты, которые необходимо учитывать в будущем.

Основная задача государства состоит в создании эффективно-го механизма, способного обеспечивать безопасное существование общества в целом, а также охранять и защищать права человека. Указанная задача актуальна в любое время, в том числе в период различных катаклизмов.

Конституция РФ гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Право на защиту – это одно из правомочий субъективного права по принудительному осуществлению и защите в случае его нарушения¹. Судебная защита является одним из основных способов защиты нарушенного или оспариваемого права и охраняемого законом интереса граждан или организаций, т.е. защита осуществляется тогда, когда нарушено субъективное право или создается угроза его нарушения². Судебная защита осу-

---

¹ См.: *Баринов Н.А.* О порядке и способах защиты гражданских прав (становление и тенденции развития) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 14.

² См.: *Тархов В.А.* Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1965. С. 17.

ществляется авторитетным государственным органом, т.е. судом – одним из основных государственных институтов.

Пандемия внесла коррективы в жизнь граждан, однако она не остановилась. Жилищные вопросы, вопросы трудоустройства, защиты прав детей, семейных правоотношений приобрели особо острый характер и нуждались в правовой защите, в первую очередь судебной. Многие остались наедине со своими проблемами и не знали, как получить защиту нарушенного права.

Для реализации конституционного права на судебную защиту необходимо соблюсти процедуру, предусмотренную законом, т.е. написать исковое заявление в порядке ст. 131 и 132 ГПК РФ и направить его в суд. После этого, если суд принимает к производству исковое заявление, возбуждается гражданское судопроизводство, назначается дата судебного заседания, в котором суд разрешает спор по существу в соответствии с нормами закона. Попробуем ответить на вопрос: сохранилась ли у граждан возможность в период пандемии в полной мере реализовать свое конституционное право на судебную защиту нарушенного права или охраняемого законом интереса?

Принятие Указов Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239 и от 28 апреля 2020 г. № 294¹ в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) вызвало определенные сложности в получении судебной защиты гражданами. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» был приостановлен личный прием граждан в судах на всей территории РФ. Верховный Суд рекомендовал гражданам иной способ обращения в суд: путем подачи документов только через электронные интернет-приемные судов или «Почтой России».

---

¹ См.: Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»; Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»; Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

К положительному моменту можно отнести тот факт, что сложившаяся ситуация в период самоизоляции послужила мощным толчком для инноваций¹, стремительного внедрения современных технологий во все сферы общественной жизни, в том числе в области отправления правосудия. Подача документов в суд в электронном виде с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, проведение судебных заседаний онлайн, переход с бумажных дел на цифровую версию – все это получило название «электронное правосудие».

Однако возникает вопрос: всем ли гражданам доступны новые способы обращения в суд с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет?

К первой группе, конечно же, относятся адвокаты и практикующие юристы, чей род деятельности непосредственно связан с системой отправления правосудия, оказанием квалифицированной юридической помощи. Что же касается иных граждан, которые не обладают специальными знаниями в области использования современных технологий, в юриспруденции, то ситуация сложилась неоднозначная, поскольку не все обладают необходимыми техническими средствами и навыками работы с определенной программой.

Защита нарушенных прав граждан по семейным, трудовым, социальным, жилищным и иным делам осуществляется судами общей юрисдикции и мировыми судьями. Подать документы в суд через систему ГАС «Правосудие», т.е. через интернет-приемную, можно было не во все суды. Так, сайты мировых судей вообще не предусматривают технической возможности подачи электронных документов через систему ГАС «Правосудие». Стоит отметить, что на сегодняшний день ситуация, к сожалению, не изменилась.

Чтобы подать документы в суд в электронном виде, необходимо специальное оборудование, компьютер или ноутбук, кроме этого, заявитель должен быть зарегистрирован на сайте «Госуслуги» и иметь индивидуальный доступ. Документы для отправки в суд должны быть сохранены в формате pdf, в системе заполняется определенная форма, где используется юридическая терминология. Не каждый юрист с первого раза может разобраться в правилах заполнения и отправки электронного обращения. Безусловно, для

---

¹ См.: *Баринов Н.А.* Категория «имущественные потребности» – инновация в гражданском праве // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2014. № 3 (2). С. 30.

многих данный способ обращения в суд в начале пандемии был недоступным, соответственно, реализация конституционного права на судебную защиту была этим ограничена. Сегодня на сайтах судов размещена информация, согласно которой граждане также могут обратиться в суд с заявлением только двумя способами – через сайт «Госуслуги» и по почте: в судах искивые заявления и иные обращения не принимают. Многие граждане, адвокаты отмечают негативную тенденцию, образовавшуюся за время пандемии: деятельность судов оказалась вне зоны правового поля¹.

Что касается обращения в суд через почтовые отделения, то они, как и многие организации, в начале пандемии не работали. Однако «Почта России» предусмотрела возможность отправки заказного письма онлайн, но для этого также необходим был компьютер или ноутбук, документы в определенном формате и регистрация на сайте «Госуслуги». Ограничение по отправке документов онлайн составляет всего 5 страниц, что не отвечало и не отвечает требованиям в тех случаях, когда гражданин желает отправить искивое заявление и приложения к нему в суд. Таким образом, отправка документов в суд через сайт «Почты России» также не отвечает требованиям, способствующим реализации права на обращение в суд.

От доступности судебной защиты, от сроков рассмотрения дел в суде, от компетентности судей зависит значение судебной защиты как в правосознании граждан, так и в обществе в целом. Поэтому представляется необходимым на законодательном уровне предусмотреть альтернативные варианты обращения в суд, доступные каждому гражданину в случаях, когда это необходимо в целях защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса. Только создав необходимые условия для реализации прав человека, можно говорить о том, что его права соблюдаются.

---

¹ См.: Адвокаты и юристы просят вернуть в московские суды гласность // Адвокатская газета. 2021. 24 марта. URL: <https://www.advgazeta.ru>

М.В. Филимонова,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ПРОТОКОЛОМ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Трудно не согласиться с тем, что протокол судебного заседания является обязательным письменным документом, цель создания которого – фиксация последовательности совершения всех процессуальных действий в судебном заседании. Данный документ приобретает особое значение в случае обжалования решения суда, прежде всего по факту нарушения норм процессуального права.

Протокол судебного заседания в связи с этим справедливо называют основным письменным доказательством. С целью проверки правильности отражения в нем всех процессуальных действий гражданское процессуальное законодательство предусматривает принесение замечаний на протокол лицами, участвующими в деле (ст. 231 ГПК РФ). В соответствии с указанной нормой, у данных субъектов есть пять дней для совершения такого процессуального действия.

Даже с учетом особенности исчисления процессуальных сроков, установленных днями, времени для изучения документа, его анализа и, при необходимости, составления замечаний на него немало. А если учесть, что гражданский процессуальный закон в его буквальном толковании по рассматриваемому вопросу не содержит прямого указания на обязанность суда выслать копию протокола по просьбе лица, остается один логический вывод – субъект, заинтересованный в получении протокола, должен прийти за ним в суд.

Однако участник судопроизводства может находиться за пределами населенного пункта, в котором рассматривается дело, часто за много километров, что делает для него посещение суда довольно затруднительной процедурой.

Именно поэтому одним из эффективных способов, нивелирующих короткий процессуальный срок и отдаленность местонахожде-

ния лица, которому требуется протокол, является обращение в суд в электронном виде. Такая процедура предусмотрена Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа¹.

На первый взгляд возможность обращения в суд посредством информационной системы ГАС «Правосудие» действительно снимает вопрос пропуска процессуального срока на принесение замечаний, такой формат взаимодействия с судебными органами удобен, особенно в случае отдаленности местонахождения суда. К сожалению, ни один процессуальный закон, ни одна инструкция по делопроизводству в суде не содержит обязанности суда направить лицу по его заявлению копию протокола. Данный факт сводит на нет эффективность электронного обращения в суд по этому вопросу.

Конечно, многие практикующие юристы могут посоветовать попросить у судьи выслать копию протокола по электронной почте, и такие случаи имеют место. Личный опыт автора – тому подтверждение.

Проанализируем его с законодательной точки зрения.

Заявление об ознакомлении с протоколом судебного заседания (посредством получения его копии) было подано через информационную систему ГАС «Правосудие». В ответ электронным письмом было получено два файла копии протокола. Небезынтересны следующие факты: письмо пришло не с официального электронного адреса суда; первый файл содержал пять из шести листов протокола, а второй – последний лист с подписью судьи. В данной работе не анализируются причины такого разделения документа, не ставится под сомнение объективность и беспристрастность суда. Предпринята попытка понять, насколько сложившаяся ситуация соответствует закону.

На первый взгляд законодательной основы данной ситуации не существует. Направление копии протокола судебного заседания лицу – сугубо личное решение судьи. Если он откажет в этом, нарушение закона невозможно зафиксировать.

Тем не менее можно предпринять попытку устранить такой «пробел» закона, обратившись к нормативным предписаниям, ре-

---

¹ Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 // СПС «Гарант-Максимум» (дата обращения: 19.03.2022).

гламентирующим наиболее близкие по своему содержанию процессуальные действия суда.

Так, согласно Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде¹, суды могут направлять лицам, участвующим в деле, судебные акты в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной подписью (п. 2.1.9). Уполномоченный работник аппарата суда направляет данный электронный документ адресату, о чем делается отметка в информационной системе.

Таким образом, можно утверждать, что электронный документооборот судебных актов достаточно строго регламентирован и не вызывает вопросов в процессе правоприменения.

В свете изложенного хотелось бы обратить внимание на отсутствие аналогичной возможности в отношении предоставления копии протокола судебного заседания.

Считаем необходимым, коль скоро не вызывает сомнений значение протокола судебного заседания для защиты прав лиц, участвующих в деле, в судах проверочных инстанций, включить его в сферу правового регулирования, наряду с судебными актами, электронного документооборота между судами и лицами, участвующими в деле. Другими словами, дополнить Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде возможностью отправки копии протокола судебного заседания в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной подписью.

---

¹ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» (в ред. от 22 декабря 2021 г.) // СПС «Гарант-Максимум» (дата обращения: 19.03.2022).

А.П. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Поволжского института управления – филиала РАНХиГС,
доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Реализация конституционного права на судебную защиту осуществляется в первую очередь путем предъявления искового заявления в суд. В современных условиях данное обращение возможно посредством подачи электронного обращения: искового заявления, заявления, ходатайств и т.д.

Технологический прорыв, коснувшийся судопроизводства, несомненно, призван обеспечить более ускоренный и упрощенный порядок доступа к суду, повысить эффективность, включая облегчение и упрощение некоторых процедур цивилистического процесса.

Существенное влияние на судопроизводство оказала, на наш взгляд, возможность подачи электронных документов через систему ГАС «Правосудие» в суды общей юрисдикции и через портал «Мой арбитр» в арбитражные суды, а также внедрение электронных извещений участников судопроизводства.

Многие авторы отмечают положительные стороны возможности электронного обращения. Например, И.В. Решетникова называет скорость доставки, удобство хранения электронных документов, сокращение издержек и т.д.¹ О.В. Брежнев говорит о снижении коррупционных рисков, гарантии соблюдения процессуальных сроков, комфортности в ознакомлении с материалами судебного дела, быстроты их «движения» при реализации судебных процедур². Практи-

---

¹ См.: Решетникова И.В. С введением электронного правосудия судопроизводство перейдет на совсем иной уровень развития // Закон. 2011. № 2. С. 8–10.

² См.: Брежнев О.В. Обращение в Конституционный Суд Российской Федерации в электронном виде как средство обеспечения доступа к конституционному правосудию // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 28–30.

тики же отмечают возможность подачи заявления в любое время и с любого удаленного устройства.

Несомненно, оперативность доставки документов в суд возрастает, возможность подачи заявления в любое время суток позволяет, разгрузив почтовую связь, своевременно совершить процессуальное действие и т.д. Однако полагаем, что наше процессуальное законодательство в области электронных обращений все же перегружено формальностями.

Например, документы, подаваемые в суд, должны подписываться электронной подписью, а в необходимых случаях – усиленной квалифицированной подписью. Поэтому лица, не имеющие электронной подписи, не смогут осуществить данное процессуальное действие, о чем свидетельствует и судебная практика. «Кредитор обратился в суд, чтобы включить требование о выплате неустойки в реестр кредиторов гражданина после закрытия. Он просил восстановить срок для подачи заявления, так как пропустил его из-за “ковидных” ограничений. Подать заявление через “Мой арбитр” не мог: не было электронной подписи и возможности ее получить»¹.

Сложным, на наш взгляд, с точки зрения осуществления электронных действий является и электронное обращение в Конституционный Суд РФ. Заявитель должен определенным образом зарегистрироваться, затем необходимо пройти процедуру активации учетной записи путем подтверждения создания учетной записи с адреса электронной почты, указанного при регистрации, а также процедуру выражения согласия с правилами функционирования системы подачи документов «Обращение в КС РФ» путем проставления отметки в соответствующем поле на официальном интернет-портале Конституционного Суда. Далее заявителю необходимо заполнить предлагаемую форму согласно техническим характеристикам соответствующих (указанных на официальном интернет-портале Конституционного Суда) полей заполнения, а также ввести в систему подачи документов «Обращение в КС РФ» текст обращения и прилагаемые к нему документы и материалы². Следует отметить

---

¹ Постановление 13-го Арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2021 г. по делу № А56-92063/2019/з.1. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c76fe4f2-d983-4187-982e-cd8e56021508/8874a35e-c970-4c3e-b571-14ad0fe37ff0/A56-92063-2019_20210319.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

² См.: Регламент Конституционного Суда РФ (в ред. от 28 января

довольно сложный порядок, который, как мы понимаем и не отрицаем этого, вызван необходимостью полной идентификации лица, обращающегося через портал в суд с одной стороны, с другой же полагаем, это существенно усложняет порядок электронного обращения, вплоть до отказа от его использования.

Это связано в первую очередь с тем, что возможность обращения к электронному правосудию, при всей его прогрессивности, тормозится не совсем полной готовностью общества к использованию указанных технологий. В современных исследованиях поднимается проблема так называемого цифрового неравенства, которое связано с различными причинами, в том числе с невозможностью различных групп населения использовать цифровые технологии, включая различную местность проживания, возраст, наличие или отсутствие доступа к информации, навыков использования цифровых технологий и т.п.¹

Необходимо также отметить, что электронные обращения в суд порождают и особое взаимодействие с судом. Так, подача документов в электронном виде породила новое процессуальное действие, выполняемое работниками аппарата суда, которое не предусмотрено ни ГПК РФ, ни АПК РФ, ни КАС РФ, а регламентировано Приказом Судебного департамента № 251 и Инструкциями по судебному делопроизводству в районном суде и, соответственно, в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов. Это процессуальное действие называется «отклонение документов», уведомление о нем в автоматическом режиме отправляется в личный кабинет заявителя с указанием, что документы не могут быть признаны поступившими в суд (п. 4.4, 4.5 Приказа Судебного департамента № 251). Отклонение документов не может быть обжаловано, что, по-нашему мнению, является ограничением доступа к правосудию.

Не совсем верными представляются нам требования о том, что в случае подачи указанных документов в виде электронных образов суд после принятия обращения к производству вправе потребовать

2021 г.) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата опубликования: 01.02.2021).

¹ См.: *Бабынина Л.С.* Цифровое неравенство: причины и последствия. URL: https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/Л.С.Бабынина_Цифровое_неравенство_причины_и_последствия.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

представления подлинников данных документов либо их копий, заверенных в порядке, предусмотренном для заверения соответствующих письменных доказательств (п. 9)¹. Как показывает правоприменительная практика, суды довольно часто запрашивают приложенные документы в бумажном варианте. Получается, что ни суды, ни заинтересованные лица не освобождаются от бумажного документооборота. В связи с этим нельзя не согласиться с В.Г. Голубцовым, который говорит о том, что «законодатель, обязанный регламентировать информационно-технологические процессы судебной коммуникации, принимает многочисленные процедурные нормы»², что не облегчает, а затрудняет судебный документооборот.

Кроме того, мы полагаем, может вызвать негативные последствия, как результат электронного обращения в суд, неполучение электронных извещений о времени и месте судебного заседания участниками процесса из-за отсутствия в процессуальном законодательстве четкого правила, закрепляющего, что электронное обращение в суд, равно как и указание адреса электронной почты в исковом заявлении, по умолчанию является согласием на электронное извещение участника судопроизводства. Тот факт, что данные процессуальные действия (электронное обращение и указание электронного адреса) являются согласием на электронное извещение, отмечен только в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Полагаем, что формы согласий на электронные извещения должны быть четко закреплены в соответствующих процессуальных кодексах.

Не урегулирован до конца, на наш взгляд, и вопрос о формах электронных извещений в цивилистическом судопроизводстве. Наиболее полным и отвечающим современному техническому оснащению общества является перечень, указанный в ст. 96 КАС РФ, включающий в себя СМС-сообщения. О возможности применения данного вида извещения в гражданском и арбитражном процессах тоже упоминается лишь в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ³.

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 170–188.

³ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ

Таким образом, хотелось бы отметить, что электронные ресурсы, активно внедряемые в судопроизводство, несомненно, являются прогрессивным подходом в развитии цивилистического судопроизводства, что отражает современные тенденции развития цифровой экономики и общества в целом, способствует ускорению и упрощению обращений в суд, однако требует доработок и внесения соответствующих поправок в действующее процессуальное законодательство.

от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9; 2012. № 4.

Т.В. Чумикова,
юрист ООО «ЛАНИТ Северо-Запад»

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Происходящие изменения и достижения в области цифровизации затрагивают практически все сферы жизни общества и деятельности государства. Видоизменяются многие процессы, до недавних пор происходящие в «обычном режиме». Не стали исключением и процессуальные нормы права. Требования времени обусловили такую трансформацию. Однако не только развитие информационных технологий повлияло на многие процессы, но и пандемия коронавируса, начавшаяся в конце 2019 г. и продолжающаяся до настоящего времени. Таким образом, с одной стороны, процессуальное законодательство реформируется в связи с появлением достижений информационных технологий, с другой – под влиянием пандемии. В рамках настоящего исследования нами будет рассмотрено влияние цифровизации на процессуальные нормы.

Итак, с 1 января 2017 г. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ¹ в ч. 1 ст. 41 АПК РФ² внесены изменения, согласно которым лица, участвующие в деле, также вправе представлять в арбитражный суд документы в электронном виде. Сегодня подача документов в арбитражный суд в электронном виде для практикующих юристов привычна, оценены положительные моменты. Не нужно стоять в очереди на подачу документов непосредственно в суде и тратить на это время. Не нужно нести затраты на почтовые отправления, не нужно ждать доставки и принятия документов, как в случае их отправки почтой. Не нужно нести затраты на копирование документов – подаются сканированные копии, поэтому многие виды документов не распечатываются вовсе или распечатываются в меньшем объеме, особенно если стороны используют в своей

---

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СЗ РФ. 2016. № 26, ч. 1, ст. 3889.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

повседневной деятельности электронный документооборот и некоторые документы изначально имеются в электронном виде (договоры, акты, товарные накладные, универсальные передаточные документы и т.д.). К тому же можно поручить подготовку и подачу документов конкретному лицу, которому будет выдана доверенность. Очевидно, что процедура подачи документов в арбитражный суд максимально упрощена по сравнению с периодом до 2017 г.

Ситуация с судами общей юрисдикции не так позитивна. Подача документов в электронном виде возможна через ГАС «Правосудие», при этом лицо должно иметь усиленную квалифицированную электронную подпись, цена на которую варьируется в пределах 1500–2500 рублей. К тому же далеко не у всех граждан есть возможность сканировать и направлять документы (отсутствует сканер и стационарный компьютер или ноутбук).

С 1 января 2022 г. в вопросе подачи документов в судебные органы произошли очередные изменения – документы в суд можно подать посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Соответствующие изменения внесены Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ¹. Онлайн будут доступны следующие функции: суд, в который надлежит подать документы, определится автоматически, все уведомления и документы заявитель получит в электронном виде, с материалами дела можно будет ознакомиться онлайн, система автоматически рассчитает государственную пошлину и можно будет оплатить ее, возможность удаленного участия в судебном процессе, интерактивный помощник подскажет каждый шаг заявителю.

Нововведения позволят снизить количество ошибок (когда заявитель обращается не в тот суд, указывает не все необходимые данные и т.д.), существенно сэкономить время (не нужно будет посещать отделение «Почты России» или непосредственно суд для подачи документов или получения документов из суда), сэкономить денежные средства (не нужно тратиться на отправку документов «Почтой России»), исключить ситуации, когда заявитель вынужден брать отгул или отпуск, чтобы защитить свои права.

---

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 9.

Сейчас мы наблюдаем переходный период, когда суды постепенно получают необходимое техническое оснащение, а работники суда обучаются работе с нововведениями.

Указанный Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ внес иные существенные изменения. Так, все процессуальные кодифицированные нормативные акты теперь предусматривают возможность участия в судебном заседании путем использования системы веб-конференции. Онлайн-заседания широко применялись с начала пандемии. Суд и участники процесса преследовали цель ограничить контакты и перемещения. «За время самоизоляции практику применения дистанционного формата российские суды использовали в более восьми тысячах заседаний. В период с 21 апреля по 29 мая 2020 года в Верховном Суде России в режиме веб-конференц-связи было рассмотрено порядка 40 гражданских, административных и экономических споров с подключением более 70 участников», – пояснили в пресс-службе Верховного Суда РФ¹.

Таким образом, очевидны плюсы цифровизации судебного процесса. Современный мир переходит в онлайн-режим, что должно затрагивать и судебную систему, и процессуальное законодательство.

Безусловно, есть факторы, тормозящие процесс цифровизации. Отсрочка полноценной цифровизации происходит сегодня по следующим причинам:

- требуются обновленные подзаконные акты, регламентирующие электронное правосудие;
- на уровне Верховного Суда РФ и Судебного департамента должны быть установлены требования к техническим и программным средствам, используемым при организации веб-конференций;
- все изменения в части цифровизации будут применяться при наличии в конкретном суде технической возможности, что напрямую связано и с наличием бюджетных денежных средств, и с необходимостью провести государственные закупки.

Более прогрессивны в вопросе цифровизации, безусловно, арбитражные суды. Во многом это происходит за счет профессионального представительства («случайных людей» в арбитражных судах практически нет, участники процесса являются либо юристами, либо адвокатами, либо владельцами бизнеса), за счет более сложных категорий дел, чем в судах общей юрисдикции, за счет более

---

¹ См.: В России суды провели более восьми тысяч онлайн-заседаний из-за COVID-19. URL: <https://ria.ru/20200529/1572185558.html>

высокого уровня подготовки аппарата арбитражного суда. Более совершенно работает единая по всей стране картотека арбитражных дел – информация обновляется достаточно оперативно, есть возможность увидеть тексты определений, решений судов, а также отметку о подаче каких-либо документов по делу другими участниками судебного процесса. Ознакомление с материалами дел в арбитражных судах уже происходит в онлайн-формате – достаточно подать ходатайство, поставить в форме подачи соответствующую отметку об ознакомлении в онлайн-режиме и дождаться кода доступа, который поступит на электронную почту заявителя. По коду доступа можно в течение суток читать материалы дела, скачивать их, прослушать или скачать аудиозаписи судебных заседаний. Когда такая возможность отсутствовала, участники судебного процесса должны были лично (или направив представителя) являться в суд на ознакомление, по предварительной записи, осуществлять фотографирование материалов дела, ставить отметку об ознакомлении. Это несло в себе временные и денежные затраты, особенно если суд находился в другом регионе РФ.

В отличие от арбитражных судов, суды общей юрисдикции хотя и должны отражать ход дела на сайте соответствующего суда, однако делают это недостаточно оперативно. Помимо этого, отсутствует возможность увидеть, например, текст определения суда об оставлении искового заявления без движения. Как известно, суд в случае оставления без движения указывает срок, в который заявитель обязан устранить недостатки. Часто из-за проблем почтовой отправки заявитель получает текст определения по истечении срока на устранение недостатков, и суд возвращает исковое заявление. По телефону информация о недостатках и сроках их устранения не предоставляется, личный прием во многих судах не ведется, в связи с чем заявитель вынужден ждать письмо из суда, отправленное «Почтой России». Опубликование таких текстов позволит заявителю оперативно отслеживать движение дела и реагировать на них. В целом же это позволит приблизить вопрос защиты нарушенных прав и законных интересов к реальности.

Кроме того, суды общей юрисдикции не имеют единой картотеки дел, чтобы можно было проверить наличие требований к конкретному лицу. Эта проблема еще серьезнее, чем обозначенная ранее. Например, физическое лицо хочет приобрести недвижимость у другого физического лица. В рамках проверки продавца осуществ-

вляется проверка наличия судебных дел на сайте районного суда по месту регистрации продавца. Однако очевидно, что могут быть судебные дела в иных судах РФ, но заявитель не имеет физической возможности проверить сайт каждого суда на предмет таких требований. Безусловно, имеется необходимость создания единой картотеки дел судов общей юрисдикции.

Как быстро цифровизация полноценно придет в суды общей юрисдикции – большой вопрос. Недостаточное финансирование, низкий уровень подготовки аппарата суда, отсутствие обязательно профессионального представительства – все эти факторы негативно влияют на развитие и фактически сдерживают процесс цифровизации.

Отсутствие полноценной цифровизации несет в себе негативные обстоятельства – заявители вынуждены нести денежные и временные затраты, невозможность физически присутствовать в судебном процессе нередко влечет за собой отказ в защите нарушенного права. Все это негативно влияет на реализацию конституционного права граждан на судебную защиту, что недопустимо.

Раздел 5

Трибуна молодого ученого

А.В. Камин,

*аспирант кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
Е.В. Вавилин*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Осуществление субъективных корпоративных прав в настоящем исследовании представлено как правомерное поведение, направленное к определенной цели в виде получения имущества, информации либо принятия корпоративного акта, осуществляемое посредством исчерпания необходимых и достаточных возможностей, гарантированных конкретным субъективным корпоративным правом. Кроме того, для настоящего исследования необходимо инструментальное использование категории юридической процедуры, которая представляет собой «систему последовательно совершенных действий и возникающих на их основе отношений, направленных на достижение определенного правового результата»¹.

В свою очередь, принципами осуществления гражданских прав, как указывает Е.В. Вавилин, являются «основополагающие руково-

---

¹ Давыдова Г.Н. Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 7.

дящие начала, которые всесторонне характеризуют и моделируют процесс достижения правовой цели в ходе реализации прав...»¹.

Наличие в системе российского гражданского права подотрасли корпоративного права как предопределяет особый характер механизма правового регулирования указанной сферы общественных отношений, так и позволяет утверждать о наличии специфики осуществления субъективных корпоративных прав, обусловленных юридической природой указанной категории.

В настоящем исследовании затронуты следующие принципы осуществления корпоративных прав: принцип замещения, принцип приоритетного волеизъявления, принцип призрачного участия.

1. Значимой особенностью корпоративных отношений является их регулирование не только законом, но и внутренними документами корпораций, рассчитанными на многократное применение. Следовательно, модели осуществления корпоративных прав могут быть изменены посредством дополнения или устранения определенных вариантов действий, совершение которых влечет наступление желаемого результата (получение блага).

Вместе с тем законодателем допускается возможность использования аналогичных замещающих действий (юридических операций) или их совокупности для легитимизации юридических процедур, осуществленных с нарушением моделей, установленных внутренними документами корпораций в рамках диспозитивно дозволенных границ.

Например, при установлении в уставе корпорации определенной модели осуществления корпоративного права поведение участника, направленное на достижение желаемого правового результата, но отклоняющееся от установленной модели, может быть одобрено посредством использования юридической процедуры, свойственной для принятия (изменения) устава.

О наличии подобного подхода свидетельствует актуальная судебная практика по категории споров о выходе участника общества с ограниченной ответственностью из состава участников. Так, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 17 апреля 2019 г. по делу № А40-87509/2018 указывает, что, несмотря на установленный уставом общества запрет на выход участника из общества, воля других участников общества направлена на принятие

---

¹ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2016. С. 236.

действий истца по выходу из общества, т.е. односторонняя сделка участника была в последующем одобрена обществом и его участниками¹. Руководствуясь п. 2 ст. 166 ГК РФ², суд пришел к выводу, что участник правомерно вышел из общества.

Вместе с тем предшествующая судебная практика запрещала подобный подход. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 7 ноября 2014 г. по делу № А41-62019/13 указывает, что подача участником заявления не влечет правового эффекта в виде прекращения участия в обществе и перехода его доли к обществу, независимо от наличия согласия на это самого общества либо другого его участника³.

Однако обращает на себя внимание мотив, послуживший основанием для принятия Арбитражным судом Московского округа постановления от 17 апреля 2019 г. по делу № А40-87509/2018, а именно доктрина эстоппеля и соответствующая правовая норма ГК РФ, примененная в обязательственных правоотношениях. Вместе с тем юридическая процедура осуществления корпоративного права управления судом не затронута и не охарактеризована.

Если обратить внимание на природу устава, которая удачно была определена Д.И. Степановым, указавшим среди прочего, что устав представляет собой документ, и отражающий юридический факт, и фиксирующий содержание его условий⁴; а также на небесспорное Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912, указывающее на сделочную природу устава⁵, то возможно констатировать, что устав является консолидированным выражением воли участников, в том числе по вопросу необходимого состава юридической процедуры осуществления корпоративных прав.

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 апреля 2019 г. № Ф05-4620/2019 г. по делу № А40-87509/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5053.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 ноября 2014 г. по делу № А41-62019/13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Степанов Д.И.* Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 3–62.

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Если устав корпорации устанавливает (изменяет) юридическую процедуру осуществления корпоративных прав, то решение общего собрания, как корпоративный акт, представляет собой функциональный объект реализации юридической процедуры осуществления корпоративного права управления, то есть благо, также представляющее собой консолидированную волю по конкретному вопросу. Следовательно, установленная уставом юридическая процедура осуществления корпоративного права может быть не изменена (поскольку для этого необходимо внесение изменений в устав), но легитимизирована посредством принятия решения общего собрания, прямо или косвенно свидетельствующего об этом.

2. Близким, но не тождественным по юридической природе и воплощению является иной принцип осуществления корпоративных прав, а именно принцип приоритетного волеизъявления участников корпорации.

Так, в ситуации повторного либо многократного волеизъявления участников по идентичному вопросу при возникновении противоречий в актах волеизъявлений приоритет отдается последующему волеизъявлению.

Например, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 7 ноября 2018 г. по делу № А19-14791/2014 указывает на законность принятия на собрании кредиторов от 28 апреля 2018 г. решения, которое фактически отменило принятое 5 марта 2018 г. собранием кредиторов решение по вопросу выбора кандидатуры конкурсного управляющего¹. Суд дополняет, что поскольку законом не установлены специальные правила отмены указанных решений гражданско-правового сообщества кредиторов, то такая возможность правомерна, если она не имеет признаков злоупотребления правом и совершена до того момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы третьих лиц.

Однако значение указанного принципа не сводится к демонстрации субординации первоначальных и последующих решений общих собраний по аналогичным вопросам, а прослеживается и в отношении иных законодательных конструкций, например в отношении корпоративных договоров.

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 7 ноября 2018 г. № Ф02-5000/2018 по делу № А19-14791/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Корпоративный договор не является исключительно обязательно-правовой конструкцией, наитеснейшим образом встраиваясь в юридическую процедуру осуществления корпоративных прав. Так, М.И. Иноземцев, рассматривая акционерное соглашение, обращает внимание на двойственность его правовой природы и указывает: «...оно регулирует имущественные отношения в целом так же, как и иные отдельные виды обязательств... с другой стороны, оно связано с упорядочиванием общественных отношений, определяющих участие в корпоративных организациях, или с управлением ими (корпоративные отношения)»¹.

Анализ ст. 67.2 ГК РФ показывает, что степень влияния корпоративного договора на осуществление корпоративных прав всецело зависит от субъектного состава указанного договора: все участники общества или их часть. Если часть участников общества являются субъектами обязательства из корпоративного договора, то осуществление либо неосуществление корпоративного права в нарушение договора имеет обязательно-правовые последствия. Если все участники общества являются субъектами обязательства из корпоративного договора, то нарушение содержания обязательства влечет не только обязательно-правовые последствия, но и, в определенных случаях, признание решения общего собрания участников недействительным.

Следовательно, законодатель прямо указывает, что приоритет имеет воля участников, выраженная в корпоративном договоре, а не последующая из выраженных.

Кроме того, в настоящий момент прослеживаются попытки усиления указанного принципа в части формы выражения, что следует из подп. «б» п. 1 ст. 1 проекта федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России, ID 02/04/11-21/00122129), предусматривающего внесение изменений в п. 6 ст. 67.2 ГК РФ. В соответствии с изменениями, решение общего собрания участников может быть признано недействительным и в том случае, если не все участники общества были участниками корпоративного договора, при двух условиях: 1) на момент принятия решения голосовавшие лица знали или должны были знать

---

¹ *Иноземцев М.И.* Акционерное соглашение: ответственность за нарушения по праву России и зарубежных государств. М., 2020. С. 37.

о допущенных нарушениях; 2) допущенное нарушение повлияло на решение¹.

Таким образом, принцип приоритетного волеизъявления проявляется при появлении однородных юридических фактов во времени либо при наличии разнородных юридических фактов, в зависимости от формы их закрепления, упорядочивания волеизъявления участников при осуществлении корпоративных прав, в данном случае корпоративного права управления.

3. Последним принципом осуществления корпоративных прав, рассматриваемым в настоящем исследовании, является принцип призрачного участия.

И.С. Шиткина, причисляя органы юридического лица к составным частям корпорации, указывает, что к числу гражданско-правовых отношений между органами корпорации и иными лицами они отнесены быть не могут, и в то же время отмечает: «Нельзя не заметить их активной роли во внутренних управленческих отношениях в корпорации»². В то же время А.В. Габов исходит из невозможности исключения органов юридического лица из субъектов корпоративных правоотношений, поскольку в противном случае «все, что происходит в сложноструктурной... организации, находится вне правового поля»³.

Несмотря на различия указанных позиций авторов, один факт остается бесспорным, а именно участие органов корпораций в ее деятельности (в том числе при взаимодействии с участниками) и урегулированность этой деятельности нормами права.

Автор настоящего исследования вслед за Д.В. Ломакиным и В.Г. Виденевым рассматривает модель корпоративных правоотношений как комплекс правовых связей участников корпорации с самой корпорацией, за редким исключением⁴.

---

¹ См.: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=122129> (дата обращения: 15.02.2022).

² Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 3–28.

³ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью. Практика акционерных обществ. М., 2004. С. 155–156.

⁴ См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 87–88; Видинев В.Г. Гражданско-правовой характер корпоративных отношений // Общество и право. 2009. № 1. С. 123.

В подобном случае участие органов корпораций и иных лиц в корпоративных правоотношениях является фикцией, применяемой в случаях и объеме, указанных в законе. В некоторой степени данная позиция схожа с концепцией Е.Я. Токара, выделяющего служебное представительство, устанавливаемое в силу актов работодателя¹. При этом служебное представительство понимается как взаимодействие, в котором «представителя с представляемым связывают трудовые правоотношения, однако во взаимоотношениях с третьими лицами (вовне) представительство воплощается по всем канонам норм гл. 10 ГК РФ»².

Между органами корпораций (иными лицами) и субъектами корпоративных правоотношений могут складываться указанные правоотношения, которые являются нетипичными по юридической природе, ввиду отсутствия полноценной правосубъектности одного из участников. Из-за невозможности иного регулирования отношений по поводу управления, имущества и информации внутри корпорации законодатель допускает участие подобных квази-субъектов в правоотношении, устанавливая для них усеченные функционально-необходимые юридические процедуры осуществления корпоративных прав.

Таким образом, в настоящий момент возможно утверждать о наличии таких принципов осуществления корпоративных правоотношений:

1. Принцип замещения, заключающийся в возможности легитимации отдельных действий (юридических операций) в составе юридической процедуры осуществления корпоративных прав, совершенных в противоречии с положениями внутренних документов корпораций, рассчитанных на многократное применение.
2. Принцип приоритета воли, заключающийся в субординации волеизъявлений участников в зависимости от расположения на временной шкале, а также формы документа, закрепляющего волеизъявление.

---

¹ См.: Токар Е.Я. Представительство в сфере предпринимательской деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 2018. С. 15.

² Токар Е.Я. О роли института представительства в обеспечении жизнедеятельности корпораций как субъектов малого предпринимательства // Lex Russica. 2017. № 9. С. 181–182.

3. Принцип призрачного участия, допускающий возможность участия неправосубъектных лиц, таких как орган корпорации, контролирующее должностное лицо, в корпоративных правоотношениях, в том числе в реализации юридической процедуры осуществления корпоративных прав.

Указанный перечень принципов осуществления корпоративных прав не является исчерпывающим, однако позволяет приблизиться к выявлению как начал, так и специфики осуществления корпоративных прав.

Д.В. Михайлова,

*аспирант кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В.Ф. Яковлева А.В. Майфат*

УКРЕПЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ ПОСРЕДСТВОМ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Одной из целей законодательства в сфере интеллектуальных прав является достижение прочности и правовой определенности гражданского оборота. Так, объем правовой охраны тех или иных объектов интеллектуальных прав должен быть однозначно определен (недопустимо субъективное отклонение от четко обозначенных пределов предоставленной государством охраны), что невозможно осуществить без требовательного законодательства по ведению регистрационных систем в сфере интеллектуальных прав. Указанное позволит не только приблизиться к обозначенной цели, но и стремиться к обеспечению баланса частных (правообладателей) и публичных интересов (третьих лиц), которые нередко могут расходиться.

Так, несомненна необходимость защиты принадлежащих правообладателям результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, что позволит не только стремиться к развитию и укреплению оборота объектов интеллектуальных прав, но и стимулировать творческую, изобретательскую и иную деятельность. Вместе с тем предоставленная «монополия» на те или иные объекты должна учитывать права и законные интересы остальных участников гражданского оборота, не допуская произвольное и необоснованное применение правообладателем к одному объекту интеллектуальных прав по собственному усмотрению правил, средств и юридических конструкций, свойственных иным объектам интеллектуальных прав.

Одновременно прочность гражданского оборота в неразрывной связи с правовой определенностью отвечает требованиям публичного интереса, поскольку границы объема предоставленных прав на тот или иной объект противопоставляются требуемому поведению третьих лиц. В частности, третье лицо – любой участник гражданского оборота – должно заранее иметь представление о содержании и пределах прав правообладателя, чтобы впоследствии соответственно этим представлениям совершать те или иные действия, осознавая их предполагаемые последствия.

Одним из основных способов достижения указанного является совершенствование систем государственной регистрации в сфере интеллектуальных прав, ведение регистрационных реестров в соответствии с требованиями, предъявляемыми к государственным реестрам, а также принципами полноты, внесения, публичности сведений, достоверности и пр.

Фиксация информации о том или ином объекте либо правах на него (содержательная часть реестров) в соответствии с указанными принципами в первую очередь позволяет зафиксировать объект охраны либо объектные пределы правовой охраны такого объекта, а также создать вполне определенные представления у неограниченного круга лиц о содержании прав правообладателя и корреспондирующих им обязанностях, тем самым формируя соответствующую линию надлежащего поведения неограниченного круга лиц.

В настоящее время принципы ведения государственных реестров, законодательно закрепленные положениями ст. 8.1 ГК РФ, не нашли формального основания отнесения к регистрации в сфере интеллектуальных прав. В научной и правоприменительной сферах по-прежнему не выработан единый подход к вопросу о применении указанной статьи: например, Суд по интеллектуальным правам отрицал в своей справке, утвержденной Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 августа 2014 г. № СП-21/10¹, правоустанавливающий характер реестров и применение к ним положений ст. 8.1; в последующем Пленум Верховного

---

¹ Справка о соотношении статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ с положениями раздела VII Гражданского кодекса РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», утв. Постановлением Президиума СИП от 22 августа 2014 г. № СП-21/10 // СПС «КонсультантПлюс».

Суда РФ в постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ умолчал о реестрах интеллектуальных прав; после чего Конституционный Суд РФ в постановлении от 3 июля 2018 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам»² практически признал реестры «теми самыми», которые упомянуты в ст. 8.1 ГК РФ.

Вместе с тем не вызывает сомнений как правоустанавливающий характер реестров интеллектуальных прав, их отнесение к государственным реестрам, так и очевидность необходимости применения к ним принципов ведения государственных реестров, смысл которых (как и любых иных государственных правоустанавливающих реестров) заключается в однозначном определении правообладателя и границ его прав, которые будут подтверждены государством и достоверны. Сведения, указанные в таких реестрах, предназначены прежде всего для неограниченного круга лиц, позволяя определять границы правомерного поведения с учетом обозначенных реестром границ, участвовать в гражданском обороте с уверенной опорой на гарантированную достоверность указанных в реестре сведений.

Достоверность и полнота сведений в реестре существенным образом оказывает влияние и на коммерциализацию и осуществление сделок с объектами интеллектуальных прав, поскольку лицо, вступающее в правоотношения с правообладателем, должно обладать достаточными сведениями о предполагаемом объекте правоотношений и должно быть уверено в их достоверности без дополнительных глубинных проверок документов и истории правомерного происхождения прав на тот или иной результат интеллектуальной деятельности/средство индивидуализации (в противном случае такая сделка может восприниматься как в высокой степени рискованная, в связи с чем желание вступать в правоотношения по поводу такого «темного» объекта резко снижается, что влияет на развитие оборота в целом).

Вместе с тем в текущей действительности российские реестры часто не отвечают заявленным требованиям, например, сведения

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² См.: СПС «КонсультантПлюс».

о правообладателе включают в себя лишь указание на организационно-правовую форму, фирменное наименование, адрес местонахождения, а также адрес для переписки. Указанные сведения могут не соответствовать действительности в момент ознакомления третьих лиц с информацией о правообладателе (согласно положениям ст. 1232 ГК РФ, на правообладателе лежит обязанность уведомить регистрирующий орган об изменении указываемых сведений о правообладателе, срок по исполнению такой обязанности не установлен. Последствием несоблюдения данной обязанности является риск неблагоприятных последствий (например, неполучения юридически значимой информации), в связи с чем правообладатели нередко весьма неохотно и растянута во времени исполняют такую обязанность или не исполняют ее вовсе). В результате реестр перестает отвечать требованиям достоверности находящейся в нем информации. Кроме того, указанные о правообладателе сведения могут по воле случая совпадать со сведениями о другой, одноименной компании, что может вызывать неопределенность у третьих лиц, которые по итогу не обладают полнотой сведений о правообладателе. Последнее решается довольно просто: достаточно в обязательном порядке иметь уникальный идентификационный номер, например основной государственный регистрационный номер.

Далее, при регистрации, например, товарного знака (знака обслуживания) подлежит фиксации как сам объект (его словесное описание, указание цветовой гаммы, вида объекта (словесный, изобразительный, комбинированный и пр.), приведение изображения объекта), так и его правообладатель, так и объем прав на него (который заложен прежде всего в перечне товаров и услуг, в отношении которых охраняется обозначение, и в описании обозначения в ключе рассмотрения вопроса сходства до степени смешения обозначения в сравнении с иными обозначениями). Такие сведения, будучи публичными, должны указать третьим лицам возможность правомерного поведения и использования иных обозначений, тем самым превентивно предупреждая возможность нарушения прав правообладателя.

Вместе с тем в национальном российском реестре товарных знаков и знаков обслуживания в части определения объекта и прав на него в публичном доступе находится лишь изображение обозначения, указание на его вид, цветовую гамму, наличие неохраняемых элементов, а также указание на заявленный перечень това-

ров и услуг. Словесное описание обозначения, которое указывает заявитель на этапе подачи заявки на регистрацию обозначения в качестве товарного знака (знака обслуживания), является недоступным и не подлежит публичной фиксации. В связи с этим на практике возникает произвольное по усмотрению правообладателя изменение границ правовой охраны того или иного обозначения. В частности, при регистрации с целью обхода требований законодательства (как правило, в части требований к неохраняемым элементам обозначения) заявитель указывает одно описание обозначения, тогда как при использовании позиционирует данное обозначение как совершенно иное (например, обозначение в виде набора цифр или согласных букв, не являющихся аббревиатурой и не имеющих дополнительной различительной способности, при регистрации заявитель квалифицирует как некий выполненный в оригинальной графической манере абстрактный рисунок, тогда как использует в дальнейшем и обращается за защитой прав на это обозначение уже как на конкретный набор цифр или согласных букв). Указанное создает ситуацию правовой неопределенности для третьих лиц относительно квалификации охраняемого обозначения, в которой в зависимости от субъективного произвольного желания правообладателя обозначение приобретает ту или иную смысловую окраску. Подобные ситуации, очевидно, требуют фиксации однозначного описания обозначения в реестре для идентификации *ex ante* самого объекта и объективных и неизменных пределов правовой охраны, тем самым достигая правовой определенности. Несомненной представляется необходимость не решения точечных вопросов (на приведенных примерах), но однозначного применения принципов ведения реестров применительно к реестрам интеллектуальных прав и формирования единого подхода к государственной регистрации имущественных прав, единой для различных объектов, в отношении которых предусмотрена правоустанавливающая регистрация.

А.А. Очкина,
*аспирант кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии*

*Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
О.М. Родионова*

ОТДЕЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года предусматривает пропаганду ответственного отцовства, создание позитивного образа отца, реализацию образовательных программ для мужчин-отцов в целях формирования модели ответственного отцовства, повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей¹. Реализация каждого из указанных аспектов может оказаться под угрозой при наличии систематических существенных нарушений прав и интересов отцов, что наблюдается повсеместно.

Количество обращений к уполномоченному по правам человека, касающихся вопросов защиты семьи, материнства, отцовства и детства, стремительно растет с каждым годом. Так, за первое полугодие 2020 г. на четверть выросло количество жалоб от отцов, которых после развода лишают возможности общаться с ребенком².

Наше исследование посвящено ряду проблем, связанных с нарушением прав отцов в Российской Федерации, а также рассмотрению конкретных способов их защиты. Ни для кого не секрет, что современная государственная политика в основном направлена на поддержку, а также защиту прав и интересов материнства, в то время как проблемам отцовства уделено гораздо меньше внимания. Инте-

---

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

² См.: Папа как институт. URL: <https://rg.ru/2020/08/16/tatiana-moskalkova-rasskazala-o-zashchite-prav-rossijskih-otcov.html> (дата обращения: 23.02.2022).

рес к исследуемой проблеме также вызван тем фактом, что за последние десятилетия выявилась тенденция к росту числа споров в области нарушения прав отцов. Правовой механизм защиты отцовства приобретает особенную значимость в условиях современных реалий, когда в России распространенными явлениями стали разводы, отсутствие должной защиты прав отцов, преимущественное положение женщин-матерей.

Спектр проблем в анализируемой области представляется весьма обширным. Трудности возникают в различных сферах жизни, будь то воспитание и забота о детях в браке или после развода, получение субсидий и государственной поддержки, проблемы отцов-одиночек. Существует целый ряд трудностей в правоприменительной практике, при рассмотрении семейных споров о нарушении интересов отцов. Кроме того, можно выделить большое количество психологических аспектов, которые являются предпосылками серьезных нарушений родительских прав. В целом сфера семейных отношений является весьма сложной, запутанной, чувствительной и эмоциональной. Посему она и весьма конфликтна.

В настоящей работе мы выделим наиболее серьезные проблемы нарушения прав отцов и предложим пути их разрешения. Мы сосредоточим свое внимание на следующих аспектах:

1. Лишение отцов возможности общения с ребенком. Часто с подобной проблемой сталкиваются во время или после бракоразводного процесса.

2. Проблема установления места жительства ребенка. В рамках данного вопроса могут быть рассмотрены как те ситуации, которые встречаются при рассмотрении судами споров об определении места жительства детей, так и случаи, когда после развода отцам становится неизвестно, где проживают дети.

3. Проблемы, связанные с неисполнением обязанности по материальному обеспечению ребенка (детей).

Разумеется, этот перечень не является исчерпывающим. На данном этапе перейдем к рассмотрению первой проблемы – лишения отцов возможности общения с ребенком.

Как известно, мать не может запретить отцу видеться с ребенком, кроме как по решению суда. Ответственность по уходу за ребенком, по его воспитанию лежит на обоих родителях. Это отвечает наилучшим интересам обеспечения того, чтобы ребенок воспитыв-

вался в наиболее благоприятных условиях и имел доступ как к материнскому, так и к отцовскому вниманию.

Конечно, бывают ситуации, когда ребенок действительно не должен общаться с отцом. Например, если на ребенка оказывается вредное влияние (ст. 75 СК РФ). Такое влияние может заключаться:

- в телесных повреждениях и травмах после общения с отцом;
- асоциальном образе жизни;
- подтвержденных фактах употребления наркотиков;
- многочисленных судимостях;
- нецензурных выражениях;
- употреблении при ребенке алкогольных напитков;
- оставлении несовершеннолетнего в опасности;
- отсутствии постоянного жилья, бродяжничестве¹.

В других ситуациях мать не может ограничить или лишить отца права на общение с ребенком, это будет расцениваться как прямое нарушение прав, предусмотренных российским законодательством. За подобные действия необходимо привлекать к ответственности.

Однако часто суды, вместо того чтобы защищать интересы отцов, становятся на сторону матери и отказывают отцам в просьбе не чинить препятствия в общении с несовершеннолетними. Примером может выступать Решение Подольского городского суда от 28 октября 2020 г.² Суд отказал заявителю (отцу) в удовлетворении исковых требований об обязанности не чинить препятствия в общении с ребенком, ссылаясь на то, что доказательств того, что мать препятствовала общению, не предоставлено в должном объеме.

В Батайском городском суде отец попросил права видеть двухлетнего сына по вечерам в будние дни и в выходные. Суд разрешил забирать мальчика только на 6–7 часов дважды в месяц, а в совместном проведении отпуска отказал³.

---

¹ См.: Как ограничить общение ребенка с отцом: 3 законных способа. URL: <https://pravoved.ru/journal/ogranichit-otcva-v-obshchenii-s-rebenkom/> (дата обращения: 19.02.2022).

² См.: Решение № 2-4919/2020 2-4919/2020~М-4255/2020 М-4255/2020 от 28 октября 2020 г. по делу № 2-4919/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/52wA2ZpV3xlu/> (дата обращения: 20.02.2022).

³ См.: Решение № 2-2322/2018 2-2322/2018~М-1989/2018 М-1989/2018 от 13 ноября 2018 г. по делу № 2-2322/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ЕНJВKIF5mCWu/> (дата обращения: 20.02.2022).

Как быть в такой ситуации? Бесспорно, можно подавать апелляцию, надеясь, что решение первой инстанции будет отменено. Однако, по нашему мнению, эффективнее выиграть дело в первой инстанции. Для этого отцу необходимо:

1. Быть юридически подкованным. В данной связи целесообразно прибегнуть к помощи квалифицированного юриста либо досконально изучить все тонкости и представлять свои интересы самостоятельно.

2. Подготовить доказательства того, что его образ жизни является образцово-показательным, а также предоставить всю необходимую информацию о своем материальном положении.

3. Быть эмоционально устойчивым, не поддаваться агрессии, не отвечать на провокации со стороны супруги/бывшей супруги.

4. Попробовать урегулировать спор мирным путем. Если не удалось – предоставить суду информацию о том, что отец предпринимал такие попытки.

5. Предоставлять всю необходимую информацию для органов опеки.

6. Ходатайствовать о допросе свидетелей, которые выступают на стороне отца и могут подтвердить факт сильной привязанности ребенка к отцу.

Часто органы опеки не присутствуют на судебном заседании. Это приводит к субъективности на судебном разбирательстве, так как невозможно, не допросив их, выявить полную картину.

Установление и определение места жительства ребенка является не менее актуальной проблемой как до развода родителей, так и после. Кроме того, на момент судебного разбирательства мать может не предоставлять отцу возможности общаться с ребенком, скрывать место его жительства и нахождения. В таких случаях следует ходатайствовать перед судом об обязанности совершить определенные действия. Например, вернуть ребенка на момент рассмотрения спора отцу на ту территорию, где ребенок проживал до инициации судебных тяжб, если это более соответствует его психологическому и физическому здоровью. К сожалению, редко можно встретить подобного рода ходатайства.

Проанализировав судебную практику, мы приходим к выводу, что в настоящее время также имеет место неэффективность правовых норм, сложность их реализации со стороны компетентных органов. Все это приводит к невозможности родителя, в нашем

случае – отца, общаться со своим ребенком, принимать участие в его воспитании и развитии, что является прямым нарушением его прав.

В связи с этим, на наш взгляд, Верховному Суду РФ необходимо издать актуальные и подробные разъяснения по обозначенным вопросам с анализом функций органов опеки и попечительства и ответственности за нереализацию (ненадлежащую реализацию) этих функций.

Кроме того, необходимо увеличить ответственность за создание препятствий в общении одним из родителей, так как санкция в виде штрафа от 2 до 3 тыс. рублей не является в достаточной мере эффективной.

На данном этапе рассмотрим аспекты, касающиеся невыплаты алиментов матерью при проживании ребенка с отцом. Если суд обязал в своем решении мать выплачивать алименты, так и должно быть. Однако де-факто много случаев, когда обязанные лица, нарушая предписания, их не выплачивают.

Разумеется, существуют случаи освобождения от уплаты алиментов. Среди них:

1. Задержка зарплаты.
2. Ошибка банка. Если алименты были перечислены вовремя, но имела место банковская ошибка, в таком случае плательщик не будет нести ответственность.
3. Болезнь.
4. Форс-мажорные обстоятельства: стихийные бедствия, наводнения, режим ЧП, война или теракты.
5. Служба в армии.

Во всех остальных случаях алименты должны подлежать уплате. Если плательщик (мать) систематически уклоняется от уплаты алиментов, хотя имеется решение суда и отсутствуют обстоятельства, перечисленные выше, то в таких случаях следует признавать ее в качестве злостного неплательщика.

За неуплату алиментов предусмотрена гражданская, уголовная и административная ответственность. Гражданская ответственность предполагает начисление неустойки, финансовых санкций, предусмотренных нотариальным соглашением. В рамках административной ответственности отец ребенка имеет право подать заявление в правоохранительные органы по ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ,

санкция которой предполагает штраф до 20 000 рублей¹. Уголовная ответственность может быть в виде: обязательных или исправительных работ (не более года); заключения в колонии общего режима (не более года); ареста (не более 3 месяцев)². Отец вправе самостоятельно выбирать вид ответственности для матери.

Встречаются случаи, когда алименты не выплачиваются плательщиком по причине отсутствия работы. В данной ситуации считаем необходимым прибегнуть к принудительному трудоустройству на муниципальные и государственные предприятия в целях удержания определенного процента заработной платы для погашения долгов по алиментным обязательствам.

По результатам рассмотрения ряда актуальных теоретических и практических проблем нарушения прав отцовства в Российской Федерации делаем вывод о том, что современное российское законодательство в полной мере часто не обеспечивает равные условия для воспитания малолетнего ребенка отцом по сравнению с созданными для матери ребенка. Все это приводит к гендерной асимметрии статуса матери и отца в обществе.

В целях охраны и защиты института отцовства необходимо принимать ряд мер, способствующих как регуляции отношений в данной сфере, так и превенции нарушений. В первую очередь правоприменителям следует сделать акцент на недопущении дискриминации отцов, не ставить права материнства выше прав отцовства, проводить государственную политику, направленную на повышение уровня правовой грамотности отцов, создавать специализированные учреждения по типу папа-школ, закрепить легальное определение понятия отцовства, под которым понимать совокупность социально-юридических общественных отношений, основанных на кровном и (или) юридическом родстве, существующих между ребенком и его родителем (отцом), наделенным правами, обязанностями, обязательствами.

---

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2022. № 10, ст. 1388.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 11, ст. 1599.

К.О. Энговатова,

*аспирант кафедры гражданского права
Южного федерального университета*

*Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Южного федерального университета
Е.А. Храпунова*

ПОНЯТИЕ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ЛИЦА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

В российском законодательстве в основе конструкции юридического лица лежат общие принципы ограниченной ответственности, автономности и самостоятельной правосубъектности. До недавнего времени характерной особенностью российской модели ведения предпринимательской деятельности, при которой независимый кредитор находился в незащищенном положении и утрачивал возможность удовлетворения возникших к должнику требований, являлось использование вуали юридического лица в противоправных целях. В частности, распространенным явлением в российском бизнесе было создание компаний «центра прибыли» и «центра убытков» для извлечения бенефициарами необоснованных преимуществ в результате концентрации всех активов внутри одной компании и сосредоточения значительной кредиторской задолженности в другой с целью инициирования банкротства и недобросовестного списания задолженности перед независимыми кредиторами.

Правовым инструментом противодействия возможным противоправным явлениям российского правопорядка, а именно недопустимости осуществления субъективных прав исключительно с целью причинения вреда другому участнику гражданского оборота явилось использование института привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности. В связи с этим детального изучения требует вопрос толкования сущности контролирующих лиц, их субъектного состава и критериев классификации.

В ГК РФ отсутствует легальное определение понятия «контролирующее лицо», однако законодателем была предпринята попытка его закрепления. Проект федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской

Федерации» от 5 апреля 2018 г. предусматривал введение новой статьи 53.3 «Лица, контролирующие юридическое лицо», поскольку имеющиеся в отдельных специальных законах понятия контролирующих лиц не подходят для целей ответственности, так как не учитывают существенные ситуации контроля и подконтрольности¹. Тем не менее данный проект принят не был.

Общий подход законодателя к категории контролирующего лица следует из ч. 3 ст. 53.1 ГК РФ: к контролирующим лицам относится лицо, которое имеет фактическую возможность определять действия юридического лица, действует в его интересах разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу².

В силу ст. 81 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ и ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁴ контролируемыми лицами признаются лица, которые при условии участия в подконтрольной организации и (либо) на основе соответствующего соглашения имеют право распоряжаться в прямой или косвенной форме более 50 % голосов на общем собрании акционеров или участников либо назначать или избирать единоличный исполнительный орган и (или) более 50 % состава совета директоров.

Схожая формулировка понятия контролирующего лица использована законодателем в нормах ст. 9 и 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁵, а также ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁶.

¹ См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 5 апреля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

³ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 2 июля 2021 г., с изм. от 25 февраля 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: СПС «КонсультантПлюс».

Налоговое законодательство также содержит термин «контролирующее лицо» – применительно к регулированию налогообложения контролируемых иностранных компаний (КИК). Согласно ст. 25.13 НК РФ, контролирующим лицом иностранной организации является физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации составляет более 25 % либо 10 %, если доля участия налоговых резидентов РФ в данной организации в совокупности составляет более 50 %¹.

Особое внимание рассматриваемому понятию уделяется в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который за 20 лет существования четыре раза претерпел изменения в части определения понятия «контролирующее лицо». Повышенное внимание законодателя к новым общественным отношениям, возникающим при привлечении контролируемых лиц к субсидиарной ответственности, привело к тому, что Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ² в Закон о банкротстве была введена отдельная глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», которая подвергла расширительному толкованию понятие «контролирующее должника лицо», систематизировала основания привлечения к анализируемой ответственности, а также права и обязанности привлекаемого лица.

Контролирующим лицом по смыслу Закона о банкротстве является физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Статьей 61.10 Закона о банкротстве установлены презумпции наличия статуса контролирующего лица в отношении руководителя, управляющей организации, члена исполнительного органа, ликвидатора, члена ликвидационной комиссии должника, лица, имеющего право самостоятель-

---

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31, ч. 1, ст. 4815.

но либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций или половиной голосов в общем собрании участников юридического лица, право назначать руководителя должника, а также в отношении лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ.

Конкретизированы и критерии, по которым суды могут установить наличие у лица статуса контролирующего (п. 1 ст. 61.10):

1) при нахождении с должником (членом органа управления должника или его руководителем) в отношениях родства;

2) при наличии полномочий совершения сделок от имени должника, которые основаны на доверенности, нормативном правовом акте или другом специальном полномочии;

3) в силу должностного положения;

4) иным образом, в т.ч. с использованием принудительных мер воздействия на руководителя или члена органа управления должника или оказания определяющего влияния на руководителя или члена органа управления должника любым другим способом.

При этом установлено, что арбитражный суд может признать контролирующим должника лицом и по иным основаниям, тем самым законодатель максимально расширил перечень лиц, которые могут быть признаны контролирующими должника, обозначив в том числе свободу судейского усмотрения в данном вопросе.

Более широко нормы Закона о банкротстве толкует Федеральная налоговая служба. В Письме ФНС от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ указано, что основаниями для признания лица контролирующим могут послужить любые неформальные личные отношения, в частности совместное проживание (состояние в гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (военная или гражданская служба), совместное обучение и т.д.¹

Согласно правовой позиции, сформированной Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21 декабря 2017 г., необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указа-

---

¹ См.: Письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

ния или иным образом определять его действия¹. Таким образом, осуществление фактического контроля над должником возможно независимо от наличия или отсутствия формально-юридических признаков аффилированности, в связи с чем судом устанавливается степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, а также оценивается, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Единого мнения относительно классификации контролирующих лиц в научной литературе не сложилось. А.Р. Николаев предложил провести классификацию по следующим основаниям: наличие возможности формировать волю должника по закону; следование обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника; по количественному составу. По первому основанию контролирующие должника лица делятся на лиц, обладающих предусмотренной законом возможностью осуществлять контроль над должником, и лиц, не обладающих таковой. Последние подразделяются на лиц, осуществляющих правомерный контроль, и лиц, осуществляющих неправомерный контроль. Второе основание предполагает деление контролирующих должника лиц на лиц, действовавших разумно, добросовестно в интересах должника, и лиц, не следовавших этим требованиям. В качестве третьего основания выделяются контролирующие должника лица, осуществлявшие контроль единолично, и лица, осуществлявшие контроль совместно².

Согласимся с точкой зрения С.С. Покровского, согласно которой предлагаемая А.Р. Николаевым классификация представляется чрезмерно абстрактной и малоприменимой для решения прикладных задач, возникающих в процессе реализации норм об ответственности за доведение до банкротства³. Ученый считает целесообразным в целях решения практических вопросов классифицировать субъектов исходя из характера экономико-правовых связей с должником.

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: *Николаев А.Р.* Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

³ См.: *Покровский С.С.* Ответственность контролирующих должника лиц за доведение до банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

По этому критерию контролирующие должника лица подразделяются на три группы: лица, обладающие вещными или обязательственными правами относительно имущества юридического лица; руководители юридического лица; лица, фактически определяющие поведение должника.

На практике возникает ряд проблем, среди которых особого внимания требует разрешение следующих;

1) отсутствие механизма выявления физических лиц – конечных выгодоприобретателей юридических лиц. Как правило, за вуалью юридического лица остаются лица, не являющиеся его органами управления или участниками, задачей которых является использование корпоративной формы юридического лица в противоправных целях. В настоящее время не существует процедуры выявления таких субъектов, однозначным остается тот факт, что бенефициарные владельцы не спешат заявлять о себе публично;

2) подтверждение бенефициарных владельцев, которые осуществляют свою деятельность через доверенных лиц, трасты, торговые компании, номинальных держателей и т.д. Фактически в России не существует легальных механизмов выявления и доказательства связи физического лица – конечного бенефициара с номинальными держателями, что способствует дальнейшему отмыванию средств и уклонению от уплаты налогов.

Основной причиной слабой работы механизма субсидиарной ответственности контролирующих лиц является то, что чаще всего привлекают тех, кто только числится директорами, а реальные руководители и собственники избегают ответственности. Существующее в Законе о банкротстве понятие «контролирующее лицо» может позволить добираться до реальных бенефициаров, но таких примеров в настоящее время крайне мало.

Таким образом, приведенный нами анализ свидетельствует о необходимости выработки признаков и закрепления единого понятия контролирующего лица, которое станет ориентиром для законодателя и правоприменителя, в нормах ГК РФ. Существующий же порядок определения данного понятия в отдельных специальных законах не позволяет избежать проблем, возникающих в части определения контролирующих лиц, попадающих под признаки, указанные в законе, на практике.

М.В. Андрианова,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
О.В. Исаенкова*

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ

Цифровизация судебного процесса является одним из основных направлений реформирования гражданского процессуального законодательства в последние годы. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, а также необходимость обеспечения доступа к правосудию с учетом влияния внешних факторов предопределили использование современных инструментов в гражданском судопроизводстве.

Одним из таких инструментов стала система веб-конференции, использование которой законодательно предусмотрено в гражданском процессе с 1 января 2022 г. статьей 155.2 ГПК РФ¹. Первые судебные заседания с использованием такой системы были проведены Верховным Судом РФ еще в апреле 2020 г., а за январь 2022 г. судами судебной системы РФ было проведено более 26 тысяч таких заседаний².

Участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции является правом лиц, участвующих в деле, и дру-

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1, ч. 1, ст. 9.

² См.: Председатель Верховного Суда России провел итоговое совещание с судьями России. URL: https://www.vsrff.ru/press_center/news/30760/ (дата обращения: 16.02.2022).

гих участников процесса. То есть любой участник судопроизводства может заявить ходатайство об участии в судебном заседании посредством веб-конференции. Единственными основаниями для отказа в удовлетворении такого ходатайства, в соответствии с п. 2 ст. 155.2 ГПК РФ, являются отсутствие технической возможности суда и проведение закрытого судебного заседания. В случае отсутствия таких оснований суд выносит определение, в котором указывает время проведения судебного заседания, а участникам процесса, заявившим соответствующее ходатайство, заблаговременно направляется информация в электронном виде, необходимая для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции.

На первый взгляд процедура участия лица в судебном заседании посредством веб-конференции достаточно понятна и удобна, однако на практике возникает ряд вопросов, требующих разъяснений Верховного Суда РФ или даже дополнений гражданского процессуального законодательства.

Ключевой проблемой при участии лиц в судебном заседании с использованием веб-конференции является аутентификация и идентификация личности¹. В процессе исследования доказательств верная идентификация личности является одним из условий допустимости таких доказательств, как объяснения сторон, третьих лиц и показания свидетелей. Перечисленные доказательства должны быть получены исключительно от указанных лиц, что предполагает необходимость установления личности субъекта для суда и иных участников процесса. При участии в судебном заседании посредством видео-конференц-связи установление личности субъекта является обязанностью суда, обеспечивающего его участие в процессе (п. 3 ст. 155.1 ГПК РФ). Участие в судебном заседании с использованием веб-конференции затрудняет установление личности заявившего ходатайство субъекта с помощью проверки удостоверяющих личность документов, так как указанное лицо самостоятельно подключается к судебному заседанию с помощью

---

¹ См.: *Чекмарева А.В.* Некоторые вопросы цифровизации гражданского судопроизводства в условиях формирования информационного общества // Администратор суда. 2021. № 3. С. 15–19; *Капустин О.А.* Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С. 3–8; *Якушева Е.Е.* Цифровые технологии и обеспечение доступности правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 8–12.

личного электронного устройства. В этих условиях отсутствует физическая возможность установления подлинности документа, удостоверяющего личность.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 155.2 ГПК РФ, «установление личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, осуществляется с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия». Для такой идентификации предлагается использование следующих сервисов: единой системы идентификации и аутентификации и единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина РФ¹.

В настоящее время для идентификации субъекта достаточно лишь единой системы идентификации и аутентификации, то есть подтвержденной учетной записи на портале государственных услуг². Биометрическая система представляется более надежной с точки зрения установления личности, поскольку само по себе знание логина и пароля от личного кабинета на портале государственных

---

¹ Указанные системы работают в тесной взаимосвязи, причем биометрическая система отдельно от единой системы идентификации и аутентификации существовать не может. В пункте 6 Требований к организационным и техническим условиям осуществления многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг размещения или обновления в единой системе идентификации и аутентификации сведений, необходимых для регистрации физических лиц в данной системе, размещения биометрических персональных данных в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, с использованием программно-технических комплексов (утв. Постановлением Правительства РФ от 15 октября 2021 г. № 1753) установлена возможность внесения данных в биометрическую систему только при наличии подтвержденной учетной записи в единой системе идентификации и аутентификации.

² См.: *Герман А. С.* Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации // Правосудие. 2020. № 3. С. 105.

ных услуг не может являться гарантией защиты от подмены личности. В настоящее время о возможности ее повсеместного использования говорить не приходится ввиду необходимости массового сбора биометрических данных¹, а также обеспечения устройствами восприятия таких данных. Однако необходимо отметить, что в этом направлении ведется активная работа, в настоящее время большое внимание уделяется разработке суперсервиса «Правосудие онлайн», работа которого, как предполагается, к 2024 г. обеспечит возможность полноценного участия в судопроизводстве в формате онлайн, в том числе с использованием биометрической аутентификации². В связи с этим целесообразным представляется разработка подробного нормативно-правового регулирования участия в процессе в дистанционном формате.

Другая проблема, возникающая при участии в онлайн-заседании, связана с исследованием письменных доказательств. Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса, участвующие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, вправе в ходе судебного заседания подавать в суд заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде (п. 3 ст. 155.2 ГПК РФ). Такая возможность позволяет обеспечить полноценное участие лиц в судебном заседании. Кроме того, указанные лица вправе участвовать в исследовании письменных доказательств, представленных другими участниками процесса. Вместе с тем возникает вопрос об исследовании таких документов в судебном заседании.

При представлении документов в электронном виде лицом, участвующим в судебном заседании путем системы веб-конференции, представляется затруднительным их исследование иными участниками судопроизводства. Получение судом письменного доказательства от такого лица в электронном виде предполагает создание условий для исследования доказательства всеми лицами, участвующими в деле. Тем не менее по общему правилу обязанность представить другим лицам, участвующим в деле, копии документов принадлежит непосредственно лицу, представляющему доказа-

---

¹ См.: Хисамов А.Х. Технологии видео-конференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 254–269.

² См.: Суперсервис «Правосудие онлайн». URL: <https://www.gosuslugi.ru/superservices/judgment> (дата обращения: 15.02.2022).

тельства (п. 1 ст. 57 ГПК РФ). Подобная проблема возникает и при обратной ситуации, когда лицо, находящееся в зале судебных заседаний, представляет доказательство, а лицу, участвующему в процессе с помощью веб-конференции, необходимо с доказательством ознакомиться. Более того, участвовать в судебном заседании с использованием системы веб-конференции могут сразу несколько лиц, что еще более осложняет коммуникацию между всеми участниками судопроизводства.

Исследование доказательств является важнейшей стадией судебного доказывания, предполагающей внимательное изучение доказательств, выявление их особенностей, уточнение деталей, что требует непрерывного и непосредственного участия в этом процессе всех участников судопроизводства. Следовательно, при участии в судебном заседании с использованием системы веб-конференции важным условием является устойчивое интернет-соединение. В связи с этим возникает вопрос о последствиях отключения участника судопроизводства, вызванного техническими сбоями¹. Решением может стать объявление перерыва в судебном заседании, однако затруднительным представляется определение продолжительности такого перерыва. В любом случае необходимо предусмотреть порядок действий суда в указанной ситуации с учетом соблюдения прав и законных интересов участников судопроизводства.

Таким образом, применение системы веб-конференции в гражданском процессе является одним из самых актуальных вопросов с точки зрения теории и судебной практики. Использование информационно-коммуникационных технологий в гражданском судопроизводстве призвано обеспечивать соблюдение принципа доступности правосудия в современных реалиях. Вместе с тем действующее нормативно-правовое регулирование вопросов применения систем веб-конференции нуждается в доработке и конкретизации с учетом практики судов судебной системы РФ.

---

¹ См.: *Васильева А.А.* Некоторые вопросы применения видео-конференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 543.

С.В. БАЛАХТИНА,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
Т.В. Соловьева*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА УРОВНЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Термин «правовая определенность» полисемичен, аспект употребления зависит от уровня действия права, что в наиболее популярной общеправовой трактовке характеризует его качественные свойства.

В п. 51–52 Постановления Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 24 июля 2003 г. по делу «Рябух (Ryabukh) против Российской Федерации»¹ указано, что принцип правовой определенности выступает одним из основополагающих аспектов верховенства права и требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло быть оспорено, под чем подразумевается недопустимость повторного рассмотрения однажды разрешенного дела. Есть и иной подход к осмыслению значения правовой определенности, сформулированный в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П², в котором указанный феномен был рассмотрен в качестве конституционного требования к законодателю. Суд установил, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из смысла ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, закрепляющей принцип равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Считаю

---

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Российская газета. 1999. 3 авг.

необходимым проанализировать данную трактовку правовой определенности.

В указанном контексте правовая определенность выступает в качестве требования адекватного и эффективного правового регулирования, достигаемого путем издания качественного нормативно-правового материала, от которого зависит регулятивный потенциал норм права, содержащихся в ГПК РФ¹. Однако неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона (абз. 3 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П). Следовательно, несоблюдение требований правовой определенности на уровне законодательного регулирования приводит к неопределенности и непостоянству правового положения субъектов гражданского судопроизводства, неясности норм права и, как следствие, невозможности достижения цели правового регулирования, неисполнимости некоторых положений закона. Примером могут послужить положения ГПК РФ, посвященные перерыву в судебном заседании.

В отличие от АПК РФ², содержащего ст. 163 «Перерыв в судебном заседании», подробно раскрывающую тонкости судебного перерыва, в ГПК РФ этому институту посвящена только ч. 3 ст. 157, поименованной как «Непосредственность и устность судебного разбирательства», в соответствии с которой во время перерыва, объявленного в судебном заседании по начатому делу, суд вправе рассматривать другие гражданские, уголовные, административные дела, а также дела об административных правонарушениях. После перерыва судебное заседание продолжается, о чем объявляет председательствующий. Повторное рассмотрение исследованных до перерыва доказательств не производится.

Во-первых, в ГПК РФ не регламентированы порядок, основания, сроки объявления судебного перерыва. Такая неопределенность может приводить к необоснованному затягиванию судебного разбирательства, злоупотреблению процессуальными правами как лицами, участвующими в деле, так и судом.

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Рос. газ. 2002. 20 нояб.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Рос. газ. 2002. 27 июля.

Во-вторых, остается неясным, должен ли суд извещать о времени и месте судебного заседания после перерыва лиц, участвующих в деле, как присутствующих, так и не присутствующих при объявлении перерыва, что обуславливает наличие противоречивой практики при разрешении судами апелляционной инстанции вопроса об отмене судебного решения и о переходе к рассмотрению гражданского дела по правилам суда первой инстанции по причине того, что суд не известил о перерыве неприсутствующих участников судебного разбирательства¹.

Действительно, анализируемое законодательство не требует извещать не присутствующих в судебном заседании участников процесса о дате, времени и месте продолжения судебного разбирательства после перерыва. Тем не менее ст. 113 ГПК РФ указывает на то, что о судебном заседании лица, участвующие в деле, должны быть извещены вне зависимости от объявления перерыва или отложения разбирательства. Если применять по аналогии АПК РФ, в котором ч. 5 ст. 163 предусмотрено, что не нужно извещать только тех лиц, которые присутствовали в судебном заседании до объявления перерыва, то в противоположных случаях, когда лицо отсутствовало на судебном заседании до перерыва, сохраняется обязанность суда извещать не присутствующих в судебном заседании участников процесса о дате, времени и месте продолжения судебного разбирательства, назначенного после перерыва.

Указанная неопределенность и поиск ее адекватного преодоления требует более развернутого анализа, а институт судебного перерыва – законодательного реформирования. Полагаем, что как некий ориентир возможно использовать положения АПК РФ.

К тому же на данном этапе уместен такой способ преодоления правовой неопределенности, как применение аналогии закона, так как в других процессуальных кодексах институт судебного перерыва урегулирован более полно.

Резюмируя сказанное, следует сделать следующие выводы:

1. На уровне законодательного регулирования правовая определенность достигается путем издания качественного нормативно-

---

¹ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2017 г. № 16-КГ17-7 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 21 октября 2020 г. по делу № 33-15892/2020 (2-1277/2020) // СПС «КонсультантПлюс».

го правового акта, обеспечивающего должную реализацию содержащихся в нем предписаний.

2. Субъектами, обеспечивающими достижение и соблюдение правовой определенности, выступают как участники гражданского процесса, так и субъекты правотворческой деятельности.

3. Степень правовой определенности должна быть такой, чтобы норма защищала интересы каждого в равной степени, при этом обеспечивая ее единообразное применение.

Правовая неопределенность в цивилистическом процессе представляет собой достаточно широкую категорию, но в данном случае мы обратимся к уровню законодательного регулирования.

В настоящей статье раскрывается проблема неопределенности, связанная с наличием в ГПК РФ пробелов в правовом регулировании. Существуют и другие виды неопределенности в цивилистическом процессуальном праве, в частности, если мы берем во внимание структуру нормы процессуального права, которая состоит из гипотезы и диспозиции, то это может быть неопределенность гипотезы, либо полная, либо относительная неопределенность, например в законодательстве предусмотрена дискреция суда на совершение определенных процессуальных действий «в необходимых случаях». Подобные формулировки говорят о неопределенности условий применения конкретного процессуального права. Возможна и относительная неопределенность диспозиции, что встречается крайне редко, так как неопределенных диспозиций в действующем процессуальном законодательстве практически нет, за исключением отдельных бланкетных норм, однако относительно неопределенная диспозиция может выражаться в использовании таких оценочных категорий, как «разумный срок», «уважительность причин», или в использовании незакрытых перечней, например перечня действий, которые должен совершить суд при подготовке к судебному разбирательству (ст. 150 ГПК РФ) и т.п.¹ Следовательно, в перспективе необходимо попытаться дифференцировать возможные виды правовой определенности для выработки наиболее оперативных и эффективных способов и средств ее преодоления, помимо законодательного устранения таких неопределенностей.

---

¹ См., например: *Дербышева Е.А.* Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 32.

В.Р. Беспалова,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
А.В. Чекмарева*

УЧАСТИЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Современные реалии, продиктованные пандемией COVID-19, свидетельствуют о нарастающих тенденциях внедрения цифровых технологий в процесс отправления правосудия или, как справедливо отмечает О.В. Исаенкова, «виртуализации» правосудия по гражданским делам¹.

Вместе с тем принципы гражданского судопроизводства должны неукоснительно соблюдаться, независимо от формы участия в судебном разбирательстве. Однако в настоящее время с учетом внедрения новой формы проведения судебного заседания (посредством системы веб-конференции) возникают некоторые проблемы реализации принципа судейского руководства процессом.

Данный принцип является доктринальным и неоднократно подвергался критике: некоторые правоведы выделяют судейское руководство как принцип², а другие рассматривают его как функцию гражданского судопроизводства³ или считают, что активность суда находит отражение в иных принципах⁴.

---

¹ См.: *Исаенкова О.В.* Пределы коррекции гражданской процессуальной формы // Судебная защита прав предпринимателей: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Тверь, 6 июля 2021 г. Тверь, 2021. С. 52.

² См.: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник / 3-е изд., перераб. М., 2013. С. 120.

³ См.: *Жилин Г.А.* Суд первой инстанции в гражданском процессе: учебно-практическое пособие. М., 2001. С. 12.

⁴ См.: *Жуйков В.Б.* Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 14.

Несмотря на дискуссионность данного принципа, судейское руководство процессом действительно имеет место и регламентировано законодателем в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ¹. Итак, рассмотрим подробнее некоторые проблемы реализации судейского руководства процессом в условиях современных законодательных новелл.

В частности, судейское руководство предполагает осуществление функции судебного контроля за соблюдением порядка в судебном заседании, который подробно определен в ст. 158 ГПК РФ и предусматривает обязанность присутствующих встать при входе судьи (или судей), а также давать показания стоя. Анализируя положения ст. 158 ГПК РФ, можно сделать вывод, что такие обязанности распространяются на лиц, фактически присутствующих в зале судебных заседаний: например, при входе судей в зал судебного заседания все присутствующие в зале встают.

Вместе с тем участие в судебном заседании посредством веб-конференции не предполагает нахождения лиц, участвующих в деле, в зале судебных заседаний. Таким образом, возникает вопрос: распространяются ли правила о порядке в судебном заседании, предусмотренные ст. 158 ГПК РФ, на судебные заседания, проводимые в форме веб-конференции?

Предполагается, что порядок судебных заседаний является единым, независимо от формы его проведения, что свидетельствует о необходимости внесения соответствующих коррективов в действующую редакцию ст. 158 ГПК РФ и распространения обязанности по соблюдению порядка в судебном заседании на лиц, участвующих в нем посредством веб-конференции.

Следует отметить, что, наряду с внедрением новой формы проведения судебного заседания, законодатель предусмотрел возможность подачи заявлений, ходатайств и прилагаемых к ним документов в электронном виде для лиц, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (ч. 3 ст. 155.2 ГПК РФ).

Вместе с тем представляется не совсем понятным следующее: каким образом возможно направление мирового соглашения в электронном виде с учетом того, что адресантом документов в электронном виде может быть только одна из сторон? Полагаем,

---

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1, ч. 1, ст. 9.

что в таких случаях суду надлежит руководствоваться положениями п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»¹, предусматривающими возможность предоставления в суд проекта мирового соглашения в виде электронного документа, подписанного сторонами усиленной квалифицированной электронной подписью, либо в виде электронного образа документа, содержащего графические подписи сторон, заверенного простой электронной подписью одной из сторон.

Однако при применении указанных положений у суда может возникнуть вопрос относительно действительности волеизъявления второй стороны, которая не заверяла простой электронной подписью проект мирового соглашения и не направляла его в суд, но проставила графическую подпись.

В связи с этим в целях исключения возможных злоупотреблений (особенно в случае неявки в судебное заседание по вопросу утверждения мирового соглашения той стороны, которая не заверяла простой электронной подписью проект мирового соглашения) представляется необходимым внести изменения в положения п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» и возложить на каждую из сторон обязанность направить проект мирового соглашения, заверенного простой электронной подписью (содержащего в себе графические подписи каждой из сторон). Предложенные изменения согласуются с подходами судов при утверждении мировых соглашений, проекты которых были представлены в электронном виде².

Таким образом, внедрение в законодательство возможности проведения судебных заседаний посредством веб-конференции

---

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 июля 2021 г. № Ф03-3043/2021 по делу № А59-3782/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Последнее обновление: 11.02.2022; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2020 г. № 08АП-4546/2020 по делу № А70-20319/2019. Последнее обновление: 11.02.2022.

абсолютно оправданно (особенно в пандемийный период), но такая форма осуществления правосудия не должна становиться повсеместной.

Более того, принятые законодательные новеллы должны быть полностью адаптированы под положения действующего законодательства и не вступать с ними в грубое противоречие, а также создавать условия для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Г.И. Гулиев,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
Т.В. Соловьева*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА

На сегодняшний день одной из юридически уязвимых категорий граждан являются спортсмены. Столкнувшись с нарушением своих прав, они, как участники правоотношений, могут пользоваться всеми процессуальными правами, которые предоставлены им законом. Среди них можно выделить право пользоваться услугами переводчика, поскольку невозможность предоставить переводчика может повлечь за собой отмену судебного решения (п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ).

Как известно, в международных и во всероссийских соревнованиях участвуют спортсмены разных национальностей, есть и представители малочисленных народов. В реальном судебном деле они вполне могут ходатайствовать о том, чтобы давать объяснения на языке, которым они владеют, или подавать жалобы в связи с нарушением права на пользование родным языком, чтобы увеличить нагрузку на судей, так как поиск компетентного переводчика, например кумыкского языка, является затруднительным.

Суды в других категориях дел не всегда удовлетворяют такие ходатайства и жалобы. Они руководствуются тем, какое образование получило лицо, чьи права нарушены или оспариваются, какое время оно проживает на территории РФ, на каком языке общается с другими лицами.

Как быть в случае, если ходатайствующее лицо – натурализованный зарубежный спортсмен? Образование им получено не в русскоязычной школе, и, проживая на территории РФ, он мог общаться только со своей семьей на родном для себя языке. Процесс натурализации иностранного спортсмена предполагает облегченную фор-

му получения гражданства РФ, и п. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусматривает список категорий иностранцев, которые могут не сдавать экзамен на знание русского языка, культуры и основ законодательства России. В таком случае сложно представить, что суд сможет отказать в удовлетворении ходатайства на пользование родным языком.

О.А. Зубова справедливо считает, что реализация права, предусмотренного ч. 2 ст. 9 ГПК РФ, должна быть адресована иностранным гражданам, а не гражданам РФ, которые в силу наличия гражданства РФ обязаны владеть русским языком¹.

Интересен момент, когда переводчик привлечен к участию в судебном процессе. Тогда возникает проблема, когда лицо, ходатайствующее о предоставлении переводчика, является представителем малочисленного народа, поскольку переводчик, хорошо знающий язык и диалект ходатайствующего лица, с большой вероятностью может быть его земляком. В таком случае эти лица могут знать друг друга или находиться в конфликте, что позволит лицу, участвующему в деле, воспользоваться ст. 18 ГПК РФ, которая предусматривает основания для дачи отвода переводчику.

С другой стороны, переводчик может заявить, что не понимает язык лица, права которого оспариваются, ввиду боязни морального осуждения или физического угнетения со стороны других носителей его родного языка, поскольку целью ходатайствующего лица является затягивание процесса, а не скорое его разрешение. Помогая суду, переводчик «навредит» данному лицу, что в будущем может сказаться на их взаимоотношениях, основанных на моральных устоях их национальной принадлежности. Обращение же в специальные бюро переводов за поиском носителя редкого языка не принесет положительных результатов, более того – оплата услуг данных организаций требует больших материальных затрат.

Нельзя не отметить и случай, когда лицо, ходатайствующее о письменном переводе решения, является носителем только цыганского языка. В таком случае возникают трудности перевода

---

¹ См.: Зубова О.А. Злоупотребление правом на предоставление переводчика в гражданском процессе // Совершенствование правовой культуры как основа становления гражданского общества: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Казань, 17 мая 2018 г. Казань, 2018. С. 67–69.

по причине того, что цыганский язык не предусматривает письма. Кроме этого, ходатайствующее лицо может сослаться на неправильный перевод или на то, что оно не понимает переводчика. В этом случае важным мероприятием, позволяющим решить проблему, могло бы стать проведение аттестации переводчиков раз в четыре года, чтобы ходатайствующая сторона не могла сослаться на некомпетентность переводчика. К сожалению, наше законодательство не предусматривает понятия «компетентность», и это является недочетом разработчиков закона.

Думается, что для повышения эффективности гражданского судопроизводства необходимо в первую очередь законодательно закрепить понятие переводчика в ГПК РФ, перенимая опыт белорусского законодательства со следующей формулировкой: «Переводчиком является лицо, назначенное судом для перевода с языка судопроизводства на язык юридически заинтересованного в исходе дела лица или свидетеля, а также с языка, которым владеет соответствующее лицо, на язык судопроизводства»¹.

---

¹ Статья 102 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (в ред. от 27 мая 2021 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу с 15 июля 2021 г.). URL: https://pravo.by/document/?gu_id=3871&p0=hk9900238

А.Ю. Куликова,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
секретарь судебного заседания
в Арбитражном суде Саратовской области*

*Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
О.В. Исаенкова*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ И КАЧЕСТВО ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Цифровизация российского судопроизводства в современных реалиях представляет собой актуальный вопрос, касающийся рассмотрения различных категорий гражданских дел. Конституция РФ в ст. 41 и 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а также охрану здоровья¹. Суд обеспечивает осуществление правосудия, что соответствует разумности срока судопроизводства, своевременному рассмотрению дел, восстановлению нарушенных прав и свобод лиц, участвующих в деле, в том числе непосредственности их участия в судебном заседании, принятию окончательного решения, праву на доступ к правосудию.

Вместе с тем важным аспектом является соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Государство, предоставляя право на доступ к судопроизводству и гарантируя справедливое и беспристрастное осуществление правосудия, призвано при этом обеспечивать соблюдение общественной безопасности, прав и свобод участников процесса, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций и непосредственно в период пандемии. В связи с угрозой распространения на территории РФ новой коронавирусной инфек-

---

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.

ции (COVID-19) суды столкнулись с новыми вопросами, непосредственно связанными с их функциями. В ответ на вызовы современной реальности суды были вынуждены оперативно разработать и внедрить в свою деятельность новые формы взаимодействия с участниками процесса, обеспечить доступ граждан к правосудию, при этом максимально сократить физическое присутствие в здании суда. Особенности пандемии ускорили процесс цифровизации судопроизводства в Российской Федерации, повлекли за собой значительный рост использования информационных и дистанционных технологий в цивилистическом процессе.

Например, с 25 мая 2020 г. в Арбитражном суде Саратовской области в соответствии с положениями п. 5 Постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах»¹ (далее – Постановление № 821), с учетом опыта Верховного Суда РФ, была успешно реализована техническая возможность проведения судебных заседаний с использованием системы веб-конференции (онлайн-заседаний) посредством информационной системы «Карточка арбитражных дел», в которой в соответствующей карточке дела появляется запись о проведении судебного онлайн-заседания. Таким образом, лица, участвующие в деле, имеют дополнительно возможность присоединиться к онлайн-заседанию, открыв в назначенное время вкладку «Онлайн-заседание». При этом их участие в заседании возможно только под теми учетными записями, под которыми поданы соответствующие ходатайства.

1 июня 2020 г. в Арбитражном суде Саратовской области состоялось первое судебное онлайн-заседание в рамках дела о признании несостоятельным (банкротом) АО «Стройинтерсервис». Однако по итогам заседания судом было вынесено определение об отложении судебного разбирательства².

Применение дистанционных технологий в судопроизводстве имеет успешный опыт в зарубежных правовых системах. Например, в Великобритании онлайн-система разрешения споров признана приоритетной, отказ от ее применения допускается только в случае отсутствия технической возможности. В Китайской Народной

---

¹ См: СПС «КонсультантПлюс».

² См.: В Арбитражном суде Саратовской области состоялось первое судебное онлайн-заседание. URL: <https://saratov.arbitr.ru/node/17324> (дата обращения: 18.02.2022).

Республике с 2017 г. действует специализированный суд, рассматривающий споры, связанные с использованием сети Интернет. Процесс судопроизводства осуществляется дистанционно через интернет-сайт суда¹.

На сегодняшний день процессуальные кодексы РФ предусматривают возможность дистанционного участия в судебном заседании посредством использования системы видео-конференц-связи и веб-конференции. Особенности первой формы являются личное присутствие участника процесса в соответствующем учреждении, проверка явки лиц, участвующих в деле, наличие соответствующих полномочий для участия в судебном заседании, а также, при исполнении судебного поручения о проведении судебного заседания посредством видео-конференц-связи, имеется возможность получить подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении их об ответственности.

К особенностям второй формы можно отнести: установление личности с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия (единой системы идентификации и аутентификации, единой биометрической системы); заблаговременное направление участникам процесса информации в электронном виде, необходимой для участия в процессе; лица, участвующие в деле, вправе в ходе судебного заседания подавать заявления и ходатайства и прилагать к ним документы в электронном виде; при проведении веб-конференции арбитражный суд, рассматривающий дело, берет подписку у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Указанные положения нашли отражение в процессуальных кодексах после внесенных Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ² изменений.

Проведение судебных онлайн-заседаний изначально было регламентировано только Постановлением № 821, которым, помимо

---

¹ См.: *Капустин О.А.* Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С. 3–8.

² Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1, ч. 1, ст. 9.

прочего, были урегулированы мероприятия по противодействию распространению на территории государства новой коронавирусной инфекции (COVID-19) с 8 апреля по 11 мая 2020 г. С учетом данного обстоятельства, а также распространенной практики проведения онлайн-заседаний существует потребность в нормативном закреплении данной формы проведения судебных заседаний.

Вектор развития цифровизации не только судопроизводства, но и других сфер нашей жизни возник не в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, а еще некоторое время назад. Принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ¹ предполагало обеспечение возможности получения гражданами услуг в электронном виде. Такой формат упрощает участие в правоотношении. Однако появление в цивилистическом процессе информационных технологий может способствовать формированию у граждан представления о правосудии как об услуге, что не совсем верно. При этом необходимо отличать непосредственное осуществление правосудия судом от действий, которые этому осуществлению способствуют. Любая услуга предполагает выполнение определенного действия, приносящего помощь или пользу другому. Вместе с тем отношение к правосудию как к своеобразной услуге неуместно, поскольку судопроизводство предполагает деятельность, ограниченную рамками закона, основанную на беспристрастности и предоставляющую равные условия для всех участников процесса. «Правосудие, как указывают правове­ды, – это долг, служение, а не услуга»². В российской научной литературе отмечается, что «фактических и формальных оснований для того, чтобы рассматривать правосудие как услугу, нет»³.

Иное формирование представления о действии цифрового правосудия может привести к снижению качества судебного процесса. Применение дистанционных технологий для облегчения осуществления правосудия может быть воспринято с точки зрения подхода

---

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 2 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4179; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5179.

² *Брановицкий К.Л.* Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия» // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 3–7.

³ *Афанасьев А.Ю.* Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 129.

Европейской организации по качеству о том, что качество – это соответствие продукции требованиям потребителя. В свою очередь, качество осуществления правосудия должно складываться из таких объективных показателей, как продолжительность рассмотрения дела, частота обжалования судебных актов, количество отмен судебных актов судами вышестоящих инстанций.

В паспорте федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»¹ указано, что в настоящее время существует проблема, связанная с качеством правосудия. Возможным решением указанной проблемы, согласно положениям программы, является скорейшее внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к развитию судебной системы.

По мнению К.Л. Брановицкого, «упомянутая в программе необходимость развития скорейшего внедрения информационных технологий вызывает только недоумение, поскольку такое пристальное внимание к цифровым технологиям со стороны государства вместе с понесенными денежными затратами позволило отечественному правопорядку не просто приблизиться к мировым стандартам цифровизации, но и сформировать повестку развития. На данном этапе актуальна синхронизация цифровых систем и технологий судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также использование возможностей искусственного интеллекта в правосудии»².

В настоящее время цифровизация является неотъемлемой частью любой сферы государственных или иных услуг, и правосудие не может стать исключением. Однако сама по себе цифровизация не в силах решить проблемы доступности и качества правосудия. Доступность правосудия и его качество должны рассматриваться не только как цели цифровизации и критерии для оценки ее успешности, но и как предпосылки, являющиеся определяющими целесообразности внедрения тех или иных цифровых технологий. При их внедрении в гражданский процесс нужно учитывать интересы участников процесса, так как не все граждане могут иметь техни-

---

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» (в ред. от 23 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. 2013. № 1, ст. 13; 2022. № 1, ч. 1, ст. 126.

² *Брановицкий К.Л.* Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия».

ческую возможность использования коммуникационных средств, также важно обратить внимание на готовность судебной системы к изменениям, связанным с информатизацией.

Н.Н. Тузко,

*аспирант кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
Т.А. Григорьева*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ОТ ДИФФАМАЦИИ

Цифровые технологии оказывают влияние на все сферы общества и государства, в том числе правосудие. Особенно цифровые технологии воздействуют на диффамацию и защиту от нее. Представляется, что влияние цифровизации на судебную защиту от диффамации можно рассмотреть с двух сторон.

С одной стороны, цифровизация повлияла на форму осуществления самого правосудия. Внедрение программы электронного правосудия, возможность участия в суде путем использования систем видео-конференц-связи, электронная подача и получение документов из суда изменили возможную форму судебной защиты по делам о диффамации. Некоторые ученые-правоведы высказывались о последствиях внедрения IT-технологий в процесс осуществления правосудия. Можно согласиться с тем, что в случае отсутствия системного внедрения цифрового правосудия есть вероятность нарушения принципа состязательности, равенства судебной защиты и иных основополагающих принципов цивилистического процесса¹.

С другой стороны, развитие IT-технологий привело к изменению форм коммуникации между людьми. Изменились способы, масштабы, скорость распространения диффамационных сведений.

Говоря о способах распространения сведений, необходимо указать на возможности интернет-пространства, в котором можно получить информацию в виде текста, видеофайла, изображения, аудиофайла и других формах, которые в силу своей специфики отличаются от традиционных форм обмена информацией.

---

¹ См.: *Афанасьев С.Ф.* Правосудие и судебное решение по WhatsApp: допустимая цивилистическая процессуальная реальность? // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 2. С. 41–44.

Порочащие сведения могут быть размещены в сети Интернет в любой из названных форм. Это влияет на способы фиксации, идентификации автора таких сведений. Рассматривая масштабы распространения диффамации, можно обратиться к ситуации, когда в марте 2021 г. из-за атаки программы-вымогателя REvil на сайт компании-производителя электроники Acer была распространена порочащая информация относительно распространения конфиденциальных данных пользователей компании. Миллионы интернет-пользователей узнали эту информацию, что привело к потере 1,64 % стоимости акций компании¹.

Масштабы распространения влияют на репутационные потери, которые лицо претерпевает по причине недостоверности и порочащего характера сведений. Для судебной защиты организаций эти сведения имеют важное значение, т.к. позволяют оценить зависимость масштаба распространения и прибыли организации, как это и было в случае атаки на компанию Acer.

Скорость распространения диффамационных сведений также изменилась. Появление блогеров, аккаунтов с подписчиками в YouTube, страниц граждан и организаций в соцсетях обеспечивает возможность практически мгновенного обмена информацией для миллионов, а порой и миллиардов людей. В интернете такое распространение информации обладает спецификой в том смысле, что можно зафиксировать его скорость и в дальнейшем использовать в процессе доказывания по делам о диффамации.

В совокупности эти три фактора открыли новую страницу в доказывании и доказательствах. Для обеспечения судебной защиты по делам о диффамации необходимо учитывать специфику новых доказательств и способов их фиксации. Так, анализируя судебную практику по делам о диффамации, стоит отметить, что факт распространения порочащих материалов подтверждается электронными доказательствами.

Более того, прикладное значение имеет решение вопроса о легитимации электронных доказательств. В научной среде существуют как сторонники, так и противники внедрения электронных доказательств в цивилистический процесс. Неоспоримым следует признать то обстоятельство, что с каждым годом количество дел,

---

¹ См.: Самые громкие кибервзломы и утечки 2021 года // Positive Technologies. URL: <https://habr.com/ru/company/pt/blog/598845/> (дата обращения: 19.02.2022).

где ключевыми доказательствами являются электронные, неумолимо растет. В судебной практике появляется все больше видов указанных доказательств, однако большинство судей не знают, как с ними работать и как их оценить.

Для изменения ситуации в этой сфере необходимы доктринальные разработки в подходах к пониманию электронных доказательств, обеспеченность специалистами для работы с такими доказательствами, материальная база и денежные вложения в суды. Со временем все вложенные ресурсы будут оправданны.

Анализ законодательной базы свидетельствует о том, что электронные доказательства по делам о диффамации в законе кроются под формулировкой «иные документы и материалы».

Во многих западных странах цифровизация правосудия вышла на довольно продвинутый уровень. В качестве примера можно привести Италию и ее систему электронного гражданского процесса *Processo Civile Telematico*¹, которая предусматривает ведение дел в специальной цифровой папке. Доступ к ней участники процесса получают через сертифицированный электронный адрес. Указанная система позволяет направлять электронные запросы и получать виртуальные консультации по исковым документам, судебным решениям.

В российской практике как пример использования электронного доказательства можно назвать скриншот. Под скриншотом понимается снимок экрана, изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода². По делам о диффамации их распечатывают, заверяют у нотариуса и приобщают к делу в качестве письменных доказательств.

Непосредственно о скриншоте в качестве доказательства высказался Верховный Суд РФ в абз. 2 п. 55 Постановления Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10³.

---

¹ См.: Голубева Н.Ю. Информационные технологии в судопроизводстве. URL: <https://yaizakon.com.ua/informatsionnye-tehnologii-v-sudoproizvodstve-prezentatsiya/> (дата обращения: 17.02.2022).

² См.: Артебякина Н.А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 278.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

При этом осталась масса теоретических и практических проблем: к какому виду доказательств относить скриншот; необходимо ли обязательное нотариальное заверение скриншотов (их обеспечение нотариусом); могут ли скриншоты приобщаться к материалам дела без распечатки, в электронной форме (в форме электронного документа).

Помимо скриншота, хотелось бы остановиться на новой форме доказательств в интернет-пространстве – под названием «цифровой след». С увеличением форм, средств и методов обработки цифровой информации растет ее общий объем, что часто не только способствует общественно одобряемым операциям с информацией, но и может иметь непосредственное отношение к противоправной деятельности. Цивилистический процесс должен адаптироваться к изменяющимся условиям, что требует не просто совершенствования, но и постоянного обновления знаний о технических и тактических аспектах операций с цифровой доказательственной информацией в процессе рассмотрения и разрешения дел о диффамации.

По нашему мнению, в России наиболее перспективным видится подход, согласно которому российские процессуальные кодексы следует дополнить нормами об электронных доказательствах (как самостоятельном виде доказательств) с указанием на то, что под ними понимается, какие примерные виды электронных доказательств существуют, в каких формах могут храниться и представляться в суд, каким условиям должны соответствовать. С учетом этих рассуждений скриншоты будут считаться электронными доказательствами, которые должны быть признаны самостоятельными (автономными) по отношению к письменным доказательствам.

В зарубежных странах форма приобщения скриншотов к материалам гражданского дела разнообразная (распечатки, цифровое изображение на съемном носителе). По нашему мнению, в России следует представлять скриншоты в качестве доказательств по гражданским делам не только в форме распечаток, как на это указывает Верховный Суд РФ, но и в электронной форме. В российской судебной практике имеются примеры представления скриншотов в материалы дела в электронной форме без распечатки¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент осуществляется интенсивное внедрение IT-технологий в деятель-

---

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 апреля 2020 г. № 9-КГ20-1 // СПС «КонсультантПлюс».

ность юридических лиц: цифровизации подвергаются различные способы получения прибыли (онлайн-торговля, консультации и т.д.). Такой переход деятельности юридических лиц в цифровой формат, безусловно, отражается и на формировании и защите их деловой репутации. Трансформируется и цивилистический процесс, в частности область доказывания. Именно поэтому сегодня необходимо следовать тенденциям и потребностям времени и закрепить категорию «электронные доказательства» как основное средство по защите от диффамации.

К.А. ШИРЯЕВА,

*аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии*

Научный руководитель:

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
Т.В. Соловьева*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Развитие цифровых технологий в мире диктует свои правила и дает новые возможности для коммуникации не только между членами социума, но и в сфере осуществления правосудия. Применение цифровых технологий не меняет существа правоотношений, но вносит свою специфику, что особенно важно в процессуальных отношениях, обладающих большим формализмом и процедурностью, в отличие от отношений материальных. Вопросы добросовестного поведения сторон в гражданском судопроизводстве давно являются предметом изучения и анализа у научного сообщества. Данное обстоятельство вызвано тремя основными причинами:

1. Морально-этическим характером самого термина «добросовестность».
2. Отсутствием единого законодательного определения добросовестности.
3. Наличием в доктрине гражданского процессуального права разнообразных трактовок категории «добросовестное поведение».

Как справедливо отмечает Т.В. Соловьева, отсутствие в ГПК РФ понятий «злоупотребление правами» и «недобросовестное поведение» вызывает негативные последствия в виде невозможности применения мер ответственности к участникам судопроизводства за такое ненадлежащее поведение¹.

Между тем ученые в своих работах пытаются устранить данный пробел, определив понятие добросовестности, а также проанализи-

---

¹ См.: Соловьева Т.В. К вопросу о добросовестном поведении в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 4. С. 62.

ровав конкретные действия, попадающие под данное определение. Так, А.А. Чукреев предлагает считать добросовестным исполнение обязанностей и реализацию своих прав участником правоотношений при проявлении должной заботы о правах и интересах других лиц¹. Т.О. Третьякова выделяет некоторые действия сторон как недобросовестное поведение, если они связаны с ложными объяснениями сторон, отказом от получения писем с повесткой на почте, беспричинной неявкой в судебные заседания, непредоставлением сведений или ложным представлением таковых по запросу суда и прочими подобными корыстными проявлениями².

Все сказанное свидетельствует об актуальности данного вопроса в развивающемся гражданском судопроизводстве в эпоху активного внедрения и использования цифровых технологий. Существование различных электронных и дистанционных возможностей у участников процесса по реализации своих правомочий вызывает необходимость проанализировать вопрос их влияния на добросовестное поведение сторон.

Согласно Приказу Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362, электронное правосудие – это «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»³.

Процессуальное законодательство позволяет выделить несколько элементов электронного правосудия, среди которых отдельного внимания заслуживают судебные извещения в электрон-

---

¹ См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

² См.: Третьякова Т.О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 419.

³ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

ной форме, электронные доказательства, а также видео-конференц-связь для участия в судебном заседании¹.

Электронное судебное извещение

Распространенным способом уведомления о судебном заседании стали звонки по контактному номеру телефона и СМС-сообщения о рассмотрении дела. Данное положение способствует соблюдению принципа разумности сроков такого оповещения, упрощает саму процедуру и способ получения информации для участника процесса. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13² отдельно обращено внимание на допустимость такого способа извещения строго с согласия гражданина и при фиксации факта отправки и доставки сообщения адресату. Отсутствие согласия стороны на извещение в данном формате влечет ненадлежащую процедуру уведомления судом, которая сформировала соответствующую практику по обжалованию решений на данном основании³. Можно заключить, что законодатель в полной мере обеспечивает стороны возможностью выбирать способ уведомления, а также защищает их интересы в случае возникновения споров о надлежащем уведомлении.

Справедливым будет отметить, что в случае возникновения непредвиденных обстоятельств в виде утери, кражи телефона либо изменения контактного номера проявлением добросовестного поведения будет информирование суда о данных обстоятельствах по аналогии с изменением адреса места жительства, а также самостоятельный мониторинг официального сайта суда и обращение в канцелярию для уточнения информации.

В противном случае считаем обоснованным применение фиктивного вида ответственности к участникам процесса, проявляющейся в надлежащем уведомлении судом, если стороны не предупредили суд об обстоятельствах, в связи с которыми такое уведомление стало невозможным.

---

¹ См.: Кондюрина А.Ю. Доступность правосудия как условие эффективности системы электронного судопроизводства // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2016. № 3(48). С. 137.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // БВС РФ. 2008. № 10; 2012. № 4.

³ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 11 июня 2013 г. № 18-кз13-52 по делу № 2-293/10. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=543896

Электронные доказательства

Благодаря изменениям в ГПК РФ сторонам предоставлена возможность использовать для обоснования своей позиции доказательства в электронном виде. Дискуссию в данном вопросе вызывают критерии допустимости и достоверности таковых при их оценке судом.

Приказами Судебного департамента при Верховном Суде РФ установлены правила подачи документов в электронном виде, которые касаются основных требований к их виду и содержанию¹. Если в электронном виде в качестве доказательства используется электронный документ, его достоверность подтверждается наличием всех обязательных реквизитов, соответствием юридически значимого документа всем предъявляемым к нему требованиям, действительностью документа по срокам, точностью, полнотой информации, отсутствием признаков подделки, наличием действительной и достоверной подписи уполномоченного лица, а также отсутствием сомнений в том, что документ исходит от конкретного лица.

Сложности при оценке вызывают иные электронные доказательства, которые не имеют и не могут иметь официальных реквизитов, в частности скриншоты переписок в различных мессенджерах, с электронных почт и иные подобные электронные источники информации. В данной ситуации добросовестным поведением сторон считаем обращение к нотариусу для удостоверения доказательства в установленном законом порядке².

Дистанционное участие в судебном разбирательстве

Активно развивается и используется на практике дистанционное участие сторон в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, в связи с чем возникает несколько проблемных аспектов данного формата участия:

- идентификация лиц, использующих дистанционный формат;
- обеспечение закрытости судебного заседания, если такой формат проведения предусмотрен законом;
- ограниченные возможности по оценке личности сторон.

---

¹ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта.

Первые две сложности преодолеваются признанием недобросовестным поведением сторон таких действий, как распространение сведений о судебном заседании иным лицам, подмена стороны на заседании другим лицом, а также разработкой особой системы идентификации таких лиц.

В целях реализации данного положения в Государственной Думе Федерального Собрания РФ был подготовлен законопроект, которым среди прочего предлагается зафиксировать в ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ следующее: «В целях участия в судебном заседании путем использования системы видео-конференц-связи с подключением к ней личных средств видео-конференц-связи лица, участвующие в деле, их представители, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики обязаны не менее чем за пять дней до начала судебного заседания направить в суд заявление об участии в заседании с применением личных средств видео-конференц-связи. Лица, использующие для участия в судебном заседании личные средства видео-конференц-связи, должны в момент подключения к системе видео-конференц-связи авторизоваться через единый портал»¹.

Относительно последнего пункта необходимо отметить следующее. Судья в силу принципа непосредственности заслушивает объяснения сторон, изучает материалы дела с их участием в рамках судебного разбирательства непосредственно, что позволяет ему составить определенный психологический портрет стороны. Благодаря этому судья принимает не только законное решение с точки зрения формальной процедуры, но и справедливое, что является неотъемлемой частью понятия правосудия в широком смысле.

Дистанционное участие ограничивает возможности судьи по такой оценке личности сторон. Устранить данное обстоятельство возможно путем выделения некоторых категорий дел, по которым такая оценка личности имеет принципиальное значение, например по делам о компенсации морального вреда, о защите чести, достоинства, об усыновлении (удочерении) и т.д.

В результате проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

- электронное извещение, с одной стороны, обеспечивает добросовестное поведение сторон, т.к. исключает ситуации с отказом

¹ Законопроект о видеосудах ГПК, АПК, КАС. URL: <https://deure.ru/2020/04/04/33296/> (дата обращения: 14.01.2022).

и игнорированием почтовой корреспонденции. Однако возлагает на участников обязанность по предоставлению в суд информации о перемене контактных данных лица или необходимости изменения способа уведомления в ситуации, когда происходят какие-либо внешние изменения с контактным номером или самим телефоном. Неисполнение данных обязательств следует трактовать как недобросовестное поведение сторон;

- в случае с использованием электронных доказательств на практике часто возникает множество трудностей при их оценке судом. В данном вопросе считаем проявлением добросовестного поведения сторон соблюдение всех требований, предъявляемых к электронным документам, а также применение механизма нотариального удостоверения к иным источникам электронной информации;

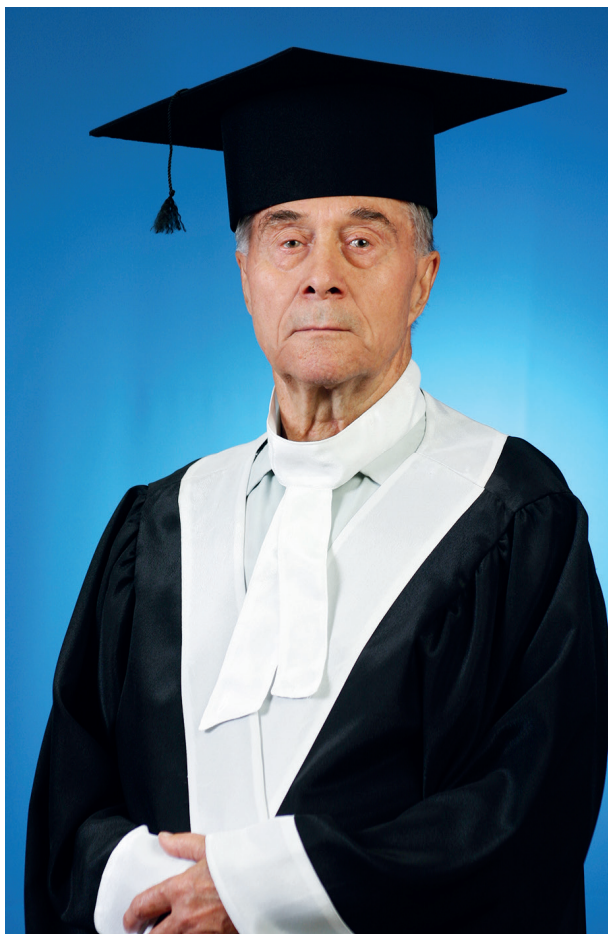
- дистанционное участие в судебных заседаниях упрощает процедуру присутствия с точки зрения расходов и временных затрат. При этом негативное последствие такого формата участия состоит в невозможности оценки судом личности сторон, их идентификации и т.д. В целях обеспечения добросовестного поведения участников процесса считаем необходимым установить ответственность за намеренную подмену лиц в процессе, а также выделить категории дел, по которым обязательно личное присутствие в судебном заседании для его оценки судом.

Таким образом, цифровизация правосудия в гражданском судопроизводстве в целом дисциплинирует участников процесса и способствует добросовестному поведению сторон. Однако новые механизмы требуют новых разъяснений содержания такого поведения, а также подкрепления мерами ответственности за его несоблюдение.

Раздел 6
**ИЗ ФОТОАРХИВОВ СГЮА
И УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ**

Доктор юридических наук,
профессор Н.А. Баринов

Дорогие товарищи!

Спасибо за приглашение принять участие в встрече выпускников школы 1941 года!

Приглашение принимаю!

Даже 27 мая с.г. - меня устраивает. Очень хорошо то, что эта встреча приурочена к выпускному вечеру - задумо встретятся старшие и младшие поколения, но и те и другие выпускники школы.

Если по каким-либо причинам эта встреча будет перенесена, вечер назначена на несколько дней позже, скажем на первые числа июня, то я все-таки постараюсь поехать.

Вобщем пока буду ориентироваться на 27 мая.

Хотелось бы уточнить еще одно обязательство. Видимо нам, участникам встречи необходимо принять участие в финансировании этого мероприятия.

Собственно потянувшись на час или и по какому адресу сделать перевод.

С искренним приветом

1/VI-712

Барин

Письмо Н.А. Барина руководству Лукновской школы
(из экспозиции выставки)

Профессора Н.А. Баринов, В.Ф. Яковлев и В.Д. Зорькин
на вручении премии «Юрист года» (2011 г.)

Слева направо: профессора Б.М. Гонгалло, В.В. Витрянский,
Н.А. Баринов, Л.А. Чеговадзе, В.П. Камышанский, М.Ю. Чельшев
(конференция в Казани, 1 марта 2013 г.)

Профессора О.А. Зайцев, Н.А. Баринов, В.П. Буянов

Николай Алексеевич –
юбиляр.
На Международной
конференции
«Проблемы инноваций
в гражданском праве»,
посвященной 90-летию
профессора

Рабочие будни.
В кабинете
заведующего
нафедрой

На ежегодной конференции молодых ученых в Самаре (2007 г.)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

*Сборник научных работ по материалам
международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
доктора юридических наук, профессора
Н.А. Барина*

(г. Саратов, 25 февраля 2022 г.)

Редакторы-корректоры:
Н.С. Добротворская, Л.П. Насонова
Компьютерная верстка,
дизайн обложки *О.А. Фальян*

Подписано к печати 12.01.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Cambria. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 20. Тираж 33 экз. Заказ № 193.

Издательство
Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.